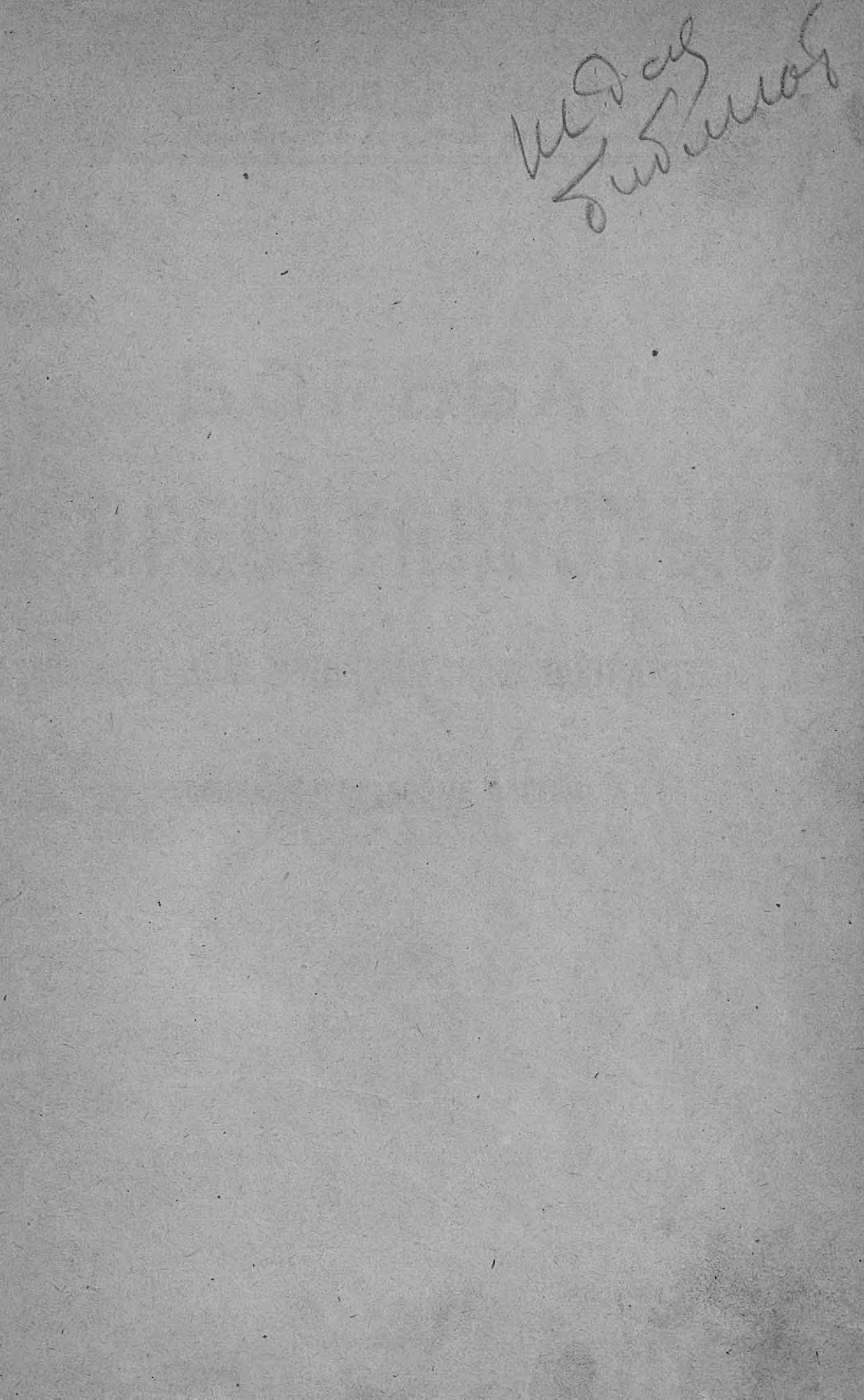

198 / 737

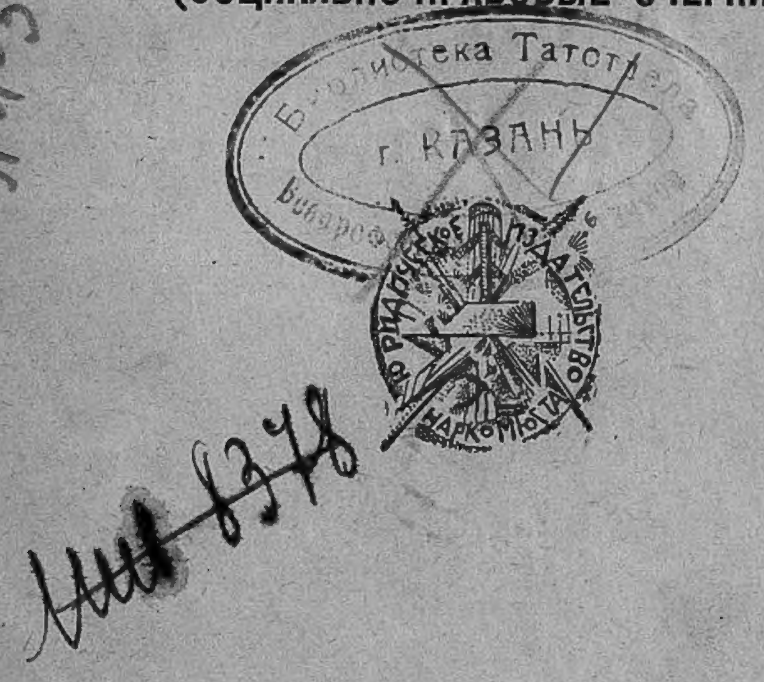

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ
Профессор Петроградского Государственного Университета.

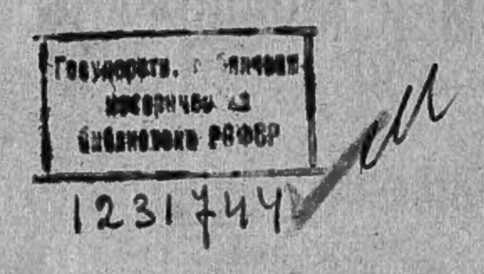
БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В ДЕТСКОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ.

(СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОЧЕРКИ).

МОСКВА
1923.

Типография М. К. Х., Козицкий, 5.

Главлит. № 10759, Москва. Напечатано 5000 экз.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте.

(Социально-правовые очерки).

Среди разнообразных сторон «детского вопроса» есть одна, заслуживающая особого внимания и особенно тревожащая сознание современного культурного человечества, это — проблема борьбы с «детской преступностью» или, вернее, проблема правильного отношения общества к тем несовершеннолетним, которые в силу условий своей личности, своего воспитания и развития, проявляют опасные для общества тенденции поведения. Здесь входят между собой в коллизию, с одной стороны, интересы общества, нуждающиеся в защите, а с другой—интересы охраны молодого поколения, важность которых для будущности каждого народа не подлежит сомнению. В этом вопросе сталкиваются между собой интересы существующего и интересы будущего общества, и найти между ними ту равнодействующую, которая должна определять собою политику государства, представляется делом не легким. Над решением этого вопроса потрудилось не мало ученых и социальных работников; этот вопрос всплыл на поверхность внимания государственной и социальной мысли еще в самом исходе XIX века, и, однако, до сих пор мы не имеем его надежного и определенного решения.

С проблемой преступности в раннем возрасте столкнулись прежде всего криминалисты, которые увидели всю жестокость и вместе с тем всю бесплодность борьбы с этим социальным недугом посредством общих наказаний, быстро превращающих вступившего на путь правонарушений подростка в упорного, профессионального и почти неисправимого преступника. К решению этой проблемы подошли затем филантропы, устроившие первые учреждения для исправительного перевоспитания подростков и организовавшие помощь им на свободе в виде патронатов. Но неорганизованные и, поневоле, слабые усилия филантропии не могли справиться с сложностью самой задачи. Гуманность и сострадание к ребенку, яляющиеся движущей силой филантропии, могли в отдельных случаях спасать малолетнего от тюрьмы и суровых наказаний, но они не в состоянии были продиктовать всей программы необходимых положительных мероприятий. Затем на исправление впавших в преступность несовершеннолетних стали смотреть как на проблему воспитания, и к работе в этой области были привлечены педагоги. Но и одна педагогика оказалась бессильной помочь делу. Корень детской и юношеской преступности оказался заложенным глубже—в психофизических особенностях юного организма, частью унаследованных им от своих восходящих, частью обусловленных обстановкой его душевного и физического развития. Под влиянием учений уголовно-антропологической школы и школы вырождения, открылась широкая область для работы врачей и ги-

гиенистов, сделавших значительный вклад в изучение преступности в раннем возрасте. Но даже сводя преступность к тому или иному виду дефективности, нельзя отрицать, что определяется она как посредством своих факторов, так и в форме своих проявлений, определенными вредными влияниями окружающей социальной среды, и что только путем предупреждения и предотвращения этих влияний можно достигнуть сколько-нибудь значительных результатов. В связи с этим детская преступность стала предметом изучения для социолога и для юриста, задачей которых явилось указание причин этого явления, заложенных в общественной среде и выработка наиболее действительных мер для борьбы с вредными социальными влияниями.

Мы видим, таким образом, что борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте стала в настоящее время сложной социальной проблемой для правильного решения которой необходимы знания и усилия криминалистов и филантропов, педагогов и врачей, социологов и юристов. Этот вопрос нельзя решать с какой-либо одной точки зрения, увлекаясь лишь одной стороной этого сложного явления; он требует разнообразных подходов, и только гармоническое сочетание этих разнообразных взглядов может определить правильный путь.

До самого недавнего времени вопрос о борьбе с преступностью среди детей и подростков был одним из специальных вопросов уголовного права и разрешение его отыскивалось в плоскости установления тех или иных наказаний. В настоящее время, начиная примерно с английского закона 1908 г. о детях, эта точка зрения существенно изменилась. Этот вопрос, на ряду со многими другими вопросами касательно детства и юношества, стал частью особой ветви права и политики, именно «детского права» и тесно связывается со всей системой государственных мероприятий и постановлений относительно охраны подростающего поколения. Борьба с преступностью несовершеннолетних путем наказания входит, как составная часть, в общую систему мер государственной и социальной охраны детей и подростков и подчиняется основной задаче, заложенной в основание всего детского права— созданию сильного духом, крепкого в физическом отношении и социально развитого молодого поколения, которое способно унаследовать и воспринять сложную культуру современности, двинуть и развить ее далее и выковать те здоровые формы общественности, за создание которых боролись и умирали длинные поколения их отцов. Забота о малолетних есть одна из высших форм служения будущему. И если до наступления XX века этот альтруизм в пользу будущности ребенка признавался лишь как моральный принцип семейной жизни, то с нового века он постепенно начал становиться и принципом государственной и социальной политики. «Закат» или «сумерки» Европы, о которых так много пишут теперь, есть лишь закат старых социальных идей. Человечество ищет обновления, и работу над ним оно правильно должно начать с нового отношения к идущему нам на смену юному поколению.

В нашей работе мы не претендуем на сколько-нибудь исчерпывающее рассмотрение вопроса о борьбе с преступностью в детском и юношеском возрасте, и потому придали ей подзаголовок «социально-правовых очерков». За последний десяток-полтора лет в этой области накопилось громадное количество материалов. Почти во всех странах Европы и Америки законодатель-

ство об ответственности несовершеннолетних испытало радикальные перемены и в практику борьбы с правонарушениями несовершеннолетних были введены новые меры. У нас в Республике, начиная с 1918 г., этот вопрос, также получил новое, пожалуй единственное по своей широте, разрешение. Пора подвести некоторые итоги этому новому развитию. Это в значительной мере является своевременным потому, что наше новое уголовное законодательсво находится еще в периоде искания правильного решения этого важного вопроса. По мере сил и возможности, мы использовали данные военнго и послевоенного времени, но несомненно, что в этой области вполне вероятны некоторые пробелы вследствие недостатка соответственной литературы. Печатаемые «очерки» основываются на внимательном изучении новых течений в этом вопросе, производившемся автором в периоде последних пятнадцати лет, и представляют собою некоторую переработку курса лекций о борьбе с детской преступностью, читаемого автором в Петроградском университете.

ГЛАВА I.

Движение преступности несовершеннолетних в Западной Европе.

Изучение преступности, как и всякого другого массового социального явления, может быть поставлено правильно только тогда, если в основание его будут положены факты и наблюдения, обладающие наибольшей об'ективностью. Сами пребывая постоянно в кругу определенных социальных отношений, мы обычно создаем свои взгляды и убеждения по поводу социальных явлений на основании нашего неполного и по необходимости суб'ективного опыта, который затем мы легко возводим в характеристику самого явления, как такового. Только язык цифр, при том полученных от регистрации достаточно обширной группы явлений и за достаточно длительный период времени, является языком об'ективных фактов. Статистический обзор, поэтому должен предшествовать всякому умозаключению и выводу относительно социальных явлений. Верно, что статистика никогда не может сказать всей правды. Метод численной регистрации явлений и сведения их в группы при помощи довольно грубых методов статистического учета, никогда не может быть адекватным сложному разнообразию социальных явлений с их прихотливой индивидуальной обрисовкой. Мы всегда чувствуем, что истина, добытая статистическим путем, после преодоления значительных трудностей, дает нам слишком общую и приближенную формулировку и, что из повседневного опыта, мы знаем это явление «лучше» и «полнее» и в состоянии высказать относительно него значительно больше суждений. Но статистический метод и не претендует на исчерпывающую характеристику. Он всегда может быть восполнен методом «казуистическим»—изучением социальных явлений в их конкретности посредством описания их во всех подробностях. Такой казуистический метод, употребляемый в технических науках, в медицине, в педагогике, определяет определенные причинные связи между явлениями и служит, так сказать, разведочным методом в обществоведении. На нем строятся в значительном большинстве случаев и наши практические убеждения и действия. Однако, он лишен надлежащей демонстративности и универсального значения, так как приурочен к узкому кругу опыта и наблюдения.

Статистическое изучение преступности несовершеннолетних до недавнего времени велось по тем же схемам и рубрикам, как и изучение преступ-

ности взрослого населения. Поэтому и число соответственных статистических показателей, характеризующих эту преступность, было сравнительно скромным и не позволяло на этом основании строить сколько-нибудь широких обобщений. До последнего времени мы имели лишь общие цыфры относительно движения этой преступности, ее географического распределения, видов правонарушений и характера примененных наказаний. Суб'ективные моменты ее оставались в тени или заполнялись на основании случайных данных. Лишь с созданием особых судов для малолетних и с введением обследования каждого случая ранней преступности через особых должностных лиц или социальных работников (обследователей, попечителей, судебных делегатов и докладчиков), мы получили в свое распоряжение более богатые данные, позволяющие несколько углубить этот вопрос.

Статистическое рассмотрение детской и юношеской преступности во всех ее сторонах должно было бы потребовать большой самостоятельной работы. Мы не ставим себе такой задачи и наш статистический обзор должен послужить лишь вступлением к дальнейшему рассмотрению вопроса. Поэтому мы ограничиваемся здесь рассмотрением лишь общих цыфр о движении преступности в главнейших странах Европы, беря три характерных периода. Первым из них явится последняя четверть XIX века, когда в значительном большинстве стран еще сильны были идеи о необходимости сильной уголовной репрессии в отношении неовершеннолетних правонарушителей, и когда уголовное право, создавая для них ряд льгот и из'ятий, тем не менее в общем стояло на точке зрения борьбы с ранней преступностью путем общих наказаний. Второй период, это—первое десятилетие XX века, когда идея о государстве, как высшем опекуне ребенка, начинает пробивать себе путь в Европе, когда в ряде стран создаются путем практики или законодательства особые суды для малолетних, значительно смягчающие постановления старого права и приспособляющие их к новым требованиям. Наконец, третьим периодом явится время последней мировой войны и годы, следующие за нею; в течение этого периода действовали факторы особого порядка и вместе с тем постепенно углублялась идея государственной охраны детства. Наш обзор, для большой наглядности, мы разобьем по отдельным странам, ограничившись из западно-европейских государств лишь данными Германии, Австрии, Франции, Бельгии, Италии и Англии.

I. ГЕРМАНИЯ.

Начиная с 1883 г. (времени начала регулярной общеимперской уголовной статистики) до конца XIX века в Германии наблюдался довольно значительный рост преступности несовершеннолетних. Число осужденных несовершеннолетних в возрасте от 12 до 18 лет в 1882 г. составляло 30.719 чел., а в 1900 г.—48.657. На 100.000 населеня в возрасте от 12—18 лет приходилось осужденных несовершеннолетних в 1882 г.—568, в 1900 г.—745, другими словами на протяжении 22 лет, конца XIX века, преступность в абсолютных цыфрах усилилась на 58,5%, а пропорционально к юношескому населению—на 39%, тогда как преступность взрослых за это время возросла всего на 25%.

С 1900 г. мы наблюдаем следующую картину:

Годы.	Число осужденных несов. 12—18 лет. Абсолютно.	На 100 тыс. населения того-же возраста.	Число взрослых осужденных на 100.000 уголовно-вменяемого населения.
1901	49.667	739	1223
1902	51.044	740	1246
1903	50.217	726	1208
1904	50.027	715	1218
1905	51.498	733	1205
1906	55.270	764	1229
1907	54.110	734	1200
1908	54.692	729	1221
1909	49.689	650	1192
1910	51.315	659	1173

При незначительном увеличении абсолютного числа за 10 лет (на 3%), относительное число осужденных несовершеннолетних к населению того же возраста значительно уменьшилось: 739 : 659, т. е. падение выразилось в 11% *).

II. АВСТРИЯ.

В Австрии уголовная статистика делит несовершеннолетних по условиям вменяемости на две группы: от 11 до 14 лет и от 14 до 20, так что приходится для более ясного различения привести данные по обоим группам. С другой стороны, отметим, что австрийской статистикой регистрируются лишь более тяжкие преступления (Verbrechen vergchen), проступки же, в отличие от германской статистики, не подлежат регистрации.

В последнюю четверть XIX века мы и здесь наблюдаем довольно значительный рост преступности несовершеннолетних:

Годы.	Число несовершеннолетних осужденных. от 11—14 л.	14—20 л.	Всего.	На 100 осужденных приходится несовершеннолетних.
1881—85	531	5347	5878	18,4
1886—90	591	5501	6092	20,7
1891—95	777	6066	6843	22,7
1896—900	941	6556	7497	22,7

Итак, по младшей группе увеличение за 20 лет выражается почти в 80%, а по старшей—18%. Пропорциональное участие несовершеннолетних в преступности по сравнению с взрослыми возросло на 4,3%.

*) Более подробные сведения о Германии с разбивкой по возрастам см. **М. Н. Гернет.** Моральная статистика 1922 стр. 99—101.

Продолжим теперь эту таблицу для первого десятилетия XX века:

Годы.	Число несовершеннолетних осужденных. от 11—14 л.	14—20 л.	Всего.	На 100 осужденных приходится несовершеннолетних
1900—905 (среднее)	1096	6808	7904	22,0
1906	1129	7211	8340	23,3
1907	1122	6841	7963	23,4
1908	1141	7562	8703	23,5
1909	1101	7844	8945	23,4

Мы видим за 10 лет слабое увеличение для более старшей группы, тогда как младшая, давшая в конце XIX века 80% увеличения, вовсе не возросла. Степень участия несовершеннолетних в общей преступности повысилась очень незначительно.

Если же взять соотношение роста преступности с ростом числа населения соответствующего возраста, то падение преступности в Австрии за время с 1901 по 1912 г. выразится в след. таблице (приведена у М. Н. Гернета. Моральная статистика 1922 г.):

Годы.	На 100 тыс. населения осуждено несовершеннолетних 14—16 л. м.	14—16 л. д.	16—18 л. м.	16—18 л. д.	18—20 л. м.	18—20 л. д.
1901	188	34	—	—	—	—
1902	183	40	382	67	617	92
1903	174	38	375	66	580	83
1904	178	33	397	67	609	92
1905	163	35	382	61	617	83
1906	186	38	409	58	631	91
1907	171	38	386	62	593	74
1908	178	34	429	68	650	88
1909	182	38	412	73	688	101
1910	124	19	342	46	593	65
1911	92	14	263	37	530	46
1912	101	18	291	40	559	57

За 12 лет преступность младшей группы 14—16 лет сократилась на 46,3%, средней от 16 до 18 л. на 16% и старшей 18—20 лет—13,2%.

3. ФРАНЦИЯ.

Во Франции, имеющей, пожалуй, наиболее длительную уголовную статистику и вместе с тем довольно устойчивый по численности состав населения, мы наблюдаем значительный рост преступности несовершеннолетних в течение всего XIX века. По исследованию Д. Дриля, количество обвиняемых в возрасте до 16 лет за полвека (1830—1880) возросло на 140%, в возрасте же от 16 до 21—на 247%, тогда как преступность взрослых возрасла лишь на 127% *).

*) Д. Дриль. Явления ранней преступности у детей. Юрид. Вестник 1892 кн. IV стр. 501.

По отдельным десятилетиям число несовершеннолетних обвиняемых во Франции изменилось следующим образом (Гернет, Моральная статистика, стр. 102):

Годы.	До 16 л. (среднее в год). Тяжк. прест.	Преступл.	От 16 до 20 лет (среднее в год). Тяжк. преступл.	Преступл.
1831—40	99	3039	1230	7988
1841—50	72	4504	1146	12112
1851—60	64	6478	902	18132
1861—70	40	5311	694	19293
1871—80	48	6600	803	21842
1881—90	31	6412	684	27998
1891—1900	28	6339	602	30801

Уменьшение числа обвиняемых в обоих возрастах по тяжким преступлениям об'ясняется не столько падением соответственной преступности, сколько широко начавшей развиваться практикой коррекционализации, т.-е. некоторого смягчения обвинения в целях передачи дела из ведомства присяжных в ведомство суда исправительной полиции. Рост же преступлений средней тяжести за 70 лет для младшей группы превышает 100%, а для старшей—доходит до 400%. Последние два десятилетия, по сравнению с периодом 1871—80 г. дают по младшей группе небольшое уменьшение, а по старшей увеличение до 30%. В первое десятилетие XX века мы наблюдаем уже, если не понижение, то, во всяком случае, определенную задержку развития преступности как младшей, так и старшей группы. Устранив цифры несовершеннолетних, обвинявшихся в судах присяжных, как ничтожные по своему влиянию на общий итог, мы получим таблицу: *)

число несовершеннолетних обвиняемых во Франции было:

Годы.	в возрасте до 16 л.	в возрасте 16—21 г.
1901—04 (среднее).	4615	30005
1905	3975	30829
1906	4691	28690
1907	5348	26744
1908	5064	27861
1909	5089	26040
1910	4341	29298

4. АНГЛИЯ.

В Англии тенденция к весьма заметному ослаблению преступности несовершеннолетних стала наблюдаться еще с половины XIX века, и первое десятилетие XX века только продолжило ее. В виду своеобразия уголовной статистики этой страны, приходится оперировать с несколько дробными данными, относящимися к Англии и Уэльсу (без Шотландии и Ирландии). Отдельно приходится рассматривать возраст между 12—16 годами (отно-

*) Е. Н. Тарновский. Преступность несоверш. в России: Журн. Мин. Юст. 1913 кн. 10, стр. 52—53.

сительной вменяемости) и возраст 16—21 (уменьшенной ответственности). Возьмем цифры, относящиеся к малолетним, приговоренным к тюрьме:

Было приговорено к тюрьме малолетних в возрасте 12—16 лет:

1861 г.	8801
1871 »	8977
1881 »	5483
1891 »	3855
1900 »	1353

Число детей-правонарушителей, содержавшихся в школах-реформаториях было:

1860 г.	3803
1870 »	6562
1880 »	7070
1890 »	5854
1900 »	6611

Число юных правонарушителей в возрасте 16—21 года, приговоренных к тюремному заключению равнялось:

1893 г.	21585
1897 »	17506
1900 »	14027

Если взять число несовершеннолетних, привлекавшихся за более тяжкие преступления (т. н. indictables offences), то получаются следующие цифры:

Годы.	Число малолетних 12—16 л.	Число несовершеннол. 16—21 г.
1894	6.604	9.568
1895	5.330	8.634
1896	5.773	7.834
1897	5.623	8.063
1898	6.104	8.489
1899	5.715	7.502
1900	6.550	8 046

Цифры абсолютные показывают известную устойчивость, но если принять во внимание значительный рост населения за эти годы, то можно установить относительное понижение процента преступности. К 1860 г. население Англии и Уэльса равнялось 20 милл., к 1894 г. оно достигало 30 милл., а к 1900 г.—33 милл.

В первое десятилетие XX века резко падает число малолетних до 16 лет, приговариваемых к тюремному лишению свободы, достигая нескольких десятков человек в 1910 г., т.-е. после издания акта о детях 1908 г. и введения особых судов для несовершеннолетних; число приговоров в отношении

несовершеннолетних 16—21 г., вследствие введения борстальской системы также сокращается.

Годы.	Приговорено к тюремному заключению несовершеннол. в возрасте 12—16 л.	в возрасте 16—21 г.
1900	1353	14027
1904	1081	18407
1908	547	13879
1909	227	13422
1910	90	11543

Число малолетних 12—16 лет, содержавшихся в школах-реформаториях, было *):

1900 г.	5611
1905 »	5380
1909 »	5878
1910 »	5622

Конечно, приговоренными к тюрьме и реформатории далеко не исчерпывается вся группа детей-правонарушителей, но для выяснения роста более тяжкой преступности эти данные наиболее интересны. Они показывают на неизменное падение числа правонарушителей-подростков.

Пропорционально к общей преступности населения в Англии особенно высоко стоит преступность несовершеннолетних в возрасте от 16 до 21 г. В то время, как на 100,000 жителей всякого возраста насчитывается 144 обвиняемых в более тяжких преступлениях, для возраста от 16 до21 соответственная цифра выражается в 293, т.-е. в два раза больше. С 1896 по 1908 г. средняя осуждений несовершеннолетних этого возраста выражается в 20.000 человек, что составляет 10% всех осужденных.

К этой таблице, заимствованной нами из материалов по подготовке закона о борстальских учреждениях, интересно присоединить и первые статистические сведения о малолетних до 16 лет, собранные уже при новой практике особых судов для несовершеннолетних. Они интересны тем, что впервые дают нам общее число всех несовершеннолетних обвиняемых в Англии. Так, в 1910 г. общее число малолетних правонарушителей до 16 лет, представленных в суды для несовершенолетних (31.467) и в суды общей подсудности (2,620) составляло 34,087 человек, из которых 16.953 были в возрасте до 14 л. и 17.134—в возрасте 14—16 лет. Для 1911 г. общее число малолетних обвиняемых было 33.744, из них 17.753 меньше 14 лет и 15.991—от 14 до 16 лет. Интересно отметить, что в 1911 г. к тюрьме был приговорен всего 21 малолетний до 16 лет во всей Англии **).

*) В среднем в период 1897—1907 г.г. и в школы реформатории направлялось 5500 несовершеннолетних.

**) M. Jvernès. La criminalité générale et criminalité des mineurs en Europe Revue Pénitentiaire, 1914 № 1—2 p. 183.

5. БЕЛЬГИЯ.

В течение первого десятилетия XX века преступность несовершеннолетних в Бельгии также проявляет тенденцию к сокращению: *)

Годы.	Число осужденных несовершеннолетних. до 16 лет.	от 16 до 18 лет.	Всего.
1903	135	2578	2713
1904	133	2355	2488
1905	142	2370	2512
1906	195	2476	2671
1907	138	2601	2739
1908	116	2350	2466
1909	93	2171	2264
1910	115	2337	2452

В 1903 г. на 1.000 населения в соответственном возрасте в Бельгии приходилось правонарушителей **):

	до 16 л.	16—18 л.
Несовершеннол. мужск. пола	2,5	46,4
Несовершеннол. женск. пола	2,1	47,3
В 1900 г соответственные цыфры были	3,6	50,8
	3,0	53,1

6. ИТАЛИЯ.

Рост преступности несовершеннолетних в Италии, как и в других странах Европы, в конце XIX века обнаруживает повышательную тенденцию.

Годы.	Осуждено до 18 лет. Абсол. числа.	% общего числа осужд.	От 18 до 21 г. Абсол.	В % отн.
1890	15121	11,54	14980	11,42
1895	19404	11,61	19615	11,67
1898	24392	13,13	19780	10,65
1896—1900 . . . (среднее).	23232	—	19010	—

На 100 тыс. населения соответственного возраста было осуждено в Италии:

Годы.	9—14 л.	14—18 л.	18—21 г.
1891—95	131,57	666,37	1118,34
1896—1900	147,09	718,75	1125,19

Увеличение выражено, таким образом, как в абсолютных, так и в относительных цифрах.

Цифровые данные относительно второй половины первого десятилетия XX века мы находим в специальном отчете, представленном генеральным

*) Тарновский. Цит. соч. стр. 55.
**) Mac Donald. Juvenile crime and reformation 1906 p. 55.

прокурором Оренго Кварта кассационному суду в начале 1909 г. По его сообщению, число несовершеннолетних до 21 г. (всех возрастных групп), осужденных за преступные деяния (в том числе и за проступки) в Италии равнялось:

1905 г.	67.695
1906 »	69.787
1907 »	52.901
1908 »	77.568

Падение цифры осужденных в 1907 г. об'ясняется изданием широкой амнистии. В общем преступность несовершеннолетних в 1905 г. составляла около 15%, а в 1908 г. около 22% всей преступности. Особенно сильно возрастают цифры несовершеннолетних 18—21 года, обвиняемых в тяжких преступлениях *). Однако, итальянский криминалист Дориа, исследовавший преступность юношей в 1908—1909 г. в своем обстоятельном отчете, представленном комиссии по выработке кодекса о детях, отмечает наступившее в XX в. некоторое понижение ее **). Это подтверждается и позднейшей официальной статистикой, дающей процентное отношение осужденных несовершеннолетних по отдельным возрастам ***).

На 100,000 населения в Италии осуждено для каждой возрастной группы *):

	1906	1907	1908	1909	1910
9—14 лет . . .	123,53	98,88	91,31	104,47	100,28
14—18 лет . . .	697,72	588,65	600,62	624,63	590,42
18—21 год . . .	1004,66	966,78	1030,64	1070,59	1001,68

Младшая группа по сравнению с периодом 1896—1900 г. дает в 1910 г. уменьшение на 31%, средняя—на 18% и старшая на 12,5%.

Вывод из рассмотренной статистики западно-европейских стран почти однороден. Последняя четверть XIX века во всех странах (кроме Англии) характеризуется ростом преступности несовершеннолетних, достигшим в Германии в относительных цифрах 39%, в Австрии—80% для младшей группы до 14 лет и 18% для старшей (до 20 лет), во Франции старшая группа дает увеличение до 30%, а в Италии (в абсолютных цифрах)—54%. Напротив того, первое десятилетие XX века повсюду сопровождается падением преступности юного поколения. В Германии это падение выражается в 11%, в Австрии—46,3% для младшей, 16% для средней и 13% для старшей группы, во Франциии заметно небольшое понижение обеих групп—старшей и младшей; то же можно сказать и относительно Бельгии. В Италии младшая группа дает понижение на 31%, средняя на 18% и старшая на 12,5%.

Чем об'яснить этот резкий повсюду наблюдающийся перелом? По нашему убеждению причина заключается не в изменившихся социальных условиях, а в изменении самого отношения государства к несовершеннолетним правона-

*) Yvernes. o. c. p. 183.
**) Affi della Commissione per elaboratione di codice dei minnorenni 1913. vol. IV 322 сл.
***) Гернет. Моральная статистика 1922, стр. 104.

рушителям. До конца XIX века тюрьма была главным наказанием, которому подвергались несовершеннолетние. Губительное влияние ее не только на детей, но зачастую и на взрослых, давно уже установлено пенитенциарной наукой. Применение этого наказания к малолетним и усиливало все время число тех из них, которые становились упорными правонарушителями. Напротив того, с XX века, благодаря развитию особых судов для малолетних, изданию ряда законов об охране детства и усиленному вниманию общества к этому вопросу, применение тюрьмы резко сокращается, выдвигаются меры принудительного воспитания и социальной охраны детей. В отношении старшей группы, где эти идеи прививаются еще довольно слабо, понижение преступности не выражено так ярко, как в отношении младших групп. Англия, которая стала усиленно проводить у себя идею принудительного воспитания еще со второй половины XIX века, уже в течение последней четверти прошлого века могла установить у себя понижение процента детской преступности. Европа континентальная могла осуществить это лишь с начала XX века. **Таким образом рост детской преступности прежде всего зависит от характера тех мер, при помощи которых ведется борьба с нею** *).

ГЛАВА II.

Движение преступности несовершеннолетних в России.

(До начала мировой войны).

В России, по данным Е. Н. Тарновского, за период в 12 лет (1884—1895) число несовершеннолетних осужденных как общими, так и мировыми судами (по т. н. «тюремным делам», т.-е. влекущим для взрослых заключение в тюрьме) увеличилось на 15%, тогда как число взрослых осужденных за этот

---

*) **Соединенные Штаты Америки** до сих пор не имеют общенациональной уголовной статистики. Статистические сведения о заключенных и содержащихся в воспитательно-исправительных заведениях для всей страны собираются попутно с общими переписями населения. Перепись 1890 г. дала 14.846 малолетних правонарушителей, содержащихся в карательных и воспитательных учреждениях страны, специальная же перепись 1904 г. дает цифру в 23.034, т.-е. большую—на 50%.

Наиболее ценными являются данные переписи 1904 г., показывающей не только число содержавшихся в определенный день, но и общее число прошедших чрез соответственные учреждения правонарушителей. Если взять отношение числа юных правонарушителей к общему числу населения, то цифры значительно колеблются по районам страны. Северо-атлантический район, с наибольшим развитием промышленной жизни, дает в среднем на 100 тыс. населения 83,1 юного правонарушителя мужского пола и 20,3—женского пола, содержащихся в учреждениях (по отдельным штатам он сильно колеблется: так, для Нью-Йорка соответств. цифры—130,5 и 30,3, для Массачузется 65,2 и 15,0), Южно-атлантический район—38,5 мальч. и 5,5 девочек, Северо-центральный—43,3 и 16,8, Южно-центральный—6,9 и 1,8, Западный—44,9 и 9,4. По всем Соединенным Штатам—46,8 мальчиков и 13,1 девочек на 100 тыс. населения.

период возросло лишь на 7%. В общих судах несовершеннолетние до 17 лет (включительно) составляли 2,1% всех осужденных, а в мировых — 5,5% *). По данным А. Зака, продолжившего работу Е. Тарновского, которые мы берем только за 5 лет, в последнее пятилетие XIX века наша уголовная статистика дает следующую картину движения преступности несовершеннолетних **):

Годы.	Число несовершеннолетних осужден. общими судами.	% ко всем осужденным.	Число несовершеннолетних осужден. мировыми судами.	% ко всем осужденным.
1896 . .	1.670	4,4	5.523	9,0
1897 . .	1.573	3,3	5.145	8,2
1898 .	1 252	2,6	4.342	6,5
1899 . .	1.514	2,6	4.424	7,2
1900 . .	1.521	2,9	4.768	7,5

Здесь мы констатируем несомненное уменьшение преступности и при том довольно значительное. Правильность этого вывода, однако, оспаривается Тарновским, указывающим на неверный анализ численных данных ***). Во всяком случае, если даже принять поправки Тарновского, в самом конце XIX века мы не наблюдаем тревожных показателей в этой области.

В первое десятилетие XX века в начале мы наблюдаем картину продолжающегося падения, резко затем переходящую в повышение после критического в нашей истории периода 1905—1906 гг.

Годы.	Число несовершеннол. 10—17 л.	% увеличения.	% ко всем осужденным.
1901	3.543	100	3,6
1902	3.173	90	2,6
1903	3 135	89	2,6
1904	3.640	103	3,3
1905	3.218	91	3,2
1906	3 221	91	2,8
1907	3.899	110	2,8
1908	4 628	131	3,0
1909	6.137	173	3,7
1910	7.483	211	4,6

В то время, как преступность взрослого населения за это десятилетие возросла всего на 35%, преступность несовершеннолетних—на 111%. Среднее ежегодное число осужденных несовершеннолетних второго пятилетия (5074) на 52% выше среднего ежегодного первого пятилетия (3342). Преступность несовершеннолетних первого десятилетия XX года в 4 раза больше преступности десятилетия 1884—1895 г.

---

*) Е. Н. Тарновский. Преступность несовершеннолетних в России. Журн. Мин. Юстиции. 1899. № 9.

**) Дети преступники. Под ред. М. Гернета, М. 1912, стр. 90 сл.

***) Тарновский. Преступность несовершеннолетних в России. Журн. Мин. Юст. 1913, кн. 10, стр. 42—43.

Если разбить эти данные между общими и мировыми судами отдельно, то таблица приобретает следующий вид:

Годы.	Число осужденных от 10 до 17 л. общими судами.	мировыми судами.	Процент увеличения. в общих судах.	в мировых судах.
1901	696	2.847	100	100
1902	750	2.423	108	85
1903	670	2.465	96	87
1904	785	2 855	113	100
1905	653	2.566	94	90
1906	690	2.531	99	90
1907	931	2.968	134	104
1908	1.225	3.403	176	120
1909	1.235	4.902	177	172
1910	1.238	6.245	178	219

Приведенные цифры далеко не охватывают всей преступности несовершеннолетних. Здесь не приводятся цифры осужденных мировыми судьями за более маловажные нарушения, не влекущие тюремного заключения, осужденных земскими начальниками, городскими судьями, гминными судами и пр. Сведения об этих категориях осужденных начинают появляться в уголовно-статистических отчетах лишь с 1909 г. За 4 последних отчетных года они дают такую таблицу *):

Название судов.	Общее число осужденных несовершеннолетних 10—17 лет. 1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Мировые судьи. . . .	10.933	13.381	12.910	13 429
Уездные члены суда. .	1.766	1.857	1.672	1.730
Городские судьи . . .	3.156	3.652	3.592	3.561
Гминные суды	2.146	3.249	3.136	2.821
Итого. . .	18.001	22.139	21.310	21.541

В итоге можно подчеркнуть, что наблюдавшееся в конце XIX века и в первое пятилетие XX в. некоторое ослабление преступности несовершеннолетних, под влиянием революционных 1905—1906 гг., сменилось довольно резким и быстрым скачком ее вверх.

Если суммировать по пятилетиям общее количество осужденных несовершеннолетних, то мы получим следующую картину:

1896—1900 г.—31.732 несовершеннолетних.
1901—1905 » —19.709 »
1906—1910 » —25.358 »

Эти цифры имеют абсолютный характер, и потому, если учесть рост

*) Тарновский ц. с., стр. 85.

населения за эти годы, то сокращение процента преступности, в особенности в первое пятилетие XX в., не может подлежать сомнению *):

Русская статистика в одинаковой мере, как и западно-европейская, подтверждает выставленное ранее положение о зависимости преступности несовершеннолетних от способов борьбы с нею. Перелом, в смысле понижения процента преступности, у нас наблюдается с 1896 года. Об'яснением этому служит издание нового закона 2 июня 1897 г. об ответственности несовершеннолетних, который для своего времени был достаточно прогрессивен и который значительно расширил у нас область применения мер принудительного воспитания. Закон этот опередил западно-европейское законодательство, и потому падение преступности у нас стало наблюдаться несколько ранее, чем там. В пятилетие 1901—1905 г. понижение продолжает развиваться довольно быстрыми шагами, но война и революционное движение 1905—1906 г. прерывают этот процесс и начинают снова увеличивать цифры преступности. Этот резкий под'ем затем начинает постепенно изживаться к 1910 — 1913 гг.

Вслед за этим не только для России, но и для всего мира наступает длительный период военного напряжения, в течение которого картина преступности несовершеннолетних для всех стран, участвовавших в войне, резко меняется. Этот период заслуживает самостоятельного рассмотрения.

ГЛАВА III.

Преступность несовершеннолетних во время войны и после нее.

Если относительно довоенного времени мы могли представить сводные таблицы движения преступности несовершеннолетних, относящиеся ко всей стране в целом, то относительно военного и послевоенного времени нам, за

*) В г. **Москве**, по данным, собранным А. Заком, относительно несовершеннолетних до 17 лет, осужденных мировыми судьями Москвы за время 1896—1909 г., колебания правонарушений выражаются в следующей таблице:

Годы.	Приговорено несовершеннолетних до 17 лет. Абсолютные цифры.	Приговорено несовершеннолетних до 17 лет. Относительн. цифры.	Годы.	Приговорено несовершеннолетних до 17 лет. Абсолютные цифры.	Приговорено несовершеннолетних до 17 лет. Относительн. цифры.
1896 . .	263	100	1903 . .	408	157
1897 . .	372	143	1904 . .	314	121
1898 . .	525	200	1005 . .	294	113
1899 . .	470	181	1906 . .	—	—
1900 . .	421	162	1907 . .	439	169
1901 . .	321	127	1908 . .	473	192
1902 . .	396	152	1909 . .	625	240

Таким образом, до 1900 г. идет повышение преступности, в первое 5-летие XX века наблюдается тенденция к понижению, сменяющаяся после революционного 1905 года опять значительным ростом (почти в два раза). См. А. Зак в книге «Дети—преступники» под ред. М. Н. Гернета. М. 1910.

отсутствием или недоступностью общих отчетов, придется ограничиться данными по отдельным городам. При большой своей дробности, они, однако, показательнее в том смысле, что приурочены к более устойчивой группе населения и характеризуют городскую преступность детей и подростков, на которой больше всего отразились условия войны и связанных с нею социальных особенностей. Сравнение общих цифр, относящихся ко всей стране, крайне затруднено происходившими во время войн случаями оккупации территорий неприятелем, а после войны—последовавшей перестройкой государственной географической карты Европы.

Наибольшим количеством сведений относительно правонарушений несовершеннолетних в период войны и после нее мы располагаем для Германии. Здесь уже в первый год войны на эту сторону было обращено серьезное внимание и цифры детских правонарушений военного времени тщательно регистрировались.

По данным Берлинской Iugendgerichtshlfe, движение числа правонарушений несовершеннолетних в период 1914—1920 г. выражалось в следующем виде:

Возраст.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
	Правонарушения мальчиков по годам (абсолютные цифры).						
12—14 л. . .	108	236	379	399	372	206	260
14—15 л. .	330	512	1.022	963	1.389	590	783
16—18 л. . .	456	450	906	1.340	2.110	1.217	1.994
Всего. . .	894	1.198	2.307	2.702	3.871	2.013	3.037
	Процентные отношения:						
12—14 л. . .	12,1	19,7	16,4	14,8	9,6	10,3	8,6
14—16 л. . .	36,9	42,7	44,3	35,6	35,8	29,5	25,8
16—18 л. . .	51,0	37,6	39,3	49,9	54,6	60,2	65,6
Всего. . .	100	100	100	100	100	100	100
	Правонарушения девочек по годам (абсолютные цифры).						
12—14 л. . .	19	13	46	51	53	20	41
14—16 л. . .	69	100	192	160	245	104	168
16—18 л. . .	149	102	136	245	518	115	353
Всего. . .	237	215	374	456	816	339	562
	Процентные отношения:						
12—14 л. . .	8,0	6,0	12,3	11,2	6,5	5,9	7,3
14—16 л. . .	29,1	46,5	51,3	35,1	30,0	30,7	29,9
16—18 л. . .	62,9	42,5	36,4	53,7	63,5	63,4	62,8
Всего. . .	100	100	100	100	100	100	100
Оба пола . . .	1.131	1.413	2.681	3.158	4.687	2.352	3.599

Мы видим, что в начале сравнительно более медленный рост преступности, на третий и четвертый год войны (1916—17) дает значительный

под'ем вверх, чуть ли не утраивая цифру малолетних правонарушителей. 1918 год—год окончательного военного изнурения и начала внутренней революции—достигает рекордной цифры, увеличивая преступность 1914 г. в четыре раза, после чего в следующем году преступность спадает наполовину. В 1920 г. внутренний экономический кризис и начало выполнения обязательств по Версальскому договору опять гонят цифру правонарушений вверх. Влияние условий войны и революции особенно сказывается на юношах 16—18 лет и на средней группе, процентные отношения которых все время возрастают: этот возраст был наиболее захвачен событиями. Характерно также значительное увеличение числа девочек правонарушительниц, особенно старших возрастов, ставших участницами промышленной жизни за сокращением числа мужчин.

Берлинская преступность военнного времени, главным образом, вызвана тяжелыми экономическими условиями. Об этом свидетельствуют громадные цифры имущественной преступности, перед которой совершенно отходят на второй план все другие правонарушения несовершеннолетних. Несколько более заметный процент вначале дают также характерные для несовершеннолетних преступления против нравственности, но затем число их падает до минимума.

В процентном отношении из общей преступности несовершеннолетних составляли:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Имущественные преступления.	90,0	90,9	91,4	92,1	83,0	88,4	90,3
Половые преступлен.	2,3	1,9	0,9	0,3	0,2	0,1	0,4

Рост процента имущественных преступлений прерывается в 1918 г., когда революция временно отвлекает внимание молодежи в другую сторону, вследствие чего относительно усиливаются проступки против общественного порядка и порядка управления. Но со следующего же года ухудшение экономических условий снова вызывает рост имущественной преступности, достигающей процента первых лет войны.

Если взять дела малолетних по тяжести учиненных правонарушений, то за последние пять лет они распределяются по подсудности следующим образом

Число осужденных несовершеннолетних в Берлине по годам:

Суды.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г. (1-я полов).
Земские.	1.155	1.512	879	988	448
Участковые	2.003	2.834	1.216	1.547	1.294
Судебные приказы.	—	341	257	164	204
Всего.	3.158	4.687	2.352	3.599	1.946

По отдельным городам Германии, на основании данных, собраннных в конце 1916 г. германским центральным союзом организаций помощи судам

для несовершеннолетних, рост преступности несовершеннолетних за первые три года войны выразился в следующих цифрах: *)

Суды для несовершеннолетних в городах.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Бреславль.	1.490	2.311	1.816
Шарлоттенбург.	302	406	530
Кельн	593	1.056	1.250
Ганновер.	582	1.035	1.916
Дрезден.	450	890	1.335
Штуттгарт	292	508	557
Мюнхен	323	733	606
Аугсбург.	244	282	409
Бонн.	91	166	141
Маннгейм.	265	394	435
Нюренберг.	330	539	—

В отзывах детских судей и попечителей указывается особенно часто на увеличение числа правонарушений старшей группы от 16 до 18 лет и средней—от 14 до 16 лет. Данные начала войны, напротив того, указывали на сравнительное повышение в младшей и средней группе. Правонарушения девочек, судя по отчетам, несколько усилились. Из многих мест сообщают об усилении рецидива, хотя берлинский отчет на первые три года констатирует падение рецидива с 15% до 12%. Почти все ответы на вопрос о характере совершаемых правонарушений указывают на подавляющее процентное отношение имущественных преступлений, при чем чаще всего наблюдаются кражи с'естного, угля, кражи с полей и садов. Из 12 мест, большею частью небольших городков, сообщают, что особенно распространились половые преступления, в частности детская проституция. Значительный процент с 1915 г. начинают занимать нарушения детьми постановлений военных властей, изданные в ограждение детства. Так, в округе Ганновера из 1.916 правонарушений 1916 года 646 падает на нарушения таких запретов. В Баварии за шесть месяцев 1916 г. было осуждено 303 малолетних за нарушение запретов военных властей **).

Относительно Парижа мы располагаем интересной статистикой: число расматривающего правонарушения более тяжкого свойства (но не проступки). По отдельным годам осужденные несовершеннолетние распределялись следующим образом:

Г о д ы.	До 14 лет.	14—16 лет.	16—18 лет.	Всего несовершеннолет.
1913	5	109	282	396
1914	11	118	234	363
1915	20	220	335	575
1916	36	338	572	946

*) A. Hellurg. Der schutz der Ingend von erzichungswirdigen Einflussen Langensalza 1919.

**) Более подробные сведения о преступности несовершеннолетних в Германии см. мою статью «Война и детская преступность» в журн. «Призрение и благотворительность в России 1916 кн. 9.

Таким образом, правонарушения детей в Вене за три года войны увеличились в два с половиною раза. Преступность младшей группы возросла в 7 раз, средней в 3 раза и старшей в 2 раза.

Относительно Парижа мы располагаем интересной статистикой числа задержанных за преступления несовершеннолетних в 1917 и 1918 гг. Общее число задержанных в 1917 г. равнялось 6.792, 1918—6.258, из них некоторые задерживались по нескольку раз, так что число случаев задержания несовершеннолетних для 1917 г.—7.433, а для 1918 г.—6.591. Из задержанных в 1917 г.—21%, а в 1918 г.—20% были девочки. По возрасту задержанные распределялись:

Возрастная группа.	1917 г.	1918 г.	Уменьшение.
До 16 лет	1.147	892	255
16—18 лет	2.759	2.451	298
18—21 года	3.537	3.248	289
Всего	7.433	6.591	842

Мы наблюдаем особенное сокращение среди младшей группы до 16 лет *).

По отдельным проступкам, давшим повод к задержанию, задержанные распределяются следующим образом:

	1917 г.	1918 г.
Убийства	91	50
Несение оружия	253	213
Разбой	3.278	3.014
Ночные разбойные нападения	2.444	1.861
Нищенство	41	18
Бродяжничество	1.296	1.010

Хотя цифры полицейской статистики не особенно показательны, но достаточно бросить беглый взгляд на первые четыре группы, чтобы усмотреть различие между парижской и берлинской преступностью подростков. Разбои и грабежи в Берлине являются редким исключением среди подростков, имущественная преступность выражается почти исключительно в кражах, мошенничествах, присвоениях. Убийства в Берлине единичны, в Париже они—довольно частое явление. Словом, парижская преступность несовершеннолетних носит явно выраженный насильственный характер, тогда как в Берлине она имеет характер потайной.

В Лондоне по статистическим данным первых двух лет войны наблюдался значительный рост преступности несовершеннолетних. Так, по данным, сообщенным на конференции 1916 г., число обвиняемых мальчиков до 14 лет было в 1914 г.—1.708, а в 1915 г.—2.713, количество девочек возросло с 76 до 130. Общее возрастание преступности несовершеннолетних

---

*) Для сопоставления с довоенным периодом приведем статистику задержанных в Париже за 1911 и 1912 г. В течение 1911 г. было задержано 6.190 (5.462 мальчиков и 728 девочек), в течение 1912 г.—6.625 (5.777 мальчиков и 848 девочек). Таким образом, в 1918 г. преступность несовершеннолетних в Париже возвращается к своему довоенному уровню, данные же 1917 г. дают повышение на 13%.

для 17 больших городов Англии за 1915 г. определялось не менее, чем в 30%. Руководитель Отдела о детях при английском мин. вн. дел Айткин следующим образом характеризовал в конце 1916 г. положение вопроса: «К концу прошлого (1915 г.) рост числа малолетних обвиняемых стал очевидным для всех, и чтобы проверить правильность такого впечатления, министерство собрало данные по нескольким большим городам относительно дел, возникших там за 3 месяца (с 1-го декабря 1915 г. по 1-е марта 1916 г.), а также соответственные данные за период предшествующих 12 месяцев. Сводка касалась проступков, совершенных малолетними до 16 лет, и мы нашли, что число таких обвиняемых возросло с 2.686 до 3.596, т. е. на 34%. Этот рост наблюдался во всех без исключения городах, в которых было произведено расследование. В Лондоне число обвиняемых возросло с 1.304 до 2.005, в Ливерпуле—с 578 до 702, в Бирмингаме—с 248 до 402. В наибольшем количестве случаев увеличение падает на дела о краже. Так, в Лондоне дела о кражах возросли с 766 до 1.314, в Ливерпуле с 385 до 450, в Бирмингаме—с 122 до 186. Если взять большие города в целом, то мы наблюдаем увеличение краж на 50%; кроме того наблюдается увеличение числа обвинений в побоях, в драках, в умышленном повреждении имущества, в азартных играх. Обвинения в нищенстве упали, как того можно было ожидать в виду легкости найти заработок».

Коснулось увеличение детских правонарушений и Америки, значительно позднее вступившей в войну и менее испытавшей на себе ее тяготы. С 1917 г. здесь начинают слышаться голоса о подымающейся «волне преступности», хотя статистически рост ее почти неуловим в виду пестроты методов и плохой организованности уголовно-судебной статистики. Она ведется в большинстве мест не регулярно, а от случая к случаю. В виде иллюстрации приведем данные двух-трех городов.

По отчету детского суда в Чикаго, число несовершеннолетних, дела о которых рассматривались в детском суде, изменялось так:

Годы.	Несовершеннолетние обвиняемые			Беспризорные дети
	мальч.	девочки	всего	обоего пола
1917	2,328	679	3.007	2.073
1918	2.306	730	3.036	2.083
1919	2.713	743	3.456	1.968

Наблюдается таким образом рост примерно на 18% среди мальчиков-правонарушителей и такой же среди девочек; напротив того, число беспризорных сократилось на одну треть. Главный попечитель суда дает этому следующее об'яснение: «Возрастание числа дел о мальчиках-правонарушителях, по моему мнению, об'ясняется военным напряжением, охватившим цивилизованный мир, естественно сказывающимся на еще неустойчивой молодежи. Уменьшение числа беспризорных харакеризует успех работы попечителей, прибегающих к устройству таких детей в семьи, что препятствует тому, чтобы они ложились финансовым бремнем на страну».

По данным **Кливленда** детские правонарушения возросли с 1907 года по 1920 г. на 331%. В 1907 г. в детском суде рассмотрено было 984 дела, в 1920 г.—4.248 дел о несовершеннолетних обвиняемых.

Нью-Иоркская статистика дает нам лишь цифры несовершеннолетних обвиняемых, отдаваемых ежегодно под присмотр попечителей. Таких было:

Годы		Годы		
1908	1.007	1915	2,527	
1909	971	1916	2.338	
1910	1.087	1917	2.076	(за 9 мес.).
1911	1.066	1918	3.526	
1912	1.406	1919	4.610	
1913	1.956	1920	3.547	
1914	2.207	1921	3.577	

Начиная с 1917 г. — года вступления Америки в войну, число отдаваемых под присмотр растет. Пониженная цифра 1917 г. об'ясняется тем, что в эту графу вошли лишь данные за 9 месяцев. Цифра же 1918 г. в два раза больше цифры 1916 г. Послевоенное время дает некоторое сокращение, но все же значительно превышающее довоенные цифры.

Таким образом, все без исключения страны, участвовавшие в войне, испытали зничительный под'ем числа несовершеннолетних правонарушителей. На особых факторах правонарушений детей и подростков в военное время мы остановимся в дальнейшем. А сейчас перейдем к сравнительно немногочисленным данным, которые нам удалось собрать относительно России. Общей уголовной статистики у нас за годы войны опубликовано не было и она, повидимому, бесследно исчезла. Некоторые данные специально о детской преступности можно было собрать из опубликованных отчетов особых мировых судей по делам о малолетних, существовавших в немногих городах.

К 1916 г. по трем городам—Петрограду, Москве и Киеву рост числа т. н. «тюремных дел» о малолетних (т.-е. таких, по которым взрослые обвиняемые подвергались заключению в тюрьме; в подсудности мировых судей это были почти исключительно дела о кражах, мошенничествах и присвоениях) выаражался в следующих цифрах:

Города	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	
Петроград . .	1640	1775	2096	3271	(за 10 месяцев).
Москва . . .	1513	1649	2009	318	(за один январь).
Киев	—	1132	1516	1703	

По Петрограду, если взять неполное число 1916 г., мы видим увеличение в два раза по сравнению с 1913 г. В январе 1914 г. в Петроградский суд поступило 152 дела, а в январе 1916 г.—406 дел. В Москве за один 1915 г. мы имеем 33,5% прироста, январь 1916 г. дает 72,8% по сравнению с январем 1914 г. В Киеве, хотя детский суд был закрыт в течение трех летних месяцев 1915 г., мы наблюдаем рост на 32% в 1915 г. и на 50% в 1916 г.

Процент увеличения падает почти исключительно на имущественные корыстные преступления. В отчете Петрограда дела о кражах составили 97%, по Киевскому отчету в 1914 г. из 1.132 дел было 883 о кражах, в 1915 г.— из 1.516—1,164 и в 1916 г. из 1.703—1.606. Рост краж в Киеве, учиненных детьми, в 1915 г. выразился в 20%, а в 1916 г. в 45%.

Данные за 1917 г. утрачены; они не могли бы и быть показательными, так как судебная регулярная работа была нарушена и старые суды были упразднены. Лишь с созданием по декрету 18 января 1918 г. комиссий по делам о несовершеннолетних появляется новый орган борьбы с детскими правонарушениями, и с этого года кое-где начинают регистрироваться соответственные сведения.

Наиболее полными данными мы располагаем по Петрограду, где комиссии были созданы ранее других городов и где с самого начала стала вестись регулярная статистика.

За время существования в Петрограде особого суда для несовершеннолетних (с 1910 г.) за 6 лет, с 1910 по 1915 г. мы имеем следующие цифры:

	1910	1911	1912	1913	1914	1915	Всего.
Всего возникло дел . . .	5.437	4.252	4.725	4.060	5.721	5.435	29.660
Всего подсудимых. . . .	3.786	3.559	3.758	6.304	3.630	4.825	25.862
Осуждено несоверш. до 17 лет	2.701	1.816	1.987	2 032	2.107	3.223	13.866

Эти цифры не отражают, впрочем, всех правонарушений несовершеннолетних, так как за более тяжкие преступления несовершеннолетние судились не в мировых, а в общих судах. В среднем за 1 год в указанное шестилетие по 1-й рубрике было 4.943 дела, по второй—4.210 подсудимых, по третьей—2.311 осужденных.

За пять лет революции, с 1918 г. по 1922 г. движение числа несовершеннолетних, дела о которых рассматривались в комиссиях, выразилось:

	1918	1919	1920	1921	1922	Всего.
Количество возникших дел. . .	4.409	5.920	5.810	5.358	3.266	24.763
Число несоверш. обвиняемых .	5.888	8.404	9.106	7.902	4.500	35.800

В среднем по первой рубрике мы имеем 4.953 дела, а по второй 7.160 обвиняемых. Среднее число дел как будто не изменилось по сравнению с довоенным временем (4.943 и 4.953), абсолютное же число малолетних обвиняемых возросла в среднем приблизительно на 70% (4.210 и 7.160). Таким образом после революции правонарушения несовершеннолетних приобрели более групповой характер. Но абсолютные цифры весьма мало показательны. За время войны и революции население Петрограда резко колебалось. К 1915 г. он насчитывал до 2.500 тыс. населения, в 1919—1920 г. население его упало до 700 тыс., а к концу 1922 г. поднялось до 1.000. Чтобы учесть увеличение преступности, необходимо определить процентное отношение числа обвиняемых к общему населению соответственного возраста. Беря эти цифры с некоторым приближением, мы можем установить следующее отношение.

	1913	1914	1915	1918	1919	1920	1921
Число несоверш. в возрасте от 7 до 18 лет в Петрограде (в тысяч.) .	390	400	420	270	160	130	110
На 1.000 тыс. населения от 7 до 18 лет несоверш. обвиняемых . , .	16,2	9,4	11,6	21,8	52,3	70	71,8

При сопостановлении цифр 1913—15 гг. и 1918—21 нужно иметь в виду, что подсудность комиссий была несколько шире, как по роду дел, так и по возрасту. Далее, необходимо иметь в виду, что увеличение 1920 г. отчасти должно быть отнесено к тому, что с этого года в комиссию стали направляться дела до 18 лет, тогда как до того детские суды и комиссии ведали несовершеннолетних лишь до 17 лет. В 1922 г. подведомственность комиссий в возрастном отношении два раза изменялась (по угол. код. возраст был понижен до 16 лет, а в силу поправки в IV сессии ВЦИК даже до 14 лет), вследствие чего вывести процентное отношение для 1922 г. представляется совершенно невозможным. Но учитывая все эти отличия, тем не менее нельзя не отметить громадного повышения процента детских правонарушений в Петрограде за годы революции. Он растет до начала 1922 г. Уменьшение в 1922 г. должно быть отнесено в значительной мере на счет дел о несовершеннолетних старше 14 лет переданных в судебные места по ст. 18 угол. код., что сократило число дел во вторую половину 1922 г., более чем на 70%. О том, что правонарушения несовершеннолетних в Петрограде не уменьшились в 1922 г. свидетельствует, между прочим, статистика Петроградской губмилиции о числе детей и подростков до 18 лет, задержанных милицией. Было задержано несовершеннолетних:

	1920	1921	1922
Мужского пола	3.247	3.116	—
Женского пола	929	680	—
Всего	4.176	3.796	3.747

Любопытно сравнить относительные цифры преступности несовершеннолетних в Петрограде с соответственными цифрами других стран. На 1.000 населения в сответствующем возрасте было осуждено: в Германии (1910 г.) 6,6, в Италии (для возраста 14—18 лет)—7,2, в Соединенных Штатах (по переписи 1910 г.)—9,0. Если взять по Петрограду только осужденных несовершеннолетних, то мы получим в 1913 г.—8, в 1914—5,8, в 1915 г.—8,2. Таким образом, до революции преступность несовершеннолетних в Петрограде была близка к цифрам других стран. После революции, если взять число несовершеннолетних, в отношении которых были приняты меры медико-педагогического воздействия вместе с теми, дела о которых были переданы в народные суды, то процентное отношение выразится: в 1920 г.—59, в 1921 г.—60. Другими словами, процентное отношение возросло в 7—8 раз по сравнению со странами Запада и довоенным временем. Правда, можно указать, что комиссии по делам о несовершеннолетних рассматривают дела не по формальным обвинениям, а с точки зреиня педагогической и, с другой стороны, до издания угол. кодекса границы понятий преступного и непреступного были весьма неустойчивы. Например, дела о детской спекуляции, давшее в 1920 г. до 25% несовершеннолетних обвиняемых, далеко не играли такой роли раньше. Поэтому сделаем еще одно сопоставление. Ограничим наше сравнение лишь делами о кражах, мошенничествах и присвоениях, которые составляют наиболее характерные для несовершеннолетних преступления и воззрения, относительно наказуемости которых изменялись срав-

нительно мало. Исчислим количество несовершеннолетних, осужденных за эти преступления, приходящееся на 100 тыс. общего населения города:

в 1913 г.—109	в 1915 г.—123	в 1920 г.—700
» 1914 »—116	» 1916 »—124	в 1921 »—667

Таким образом и здесь констатируется увеличение в 6—7 раз *).

Мы остановились на анализе статистики Петрограда, как наиболее показательной в силу своей разработанности. Постоянно появляющиеся в печати указания на рост детской преступности, несомненно, имеют под собою серьезные основания.

Данные о работе комиссий по делам о несовершеннолетних на протяжении всей РСФСР находятся до сих пор еще в довольно хаотическом состоянии. До декрета 4 марта 1920 г., передавшего эти комиссии в ведение Наркомпроса, вообще никакой центральной статистики не велось, да и таковая была бы затруднительна в виду расстройства сообщений, полной самостоятельности отдельных губерний и городов и отсутствия центрального органа для собирания такой статистики. 1920 г. прошел в огранизационной работе, и только с 1921 г. статистическая работа несколько налаживается. Но и сейчас, вследствие отсутствия центральной комиссии, отчеты представляются нерегулярно и не отовсюду. Поэтому заранее приходится считаться с неполнотой и некоторой несогласованностью отдельных данных. Но все же кое-что дает и эта общая статистика.

В 1921 г. из 230 функционировавших комиссий имелись отчеты от 205 по 52 губерниям. Общее число рассмотренных дел выражается в цифре 54.424, число же несовершеннолетних, в отношении которых были меры воздействия, равняется 38.127, что составляет 70%. Количество дел о несовершеннолетних, переданных в нар. суды равнялись 3.762, т. е. 6,9%. Если выделить специально Москву, то число возникших здесь дел было 14.307; меры воздействия были приняты в отношении 10.470 несовершеннолетних (73,2%) и передано в народные суды 926 несов. (6,4%). По Петрограду в общей сводке значится 5.758 возникших дел, несовершеннолетних подвергнутых мерам воздействия—4.261, случаев передачи в народные суды 465 (цифры эти ниже петроградских отчетов). Если об'единить преступность Москвы и Петрограда, то по числу возникших дел она даст 37% всех возникших дел в РСФСР относительно несовершеннолетних, 38,6% несовершеннолетних, подвергнутых воздействию и 37,6% переданных в народные суды. Таким образом обе столицы дают более одной трети всей детской преступности РСФСР.

---

*) Г. Аронович, сопоставивший число краж, присвоений и мошенничеств, совершенных малолетними по отчетам суда для малолетних за 1910 г. и комиссии о несоверш. обвиняемых за 1920 г. в Петрограде, нашел, что в 1910 г. на 1.000 несовершеннолетних в возрасте от 5 до 18 лет приходилось обвиняемых в этих преступлениях 3,63, а в 1920 г.—26,97; другими словами за 10 лет детская имущественная преступность в Петрограде возросла в 7,4 раза. Этот вывод почти совпадает с добытым нами. См. Аронович—«Детская преступность и дефективность в Петрограде за 1919 и 1920 гг.», сборн. Психиатрия, неврология и эксперимент. психология II. 1922 г., вып. 1.

За 1922 г. подсчет произведен по столицам и 74 провинциальным комиссиям. Он дает следующие цифры:

	Москва	Петроград	74 комиссии
Число обвиняемых:	7121.	4520.	20.715.
Подвергнуты мерам воздействия.	4367	3424	3542
Процентное отношение	61%	75%	8%
Передано в нар. суды	1155	523	5364
Процентное отношение	16,1%	11,6%	26%

По отдельным комиссиям процент дел, переданных в народные суды в отчетах за 1922 г. необычайно пестр, в зависимости от того, когда вводился в действие угол. кодекс и проведена ли была в жизнь новая редакция ст. 18 от 9 ноября 1922 г., или нет. Процент такой передачи в 1921 г. был 6—7.

Передача дела в народный суд обычно характеризует сильно развитую степень моральной запущенности подростка. Это — подросток, не поддающийся мерам медико-педагогического воздействия, обычно рецидивист, обреченный на тюремное заключение. Хотя народные суды далеко не всегда применяли эту меру, однако, некоторые данные относительно числа подростков от 14 до 18 лет, содержащихся в местах заключения, могут дополнить картину. По отчету ЦИТО за 1921 г. общее количество содержавшихся на 1 ноября 1921 г. в 267 местах лишения свободы (в том числе в 29 сельскохозяйственных колониях) равнялось 73.194 чел. Несовершеннолетних в том числе было 1,1%, т. е. около 800 чел., при чем 67% этого числа составляли срочные, т. е. отбывающие наказание тюрьмою. Из числа всех несовершеннолетних 57,2% числились за народными судами, при чем за кражу и другие преступления против собственности содержалось 83% всех несовершеннолетних (для взрослых этот процент выражался: 22,3% для мужчин и 64,5% для женщин). Отчет Управления местами заключения НКВД за 1922 г. дает только общий процент несовершеннолетних заключенных, что определит их цифру в 1.200.

Характерно в отчете 1921 г. распределение процентного отношения несовершеннолетних осужденных к общему составу азключенных по отдельным районам РСФСР. Отчет выделяет 4 группы: 1) Московскую губ., 2) Петроградскую губ., 3) 7 промышленных губ. (Брянскую, Владимирскую, Иваново-Вознесенскую, Калужскую, Костромскую, Тверскую и Ярославскую) и 4) Сибирь. Если взять средний процентный состав тюремного населения за 1-е полугодие 1921 г., то процентное отношение несовершеннолетних будет:

Районы.	% несоверш. заключенных.
По всей РСФСР	1,1
Московская губ.	7,9
Петроградская губ.	4,4
7 промышленных губ.	0,4
Сибирь	0,5

Эта таблица показывает, что, главным образом, Москва и Петроград создают тяжкие формы преступности несовершеннолетних и, что несмотря на значительно большее количество учреждений для морально-запущенных

подростков, все же число попадающих в места заключения в этих городах, весьма велико.

В статье В. Якубсона (несоверш. правонарушители в местах заключения, Еженед. Сов. Юст. 1923, № 18), мы находим более подробную таблицу движения количества несовершеннолетних заключенных:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Январь	217	539	744	428
Февраль	160	545	790	501
Март	158	573	912	544
Апрель	212	670	967	
Май	358	730	856	
Июнь	279	743	748	
Июль	183	782	800	
Август	269	880	750	
Сентябрь	501	688	678	
Октябрь	327	851	722	
Ноябрь	450	901	768	
Декабрь	531	841	601	

Сравнительно небольшие цифры первой половины 1920 г. об'ясняются тем, что применение тюремного заключения к несовершеннолетним от 14 до 18 лет было допущено лишь декретом 4 марта 1920 г., который не сразу стал осуществляться, а лишь после издания в июне Положения о комиссиях по делам о несовершеннолетних. С этого времени число заключенных подростков сразу возрастает до 500; оно испытывает лишь небольшое повышение с мая 1921 г., когда голод начинает толкать это число вверх. Со второй половины 1922 г. начинается медленное падение. Здесь сказалось издание нового кодекса и некоторое облегчение экономического положения, благодаря хорошему урожаю.

Статистические выводы из приведенных цифр русской статистики периода войны и революции, напрашиваются сами собою. Статистика периода войны дает в рассмотренных нами городах значительное увеличение числа правонарушений несовершеннолетних, которое, однако, является одинаковым с повышением, наблюдающимся в больших городах Запада. Революция прерывает нить статистической преемственности, но все же влияние ее на преступность детей и подростков, как и революции 1905 г., оказывается весьма значительным. Помимо революционной психологии, здесь особенное влияние оказали тяжелые экономические последствия гражданской войны и блокады. Максимум преступности падает на наиболее тяжелые в этом отношении 1920 и 1921 годы. Возвращение к мирному строительству с половины 1921 г. и отчасти новая экономическая политика уменьшают цифры общей преступности несовершеннолетних, хотя число трудно исправимых малолетних правонарушителей за последние годы не уменьшается. Лишь последние месяцы 1922 г. и начала 1923 г. дают в этом отношении некоторое сокращение. **Нарушая создавшееся равновесие социальных отношений война и революция, служат причиною большей беспризорности и преступности среди юного поколения.**

ГЛАВА IV.

Статистика отдельных правонарушений несовершеннолетних.

Одни общие численные данные о движении правонарушений несовершеннолетних, однако, еще мало говорят нам о характере самой преступности. Чтобы понять ее корни и свойства, необходимо посмотреть, какие правонарушения являются наиболее частыми и характерными для детей и подростков. В виду сравнительной однородности данных по этому вопросу, мы ограничимся лишь немногими иллюстрацимями, остановившись из стран Запада только на Германии и Франции, статистика которых в этом отношении является наиболее разработанной.

В **Германии** на 100.000 населения соответственного возраста в период с 1894 г. по 1901г. приходилось несовершеннолетних, осужденных:

Виды преступлений.	От 12 до 14 л.	От 14 до 18 л.	Взрослых.
Воровство	294	402	231
Повреждение имущества	31	57	47
Укрывательство краденого	19	23	23
Присвоение	14	45	56
Мошенничество	11	43	75
Грабеж и вымогательство	1,5	2,5	3,1
Нарушение законов о промышл собств.	1,6	6	56
Преступления против жизни	0,4	2,4	4,6
Насилия, легкие телесн. повреждения	31	190	355
Угрозы и насилия против должн. лиц.	1,6	21	103
Оскорбления, ложные доносы	3	29	173
Преступления против нравственности	8	31	31
Нарушения домашнего мира	4	22	65
Общеопасные преступления (поджог)	6	10	12
Подлог документов	4	14	15
Преступления против религии	0,3	1,1	1
Преступления политические	0,01	0,5	4,4
Прочие преступления и проступки	5	13	30
Всего	435,5	912,5	1285,1

Из этой таблицы видно, что для малолетних 12—14 лет более двух третей правонарушений (67,6%) составляет кража, для более старшего возраста она дает 43,9%, а для взрослых всего 17,8%. Если же взять все корыстные имущественные преступления, то для первой группы мы получили 83%, для второй—78%, а для взрослых—63%. Из неимущественных преступлений, в которых дети и подростки приближаются к цифре взрослых, следует указать на поджог и преступления против нравственности *).

*) М. Н. Гернет в своей книге «Моральная статистика» приводит соответств. таблицу за 1907—1911 г., соотношения которой, однако, мало разнятся от указываемых нами.

Для военного времени статистика Берлина, как мы видели, повышает процент имущественных преступлений несовершеннолетних до 90—92%.

Во **Франции** несовершеннолетние осужденные судами исправ. полиции в период 1888—1900 г. по роду учиненных ими правонарушений распадаются на след. группы:

Виды проступков:	Несовершеннолетние мужского пола		Несовершеннолетние женского пола	
	до 16 лет.	от 16 до 20 л.	до 16 лет.	от 16 до 20 л.
Злоупотребление доверием	133	1127	12	82
Посягательство на жизнь	3	133	1	18
Ночной разбой	5	521	2	16
Грабеж и разбой	52	536	—	12
Насилия и телесные повреждения	140	4363	14	316
Мошенничество	55	1307	13	115
Подделка денег	3	159	6	27
Подлог документов	9	131	3	22
Карманная кража	83	2455	10	135
Подлог	16	27	1	5
Угрозы убийством и угрожающие нападения	6	438	2	19
Преступления против жизни (кроме квалиф. убийства)	35	879	2	67
Преступления против общественной нравственности	68	650	41	184
Недозволенное ношение оружия	18	566	—	11
Сопротивление властям	171	6699	19	809
Сутенерство	1	834	—	—
Изнасилование	12	292	—	6
Кража	4379	29285	452	4605

Приведенная таблица охватывает только преступления несовершеннолетних за 13 лет; проступки подведомственны судам простой полиции, не регистрируются уголовной статистикой. Из нее видно, что при значительном распространении во Франции насильственных преступлений, особенно среди подростков от 16 до 20 лет, все же далеко на первом месте стоит кража, дающая 86% всех преступлений для мальчиков до 16 лет и для 16—20-летних—63%, а для девочек до 16 лет—80%, от 16 до 20 лет—75%.

Статистика времени войны для Парижа дает нам значительно больший процент насильственных преступлений. Тип парижского «апаша», повидимому, не является общим для Франции. Но все же по количеству насильственных преступлений (убийства, сопротивление властям, разбоя и пр.), французская статистика дает наибольшие цифры. Относительно велико также число преступлений против нравственности. Так, парижская статистика оснований задержания несовершеннолетних за 1912 г. точно также дает нам типическую картину преступности подростков во Франции.

Количество и основания арестов в Париже за 1912 г.

Причины ареста	Мальчики. до 16 лет.	до 18 лет.	Всего.	Девочки. до 16 лет.	до 18 лет.	Всего.	Общий итог.
Сборища и стачки	1	2	3	—	—	—	3
Сопротивление власти	14	60	74	3	13	16	90
Ношение запрещенных оружий	8	56	64	—	5	5	69
Буйство и пьянство	5	6	11	—	—	—	11
Бродяжничество	323	358	681	70	90	160	841
Нищенство	46	59	105	2	3	5	110
Сутенерство	3	28	31	—	—	—	31
Побег из исправ. завед.	1	5	6	1	—	1	7
Нарушение высылки	—	3	3	—	—	—	3
Убийства и лишен. жизни	9	24	33	—	2	2	35
Аборт и детоубийство	—	—	—	—	2	2	2
Ночные кражи и напад.	13	52	65	4	3	7	72
Побои и раны	18	72	90	—	5	5	95
Изнасилование	3	5	8	—	—	—	8
Совращение малолетних	2	—	2	—	1	1	3
Бесстыдные поступки	5	11	16	2	5	7	23
Педерастия	14	31	45	—	—	—	45
Подделка монеты	—	2	2	1	—	1	3
Подлог	—	1	1	—	—	—	I
Мошенничество	23	66	89	1	6	7	96
Мелкие обманы	5	25	30	1	3	4	34
Железнодорож. наруш.	23	68	92	—	4	4	96
Поджог	1	1	2	—	—	—	2
Различные кражи	231	531	762	48	98	146	908
Неуплата суд. издержек	—	4	4	—	1	1	5
Прочие проступки	18	20	38	17	23	40	78
ИТОГО	767	1490	2257	150	259	409	2676

Некоторым дополнением французской статистики явятся данные о несовершеннолетних, содержащихся в исправительных школах (реформаториях) за 1902 г. с указанием преступлении за которые они были осуждены.

Виды преступлений.	Мальчики. Число.	%	Девочки. Число.	%
Убийство, отравление	7	0,22	—	—
Тяжкие телесные повреждения	103	3,24	9	1,60
Поджог	47	1,48	10	1,78
Изнасилование и преступления против нравственности	93	2,92	53	9,46
Кража квалифицирован.	60	1,89	21	3,73
Кража простая	2.999	72,25	250	44,57
Нищенство	95	2,98	38	6,77
Бродяжничество	343	10,76	99	17,65
Прочие преступленя	134	4,21	58	10,34
Неповиновение родител.	1	0,05	23	4,10
ВСЕГО	3.882	100.00	561	100.00

Здесь кража дает 74% для мальчиков и 48% для девочек. Различные формы беспризорности (нищенство, бродяжничество, дурное поведение) дают около 18% для мальч и 28% для девочек.

Перепись 1904 г. в **Америке** дает следующее распределение по роду проступков малолетних, содержавшихся в карательных и исправительных заведениях Соед. Штатов:

Преступления против общества	50,4
Пьянство	0,2
Дурное поведение	5,2
Бродяжничество	5,4
Неисправимость	26,8
Уклонение от посещения школы	7,2
Прочие	5,6
Преступления против личности	2,6
Насилия и раны	1,5
Разбой	0,7
Прочие	0,3
Имущественные преступления	32,1
Поджог	0,3
Кража со взломом	7,6
Простая кража	23,0
Мошенничество	0,1
Присвоение	0,1
Повреждение имущества . . .	0,7
Прочие	0,4
Беспризорные дети	10,3
Не указано проступка	4,5
ИТОГО	100%

Но обратимся к данным нашей уголовной статистики. Дела о несовершеннолетних от 10 до 17 лет у нас были подсудны как общим судебным установлениям (окружным судам и судебным палатам), так и местным судьям (мировым судьям, уездным членам окружных судов, городским судьям, земским начальникам и пр.), в виду чего общую таблицу, изображающую картину преступности несовершеннолетних привести трудно. Нам придется, поэтому, привести несколько отдельных таблиц, которые мы заимствуем из обстоятельной статьи Е. Н. Тарновского *).

За вторую половину первого десятилетия XX века из 100 осужденных **общими** судебными учреждениями несовершенолетних до 17 лет было осуждено:

Виды преступлений.	Годы.				
	1906	1907	1908	1909	1910
Кража и святотатство	47,2	42,7	43,1	41,2	48,9
Телесные повреждения и насилия	12,4	9,6	11,8	12,4	11,8
Разбой и грабеж	10,6	13,9	12,5	10,3	9,1
Преступления против жизни .	6,5	7,4	8,2	8,0	9,0
» политические .	3,5	8,6	8,0	4,8	2,3

*) Мин. Юст. 1913 кн. 10.

Виды преступлений.	Годы.				
	1006	1907	1908	1909	1910
Преступления против женской чести	3,2	3,3	2,9	4,0	3,9
Преступления против управления	6,1	6,6	4,0	3,8	2,0
Повреждение имущества (поджог	3,4	2,5	1,9	3,0	3,5
Мошенничество, присвоение, подлоги	1,1	0,8	1,3	1,3	1,0

Как можно видеть, кража дает почти половину всех правонарушений. При этом в общие суды попадали только обвиняемые в тяжких и квалифицированных видах кражи (со взломом, на сумму свыше 300 р., рецидивисты по 3-му разу). Процент осужденных за политические преступления колебался, в годы 1907—08, после движения 1905—06 гг., он поднялся до 8%, а в 1910 г. понизился до 2,3%, точно также процент осужденных за преступления против порядка управления упал с 6,5% до 2%.

В отношении несовершеннолетних, осужденных **местными** судами, Е. Н. Тарновский указывает применительно к 1910 г., что во всей России было осуждено около 25.000 несовершеннолетних, из которых 6.500 или не более 25% судились за кражу, мошенничество и другие проступки, влекущие за собою тюремное заключение. В 1900 г. к тюремному заключению было приговорено за эти проступки 5.127 несовершеннолетних из общего числа свыше 20.000. Но эти данные, повидимому, далеко не точны.

По данным, разработанным в сборнике «Дети-преступники», под редакцией М. Н. Гернета, относящимся к делам о несовершеннолетних, рассматривавшихся мировыми судьями г. Москвы в 1908 и 1909 гг., мы видим следующее распределение проступков, за которые несовершеннолетние привлекались:

Виды проступков.	Мальчиков.	Девочек.	Всего.	%.
Против собственности	1836	226	2062	68,9
» личности	320	18	338	10,9
» порядка управления и благочиния	468	45	513	17
Прочие преступления	85	12	97	3,2
	2711	303	3014	100.0

Преступность мальчиков составляет 89,95% всей преступности подростков г. Москвы, имущественная же преступность дает 68,9% всей преступности.

Гораздо точнее и показательнее, однако, данные касательно отдельных городов, где были учреждены особые суды для несовершеннолетних, ведомство которых соответствовало ведомству прежних мировых судов.

По данным суда для несовершеннолетних в г. Киеве *) за 1914—1916 гг., мы получаем следующую картину:

Виды проступков.	1914	%	1915	%	1916	%
Кражи	771	70	972	72	1553	82,1
Мошенничество	18	1,6	13	1	13	0,5
Присвоения и растраты	51	4,6	43	3,4	22	1,2
Нищенство	43	33,9	30	2,2	7	0,4
Нарушение правил о торговле	119	10,8	29	2,2	133	7
Нарушение благочиния .	28	2,5	32	2,3	32	1,7
Проступки против личной безопасности	29	2,5	78	6	84	4,4
Оскорбление	31	2,5	29	2,2	—	—
Угрозы и насилия . . .	13	1,1	—	—	—	—
Нанесение ран	6	0,5	9	0,7	5	0,3
Прочие проступки . . .	23	2,0	109	8,0	46	2,4
ВСЕГО . .	1132	100.0	1354	100.0	1895	100.0

Примерно около 70% краж мы имеем и в статистике Петроградского суда для несовершеннолетних за 6 лет его существования (1910—1916). Для Московского суда по делам о несовершеннолетних, на с'езде 1916 г. по борьбе с детской беспризорностью, в связи с войной, В. И. Шевелкиным было указано 72% краж и присвоений **). За время Революции процент имущественных преступлений в общей картине правонарушений несовершеннолетних еще значительнее возвысился, как-то видно из следующих данных, относящихся к Петроградской Комиссии по делам о несовершеннолетних обвиняемых:

Виды правонарушений.	1918	1919	1920	1921	1922
Имущественные преступления . . .	86	77	76,6	71	73,1
Нищенство и бродяжничество . . .	8	8	7,6	6,4	12
Дурное поведение в детских домах (побеги и пр.)	—	10	7,4	6,8	7,4

*) См. **Левитский.** Суд для несов. в г. Киеве 1915 г. и «Война и детский суд» 1916 г. Борьба с врагами беспризорного детства 1917.

**) За время войны для Берлина А. Гелльвиг дает следующий рост пропорционального отношения корыстных имущественных преступлений (краж, присвоения, мошенничества и укрывательства) к общей преступности несовершеннолетних:

1914 год	из 1131	правонарушения	881	корыстно-имущественных—77%.
1915 »	1413	»	1213	» —85%.
1916 »	2681	»	2358	» —87%.

В округе Ганновера и Линдена за 1916 г. правонарушения несовершенно летних, за вычетом случаев нарушения военных постановлений, распределялись

Имущественные преступления . . .	1011	81,5%
Насильственные » . . .	121	9,6%
Преступления против нравственности	26	2,1%
Прочие преступления и проступки .	89	6,8%
ВСЕГО	1247	100%

Виды правонарушений.	1918	1919	1920	1921	1922
Преступления против личности . . .	1,6	1,2	3,7	2,5	4,3
» » нравственности (изнасилование)	—	0,1	0,2	0,2	0,3
Преступления против порядка управления	4	3	4,2	12,4	2,9
Политические должностные и воинские преступления	0,4	0,7	0,3	0,7	—
ИТОГО	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Если наибольшую рубрику имущественных преступлений подразделить, в свою очередь, на более детальные квалификации, то мы получим:

Виды имущественных преступлений.	1918	1919	1920	1921	1022
Карманные кражи	7,5	8,6	8,7		—
Кражи со взломом	10	11,8	6,8	71	25
Прочие кражи	68,2	57	54,7		43,6
Мошенничества	7,9	3,8	4,2	4,1	15
Грабежи и разбои	1,2	0,1	0,5	2,7	3,2
Присвоения и растраты	1,7	0,6	0,7	1,1	3,3
Истребление и порча имущества . .	0,6	0,8	0,1	0,1	3,4
Спекуляция	2,9	17,3	25	14	7,5 *)
ИТОГО	100	100	100	100	100

По статистике русских исправительно-заключительных заведений за 1911—1915 г. проступки, за которые малолетние были помещены туда, распределялись следующим образом:

Название правонарушения.	1911	1912	1913	1914	1915	Всего	
Имущественнае преступл. . . .	1238	1382	1455	1460	1593	7128	83
Поджоги.	26	20	8	10	27	91	1,1
Убийство	26	30	17	31	14	118	1,4
Преступл. против нравственн. .	17	17	16	35	31	116	1,4
Нищенство и бродяжничество . .	96	125	139	161	242	664	8,0
Остальные преступления	97	68	91	107	99	463	5,1
Всего . . .	1500	1642	1726	1804	1906	8578	100

Таким образом имущественные преступления (кражи, укрывательства, сбыт краденного, присвоения и мошенничества) давали 83%, нищенство и бродяжничество—8% и остальные преступления около 9%.

Эту статистику можно сравнить с статистикой послереволюционного времени для Петрограда.

По видам правонарушений содержавшиеся в учреждениях для морально-дефективных г. Петрограда в 1920 г. распределялись (Аронович):

1. Кражи 61,5%
2. Уличная торговля 13,63
3. Хулиганство, нар. тишины 3,42

*) За 1922 год здесь вместо спекуляции фигурируют подлоги и вымогательства.

4. Мошенничество	3,23
5. Нанесение ран, побои, драки	0,81
6. Половые проступки	0,78
7. Плохое поведение, дерзость	6,48
8. Азартные игры	0,85
9. Прочие проступки	9,35
	100,0

Данные о преступности и беспризорности девочек в Петрограде за 1919 и 1920 гг. наиболее полно отражаются в статистике Центрального распределительного пункта для девочек. Через этот пункт прошло в 1919 г.— 966 дев., а в 1920 г.—1.508 дев. По роду проступков они распределялись (Аронович):

	1919	1920
1. Уличная торговля	520	965
2. Кражи	283	321
3. Дурное поведение	65	54
4. Подлог	32	52
5. Бездокументность	—	40
6. Бездомность	24	37
7. Спекуляция	—	16
8. Укрывательство воров и похищенного	—	10
9. Проституция	26	8
10. Покушение на убийство	—	2
11. Умственная отсталость (по недоразумению)	16	3
	966	1508

Если сложить эти цифры, то из 2.474 девочек совершившими правонарушения (кражи, подлог, покушение на убийство, укрывательство) было 698, т. е. 28%, а остальные 1.776 находились в состоянии опасной беспризорности. Между тем за пять лет деятельности Петроградского суда для малолетних (1910—1915) всего поступило под присмотр 911 девочек, из них совершивших кражи было 443 (против 604 за 1919—1920 гг.).

Характерен рост и других преступлений по Петрограду за два последних года представленный в числовых данных:

Виды преступлений.	1920	1921
1. Убийства	9	26
2. Разбои, разгромы, налеты.	264	142
3. Нанесение ран и побоев	57	108
4. Изнасилования	17	19
5. Поджоги	—	5
6. Оскорбления (словесные)	31	54
7. Должностные преступления	91	135
8. Политические преступления	31	58
9. Кража (всех видов)	4429	4374
10. Уличная спекуляция	1907	787
11. Мошенничестыо, подлоги, вымогат.	238	232
12. Присвоения, растраты.	51	63
13. Нарушение жел.-дор. правил (в связи с спекуляц.)	133	240
14. Нищенство, бродяжничество	705	502
15. Азартные игры	122	155
16. Дурное поведение в детских домах (побеги)	670	541
17. Нарушение обществ. порядка и админ. распоряж.	475	445

В этой таблице мы видим резкое различие между четырьмя группами несовершеннолетних: 1) совершители насильственных преступлений против личности (1—6)—их сравнительно немного; значительные цифры убийц и налетчиков показывают уже на связь насильственной преступности с имущественной, так как целью этих деяний почти всегда является ограбление, 2) группа должностных и политических преступлений (7—8), которая показывает довольно значительный рост в 1921 г.—в этом сказываются губительные последствия привлечения подростков к ответственным должностям, 3) группа имущественных хищников (9—13) наиболее значительная, можно сказать, подавляющая по своей численности и 4) группа беспризорных (14—17), которая стоит на втором месте по численности и свидетельствует о росте беспризорности, особенно резко проявившейся в 1921 г., когда формы государственного обеспечения детей значительно сократились.

Отчет Петроградской комиссии за 1922 г., составленный уже по классификации, введенной угол. кодексом 1922 г., с трудом поддается сопоставлению с предшествующими, тем более, что благодаря изменениям в подведомственности дел комиссиям, по крайней мере два раза происходили значительные колебания в возрасте обвиняемых, дела о которых передавались в комиссию (с июня лишь до 16 лет, а с ноября—лишь до 14 лет). По группам правонарушений, рассмотренных комиссией в 1922 г. мы имеем:

1. Государственные преступления	49
2. Хозяйственные преступления	90
3. Преступления против личности	197
4. Имущественные преступления	3060
5. Преступления против порядка управления . . .	1124
Всего . . .	4520

В групе государственных преступлений наибольшее число дает выезд за границу без разрешения властей (26); в групе хозяйственных—нарушение правил о торговле (61) и сбыт спиртных напитков (10); в групе преступлений против личности: хулиганство и драки (93); телесные повреждения (43); убийства (21); изнасилование и растление (93); оскорбления (29); в групе имущественных: кражи (2.848); разбой, бандитизм и грабеж (28); присвоение и растрата (22); мошенничество (101); вымогательство (13); подлог (37); умышл. повреждение имущества (24). В числе преступлений против порядка управления: нищенство, праздношатание (519); дурное поведение в детских домах и побеги (317); хранение огнестрельного оружия (26); проступки не имеющие общеопасн. значения (261). Одни кражи дают 63,3%.

Среди несовершеннолетних, попадающих в тюрьмы, значительное число заключено опять-таки за имущественные преступления корыстного

свойства. По данным, приводимым В. Якубсоном, в местах заключения содержалось:

Преступления, по которым были осуждены:	Несовершеннолетние На 1 января 1922 г.		Несовершеннолетние На 1 января 1923 г.		Взрослые На 1 января 1923 г.
Убийство	9 чел.	1,6%	15 чел.	3,9	5,7
Другие преступления против личности	8	1.5	6	1,6	2,1
Кража, грабеж, разбой	445	81,4	329	85,7	44,0
Прочие преступления	85	15,5	34	8,8	48,2
Всего	547	100%	384	100	100

Имущественные похищения для несовершеннолетних дают процент вдвойне больший, чем в составе преступности взрослых осужденных. Процент имущественных преступлений здесь близок к тем 90—92%, которые дает нам берлинская статистика после военного времени, когда тяжесть экономического истощения Германии стала чувствоваться особенно сильно.

Рассмотрение характера отдельных правонарушений несовершеннолетних показывает, что **имущественная преступность, дававшая до войны 60—70% всех правонарушений, под влиянием войны и революции резко усилилась, дойдя до 75—90% всей преступности несовершеннолетних.**

В виду того преобладающего положения, которое занимают в ряду детских проступков краж, весьма интересно привести деление их на отдельные виды с бытовой точки зрения. Наиболее характерными в этом отношении являются данные Петроградского суда для несовершеннолетних за 6 лет (1910—1915 г.) *).

Виды краж.	Мальчики. Среднее число.	%	Девочки. Среднее число.	%
Домашние	351	24,7	104	60,2
Домовые (в чужих домах и квартирах)	352	24,8	37	21,4
Карманные	259	18,3	5	3,2
С извощиков	95	6,6	—	—
Магазинные	133	9,4	13	7,9
В мастерских	—	—	2	1,1
С барок	23	1,6	1	0,7
Прочие кражи	205	12,7	9	5,1

Домашние кражи—у родителей, жильцов или хозяеев—живущих на одной квартире—чаще всего наблюдаются у девочек, служащих в качестве прислуги; для совершения их не требуется ни смелости, ни ловкости. Домовые кражи—в чужих домах и квартирах—дают приблизительно одинаковый процент для обеих полов. Кражи у извозчиков—это или кражи кошельков, фартуков и т. п. у спящих извозчиков или кражи с задков клади и багажа пассажиров—составляют исключительную специальность мальчиков, не редко в соучастии со взрослыми. Напротив того, кражи в мастерских совершаются исключительно девочками-мастерицами. Карманные кражи больше всего учиняются мальчиками и преимущественно у трамваев или в трамваях; на карманные кражи идут всегда «в паре», а иногда и более: один

*) См. ук. ст. Н. А. Окунева, стр. 809.

надавливает, другой ворует и, если удастся, передает. По свидетельству Н. А. Окунева, карманные кражи самый опасный вид краж в смысле исправления; карманные воры имеют значительный доход, всегда чисто одеты (чтобы тереться около чистой публики), часто надевают форменные фуражки учащихся. При карманных кражах сильно действует азарт, так как всегда есть надежда выхватить большой куш; эти кражи представляются также и своего рода спортом. У девочек, совершающих кражи домашние в качестве прислуги, они проходят единолично, у мальчиков развито соучастие, по преимуществу с другими мальчиками:

Кражи совершались	Мальчиками.	Девочками.
Единолично	810 (62,6%)	117 (83,2%)
В соучастии с малолетними	374 (28,8%)	12 (8,3%)
В соучастии со взрослыми	114 (8,6%)	12 (8,7%)

Для сравнения приводем также таблицу краж по данным Киевского суда для несовершеннолетних за 1914 и 1915 гг.

Виды краж:	1914	1915	1916
Квартирные	202	329	384
Карманные	195	187	334
Уличные и базарные	182	113	210
Домашние	141	109	177
Магазинные.	27	27	150
Кражи проституток.	24	13	—
На пассажирских и товарн. станц. .	—	104	103
Прочие виды краж	—	89	108
Итого	771	971	1466

Значительное развитие имущественной преступности и, в частности, краж среди несовершеннолетних находит себе об'яснение как в слабом еще развитии у них уважения к чужому праву собственности, так и в силе искушения, которое они испытывают и средством для удовлетворения которого являются деньги. Инстинкт к хищению, свойственный людям на низкой ступени развития, в определенном возрасте заметно проявляется и у детей. Для удовлетворения голода, потребности в лакомствах, в развлечениях, в покупках они без особых сомнений пользуются открывающимися им возможностями, если за ними нет строгого и постоянного надзора со стороны взрослых. Только посредством такого надзора и воспитания они приучаются подчинять свои склонности сдерживающим велениям разума и нравственных понятий. Поэтому развитие краж в детском возрасте есть, прежде всего, результат естественных влечений, не находящих сдержки в воспитании. Малолетний еще неспособен понять социальных мотивов запрета пользоваться чужими вещами для удовлетворения своих потребностей, он не совершает таких проступков потому, что его родители или лица, имеющие за ним надзор, «не велели» делать этого или, что он боится их гнева, наказания с их стороны за это. Значительно опаснее становятся кражи малолетнего, когда они при-

обретают характер систематических домашних краж или краж у посторонних. Такие кражи свидетельствуют о том, что у малолетнего развились потребности, которые он стремится удовлетворить тайком от домашних, и на которые ему нужны крупные деньги: курение, лакомство, хождение в кинематографы, азартная игра и пр. Вместе с тем и кража начинает приобретать характер известной авантюры, при совершении которой он подвергает себя риску и общественно-запретный характер, которой он прекрасно сознает. Чаще всего первым толчком к таким кражам является какая-либо склонность, перешедшая у малолетнего в страстность, иногда даже болезненного характера. Такой страстью у мальчиков является стремление к путешествиям (уходу на фронт—во время войны), к посещению кинематографов, к приобретению каких-либо предметов (оружие, уголовных романов, сластей), в более редких случаях—к курению, к ухаживанию за девочками. У девочек эта страсть выражается в покупке нарядов и украшений, сластей. Дальнейшим этапом является присоединяющееся к такой страсти влияние улицы. Лишенный домашнего надзора и окруженный порочными сверстниками или взрослыми, малолетний начинает задумывать и выполнять коллективные кражи, требующие особой ловкости, смелости и подготовки. Повышенная фантазия, быстрая смена впечатлений и слабая устойчивость воли делают его весьма восприимчивым к влияниям товарищей, и сначала в качестве пассивного, любопытствующего участника, а затем в качестве активного исполнителя он отваживается на более крупные кражи из магазинов, складов, чужих квартир и пр. Часть специализируется на уличных кражах (карманных, с извозчиков, на базарах). Выгоды, получаемые от таких краж, делают малолетнего еще менее зависимым от домашних; он чаще пропадает из дому, привыкает к широкому удовлетворению своих склонностей, что толкает его дальше и дальше по пути преступности. У девочек таким дальнейшим шагом является проституция, осложняемая кражами у «гостей» или участием в преступных предприятиях мальчиков-сутенеров. Робкий характер девочек почти всегда приводит к тому, что кражи совершаются ими в одиночку, тогда как мальчики действуют по преимуществу вместе. Мальчики редко обкрадывают своих хозяев, так как боятся жестокой расправы с ними, тогда как девочки довольно часто идут на этот путь.

В этой этиологии краж несовершеннолетних, однако, наиболее значительную роль играют наследственно-болезненные факторы, и факторы социальные. Очень часто склонность к кражам является одним из симптомов слабоумия. Ничтожная степень развития у таких детей силы сопротивления и неспособность получить желаемое каким-либо другим способом, толкает их на кражу, часто бессмысленную, жестокую и не стоящую ни в каком соответствии с характером мотива. Порою скрытые эпилептические, исторические наклонности находят свое выражение в клептомании—крайней психическо-нервной неустойчивости по отношению к каким-либо предметам (напр., у девочек—к украшениям); иногда, наконец, совершенные кражи являются проявлением особой злобности, желания причинить другим страдания, возникающей на почве болезненных извращений в области полового развития.

Среди социальных причин краж на первом месте приходится поставить

голод. В качестве показательной мы приведем таблицу, составленную Московской комиссией о несовершеннолетних за первые 3 месяца 1921 г.:

	Январь	Февраль	Март
Ухудшение общественного питания детей . . .	100%	85%	40%
Общее количество несоверш. обвиняемых . . .	100	135	160
Число обвин. в краже	100	156	196
Число обвин. в спекуляции	100	138	134
Число обвин. в хулиганстве	100	90	60

Мы видим, таким образом, что ухудшение общественного питания вдвое во столько же увеличило число краж, совершенных несовершеннолетними. Насильственные же преступления (хулиганства) с усилением голода падают.

По данным отчета Петроградской комиссии за 1920 г. из 700 совершивших кражи несовершеннолетних (на 100 тыс. населения)—288 падает на кражи с'естного, а 412—на прочие виды краж *). В. И. Куфаев («Правонарушения и беспризорность несовершеннолетних в России». Право и Жизнь 1922, июнь), так характеризует влияние голода на детскую преступность. «Отчеты из голодающих местностей пестрят жуткими картинами роста правонарушений среди несовершеннолетних. Так в отчете Уфимского Губсоцвоса мы читаем: «Страшная волна детских правонарушений и беспризорности захлестнула аппараты правовой защиты несовершеннолетних. С июня по декабрь 1921 г. чрез Уфимскую комиссию прошло 1.374 правонарушителей. Усиливающийся рост правонарушений, главным образом, краж, находится в тесной связи с ростом цен на хлеб. Коефициент несовершеннолетних, обвинявшихся в общественно-опасных деяниях для Уфимской губ. с ее детским населением в 435.852 человека обоего пола надо признать очень высоким. Другими словами, на 100 тыс. детского населения здесь приходилось 316 правонарушителей». Своеобразную голодную психологию дети заносили и в другие губернии, куда были затем переселены дети из голодающих губерний. В. Н. Куфаев отмечает рост краж в 1921 г. в Москве, Ташкенте, Ростове-на-Дону и Краснодаре, куда массами были переселены такие дети *).

---

*) Л. М. Василевский в своей «Книге о голоде (П. 1922)» пишет: «На преступление голод толкает в голодной полосе всякого ребенка, даже ребенка в детском доме, даже в родной семье. О сироте же или вообще о бесприютном—и говорить нечего. При таких условиях быстрый рост детской преступности естественен и неизбежен. Число дел, поступающих в комиссии по делам о несовершеннолетних (речь идет о голодающих губерниях), сравнительно с 1921 годом, увеличилось, примерно. в 2—2½ раза. В действительности рост нравственной дефективности еще больше, ибо в виду плохой связи губернских, а тем более, уездных комиссий с местами, о многих правонарушениях подростков даже не сообщают: в атмосфере «голодного быта» они стали слишком обыденными для того, чтобы стоило их отмечать, на них реагировать. Насколько велико среди возбуждаемых дел число дел, возникающих на почве голода, видно из того, что, напр., из 1.500 (в круглых цифрах) дел в Уфимской губ. комиссии о несовершеннолетних более тысячи составили в 1921 г. кражи. В подавляющем большинстве это кражи на базарах, с лотков, из кухонь в чужих квартирах и пр.».

**) По данным Г. Ароновича из детей, сдодержавшихся в 1920 г. в Петроградских учреждениях для морально дефективных 61,5% были помещены туда за кражи. При этом в 41,5% об'ектом кражи были с'естные припасы, карманные кражи дали 23,5% и прочие виды краж—35%.

ГЛАВА V.

Статистика мер воздействия на несовершеннолетних.

При рассмотрении движения преступности несовершеннолетних в довоенное время мы в качестве вывода указали, что повышение или понижение этой преступности в первую очередь зависит от характера мер, применяемых для борьбы с этим явлением. В виду этого представляется интересным уделить некоторое место рассмотрению статистических данных о характере карательных и исправительных мер, применяемых в настоящее время в отдельных государствах и, в частности, в нашей стране.

Возьмем для сопоставления данные, относящиеся ко второму десятилетию XX века, когда система мер воздействия уже более или менее сложилась.

Посмотрим сначала, как обстояло дело у нас в годы, непосредственно предшествовавшие войне. Наиболее частой мерой воздействия в отношении несовершеннолетних в до революционное время у нас была тюрьма и арест. Из последних отчетов главного тюремного управления видно, что через общие места заключения прошло несовершеннолетних до 17 лет:

Годы.	Через тюрьмы.	Через арестн. дома.	Всего.
1910	4457	9345	13802
1911	6392	8486	14873
1912	7412	8440	15882
1913	7800	9100	16900
1914	7456	7346	14800
1915	5535	5251	10786

В среднем, таким образом, ежегодно проходило около 7.000 малолетних через тюрьмы и около 8.400 через арестные дома, тогда как среднее число проходящих чрез исправит. воспитательные заведения за тот же период равнялось 4.300. Наибольший процент содержавшихся в тюрьмах и арестных домах падал на подследственных (55%), около 40% были приговорены к тюрьме, как к наказанию и около 5% содержались там за отсутствием исправит. воспитательных заведений. Среди проходивших через места заключения довольно значительным был процент детей, не достигших 14 лет.

Число малолетних, недостигших 14 лет и прошедших

	через тюрьмы		через арестн. дома.	
1914	508	7%	1016	14%
1915	313	6%	579	11%

Значительное число содержалось совместно со взрослыми заключенными. Для арестных домов это было общим правилом, а для тюрем около 43% содержались вместе со взрослыми.

Если суммировать данные за пятилетие 1911—1915 г., то из общего числа 2.789 содержались в одиночных камерах (8%), 16.828—в общих камерах с несовершеннолетними того же возраста (49%) и 14.978—в общих

камерах со взрослыми и несовершеннолетними 17—21 года (43%). Из общего числа прошедших через тюрьмы за этот период несовершеннолетних до 17 лет, 26.332 (77%) вовсе не обучались в тюрьме, а 8.263 (23%) обучались в течение всего времени заключения или части его. Заняты были работой из этого числа всего около 25%, а 75% проводили время в праздности, отчасти вследствие весьма кратких сроков заключения.

Тюрьма назначалась па весьма краткие сроки времени, как показывает следующая таблица:

	1911	1912	1913	1914	1915	Всего	Процентн. отношен.
До 1 месяца. . . .	1001	1313	1343	1482	1074	6213	18
От 1 до 3 мес. . . .	2187	2753	2754	2741	2165	12598	36
Свыше 3 мес. . .	3204	3306	3703	3233	2298	15784	46

В арестных домах содержалось:

	1914	1915	Проц. отнош.
До 1 месяца	4867	3420	65
От 1 до 3 мес. . . .	2233	1600	31
Свыше 3 мес. . . .	306	231	4

Пользовались обучением в арестных домах менее 3%; такой же ничтожный процент был и занятых какими-либо работами.

Таким образом, в дореволюционное время громадные цифры детей и подростков приговаривались у нас к заключению па кратике сроки, могущие только развратить их, проводили большею частью время в праздности, не пользуясь обучением и не будучи заняты производительным трудом и, наконец, находясь в постоянном общении со взрослыми преступниками.

При таком значительном количестве несовершеннолетних, подвергавшихся заключению, число несовершеннолетних, помещаемых в исправ.-воспитательные заведения, было весьма невелико. В 1909 г. у нас было на всю Россию 49 таких заведений со средне-суточными составом около 17.380 человек. В течение 1909 г. в эти учреждения было помещено всего 1.009 воспитанников. После издания положения об исправ.-воспитательных учреждениях от 17 апреля 1909 г. почти все заведения расширили число вакансий и создались некоторые новые. К 1915 г. общее число таких учреждений было 61, при среднем составе в 4.300 человек. По отдельным годам:

Годы.	Число завед.	Число несов. в них.	Поступило в отчетн. году.
1911	49	4213	1750
1912	44	4234	1693
1913	44	4717	2169
1914	41	4317	1822
1915	42	4288	1906
Средн. за 5 л.	44 *)	4354	1683

Часть содержавшихся в исправ.-воспитательных заведениях должна быть отнесена к категории детей беспризорных, которые с 1909 г., также

*)Не все заведения аккуратно доставляли статистич. сведения, вследствие чего и число заведений и соответственные цифры, вероятно, были несколько больше.

могли быть направлены в эти учреждения. Так по данным 1914 г. направленных в исправ.-воспитат. заведения вследствие беспризорности было 157 чел., по данным 1915 г.—121, а в среднем от 7—9% всех направляемых.

Несколько более отрадную картину мер воздействия давала деятельность немногих существовавших у нас судов для несовершеннолетних. Если взять для иллюстрации деятельность старейшего из таких судов—Петроградского суда для малолетних, то принятые им меры в отношении наиболее трудной категории правонарушителей, состоявших под присмотром особых попечителей, за шестилетие 1910—1915 г. распределяются так:

Меры воздействия.	Общее число за 6 лет.		Процентн. отношения.	
	мальч.	девоч.	мальч.	девоч.
Замечание	27	4	0,6	0,7
Арест	24	7	0,5	1,2
Надзор попечит. . .	3292	331	75,2	56,8
Воспит. исправ. зав.	476	225	10,8	38,6
Тюрьма	561	16	12,8	2,7
Всего . . .	4380	583	100,0	100,0

Мы видим, таким образом, что детский суд вводит в практику новую меру—надзор попечителя, которая приобретает весьма широкое применение. Арест почти исчезает из числа наказаний, тюрьма по отношению к мальчикам почти сравнивается с мерами принуд. воспитания, а по отношению к девочкам совершенно отходит на второй план.

Интересно сопоставить эти цифры Петроградского суда с цифрами Берлинского суда по делам о несовершеннолетних за последние годы.

Меры воздействия.	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
Тюрьма.	472	890	1633	1946	2642	1139	1687
Арест	24	8	8	20	—	—	—
Денежн. пеня	114	73	148	213	604	233	262
Выговор	385	360	686	773	1039	409	807
Оправдано	118	82	196	182	293	167	349
Прекращено	—	—	—	—	135	404	494
Всего . . .	1113	1413	2671	3134	4713	2352	3599

В процентном отношении эти меры дают:

	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
Тюрьма	42,4	62,9	61,2	62,1	56,1	48,4	46,9
Арест	2,2	0,6	0,3	0,6	—	—	—
Денежн. пеня . .	10,2	5,3	5,5	6,8	12,8	9,9	7,3
Выговор	34,6	25,4	25,7	24,7	22	17,4	22,4
Оправдано	10,6	5,8	7,3	5,8	6,2	7,1	9,7
Прекращено . . .	—	—	—	—	2,9	17,2	13,7
Итого . . .	100	100	100	100	100	100	100

Нельзя не обратить внимания, какую громадную роль в германской практике играет еще тюрьма, как наказание. Правда, значительная часть наказаний тюрьмой назначалось условно, а частью заменялась помещением в воспит.-исправ. учреждения, что происходило уже в административном порядке. Нужно думать. что с принятием нового закона 1923 г. о судах для

несовершеннолетних, эта практика существенно изменится. Арест, как мера воздействия, с 1918 г. совершенно исчезает.

Тюрьма, как наказание в отношении к детям до 16 лет является уже почти отмершим наказанием в Англии после принятия там закона о детях 1908 г. Выше мы приводили данные о применении ее в годы, предшествующие изданию этого закона. Заимствуем от М. Н. Гернета сведения, относящиеся к более позднему времени. Во всей Англии (кроме Шотландии и Ирландии) было приговорено к тюремному заключению:

Годы.	Несовершеннол. до 16 лет.	Несовершеннол. 16—21 г.
1908	547	13811
1909	227	13643
1910	51	12038
1911	21	9442
1912	40	8987
1913	15	7490

За шесть лет тюремное заключение для малолетних до 16 лет почти совершенно вымерло, а для молодых преступников до 21 г. сократилось почти наполовину.

Что касается исправительного воспитания, то по данным 1911 г. в школы-реформатории был помещен 1.181 несоверш., в ремесленные же школы4.350.

Любопытно сопоставить данные о количестве заведений исправит. воспитания на Западе и у нас во время, предшествующее последней войне. В России, по данным 1913 г., имелось 61 заведение при средне-суточном составе 4.300 воспитанников, что составляет приблизительно 40 мест на 1 миллион населения. В Англии в 1911 г., при населении в 4 раза меньшем, имелось 37 школ-реформаторий и 113 ремесленных школ с средне-суточным составом около 6.000 воспитанников, что составляет около 200 мест на 1 милл. жит. (население Англии и Уэльса в 1900 г. было 33 милл.), т. е. в 5 раз больше. В Бельгии к 1910 г. имелось 2.800 мест в таких заведениях, что дает 380 мест на 1 милл нас., т. е. в 10 раз больше. В Германии, по данным 1910 г., имелось 898 воспитательных заведений для детей-правонарушителей и детей беспризорных. Число помещенных в воспитательные приюты и переданных в частные семьи под наблюдением соответственных властей весьма велико. По прусской статистике к началу 1917 г. таких малолетних было 59.500 (37.092 мальч. и 22.408 дев.) *), по баденской статистике—к концу 1919 г. было 2.072 (1.347 мальч. и 725 дев.), из них половина приблизительно падает на правонарушителей (51%) и половина на беспризорных. В одной провинции Бранденбург к началу 1922 г. состояло 7.342 малолетних, находившихся на госуд. воспитании, при чем

*) По Прусской статистике попечительного воспитания, с 1 апреля 1901 г., когда вступил в действие закон 1900 г. о попечит. воспитании, до 1 апреля 1912 г. (т.-е. за 11 лет) такому воспитанию подвергнуто 81.000 малолетних. Ежегодное число помещаемых равняется, приблизительно, 9.000. К 1912 г. на попечит. воспитании в Пруссии находилось около 50.000 несовершеннолетних. Однако, следует имет в виду, что около $^2/_3$ из них помещаются не в приюты, а в особо надежные семьи. См. Vieregge snangsersien chund в книге Hanoduch fur Jugencdp 1913 г. 119.

2.294 из них помещались в учреждениях. Конечно, эти цифры охватывают значительно более широкую категорию малолетних, но за отсутствием общеимперской статистики специально о несовершеннолетних правонарушителях, помещаемых в учреждения принуд. воспитания, приходится ими ограничиваться. Во Франции к концу первого десятилетия XX века было свыше 4.500 мест в исправит. заведениях, что дает примерно до 115 мест на 1 миллион населения. Таким образом, до революции Россия являлась одной из самых отсталых стран в смысле распространенности принудит. воспитания.

После октябрьской революции число учреждений для морального перевоспитания быстро увеличилось, но, к сожалению, в первое время дело находилось в руках людей неподготовленных, правила воспитания были случайны, материальное оборудование крайне недостаточно, вследствие чего пришлось позднее целую массу таких учреждений закрыть. По данным Главсоцвоса за 1921 г. на всю Республику к середине этого года имелось 74 домов и колоний принудительного воспитания (к сожалению число мест в них не было указано). К 1923 г., по сообщению заведующего этими учреждениями в центре, В. Комова, в РСФСР имелось 188 учреждений для морально-дефективных детей с общим количеством содержащихся в них детей— 5.096 *). Это составляет уже около 50 мест на 1 миллион населения значительно отстающее от стран Запада. По заявлению того же В. Комова, процент удовлетворительности нужды в таких учреждениях в среднем не подымается выше 5—6%.

Перейдем теперь к статистике применяемых в отношении несовершеннолетних правонарушителей мер в Советской России. Декрет 4 марта 1920 года и Положение о комиссиях о несовершеннолетних с июня того же года ввели в практику комиссий целый ряд новых мер медико-педагогического характера и социальной помощи несовершеннолетним, вследствие чего и классификация принимает совершенно иной вид.

По статистическим данным за 1921 г. по 205 комиссиям 52 губерний и областей касательно 54.424 несовершеннолетних были приняты следующие меры:

Принятые меры:	По всем 205 ком. Абс. числа.	% отн.	Москва. Абс. числа.	% отн.
Число несов., о которых решены дела.	54.424	100	14.300	100,0
Число несов., в отн. которых приняты меры медико-педагогич	38.127	70,05	10.470	73,2
Беседы и внушения.	13.719	25,21	3.096	21,7
Опека	326	0, 6	141	1,0
Присмотр об. восп.	3.425	6, 3	1.837	12,9
Присмотр родит.	7.742	14,23	1.926	13,1
Отправка на родину.	1.855	3,41	767	5,3

*) По сводке, составленной на 1 января 1922 г. Потделом воспитания и образования дефективных детей Наркомпроса по всем губерниям и автономным областям Республики у нас имелось 156 учреждений для морально-дефективных детей (включая приемники и распределители) с составом в 5.781 воспитанников. Число служащих в них было: 895 лиц педагогического персонала, 75—медицинского и 742—административно-хозяйственного.

Принятые меры.	По всем 205 ком. Абс. числа.	% отн.	Москва. Абс. числа	% отн.
Помещ. в школу	604	1,12	207	1,5
Помещ. на работу.	1.479	2,72	471	3,5
Пом. в детские дома	1.672	3,08	471	3,5
В психиатр. лечебн.	465	0,85	167	1,2
В учр. для моральн. дефективных	3.078	5,66	461	3,5
Перед. в нар. суды	3.762	6,92	926	6,4
Прекращены дела.	13.719	25,21	2.519	17,6
Неизвестно.	2.578	4,74	1.398	9,8
	54.424	100,00	14.307	100,0

По данным за 1922 г., которые получены от 74 комиссий, соотношение принятых мер приводится в следующей таблице (Москва и Петроград нами выделяется особо):

Принятые меры.	Абсолютные числа. Москва.	Петроград.	74 комм.	Процентн. отнош. Москва.	Петроград.	74 комм.
Раз'ясн. и выговор	1321	1739	5232	18,6	39	25%
Присмотр родителей	410	—	2615	5,8	—	12,7
Присмотр об. воспит.	630	25	521	8,9	0,5	2,5
Отправка на родину.	120	35	320	1,7	0,7	1,5
Помещ. на работу	34	—	297	0,5	—	1,4
Помещ. в школу	15	—	131	0,2	0,0	0,6
Помещ. в детские дома. . . .	465	155	911	6,4	3,4	4,4
Пом. в психиатр. леч.	31	—	73	0,4	—	0,4
В дома для деф. детей.	187	804	1615	2,6	17,8	7,8
В реформаторий	—	146	—	—	3,0	—
В народн. суды.	1155	523	5364	16,1	11,6	26,0
Прекращено и передано в друг. комм.	2747	898	3279	38,6	19,8	15,8
Возбуждено пресл. о взрослых посторонн.	3	44	165	0,03	1,0	0,8
Возб. дел о родител.	4	—	98	0,05	—	0,5
Передано в угол. роз.	—	155	—	—	3,2	—
Итого . . .	7121	4520	20715	100,0	100,0	100,0

Эти цифры показывают, что около 25% всех дел оканчиваются легкими видами морального воздействия (беседы, внушения, выговоры); меры социальной помощи (опека, отправка на родину, помещ. в школу, на работу) в 1921 г. давали от 8—11%, а в 1922 г. лишь 1—3%; помещение в детские дома для нормальных детей—3—4%, в учреждения для морально-дефективных в 1921 г. для Москвы давал 3,5%, а в 1922 г.—2,6%, для Петрограда в 1921 г.—12%, в 1922 г.—17,8%, для остальной Республики в 1921 г.—5,6%, в 1922 г.—7,8%. Присмотр обследователей-воспитателей, в практике Петроградского детского суда дававший до 75%, дал в 1921 г. для Москвы—6,3%, для Петрограда—1,5, для остальной Республики—12,9%, а в 1922 г.—для Москвы—8,9%, для Петрограда—0,5% и для

Республики—2,5%. Процент прекращаемых дел нормально выражается в 17—25 лишь Москва в 1922 г. дает значительное превышение (38,6%). Число несовершеннолетних, передаваемых в народные суды, в 1921 г. равнялось 6—7%, данные же 1922 г. дают крайне пеструю картину в виду разнородности практики по применению ст. 18 угол. кодекса, но во всяком случае наблюдается повышение процента передачи в 2—3 раза.

Изменение процентных отношений по годам в период 1920—1922 г. лучше всего видно по статистике Петроградской Комиссии.

Меры, принятые Петроградской комиссией по делам о несовершеннолетних:

Принятые меры.	1920	1921	1922	1920	1921	1922
	Абсолютн. цыфры.			Процентн. отнош.		
В дома Соц. Восп. для нормальных детей	308	262	155	3,4	3,3	3,4
В учреждения для трудно-исправ. (реформатории)	152	110	146	1,7	1,4	3,0
Физич. и умственно дефективных	72	81	65	0,8	1,1	1,4
Трудно-воспитуемых	33	24	47	0,4	0,3	1,0
Морально-дефективн.	1042	845	692	11,5	10,7	14,5
Выговор и внушение	3212	3348	1739	34,9	42,4	39,0
Присмотр родных	868	515	—	9,6	6,6	—
Присмотр об. восп.	151	117	25	1,7	1,5	0,5
Отправка на родину	234	189	35	2,6	2,4	0,7
Пом. на работу	33	37	—	0,4	0,4	—
Передача в нар. суды	332	465	523	3,7	5,8	11,6
Передача в уезд. ком.	72	36	24	0,8	0,4	0,5
Передача в угрозыск.	1225	616	195	13,5	7,8	4,1
Прекращено	1372	1251	874	15,0	15,9	19,3
Итого	9.106	7902	4520	100,0	100,0	100,0

Здесь мы видим, что процент детей, помещаемых в учреждения несколько ростет, увеличивается также процент мер легкого морального внушения, убывают же случаи присмотра обследователей-воспитателей (за сокращение штатов) и меры оказываемой социальной помощи.

Малолетние, дела о которых передаются в народные суды, большею частью приговариваются к тюремному заключению (зачастую условно). Выше мы уже приводили цифры несовершеннолетних, прошедших у нас через места заключения в период 1921—22 г. Число это, принимая во внимание обычную длительность сроков заключения, значительно меньше числа малолетних, дела которых были переданы в народные суды, из чего можно заключить, что по таким делам не редкими являются оправдания или условные приговоры. У нас по отчету ЦИТО за 1921 г. имелось всего 3 трудовых дома для несовершеннолетних, лишенных свободы (в Москве, Петрограде и Саратове). К 1923 г. число это не увеличилось. Точная цифра содержавшихся в них малолетних не известна, но если вычесть число несовершеннолетних в этом году, переданных в народные суды по Петрограду, Москве и Саратову (1.655 чел.), то все же около 60% несовершеннолетних направляются в общие тюрьмы. Небольшой процент несовершеннолетних (в 1921 г.—95 ч.) содержится в сельско-хозяйственных колониях для лишенных свободы (около 4,5% всех заключенных в 1921 г. несовершеннолетних).

Краткосрочное лишение свободы для несовершеннолетних у нас окончательно вышло из употребления. По статистике, приводимой В. Якубсонок.

На 100 лишенных свободы по приговорам к 1 января 1923 г. было приговорено на срок:

	Взрослых.	Несовершеннолетних.
До одного года	23,5%	32,3%
От 1 до 2 лет	28,7	29,8
» 2 » 3 »	20,0	16,1
» 3 » 5 »	22,4	9,8
» 5 » 8 »	3,4	1,9
Более 8 лет	2,0	10,1
Всего	100,0	100,0

Эту статистику любопытно сравнить с данными относительно продолжительности тюремного заключения несовершеннолетних, осужденных Берлинским судом для несовершеннолетних.

Сроки заключения.	1918		1919		1920	
1—3 дня	193	7,3%	85	7,4%	132	7,8%
4—7 дней	516	19,5	192	16,9	251	14,9
1 нед.—1 мес.	1038	39,3	411	36,1	667	39,3
1 мес —3 мес.	293	11,1	269	23,6	406	24,1
Всего до 3 мес.	2020	77,2	752	84,0	1656	82,1
4 мес. 1 год	534	20,2	158	13,9	205	12,4
Свыше 1 года	68	2,6	24	2,1	26	1,5

Таким образом, в Берлине 77—84% приговариваются к тюрьме на сроки менее 3 месяцев. Еще более краткосрочное заключение применялось до войны для всей Германии, как показывает след. таблица (Гернет):

Относительная длительность тюремного заключения несовершеннолетних в Германии. На 100 приговоров к тюр. заключению было приговорено на сроки:

Годы.	1—3 д.	4—7 д.	7 д.—1 м.	1—3 м.	Всего до 3 м.	3 м.—1 г.	1 г.—2 г.	Более 2 л.
1902	19,1	19,0	24,9	17,0	80,0	16,2	2,8	1,0
1903	18,7	19,6	24,8	17,9	81,0	15,7	2,5	0,8
1904	18,7	20,6	25,9	17,4	82,6	14,6	2,1	0,7
1905	19,4	20,5	26,0	17,5	83,4	13,8	2,1	0,7
1906	20,3	21,5	26,0	17,3	84,7	12,9	1,8	0,6
1907	21,3	21,1	25,3	17,3	85,5	12,2	1,8	0,5
1908	21,3	21,6	25,4	17,3	85,7	12,0	1,7	0,6
1909	22,6	21,7	25,1	17,6	86,3	11,4	1,8	0,5
1910	22,9	21,0	25,3	16,6	86,6	11,4	1,4	0,6
1911	22,8	21,3	24,7	17,4	87,0	11,2	1,4	0,4

Мы видим, таким образом, что на ряду с новыми мерами лечебно-воспитательного характера и мерами социальной помощи, повсюду еще значительную роль играют карательные меры старого типа, в частности общая тюрьма. Впрочем, в последние годы она постепенно сходит со сцены, все более заменяясь мерами принудительного воспитания, значительно усложняющимися в своих видах, формах и условиях режима. В дальнейшем мы особо остановимся на характеристике различных мер воздействия и дадим их критическую оценку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ.

ГЛАВА I.

Детская беспризорность как фактор преступности.

Понятие и виды беспризорности.

Одним из жизненных вопросов, упорно и неизменно привлекающих к себе внимание государства и общества и особенно обострившихся в период военного и послевоенного времени, является вопрос о детской беспризорности. С разных сторон и различные органы и организации подходят к этому вопросу, в различных направлениях ведется борьба с растущим бедствием беспризорности, из разных источников тратятся средства и силы на преодоление ее, и все же приходится сознаться в том, что в широких кругах общества и практических работников до сих пор не имеется отчетливых представлений о том, что именно следует понимать под этим состоянием и как с ним следует бороться организованно. С детской беспризорностью у нас приходится сталкиваться и педагогам в школе, и работникам по правовой охране детей, и инспекции труда, милиции и органам судебной власти, органам социального обеспечения и здравоохранения, и всякому, наконец, общественному работнику. Каждый из этих органов и лиц вырабатывает свое воззрение на беспризорность, устанавливает свои методы борьбы с нею и в результате затрачивается масса усилий и средств, которые, несомненно, принесли бы значительно больше успешных результатов, если бы все они были бы организованы.

Беспризорность у нас еще до сих пор является чисто бытовым понятием, неоформленным законодателем. Одни, говоря о беспризорности, разумеют сиротство детей или оставление их родителями на произвол судьбы, другие подчеркивают момент материальной нужды, третьи видят в беспризорности недостаток воспитания, четвертые, наконец, считают беспризорность проявлением морально-опасного состояния малолетнего. В виду такого разнообразного понимания самого явления беспризорности, не лишне будет начать с попытки его определения.

Беспризорность есть состояние, характеризующее не самую личность ребенка, а ту социальную обстановку, в которой он растет и воспитывается. Перед тем, как достичь расцвета и зрелости своих сил и социальной самостоятельности, ребенок нуждается в ряде благоприятствующих условий. К ним относятся: здоровая семейная обстановка, удовлетворение материальных нужд, здоровые развлечения и игры, надлежащее воспитательное влияние и образование и, наконец, хорошая социальная атмосфера. Подобно тому, как недостаток гигиенических условий света, тепла, чистоты и питания— неизбежно сказывается на физическом здоровье ребенка, точно также недо-

статок каких-либо из указанных выше условий социальной обстановки влечет за собою его моральную и социальную недостаточность—беспризорность. Если мы называем дефективными детьми тех, у которых умственная, физическая или моральная недостаточность об'ясняется унаследованными свойствами или патологическим состоянием их психики, то детьми беспризорными по большей части являются дети, находящиеся в таких окружающих условиях, которые грозят создать в них моральную или социальную недостаточность. В зависимости от причин беспризорности и степеней ее можно различить и несколько видов ее.

Беспризорность—сиротство, есть обычная форма беспризорности, непосредственнее всего привлекающая к себе внимание. Сиротство в детском возрасте, при отсутствии близких родственников, принимающих на себя попечение о малолетнем, означает для ребенка отсутствие любовной заботы, материальную нужду, скитальческую жизнь по чужим людям и почти всегда недостаточность воспитания. Отсутствие семейной обстановки есть та форма социальной недостаточности, которая неизменно требует себе компенсации в виде государственного или общественного попечения.

Беспризорность—нужда настигает ребенка как в условиях семейной обстановки, так и при начале его самостоятельной жизни. Она сказывается в физическом недоразвитии его, в дурных жилищных условиях, в невозможности получить законченное образование, она толкает ребенка к раннему труду, порою к нищенству, проституции, преступлениям.

Беспризорность—заброшенность выражается в том, что ребенок, находясь даже в семье, ростет, однако, без всякого надзора и попечения; на его воспитание, на удовлетворение его необходимых нужд не обращается никакого внимания; он может легко злоупотреблять своей свободой и легко становится жертвой окружающих соблазнов и дурных влияний, которым он не в состоянии оказать достаточного противодействия.

Беспризорность—беззащитность имеется налицо, когда ребенок подвергается в семье или у лиц, у которых он живет, жестокому обращению, эксплоатации, когда эти лица толкают его на путь нищенства, проституции, преступления, когда атмосфера дома представляет серьезную опасность для его здоровья и морального развития. Находясь в таких условиях, ребенок, в силу своей беззащитности, становится орудием в руках взрослых совратителей, являясь вместе с тем их жертвой.

Указанные четыре вида беспризорности с точки зрения факторов, порождающих ее, конечно, не исчерпывают всего разнообразия форм ее. В частности, каждый кризис в области социальной жизни порождает свой вид беспризорности. Во время войны повсюду широко развилась **беспризорность—безотцовщина и беспризорность—беженство.** Уход на войну и гибель миллионов отцов сразу ослабили и семейный надзор, и семейный достаток, в результате чего детская беспризорность во всех воевавших странах необычайно выросла. Беженство, обрекавшее семью на кочевое существование, изгонявшее ее из родного угла и подвергавшее детей всевозможным лишениям и случайностям, создало у нас громадную волну детской беспризорности. Еще значительнее была **«голодная беспризорность»,** порожденная неурожаем 1921 года, раскидавшая детей из голодающих губерний по всем уголкам страны и породившая на местах значительную детскую преступ-

ность. Цифры детской беспризорности, на основании подсчетов, производившихся в различных местах у нас, прямо потрясающи. По подсчету для Украины, сделанному в конце 1921 г. на с'езде заведующих губерниями, указывалось, что в УССР после империалистической и гражданской войны было выброшено буквально на улицу около 250 тысяч круглых сирот, 400—500 тысяч полусирот и целый поток беспризорных детей. По подсчетам в одной Киргизской республике к 1 января 1922 г. числилось 396.000 беспризорных детей, а к 1 марта того же года—408 тысяч. Общее число беспризорных детей в РСФСР, по подсчетам Главсоцвоса, определяется более, чем в два миллиона. Естественно, что эти громадные армии беспризорных детей явились наследием пережитых страною крупных социальных потрясений.. Всякая беспризорность, как социальная недостаточность среды, окружающей ребенка, в конечном итоге сводится к факторам социального порядка.

Но кроме различия детской беспризорности по факторам, ее порождающим, необходимо различать виды беспризорности и по ее социальным проявлениям. Беспризорность, подобно длительному недугу, проходит через несколько стадий или фаз своего развития.

В своих начальных или первичных проявлениях детская беспризорность не всегда обращает на себя достаточное внимание. Легкое озорство, уклонение от поступления в школу или от регулярного посещения ее, свободное посещение различных предосудительных увеселений, скитание до поздней ночи со случайными товарищами, уличная торговля, стремление к случайному заработку, не всегда добываемому честным путем, ростущая грубость обращения и беззаботность о подготовке к будущей жизни—вот нездоровые и опасные симптомы начинающейся развиваться беспризорности, которые, не выражаясь еще в социально-опасных проявлениях, тем не менее составляют уже серьезную угрозу для нормального развития малолетнего. Такой подросток, даже если его беспризорность не прогрессировала далее, является значительно отсталым в умственном и воспитательном отношении от своих товарищей; с наступлением возраста трудовой зрелости он оказывается не в состоянии найти себе постоянное место, так как он не привык к регулярному труду и специально не обучен, и потому хронически является безработным и праздным; он свыкся с улицей и дурными товарищами, которые легко его могут толкнуть на путь правонарушений; в нем не создавалось определенного уважения к праву, порядку и культурным ценностям, и удовлетворение потребностей минуты и дня для него является высшим законом. Социальная недостаточность такого подростка выражается в том, что он неспособен усвоить себе существующий уровень социального и культурного развития и приспособиться к нему, вследствие чего он обречен быть **социально-отсталым.**

Более запущенным и вместе с тем труднее поддающимся воздействию социальным проявлением беспризорности являются детское нищенство, бродяжничество, проституция, сутенерство. Здесь уже по общему правилу меры социальной профилактики—меры предупреждения и социальной помощи—оказываются недостаточными и требуется сложная работа педагога-специалиста для длительного перевоспитания, а порою и лечения таких детей и подростков. Значительная часть детей попадает в эту форму беспри-

зорности, конечно, благодаря не своим склонностям, а социальным условиям, толкающим их на занятия нищенством, проституцией или бродяжничеством. Но эти профессии, подобно всяким другим профессиональным занятиям, через некоторое время накладывают свой резкий отпечаток на всю личность малолетнего. Он усваивает себе определенные привычки, воззрения, образ жизни, свойственные данной группе. Постепенно подросток приспособляется к тому типу существования, который мы называем **социально-паразитарным.** Не создавая еще прямой опасности для общества, он ложится тяжелым бременем на государство и трудящиеся классы, принужденные содержать его в своих учреждениях: работных домах, больницах, колониях, приютах, реформаториях или мириться с его паразитарным существованием на свободе на счет частной благотворительности или порока. Социальный паразитизм, как и паразитизм в природе, постепенно приводит индивида к вырождению: он не только сам зачастую падает до полуживотного образа жизни, но и порождает на свет болезненное и дефективное потомство. Понятно, поэтому, что борьба с социально-паразитической формой беспризорности диктуется теперь не соображениями поддержания «порядка и благочиния», как то было в эпоху полицейского государства, а разумно понимаемыми задачами социальной евгеники. До последнего времени эта борьба велась почти исключительно при помощи административных мер, и только за последние годы она стала переходить в руки педагога, врача и социального работника.

Наконец, третьей формой социального проявления беспризорности, формой, привлекающей к себе наибольшее внимание, является **социально-опасная** беспризорность, находящая свое выражение в ранней преступности. Мы называем эту форму социально-опасной потому, что антисоциальные или социальные свойства человека здесь приобретают особенную активность, вирулентность, вследствие чего нарушается правовая безопасность окружающих и создается угроза общественному порядку. Вместе с тем в виду энергичной коллективной реакции общества против виновников преступлений, последний подвергает себя тяжелым испытаниям, длительному лишению свободы, а порою и потере жизни. Проявив в раннем возрасте анти-социальные склонности, человек легко превращает их в антисоциальные привычки и становится профессионалом преступности, против которых современное общество и являющееся отражением его идей уголовное право об'явили ныне беспощадную борьбу.

Говоря о преступности, как проявлении социально-опасной формы беспризорности, я вовсе не хочу сказать, что всякое преступление в раннем возрасте является симптомом социально-опасного состояния. Несомненно серьезнейшую роль в качестве факторов ранней преступности играют болезненные свойства личности, слабоумие, нарушение психологического равновесия и нервной устойчивости ребенка, наконец, даже некоторые особенности детского возраста, присущие всем детям в определенные периоды развития, беспризорность в таких случаях лишь способствует усилению их действия на поведение в виду отсутствия или слабости противодействующих им воспитательных и социальных влияний. Преступление, как и каждый акт поведения, обусловливается двумя группами факторов: **индивидуальными,** коренящимися в особенностях психофизиологической личности человека, и **факторами окружающей среды**—cnoironmental как называют их

англичане, или социальными факторами, как принято их называть у нас. Спор о преимущественном значении тех или других был бы столь же бесплоден, как и спор о роли личности или массы в историческом процессе. В громадном большинстве случаев обе группы факторов действуют слитно и нераздельно. Психическая личность человека формируется в социальной обстановке и отражает ее в себе. Точно также и социальная обстановка не есть какая-то окаменелость, а гибкий пластический материал, постоянно меняющийся под влиянием личности, при чем в значительной мере от самой личности зависит установить то или иное взаимоотношение между собою и окружающей социальной обстановкой (социальное приспособление). Беспризорность, не являясь исключительными фактором преступности в раннем возрасте, служит, однако, главнейшим сопутствующим ей фактором. Это положение мы пытаемся доказать посредством анализа социальных показателей беспризорности и преступности.

ГЛАВА II.

Анализ социальных показателей детской беспризорности.

В исследованиях, посвященных изучению причин или факторов преступности, мы зачастую находим весьма слабое критическое отношение к понятию «фактора преступности». Это понятие сплошь и рядом отождествляется с теми статистическим показателями, которые, в видах удобства регистрации и подсчета, обычно принимаются уголовной статистикой. Отдельные исследователи пишут о расе, поле, возрасте, семейном положении, вероисповедании, грамотности и пр., как о факторах преступности, не отдавая себе отчета в том, что сами по себе эти признаки не имеют самостоятельного значения и не могут рассматриваться как причинные факторы уже потому, что в том или ином виде они составляют характеристику каждого человека. Большая или меньшая степень преступности, констатированная в связи с тем или иным статистическим показателем, напр., в связи с возрастом, профессией, вероисповеданием, свидетельствует лишь о том, что этот показатель является релевантным (имеющим значение) для характеристики того или иного (биологического, экономического, морального) фактора преступности, не поддающегося прямому статистическому учету. Связь между социальными явлениями, в виду их сложности, не может быть констатируема непосредственно в численных отношениях. Поэтому из таких неопределенных по своим конкретным очертаниям социальных явлений, как «воспитание», «семейная обстановка», «экономическое положение», «дурные социальные влияния» и пр., приходится извлекать отдельные, определенные, и потому легче регистрируемые статистикой, признаки, имеющие отнюдь не причинное, а лишь симптоматическое значение для оценки самого фактора. Эти признаки мы предлагаем называть показателями преступности, а поскольку речь идет о признаках явления социального, как фактора преступности, мы можем назвать их **социальными показателями.** Большая или меньшая верность характеристики того или иного социального фактора зависит от того, насколько удачно нами взяты социальные показатели для данного фактора.

Так, напр., в смысле социального показателя воспитания или образования для малолетнего обычно принимается признак «грамотности» или «неграмотности», как легко констатируемый. Однако, не трудно видеть, что в качестве показателя этот признак является весьма мало удачным, так как приобретенная грамотность сама по себе еще нисколько не характеризует полученного воспитания, а в смысле образовательном является таким минимумом, который не может дать правильной характеристики. Неудивительно, поэтому, что такой показатель давал и самые случайные соотношения, в результате чего происходили постоянные споры о том, является ли образование положительным или отрицательным фактором преступности. Напротив того, наличность в живых родителей или сиротство малолетнего в громадном большинстве случаев является удачным социальным показателем его семейной обстановки. Симптоматический характер показателя выражается в том, что данный признак нормально присутствует в составе того явления, которое нам желательно констатировать. Чем чаще такая наличность данного признака в явлении нами будет наблюдена, тем приближеннее будут и наши выводы относительно самого явления на основании соотношений, установленных при помощи его показателя. Наибольшую приближенность мы получим тогда, если одно изучаемое нами социальное явление может быть уловлено при помощи нескольких социальных показателей, взаимно подкрепляющих и уточняющих друг друга.

Для того,, чтобы изучить влияние беспризорности, как социального явления, на преступность несовершеннолетних, мы должны взять наиболее характерные для него показатели по тем формам беспризорности, которые нами установлены выше. К счастью, статистика последнего времени, учтя все значение беспризорности, дает нам их в довольно большом числе.

1. **Беспризорность-сиротство** мы сравнительно легко можем изучить в его влиянии на преступности при помощи изучения семейного положения несовершеннолетних правонарушителей и признака проживания их в семье или у чужих людей в момент совершения правонарушения.

Статистика семейного положения несовершеннолетних правонарушителей и общественно-опасных беспризорных детей и подростков за последние годы велась в ряде стран относительно воспитанников исправительно-воспитательных заведений. Так статистика наших заведений за период с 1911 г. по 1915 г. дает следующие сведения о семейном положении вновь поступавших воспитанников:

Годы.	Имели в живых обоих родителей.	Сироты, полусироты, внебрачные.	Процент сирот и др. к общему числу.
1911	648	872	50%
1912	719	937	55
1913	847	1228	57
1914	784	1018	57
1915	831	1008	53

Процент несовершеннолетних, находившихся в неблагоприятных семейных условиях, таким образом, равнялся 50—57; за последние годы—особенно увеличилось число сирот и внебрачных: в 1911 г. их было 210, а в 1915 г.—318, т.-е. на 50% больше.

По данным Московского обследования несовершеннолетних правонарушителей, произведенного в 1910 г. М. Н. Гернетом и его учениками, семейное положение детей и подростков, судившихся в московских судах в 1909 г., было:

Общее число.	Живы оба родителя.	Жив отец.	Жива мать.	Сироты.	Неизв.	Внебрачные.
2.540	472	264	419	42	1.343	91
Процентное отношение.	39,3	22,1	35,1	3,5	—	5,8

Около 60% процентов подростков, семейное положение которых удалось установить, были сиротами или полусиротами, при чем процент не имевших отца был в полтора раза большим, чем процент не имевших матери. Это свидетельствует о том, что надзор, осуществляемый отцом за поведением малолетнего, а также заработок, получаемый им, являются более существенными факторами предупреждения беспризорности и преступности, чем попечение матери.

По данным Петроградского суда для несовершеннолетних за период 1910—1915 г. средние годовые числа и процентные отношения относительно семейного положения малолетних, дела о которых рассматривались в этом суде и которые состояли под присмотром попечителей суда, были таковы:

Семейное положение.	Мальчики.		Девочки.	
	Средние числа.	%% отн.	Средние. числа.	%% отн.
Живы оба родителя. .	701	57,4	77	44,8
Умерли оба	64	5,2	17	9,9
Жив отец	112	9,1	21	12,1
Жива мать.	344	28,4	69	33,1

Для мальчиков мы здесь имеем 43% полусирот и сирот, а для девочек—55%. При этом характерно, что процент не имевших отца, как у мальчиков, так и у девочек, в три раза больше, чем процент не имевших матери (по Москве, как мы видели, он дал лишь увеличение в полтора раза). Из числа малолетних осужденных 10,9% мальчиков и 14,4% девочек были внебрачными детьми.

Признаки наличия в живых обоих родителей не всегда является показательным, так как малолетний мог прибыть из провинции один, мог жить в городе на заработки вне семьи и пр. Поэтому приведенную выше таблицу относительно Петроградского суда не безинтересно дополнить другой, показывающей, на чьем попечении находились малолетние в момент совершения ими правонарушения.

Лица, у которых проживали малолетние.	Мальчики.		Девочки.	
	Числа.	%%	Числа.	%%
Родителей	408	36,8	70	34,3
Только отца.	71	6,5	10	5,0
Только матери	304	27,6	36	18,4
Родственников	81	7,4	16	8,0
Хозяев.	21	1,8	8	4,2
Посторонних лиц. . .	16	1,5	3	1,3
Самостоятельно. . . .	198	18,0	58	28,8

Отсюда видно, что процент малолетних, находившихся на попечении обоих родителей, падает с половины почти до одной трети. Слабость надзора за живущими у одной матери по сравнению с живущими с одним отцом дает еще более резкий контраст; наконец, особенно характерным является высокий процент живущих самостоятельно, в частности, среди девочек.

По данным отчета Киевского судьи для малолетних за 1916 г., из 1.417 прошедших через суд малолетних, о которых имелись сведения о семейном положении, только у 358, т. е. ¼ родители находились в Киеве, 221 подросток имели родителей в других городах или деревне и жили от них отдельно. У 645 отец или мать умерли, 465 из них имели кого-либо родных в городе, остальные 184 оставили мать в деревне или имели отца в действующей армии. Наконец, 193 не имели в живых никого из старших или даже никогда не знали родной семьи.

После революции общие данные о семейном положении, насколько нам известно, не публиковались. В 1920 г. Н. А. Окуневым и П. Г. Бельским было произведено обследование семейного положения воспитанников Петроградских детских домов для морально-дефективных, коснувшееся 1.112 лиц. Оно дало такие результаты:

Живы оба родит.	Только отец.	Только мать.	Отчим и мать.	Отец и мачеха.	Круглые сироты.	Всего.
245	132	299	38	63	334	1112
22%	12%	27%	3,1%	5,9%	30%	100

Если сопоставим эти отношения в процентном отношении с процентными отношениями воспитанников петроградских исправит. воспит. заведений до войны и революции:

Семейное положение.	1914—1916 г.	1920 г.
Живы оба родителя	55,4%	22%
Умерли оба (сироты)	5,7	31
Жив только отец	9,5	17
Жива только мать	29,4	30

Процент малолетних, у которых жива только одна мать, почти не изменился, давая несколько меньше одной третьей части. Резко сократилось число детей, у которых живы оба родителя, и, напротив того, почти в 6 раз увеличилось число круглых сирот и почти в два раза число детей, имеющих одного отца. Рост сиротства находит свое прямое об'яснение в убыли населения во время войны и голода; отчасти, быть может, этот элемент по преимуществу направлялся в детские дома, тогда как в отношении имевших родителей удавалось ограничиваться надзором этих последних. В. И. Куфаев, исследовавший социальное положение несовершеннолетних рецидивистов по данным отчетности 1921 г., устанавливает, что 70% их являлись сиротами или полусиротами.

Эти данные нашей статистики мы могли бы значительно пополнить данными из других стран. Чтобы не слишком загромождать примерами, приведем только несколько самых характерных иллюстраций. По данным английской статистики исправ.-воспит. школ, 53% малолетних правонарушителей являются сиротами или полусиротами (Меррисон). Перепись воспитанников

исправит. заведений в Соед. Штатах Америки в 1910 г. дает до 75% таких малолетних. Специальное обследование бюро о детях Вашингтонского департамента труда, произведенное в 1911 г. и коснувшееся почти 5,000 малолетних правонарушителей в больших городах Америки, дает всего 57,5% среди мальчиков и 34,4% девочек, имевших обоих родителей; у 7,3% мальчиков и 9,4% девочек жив был только отец; у 17% м. и 18,5% дев. жива только мать, 7% мальч. и 17,6% дев. были брошены своими родителями, остальные жили с отчимом или мачехой или были одиноки, имея родителей в другом месте. Парижская статистика дает 47,7% малолетних осужденных, потерявших отца, мать или обоих родителей (Raux).

Особенно усилилась «безотцовщина» в годы войны. По сведениям Г. Францева, из 98 мальчиков, поступивших в московский Рукавишниковский приют за три года 1914—1916 г.—11 были круглыми сиротами, не было в живых отца у 48 и отец бросил семью у 7; таким образом 66, т. е. две трети, не имели отца. Германская статистика времени войны специально отмечала число детей правонарушителей, отцы которых были в действующей армии. Так, берлинская статистика отмечает, что в 1916 г. из 2681 малолетнего, представшего пред берлинским судом для детей, 544 имели отцов в действующей армии. Статистика 1918 г. отмечает всего 2,9% призванных на войну отцов, но зато 10,6% убитых на войне. Статистика Ганновера за 1915 и 1916 гг. отмечает 368 малолетних обвиняемых из 2.733 (т. е. 14%), имевших отца на войне. Значительный процент таких случаев отмечается и в отчетах Петроградского и Киевского судов для малолетних. Последний отчет, между прочим, отмечает, что 12% всех малолетних обвиняемых в 1916 г. в Киеве являлись детьми беженцев *).

Значительный процент малолетних, имеющих только одну мать, в общем числе несовершеннолетних правонарушителей во многом об'ясняется большим количеством среди них внебрачных детей. В очень редких случаях отцы внебрачных семей живут со своими детьми. Это отсутствие отца резко сказывается и на большом проценте преступности внебрачных детей. Внебрачная рождаемость в России до войны выражалась в 2,3%, при чем к юношескому возрасту процент этот сокращался по крайней мере на половину, так как, как установлено, что смертность среди внебрачных детей по крайней мере в два раза превышает смертность детей, родившихся в браке. Между тем по данным Петроградского суда среди осужденных несовершеннолетних было 10,9% мальчиков и 14,4% девочек, являвшихся внебрачными детьми. В Пруссии процент внебрачных детей в юношеском возрасте определяется в 2%, между тем, процент таких детей в учреждениях принудит. воспитания, по данным 1908 г., был равен 13,8%. В Баварии при 12,3% внебрачной рождаемости процент внебрачных в учреждениях принуд. воспитания был равен 25%. Во Франции из 800 арестованных детей до 60% являлись внебрачными детьми. Германский статистик Зихарт в 90-х годах исследовал отношение внебрачных детей к общей преступности. Установив процент внебрачных для

*) Уже к началу 1916 г. в России было зарегистрировано до 15.000 беспризорных детей беженцев, фактически же, при общем числе беженцев свыше 4 миллионов, цифра эта должна была быть повышена до 40.000 детей. См. В. Огронович «Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной» 1916 (Призрение и благотворит. в России № 4).

всего населения в 8,75%, он среди заключенных в тюрьмах констатировал 27% внебрачно-рожденных. Вильямс для Германии в начале этого столетия установил среди бродяг 14% внебрачно-рожденных, Бонгофер для заключенных в каторжных тюрьмах Германиии определяет его в 16%. Здесь характерным показателем является не столько сама внебрачность рождения, сколько связанная с отсутствием отца беспризорность.

Во Франции процент внебрачных рождений для всей страны определяется в 8,94%, а среди юных правонарушителей—11%; в Швейцарии при внебрачной рождаемости в 4,7%, среди юных правонарушителей он равен 9,33%; в Норвегии при внебрачной рождаемости в 7,17%—среди несовершеннолетних правонарушителей 12% (см. Гернет. Моральная статистика. 1922). Приводя эти соотношения, следует иметь в виду, что смертность среди внебрачных детей в раннем возрасте почти в два раза превышает смертность детей, родившихся в браке. Так, по данным за период 1910—1914 гг., если принять смертность младенцев до 1 года, родившихся в браке, за 1, то смертность внебрачных младенцев того же возраста, определяется для Франции—2, для Англии—1,9, для Пруссии—1,8, Норвегии—2, Швейцарии—1,7, Голландии—2,3 и т. д. Таким образом к юношескому возрасту процент внебрачности в населении сокращается в 3—4 раза.

Приведенные факты, думается нам, с достаточной яркостью свидетельствуют о том, что беспризорность-сиротство есть часто сопутствующее ранней преступности явление. На ряду с полным сиротством, особенно ощущается при современной структуре семьи отсутствие отца, так как здесь к недостаточности семейной обстановки большею частью присоединяются факторы нужды. Сиротство понимается нами здесь не только в смысле смерти родителей, но и в смысле оставления ими ребенка.

2. **Беспризорность - нужда.** Влияние экономических факторов на преступность настолько разнообразно и сложно, что должно быть изучаемо при помощи многочисленных социальных показателей. Но в пределах поставленной нами задачи нас интересует лишь установление материального достатка тех семей, из среды которых наиболее часто выходят юные правонарушители, так как именно семейная нужда резче всего сказывается на положении и воспитании малолетнего. Конечно, в тех сравнительно более редких случаях, когда малолетнему приходится жить самостоятельно на добываемые им лично средства, влияние экономических факторов является более непосредственным. Но эти случаи можно выделить особо.

Материальная обеспеченность семьи с большой трудностью поддается прямому учету, поэтому приходится в качестве статистических показателей брать профессии отцов и матерей, жилищные условия семьи, размер получаемого заработка, зависимость семьи от общественной благотворительности и пр. Только суммируя выводы, полученные таким путем, мы можем сделать окончательное суждение по вопросу о том, насколько материальная нужда является частым фактором детской беспризорности и преступности.

Профессии родителей малолетнего при твердо установившейся системе распределения общественного дохода между отдельными классами в капиталистическом обществе и при условии отсутствия или слабого распространения

безработицы, в значительной мере являются удачным показателем. В ряде сводных отчетов регистрирован этот признак.

Так, по отчетам наших исправительно-воспитательных учреждений за период 1911—15 гг. на 100 родителей поступивших в заведения воспитанников:

Годы.	Жили на соб. средства.	Занимались земледел.	Фабр. раб. и ремесленн.	Нищие и бродяги.	Другие занятия.	Не указано.
1911	2	17	46	3	11	21
1912	9	18	50	3	8	12
1913	8	17	46	2	17	10
1914	6	22	48	4	13	7
1915	5	26	49	4	10	6

Наибольшую группу родителей, почти 50%, и при том наиболее устойчивую, дают фабричные рабочие и ремесленники—классы, наименее обеспеченные в капиталистическом обществе. За ними идут крестьяне, в большинстве случаев прибывшие в города на заработки и живущие случайным трудом. За годы войны процент крестьянских детей среди воспитанников значительно повысился, что отчасти об'ясняется проведением почти поголовной мобилизации среди крестьян, вследствие чего беспризорность сильно возросла и в деревнях. Родители, лишенные всякого заработка и занимающиеся нищенством и бродяжничеством, дают приблизительно такой же процент, как и лица более состоятельные, живущие на свои средства. Таким образом малолетние правонарушители по преимуществу вербовались из тех классов, которым приходилось при весьма скромном заработке вести напряженную борьбу за существование и которых продолжительный труд вне дома лишал возможности осуществлять надлежащий надзор за воспитанием ребенка.

Данные сводного отчета Петроградского суда для малолетних за 1910—1915 гг. дают нам несколько более разработанную картину занятий родителей, различая занятия отца и занятия матери, а с другой стороны разделяя самих малолетних по полу:

Занятия отца.	Мальчики. Средние числа	%	Девочки. Средн. ч.	%
Земледельцы	153	22,3	32	38,6
Фабричные раб.	103	14,9	15	19,3
Ремесленники	117	16,8	8	10,0
Чернорабочие	85	12,2	12	14,3
Прислуга	62	8,9	5	6,2
Безработные	40	5,7	2	2,2
Торговцы	46	6,6	5	6,2
Нищие и бродяги	4	0,6	1	1,6
Прочие занятия	82	11,8	1	1,6

Занятия матери.	Мальчики.		Девочки.	
	Средн. числа	%	Средние числа.	%
Домашнее хозяйство	526	58,0	30	32,4
Фабричные работницы	59	4,9	27	22,0
Ремесленницы	15	1,2	4	3,8
Прислуга	73	6,0	10	8,0
Чернорабочая	50	4,4	10	8,0
Прачка	168	13,9	14	11,5
Портниха	28	2,3	5	4,0
Торговка	38	3,2	3	2,4
Безработная	24	2,0	2	1,9
Нищенство	8	0,6	—	—
Хозяйки квартир	—	—	6	4,9
Прочие занятия	33	2,6	1	0,9

Из этих двух таблиц можно сделать такие выводы. Малолетние, отцы которых занимаются земледелием, обычно являются подростками, самостоятельно прибывшими в город на заработки. Такая ранняя жизнь вне родительского дома особенно губительно оказывается на девочках, поступающих в прислуги; они дают 38,6%, почти в два раза больше мальчиков—процент правонарушителей. Отцы, занятые тяжелым физическим трудом вне дома (фабричные рабочие, ремесленники и чернорабочие), дают для мальчиков 43,9% а для девочек 43,6%. Торговцы дают 6,2—6,6%, почти столько же, как и безработные и нищенствующие.

Опять таки и здесь наибольшая масса ранних правонарушителей являются детьми лиц, занятых тяжелым повседневным трудом. Характерным является анализ занятия матерей. Мать, ведущая домашнее хозяйство, почти не в состоянии осуществлять достаточного присмотра за мальчиками-подростками, быстро эмансипирующимися от влияния матери, но она, несомненно, оказывает сильное сдерживающее влияние на девочек, которые дают всего лишь 32,4% против 58% мальчиков. Напротив того, труд матери на фабрике, в ремесленных учреждениях, даже поденный труд прачки или чернорабочей, значительно сильнее сказывается на беспризорности девочек. По этим четырем категориям мальчики дают 24,4%, а девочки—45,3%, т.-е. почти в два раза более. Содержание квартир, в которые пускаются случайные комнатные или угловые жильцы, сказываются развращающе на девочках исключительно, которые при таких условиях подвергаются большой моральной опасности. В общем для обоих полов работающие матери составляют около 50%. Этот процент является значительно боле высоким, чем общий процент замужних женщин, участвовавших в наемном труде в дореволюционное время.

Московское обследование М. Н. Гернета, охватившее всего небольшую группу родителей—388 из 2,540 малолетних правонарушителей, устанавливает следующие процентные отношения:

Живут доходами с капитала или недв. имущ.	6,0
Земледельцы	14
Ремесленники	20
Фабричные рабочие	11,5
Чернорабочие	7,5
Домашняя прислуга	11
Торговцы	8,5
Нищие и без занятий	6,5
Прочие занятия	15,0
Всего	85,0

Опять-таки значительная часть—64% падают на малозажиточные трудящиеся классы; если категорию торговцев выделить как неопределенную, так сюда входят и мелкие разносчики, уличные торговцы, а с другой стороны, и лавочники, то на крайних полюсах мы видим тот же почти одинаковый повсюду процент—6% обеспеченных классов и 6,6%—нищих и не имеющих заработка *).

Для сопоставления приводем данные берлинской статистики детского суда за 1918—1920 гг. о профессиях отцов осужденных несовершеннолетних:

Профессии отцов.	1918	1919	1920
Обученные рабочие . .	16,7	17,7	19,6
Необученные рабочие . .	44,6	14,8	19,8
Торговцы.	1,7	2,0	2,1
Чиновники и служащие.	8,0	2,7	2,7
Сельские хозяева	0,6	—	0,2
Прочие профессии . . .	3,6	3,4	13,8
Отцы на войне	2,9	—	—
Умерли	10,6	9,1	11,9
Не указано	16,3	50,3	39,9
Всего . .	4509-100%	2352-100%	3599-100%

Данные 1919 и 1920 г., в виду значительности процента «неизвестных» профессий, не могут служить достаточным показателем. В данных 1918 г. поражает высокий процент детей необученных рабочих, обычно получающих в странах с развитой промышленностью, как Германия, совершенно недостаточный заработок. Профессии чиновников, торговцев и сельских хозяев, нормально в 1918 г. еще дававшие хороший доход, составляли 5,3% (в 1919 г.—4,7%, в 1920 г.—5%). Значительной является группа малолетних, лишившихся отца.

Перейдем теперь к характеристике **жилищных условий** семей, из которых вышли несовершеннолетние. По статистике Петроградского детского суда мы имеем следующие данные:

	Мальчики.		Девочки.	
Жилища родителей.	Сред. числа.	%	Средн. ч.	%
Квартира	398	39,8	24	26,0
Комната	217	28,5	17	31,5
Угол	191	26,1	34	40,4
Ночлежка	43	5,7	—	—
В чужой кухне	6	0,9	2	2,1

Родители, занимавшие с детьми лишь угол в общей комнате, дают очень значительный процент. При этом проживание в углу, совместно с другими обитателями комнаты (зачастую взрослыми мужчинами), особенно губи-

*) В. И. Куфаев, устанавливая социально-экономическое положение повторных правонарушителей. по отчетам комиссий о несов. за 1921 г (без Москвы указывает, что из числа 255 таких несовершеннолетних живущих, на средства родителей было 22%, на средства учреждений -17%, на средства матери—13,7%, безработных—20,4% и, наконец, живущих на свой заработок 26,3%.

тельно сказывается на девочках, подвергавшихся серьезной опасности развращения.

Свыше 40% девочек-правонарушительниц (обычно обвинявшихся в проституции, соединенной с кражей) падает на проживающих в углу. Ночлежки служат приютом по преимуществу для мальчиков.

По Московской анкете 1909 г. из 1.221 малолетнего, относительно которых имелись соответственные сведения, меньше половины (601) проживали вместе с родителями; 59 жили у родственников или опекунов, 136—у хозяев, 305—у чужих лиц, 22—в воспитательных заведениях и 99 не имели определенного местожительства, скитаясь по ночлежкам, ночуя в незапертых сараях, а иногда даже устраивая себе почлег в мусорных ящиках.

Американское обследование 1911 г. рисует нам следующую картину жилищных условий детей-правонарушителей.

	Мальчики.		Девочки.	
Жилищные условия.	Числа.	%	Числа.	%
В воспитательн. завед. .	40	1,2	14	2,6
Бездомные	79	1,9	17	3,1
Дурные жил. условия .	1015	25,3	228	41,9
Удовлетворит. жил. усл.	1447	36,4	133	24,5
Хорошие условия	1399	35,2	152	27,9
Всего . . .	3980	100%	544	100%

Процент детей, живших в удовлетворительных и хороших условиях, довольно велик, что об'ясняется тем вниманием, которое за последнее время было обращено в американских городах на улучшение жилищных условий бедных классов населения. Однако и здесь характерным является отмеченное выше положение о том, что дурные жилищные условия резче всего сказываются на беспризорности и преступности девочек: последние дают в два раза больший процент бездомных и находящихся в дурных жилищных условиях, чем мальчики (45 : 27).

Эти данные мы дополним другими сведениями о материальной нужде родителей, как факторе детской беспризорности и преступности. Баварская статистика учреждений принудит. воспитания за 1908 г. указывает, что 88,7% детей, содержащихся в таких учреждениях, имели родителей, заработок которых не достигал размеров прожиточного минимума (в прежние годы этот процент достигал 97%); 4,8% родителей жили на счет общественной благотворительности. В Пруссии, по данным того же года, 19,1% родителей детей, переданных на попечит. воспитание государства, пользовались общественной поддержкой, установленной для бедняков, а 58,5% имели годовой заработок менее 900 марок. В Англии, по исследованиям Моррисона, только 10% воспитанников исправительных школ и 15% — школ профессиональных (для беспризорных и легких правонарушителей) жили в удовлетворительных экономических условиях, 46 % жили в углах и общих квартирах. Недавнее обследование всех женщин-преступниц (отчасти и проституток) штата Нью-Йорк (1919 г.) выяснило экономическое положение их семей, в детском и юношеском

возрасте их; экономические условия семьи в детском возрасте у 911 женщин-преступниц характеризовались *):

Крайняя нищета	5,7
Сильная материальная необеспеченность	35,7
Заработок в пределах прожит. минимума	45,0
Удовлетворительный заработок	13,1
Хороший заработок или доход	0,5
	100%

Софонисба Брекинридж, излагающая в своей книге «Малолетний преступник и его дом» результаты исследования детей, прошедших через суд для малолетни г. Чикаго в 1912 г., делит их по экономическому положению родителей на 4 группы **).

	Мальчики.	Девочки.
Очень бедные семьи, не могущие существовать на свой заработок	38,2	68,8
Бедные семьи, не нормально поддерживающие себя своим заработком.	37,9	21,0
Семьи, имеющие удовлетворительный заработок	21,2	7,6
Семьи зажиточные	1,7	1,3
Бездомные.	1,0	1,3

Эти данные показывают, что 76% мальчиков и 90% девочек выходят из семей нуждающихся или стоящих на краю нужды. Дурное экономическое положение, как мы это видели и раньше, особенно сильно сказывается на девочках. Мальчик, даже с раннего возраста, имеет возможность пополнить семейный бюджет своим трудом, для девочки это—труднее; с другой стороны—бедность родителей и дурные жилищные условия толкают девочку на проституцию, которая зачастую служит переходной степенью к преступности. Директор психопатической клиники при детском суде в Чикаго, д-р Хили *) следующим образом характеризует влияние дурных жилищных условий на нравственность детей: «Материальный базис общественной жизни глубоко влияет на нравственность. Соблюдение приличий зависит, прежде всего, от жилищных условий. Существенным фактором увеличения полового порока является жилищная площадь, занимаемая семьей. Мы видим, что дети, живущие с родителями и часто являющиеся свидетелями их половых сношений, составляют извращенное представление о половой морали и теряют уважение к своим родителям; порою между детьми одной и той же семьи заводятся отвратительные половые привычки. Едва ли представляется необходимость показывать связь между проживанием в скученных, населенных порою случайными постояльцами, квартирах и комнатах и развитием извращенных половых привычек среди детей. Пока общество не сознает опасностей от скученности жилищных условий, оно будет обречено на то, чтобы из среды детей, живу-

*) **K. B. Davis.** Isomen delinquents New Jork Isate N. U. 1920.
) **G. Brekindudge. Delinquent child and ifo home N. U 1913.
*) **Healy.** The individual delinquent. Chicago 1914.

щих среди них, выходил значительный процент проституток и нравственно-распущенных людей».

Приведенные нами иллюстрации, думается, в достаточной степени показывают, что материальная нужда и связанные с нею дурные жилищные условия являются существенным фактором детской беспризорности. Дети-правонарушители вербуются по преимуществу из широкой массы трудового населения, заработок которого стоит на границе прожиточного минимума или ниже его. Здесь проявляют свое комбинированное влияние и фактор нужды, и фактор слабости надзора со стороны родителей, длительно занятых тяжелым трудом вне дома. Улучшение положения трудящихся классов только одно способно ослабить значение этого фактора.

3. **Беспризорность-заброшенность.** Ребенком, заброшенным в моральном и воспитательном отношении, можно признать того малолетнего, который растет без всякого внимания и заботы со стороны родителей или старших, который не получает достаточного образования и воспитания, благодаря равнодушию родителей к ожидающей его судьбе или который подвергается в дурной домашней обстановке опасности развращения и преступности. Во всех этих случаях на стороне родителей или лиц, ответственных за воспитание ребенка, еще нельзя установить злой воли или намерения вредить ребенку; причинами такой заброшенности обычно служат невежество, порочная жизнь родителей, их неспособность к воспитанию, недостаточное сознание лежащих на них родительских обязанностей, небрежность и отсутствие достаточного интереса к ребенку. Таких родителей, к сожалению, очень много, и дети таких родителей, даже при благоприятных материальных условиях и наличности обоих родителей, становятся зачастую жертвами беспризорности и преступности.

Статистическое изучение влияния заброшенности ребенка на его беспризорность и преступность значительно затрудняется невыработанностью характерных социальных показателей этого явления. Тем не менее, в отдельных обследованиях специального характера собрано не мало поучительных данных по этому вопросу.

Наиболее частыми причинами моральной и воспитательной заброшенности детей являются алкоголизм, праздношатание, порочность и преступность их родителей, в более редких случаях их тяжкая болезнь. По данным прусской статистики принудительного воспитания за 1908 г., приводимым у Поллица, из 7.455 несовершеннолетних, из которых 4.000 находились в возрасте до 16 лет, 2.700 вышли из семей, в которых отец или мать имели уголовную судимость, 1814—из семей, имевших родителей, предававшихся алкоголизму, пороку или тунеядству. По данным Мозеса, основанным на результатах той же статистики, но за более длительный период, около одной трети несовершеннолетних, переданных на попечительное воспитание государства, имели родителей, предававшихся пьянству или половой распущенности и более 40% имели отца или мать, подвергавшихся уголовной судимости. По данным, приводимым Гейлем, относительно Чикагского убежища для беспризорных детей (см. Гервай, Малолетние преступники. 1914), из 284 воспитанников 72% имели отцов-алкоголиков, в 51,8% случаев наблюдался алкоголизм обоих родителей. В Нью-Йоркском убежище для детей 47% воспитывавшихся детей имели алкоголиками одного или обоих роди-

телей. Моррисон сообщает о воспитанниках английских исправительных заведений, что 80% их имели преступных или порочных родителей. По данным французского исследователя Raux *) относительно 385 семей детей, содержавшихся во французских исправительных приютах, 36% родителей пользовались хорошей репутацией, 52% имели плохую или сомнительную репутацию и 12% являлись преступниками. Статистика итальянских исправительных воспитательных заведений за 1909 г. сообщает, что у 10% детей, принятых в эти учреждения, родители были бродягами, нищими или безвестно отсутствующими; у 8% мальчиков и 13% девочек родители имели уголовную судимость и у 6% мальчиков и 26% девочек домашняя обстановка была прямо безнравственною (М. Гернет. Моральная статистика, стр. 113). Во Франции, по данным того же 1909 г., процент воспитанников, у которых родители были бродягами, нищими, проститутками, превышал 12% и, кроме того, в 10% случаев родители имели уголовную судимость (Там же). Для наших условий характерен тот высокий процент преступности, который давали ремесленные ученики (по данным Петроградского суда,— 33,2%), которым приходилось обыкновенно жить в атмосфере пьянства, грубости и побоев их хозяевами.

Родители-алкоголики очень часто заражают своим примером и детей. Английский исследователь Хэрсли приводит любопытное наблюдение **). В течение недели в одном из предместий Лондона (дело было в 1912 г.) он в течение нескольких суток подсчитывал число лиц, входящих в местное питейное заведение. В пятницу между 7 часами вечера и полуночью в него вошло 234 женщины, 213 мужчин с 31 малолетним и 13 младенцами. В понедельник—397 мужчин, 424 женщин, 54 малолетних и 66 младенцев. Совместное с детьми посещение питейных заведений, посылка детей для покупки вина и пива составляет весьма часто наблюдаемое явление не только в английской жизни.

Американские исследовательницы женской преступности в штате Нью-Йорк, дают следующую оценку морального уровня семьи, в которой проживали в детские и юношеские годы девушки, ставшие затем на путь преступления и проституции ***). Они разбивают все семьи на пять групп: 1—весьма низкий моральный уровень, к которому относятся семьи, родители которых предаются алкоголизму, половому разврату, преступности; 2—низкий уровень—где родители, хотя и не проявляют явного порока или преступности, однако, сами стоят на таком низком моральном уровне, что оказываются неспособными установить в семье какие-либо здоровые моральные принципы; напр., они сами не крадут, но охотно поощряют кражи детей или приобретают краденое, склонны к мелким мошенничествам, выпивке, нечестности; 3—средний уровень—когда в семье господствует обыденная, мелкожитейская мораль, мирящаяся, однако, с рядом отступлений; мелкие правонарушения или легкий алкоголизм отдельных членов семьи, непосредственно, однако, не затрагивающий малолетнего; 4—хороший уровень—семьи, достаточно устойчивые в моральном отношении; 5—прекрасный—семьи исключительно высоких моральных качеств и притом окруженные хорошим

*) **Raux.** Enpance coupable Paris 1890.
) **Devon. Bie criminal and comosuesrity 1914.
***) **K. Davis.** Women deinquents in New ork state. 1920.

соседством. Женщины-преступницы следующим образом разбивались на указанные пять групп:

1. Весьма низкий моральный уровень			10,5%
2. Низкий	»	»	22,6
3. Средний	»	»	46,7
4. Хороший	»	»	20,0
5. Прекрасный	»	»	0,2
			100%

Не трудно видеть, что одна треть вышла из семей, моральная обстановка которых стояла ниже весьма скромного среднего уровня.

Но не только моральный уровень семьи, но и степень надзора, осуществляемого родителями за малолетним, является показателем его беспризорности. То же исследование нью-йоркских преступниц и проституток дает нам и классификацию семей по этому признаку. Весьма низкий уровень родительского надзора включает семьи, в которых все элементы домашней обстановки являются дурными и притом сам малолетний постоянно окружен дурными товарищами и находится под дурным влиянием окружающих; низкий уровень включает случаи, когда дурными являются лишь некоторые элементы домашней обстаноки и родители не осуществляют надзора вследствие занятости, неспособности или невежества и равнодушия, причем окружающая среда является если не безусловно порочной, то, во всяком случае, опасной для малолетнего; средний уровень—является несколько более удовлетворительным по сравнению с предыдущим, но надзор носит случайный и неумелый характер, причем зачастую родители не понимают особых нужд и психических особенностей малолетнего; хороший уровень имеется при отсутствии дурных элементов домашней обстановки и окружающей среды, но при этом родители не всегда сведущи в воспитании малолетнего; наконец, прекрасный уровень дает все необходимые для хорошего воспитания элементы. Распределение по этим группам таково:

Уровень родительского надзора.	Процент.
Весьма низкий	16,0
Низкий	46,0
Средний	35,0
Хороший	2,8
Прекрасный	0,2

Таким образом, только 3% женщин, ставших на путь преступности и проституции, пользовались со стороны родителей надзором выше среднего; напротив того, 62% вышли из таких семей, в которых они росли без всякого надзора или при плохом надзоре со стороны родителей.

Д-р Raux, исследовавший воспитанников французских исправит. заведений, дает следующую классификацию морального положения этих детей в семье:

Пользовались нормальным надзором	13%
Надзор был слабым, бессильным или грубым	41%
Совершенно были лишены надзора	38%
Совершали преступления по явному подстрекательству или примеру родителей	8%

Слабость или отсутствие надзора со стороны родителей является следствием, вытекающим из многих причин, в числе которых не малую роль играют и отмеченные нами выше материальные условия семьи и условия труда. Но за последние годы во всех странах значительную роль начинает играть фактор разрушения семьи, благодаря легкости разрыва семейных связей. Зачастую мать или отец оставляют детей без всякого присмотра и поддержки, расходясь друг с другом. Особенное распространение это явление получило в Америке, где дела об оставлении семьи без средств со стороны родителей выделены даже в ведомство особых судов и являются весьма многочисленными. Среди малолетних детей-правонарушителей и детей беспризорных весьма часты вышедшие из семей, родители которых явились «семейными дезертирами», как их там называют. Недавняя работа Паттерсона (1922 г.) о семейном дезертирстве в одном из больших американских городов—Филадельфии дает нам следующие цифры *). Из 1.000 малолетних правонарушителей, прошедших в 1916 г. через детский суд Филадельфии, 244 (24%) явились детьми, покинутыми одним или обоими родителями. Из данных об'единенного бюро о детях того же города видно, что из 1.891 малолетнего, содержащегося в детских приютах того же города,—522 (27%) были жертвами семейного дезертирства. Детский суд г. Вашингтона, столицы Соед. Штатов, в течение 1909 г. привлек 899 родителей за покинутие семьи. По данным петроградских попечительств о бедных в ноябре 1915 г., в Петрограде насчитывалось 83.848 семей, числящихся за Попечительствами и не имевших отца (в августе 1914 г.—35.983), считая по двое детей на семью, мы получим до 150.000 беспризорных детей **).

Показателем слабости внимания родителей к воспитанию малолетних и пренебрежения к их интересам является и процент неграмотных среди детей беспризорных и правонарушителей. Процент неграмотности среди таких малолетних, обычно отмечаемый статистикой, вовсе не служит показателем значения образования или отсутствия его в этиологии преступности, как то зачастую принято утверждать: он характеризует лишь степень беспризорности малолетнего и, в частности той формы ее, которую мы назвали заброшенностью. Если родители или лица, имеющие попечение о малолетнем, не позаботились обучить его грамоте, то это есть яркий показатель того, что ребенок этот рос в условиях социальной заброшенности.

Статистика неграмотности среди детей беспризорных школьного и послешкольного возраста стоит в тесном соотношении с распространением грамотности среди детского населения страны вообще, и потому высота процента должна значительно колебаться, но для всех стран этот процент значительно превышает общий процент неграмотности среди детского населения.

В России по переписи 1897 г. процент неграмотности среди подростков мужского пола 14 лет равнялся 42%, постепенно повышаясь до 49,3% к 18 годам. По данным переписи 1920 г., этот процент для 14-летних упал до 26,2, но с увеличением возраста здесь наблюдается обратный процесс понижения процента неграмотности, причем к 18-ти годам он достигал 21,9%.

*) **Pafferson**. Family desertion and non support u Journal of delinquency 1922 № 2—4.

) **Огронович «Положение беспризорных детей в Петрограде». 1916.

При этом в городах процент неграмотности падает значительно ниже, опускаясь до 9—10% (данные професс. переписи 1918 г.). По данным же наших исправит.-воспитательных заведений за 1911—15 г.г., процент неграмотности среди поступавших в них подростков колебался между 26% (1911 г.) и 33% (1913 г.). Отчеты Петроградского суда 1910—1915 г.г. дают процент неграмотных для мальчиков 5,6%, а для девочек—21,4%. Отчет Киевского детского суда за 1916 г. дает 20% неграмотных среди мальчиков и 30% среди девочек. Проценты эти в общем совпадают приблизительно с процентом неграмотности среди общего детского населения в начале второго десятилетия XX века, но нужно принять во внимание, что они относятся к столицам, где забота об образовании детей, а следовательно, и процент грамотности среди них, был значительно выше общего процента в стране. Прусская статистика принудительного воспитания дает следующую картину падения неграмотности среди поступающих в заведения воспитанников: в 1901 г.—16,5%, в 1905 г.—13,9%, в 1908 г.—10,4%. Но этот процент относится только к детям, не умевшим ни читать, ни считать; процент же среди детей старше 12 лет, не умевших четко читать и писать, превышал 60%. Французская статистика исправит. заведений дает до 30% неграмотных при поступлении детей. Впрочем, в настоящее время неграмотность детей в значительной степени начинает утрачивать свое показательное в смысле беспризорности значение, так, образование становится принудительным и проводимым государством, а не семьею.

4. Сделаем, наконец, некоторые замечания о роли **беззащитности** детей в качестве фактора беспризорности и преступности. Беззащитность в том понимании ее, какое изложено нами выше, охватывает случаи, когда на родителях или окружающих малолетнего взрослых лицах лежит прямая вина за развращение малолетнего, обращение его к нищенству, проституции, за жестокое с ним обращение или вовлечение в преступность. В этих случаях ребенок является жертвою. Порою такое злоупотребление властью или влиянием не затрагивает психики самого малолетнего, который просто является несчастным ребенком, нуждающимся в защите и из'ятии из кошмарной обстановки такой семьи. Но, к сожалению, в большинстве случаев зловредное влияние такой семьи губительно сказывается на его склонностях и привычках и такой подросток становится типичным правонарушителем или морально развращенным. Число таких несчастных детей довольно значительно. По данным Петербургского Общества защиты детей от жестокого обращения, разработанным М. Исаевым в 1914 г., в его докладе Обществу правовой охраны несовершеннолетних, были изучены 752 случая жестокого обращения с детьми. Из них 18,2% падает на детей до 5 лет, 38.1%—от 5 до 10 лет, 36,4%—от 10 до 15 лет и 7,3%—от 15 до 18 лет. Наибольшее число детей являлись потерпевшими от родителей (78,5%), причем и мать, и отец в истязании ребенка участвовали почти в равной пропорции. На 696 истязателей приходилось 366 женщин и 330 мужчин. В громадном большинстве случаев эти лица принадлежали к слоям «низшим» (по сословности—89% «непривилегированных сословий», по профессии—87,6%—«неинтеллигентных профессий»). В 89,8% случаев жестокое обращение имело характер физического насилия, причем в 96,2% это насилие выражалось в систематических истязаниях.

В практике Петроградского детского суда дела о малолетних потерпевших, к сожалению, не были выделены, практика же Киевского детского суда за три года дает следующие цифры: в 1914 г.—203, в 1915—141 и в 1916 —131 дело. Наибольший процент среди таких дел дают дела о жестоком обращении (в 1916 г.—102 из 131). В отчете Киевского судьи за 1914 г. мы находим следующие строки по поводу таких дел: «203 дела о потерпевших малолетних—это все, что дошло до суда из ежедневно раздающихся криков и стонов тысяч избиваемых и истязуемых подростков обоего пола в гор. Киеве. Еще более серьезно, постепенно, без особого шума происходящие процессы загрязнения и отравления детской души близкими и чужими малолетним лицами, за самыми редкими исключениями, попрежнему оставались безнаказанными и даже неизвестными. Некому было сообщать о них... Всякому, близко познакомившемуся с материалом дел о малолетних потерпевших, приходится удивляться колоссальной силе сопротивляемости дурным влияниям, обнаруживаемой маленькими, забитыми и неразвитыми детьми бедных окраин гор. Киева. Особенно тяжело, иногда даже безнадежно, положение бедных, одиноко работающих девочек и девушек; посягательства на их честь нередко приобретают характер правильной, длительной осады,, неизменно приводящей к желанному успеху». В отчете 1916 г. тот же судья писал, что «необходимо необыкновенно счастливое стечение обстоятельств, чтобы в настоящее время обидчик и эксплоататор малолетнего понес действительно заслуженное им наказание». С заменой детских судов комиссиями по делам о несовершеннолетних, эти последние были лишены права собственною властью налагать наказания на взрослых, виновных в совращении детей, эксплоатации их или жестоком с ними обращении, но в Положении о комиссиях (ст. 13) прямо предусматривается обязанность комиссий возбуждать подобного рода дела пред народными судами. Отчеты комиссий за последние годы, однако, показывают, что замечание киевского судьи В. Левитского, о трудности добиться преследования таких лиц до сих пор сохраняет свою силу. В отчете за 1922 г. по Москве значится, что таких обвинений комиссиями в течение истекшего года было возбуждено всего 7 (4 против родителей и 3 против посторонних лиц), по 74 провинциальным комиссиям возбуждено всего 98 дел против родителей и 165 против посторонних лиц. По Петрограду дел этого рода возбуждено 44. Это составляет менее 1 проц. дел, рассмотренных комиссией, а для Москвы—0,03%. Даже увеличив эти цифры во много сотен раз, мы не получим действительной картины, постоянно наблюдаемой в жизни. Несомненно, что наши комиссии весьма мало обращают внимания на эту сторону своей работы.

Показателем развращающего влияния взрослых в смысле вовлечения малолетних в преступность служат данные о числе преступлений, учиненных малолетними по соучастию со взрослыми, так как в таких делах малолетние почти всегда являются орудием в руках взрослых. Данные Петроградского детского суда показывают, что 8,7% всех имущественных преступлений совершались малолетними в соучастии со взрослыми. Мы видели, что французская статистика воспитанников исправит. заведений также дает 8% малолетних, совершавших преступления по подстрекательству или в соучастии в их родителями или взрослыми. По данным В. И. Куфаева, относительно повторных правонарушителей за 1921 г. 5,76% учиненных ими правонарушений совершено было в соучастии со взрослыми.

С. В. Бахрушин в своей работе «Малолетние бродяги и нищие в Москве» (М. 1913) приводит ряд данных о нищенствующих детях Москвы. Из нищенствующих детей, являвшихся обитателями ночлежных домов, около 25% (57 из 231) нищенствовали со своими родителями. При этом процент нищенствующих совместно с родителями был особенно высок среди девочек (78%). Какую роль играют родители, и, в частности, мать, в потворстве проституции или в предотвращении ее для девочек, мы видели выше.

Н. И. Ануфриев разделяет нищенствующих детей на 5 категорий: 1) детей, которых родители посылают нищенствовать из бедности, 2) детей, которых родители не любят и стремятся эксплоатировать их посредством нищенства, имея притом средства; 3) дети, нищенствующие по соблазну и легкомыслию, 4) сироты-беспризютные, 5) дети-бродяжки. Наибольший процент, по свидетельству Ануфриева, дают первые две категории. Из поступивших в Московский работный дом 32 малолетних нищих (в 1912 г.) 5 указали на эксплоатацию со стороны родителей и 4 начали нищенствовать совместно с родителями, которые их приучили к этому.

Приведенные нами примеры дают общее представление о том, в какой громадной степени указанные нами факторы беспризорности—сиротство, нужда, заброшенность и беззащитность выявляются позднее в форме ранней преступности несовершеннолетних. Можно утверждать, что в 99% случаев, даже при наличности тех или иных болезненных или анормальных отклонений психики малолетнего, эти факторы дополнительно участвуют в причинной цепи обстоятельств, приводящих подростка на путь правонарушений.

III.

Меры борьбы с беспризорностью.

Своевременная и надлежащая борьба с беспризорностью малолетних является лучшим средством предупреждения преступности или социальной профилактики. Восполнение недостаточности семейных условий или устранение вредных влияний, коренящихся в домашней обстановке, может быть производимо организованной деятельностью педагогических, социальных и официальных органов. В современной литературе и практике эта проблема стала за последнее время предметом особого внимания и ей посвящаются в каждой стране десятки книг и статей. Рассмотреть в рамках настоящей работы вопрос о мерах борьбы с беспризорностью во всей его широте не представляется возможным, да и это отвлекло бы нас от прямой нашей задачи, с другой стороны, нет возможности пройти совершенно мимо этого вопроса, не наметив тех вех, по которым эта борьба должна вестись.

Характер мер борьбы определяется прежде всего формами социального проявления беспризорности. Начальные или первичные проявления ее, приводящие к **социальной отсталости** малолетнего, устраняются преимущественно мерами педагогического надзора и социальной помощи. Ребенок, лишенный достаточного родительского попечения и надзора, вместо того, чтобы быть предоставленным случайным влияниям улицы, вовлекается в более здоровую среду своих же сверстников, работающих под руководством педагога. Этой цели служит устройство детских очагов, детских площадок, детских

клубов, чтений и световых картин для детей, детские экскурсии и праздники. Все эти способы, соединяя привлекательный для детей элемент развлечения и забавы с педагогическим руководительством, дают возможность влиять на малолетнего в определенной коллективной среде. Опыт показывает, что именно беспризорная часть детворы охотнее всего идет в такие учреждения и на такие развлечения. Например, когда в 1915 г. одним из попечительств о бедных Петрограда была устроена площадка для детских игр, то из 3.000 детей, посетивших площадку в течение года, 1.308 были детьми, не имевшими вовсе родителей. Пребывание хотя бы в течение части дня в педагогически контролируемой среде сублимирует интересы и оздоровляет привычки малолетнего *). Задача устройства таких развлечений образовательного характера для детей в первую голову лежит на органах народного образования. Но было бы неправильно думать, что такая задача является узко «ведомственной» задачей; она диктуется широкими социальными потребностями, и навстречу ей должны итти городские управления, отводя необходимые помещения для клубов, очагов, места для площадок, отпуская нужные средства на их организацию и поддержание.

Привлекая детей к посещению специально устраиваемых для них развлечений, местная власть должна вместе с тем и принимать административные меры к недопущению детей к тем развлечениям и в те учреждения, которые могут оказаться вредными для них в моральном отношении. Запрет посещения несовершеннолетним клубов, ресторанов-кафе, пивных, случайных кинематограофв, бегов и скачек, запрет бесцельного ночного скитания по улицам, ненужного пребывания на рынках и вокзалах регулируется обыкновенно обязательными постановлениями местной власти и неизменно приводит к ослаблению зла детской беспризорности. В следующей главе мы несколько подробнее остановимся на этой стороне вопроса.

Борьба с уличной торговлей детей, выражающаяся в форме искоренения ее, а при невозможности сразу достигнуть этого результата, в разумной регламентации ее, служит существенным средством ослабления беспризорности. Борьба эта должна вестись не только с профессиональной торговлей детей, но и с отдельными случаями продажи ими на рынках, в лавках или на улицах предметов домашнего обихода, подержанных книг и проч., так как зачастую предметы эти сбываются помимо ведома родных и вырученные деньги идут на неразумные траты и удовлетворение дурных привычек (курения, посещения кинематографа, танцульки, покупку вина и проч.). Воспрещение приобретения таких вещей от малолетних зачастую предусматривается уголовным законом и влечет для взрослых (торговцев, скупщиков) уголовную ответственность.

---

*) Значение детских площадок, как средства предупреждения детской преступности, подчеркивается рядом американских исследований. Так, по утверждению детского судьи в Сен-Луи, преступления среди городских детей почти прекратились в связи с устройством в городе ряда площадок для игр. В одном из кварталов Нью-Йорка, после открытия нескольких площадок для игр, детская преступность сразу понизилась на 50 проц.; при тех же условиях в окрестностях Чикаго число детских правонарушений за 2 года упало на 44 проц. В ряде штатов проведены законы, обязывающие городские самоуправления к устройству таких площадок в определенной пропорции к числу детского населения города.

Ослаблению беспризорности много способствует сближение семьи и школы и расширение функций школьных комитетов или комитетов содействия школе, как они у нас называются. И родители, и педагоги в одинаковой мере заинтересованы в предупреждении беспризорности. Поэтому они должны информировать друг друга о всякого рода симптомах начинающейся беспризорности у малолетнего, чтобы соответственно с этим был усилен родительский или педагогический надзор. Не всегда эти вопросы удобны для коллективного обсуждения на совете или на собрании комитета; для этой цели более пригодными являются педагогические консультации родителей или старших с наставниками или руководителем школы, практикующиеся и ныне в ряде школ. В целях борьбы с беспризорностью комитет содействия школе принимает на себя помощь в устройстве разумных развлечений для школьников, помогает в устройстве на места малолетних, оканчивающих школу, приобретает необходимые пособия для более нуждающихся детей и проч.

Безусловно необходимым средством ослабления беспризорности—сиротства и беспризорности-беззащитности является надлежащая организация дела опеки. В этой области необходимо создание кадра особых профессиональных опекунов, развитие семейного патронажа, урегулирование прав опекунского характера, принадлежащих администрации учреждений, в которые помещены малолетние и проч. Своевременная и надлежащая опека лучше всего способна пресечь начинающуюся беспризорность *).

Для одиноких подростков, оканчивающих школы и вступающих в трудовую деятельность, большую помощь в смысле ослабления опасности беспризорности могут оказать устройство трудовых общежитий, патронат, помощь в приискании подходящей работы и руководство в выборе профессии, сближение с профессиональными организациями, союзным движением молодежи и пр. **).

Начальные проявления беспризорности, осложненные материальной нуждою родителей ребенка или одиночеством его матери, лишенной достаточных средств, требуют мер широкой социальной помощи. Развитие различных форм социального страхования, организация дела помощи нуждающимся элементам населения, расширение сети учреждений социального закрытого воспитания, улучшение жилищных условий путем социального жилищного законодательства, трудовая помощь и мн. друг. меры способны ослабить силу беспризорности-нужды и помочь родителям удовлетворить насущные потребности ребенка.

Поскольку речь идет об одиноких матерях, среди детей которых, как мы видели, чаще всего наблюдается развитие беспризорности, здесь необходимы особые меры помощи—выдача особых материнских пенсий, устройство особого типа мастерских, назначение дополнительных опекунов и, наконец, но не на последнем месте—усиление ответственности отцов, обязанных оказывать мате-

---

*) См. мои статьи «Опека и детская беспризорность» в журн. Вестник Просвещения 1923, кн, и «Призрение сирот воинов» в журнале «Призрение и благотворит. в России» 1915, кн. 8—10.

**) См. мою печатающуюся ныне работу «Охрана труда детей и подростков с социально-педагогической точки зрения».

риальную поддержку на содержание не живущих с ним детей, в случае покинутия семьи без средств *).

Значительно труднее борьба с более запущенными видами беспризорности—социально-паразитарной и социально-опасной ее формами. Мы остановимся здесь лишь на тех проявлениях этих форм, которые еще не составляют правонарушения в формальном смысле, хотя свидетельствуют о значительной социальной дефективности малолетнего. Сюда относятся: детское нищенство, бродяжничество, проституция, сутенерство. В этих случаях, уже по общему правилу, меры социальной профилактики оказываются недостаточными—необходима более радикальная политика. Вмешательство государства в воспитание малолетнего с принудительным из'ятием его из домашней обстановки и с ограничением порою родительской власти над ним, помещение его в учреждение принудительного воспитания порою на длительный срок, создание особой детской инспекции для борьбы с этими формами беспризорности—вот главнейшие меры борьбы. Но перед тем, как остановиться на них подробнее, рассмотрим несколько ближе сами эти общественно-паразитарные проявления в виду их особо тесной связи с преступностью несовершеннолетних.

1. **Нищенство и бродяжничество детей и подростков.** Хотя мы отнесли обе эти формы в одну группу, однако, между детьми-нищенками и детьми-бродяжками имеются довольно значительные различия. Нищенствующий малолетний обычно проживает в определенном месте, часто даже вместе со своими родителями или воспитателями; он нищенствует из нужды, из лености или распущенности или под давлением своих родных; его заработок, хотя и добыт предосудительно, однако получен им путем добровольных «даяний»; иногда даже он совмещает нищенство с посещением школы или с домашней работой. По своему характеру нищенство немногим отличается порою от мелкой уличной торговли подростка, часто также сопровождающейся попрошайничеством. Иные признаки мы имеем в случае бродяжничества малолетнего. Такой ребенок или вовсе не имеет родительского дома или постоянного крова, или бросает его на долгие периоды времени; он ночует в ночлежках, на вокзалах, в общественных садах, забившись в пустой сарай или чулан пустынного двора; сегодня его задержали в одном городе, а через неделю его можно встретить в другом; рискуя жизнью, он цепляется за товарные поезда, взбирается на крыши вагонов или устраивается на подножках их, чтобы проехать нужное расстояние; в каждом месте у него нет никого близких или родных; он кормится частью нищенством, частью мелкими кражами на рынках, вокзалах, на улицах; зачастую он лишен всяких документов о своей личности и при расспросах называет вымышленные имена и места, чтобы иметь повод проехаться в ту или иную местность. Мысль об образовании и труде не приходит к нему в голову и он питает к ним зачастую непреодолимое отвращение. По своему характеру тип бродяжки есть наиболее деградировавший тип беспризорности, который по трудности воздействия на него, можно сопоставить только с малолетним правонарушителем-рецидивистом.

Малолетние нищие и бродяги сравнительно редко появляются в судах для малолетних. По данным Мюнхенского суда из 3.000 возбужденных дел

*) См. мою статью «Социальное положение одинокой матери» 1923 г. и «Ответственность за оставление семьи без средств» журн. Мин. Юст. 1915, книга.

241 было возбуждено против мальчиков за нищенство (8%). По данным Берлинского суда за 1909 и 1910 гг. из числа 1.753 и 1.834 осужденных несовершеннолетних только 58 и 69 были осуждены за нищенство (около 3—4%). Только даные Франкфуртского суда за 1908—1909 гг. дают 165 малолетних, привлеченных за нищенство, из которых 58% во второе полугодие подверглись вторичному привлечению. 84% их были во Франкфурте пришлым элементом (Груле). Данные наших судов для малолетних дают примерно такие же проценты. Сводный Петроградский отчет показывает 4,7% мальчиков и 4% девочек среди обвинявшихся подростков, которые занимались нищенством. Московское обследование детской преступности М. Гернета дает 3,1% малолетних нищих и бродяг, судившихся в судах г. Москвы в 1909 г. Данные Киевского детского суда за 1914 г. дают 3,9%, а за 1915 г.—2,2% нищенствующих детей. Несколько больше этот процент в послереволюционное время среди малолетних, проходивших чрез комиссии о несовершеннолетних. Так, в практике Петроградской комиссии дела о нищенстве и бродяжничестве детей дали 1918 и 1919 гг.—8% всех дел, в 1920 г.—7,6%, в 1921 г.—6,4% и в 1922 г.—12%.

Значительно больше процент нищенствующих и бродяжничествующих малолетних среди помещенных в исправ. воспитательные заведения. В небольшом баденском заведении в Фленингене для беспризорных, по сведениям Груле, у 68% всех детей в качестве первого показателя социального падения установлено было нищенство, бродяжничество и нежелание продолжать учение. Из 1.060 случаев, переданных для принятия мер попечения и надзора берлинской попечительной организацией при суде для малолетних в 1910 г., 156 (15%) относились к праздности и бродячей жизни, 7—к нищенству и 9—к склонности к бродяжничеству. Крамер среди 286 воспитанников ганноверских заведений нашел 29% склонных к бродяжничеству и половому разврату и 2% нищенствующих. Французская статистика реформаторий дает среди мальчиков-воспитанников 2,98% помещенных за нищенство и 10,76% за бродяжничество, а среди девушек 6,77% первых и 17,65% вторых (высокий процент бродяжничества среди девушек об'ясняется тем, что проституция, по французской терминологии, относится к бродяжничеству, как специальный вид его). Статистика наших исправ. воспитательных заведений в период 1911—15 гг. дала 8% малолетних, помещенных туда за нищенство и бродяжничество.

Но малолетние нищенки и бродяжки, попадавшие в детские суды и в учреждения исправительного воспитания, были редкими птицами. Главная борьба с нищенством и бродяжничеством детей велась при помощи полицейско-административных мер, и число малолетних нищих и бродяг, подвергавшихся задержанию, высылке, водворению на родину или помещению в работные и арестные дома, повсюду было значительным. Мы приведем только данные, касающиеся Москвы и Петрограда, относящиеся ко времени, непосредственно предшествовавшему революции.

С. В. Бахрушин, в своем очерке «Малолетние нищие и бродяги в Москве», приводит следующие статистические данные о числе малолетних бродяг и нищих, ежегодно проходивших через Московское Присутствие по разбору нищих администрацией работного дома: с 1897 по 1900 от 62 до 94 чел., с 1901 по 1904 г.—142—163 чел., с 1905 по 1908—229—383 чел., с 1909

по 1911—269—490 чел. Таким образом число нищенствующих за 14 лет увеличилось более чем втрое. Число детей, ютившихся по притонам Хитрова рынка и занимавшихся нищенством, в начале 900-х годов определялось в 200 человек. Городская анкета начала 1911 г. зарегистрировала в 7 ночлежных домах Москвы—160 детей, при чем во многих случаях ночлежниками являлись дети, еще не достигшие 10 лет (из 23 девочек таковых было 19). Интересна анкета администрации отделения для малолетних Работного дома о причинах скитания по ночлежкам. Из 154 мальчиков старше 10 лет нищенствовали: по причине потери места—56 чел., за ненахождением места в Москве (тотчас по приезде)—14, вследствие смерти родителей—2, родители прогнали—8, родители или родственники бросили—2, бежали от дурного обращения в семье—5, с детства на Хитровке—2, мать эксплоатирует—1, проиграл одежу—2, случайно—3, по другим причинам—3, причины неизвестны. Если откинуть последнюю группу неизвестных и суммировать процентные отношения, то в 70% причиной скитальческой жизни являлась безработица, в 16%—дурная семейная обстановка, в остальных—случайные причины и сиротство.

Н. И. Ануфриев, специально изучивший вопрос о детском нищенстве в Петрограде, приводит следующую таблицу числа малолетних нищих, прошедших через Петроградское городское Присутствие по разбору нищих: в 1909 г.—2.184, в 1910—2.220, в 1911—1.429, в 1912—1.300, в 1913—1.112, в 1914—869 и в 1915—322. Здесь мы видим процесс обратный наблюдавшемуся в Москве, т. е. прогрессирующее падение числа малолетних нищих, сократившее это число за 6 лет в 7 раз. Впрочем, последний 1915 г. не является показательным, так как, с наступлением войны и открывшейся большей возможностью приискания работы, нищенство как малолетних, так и взрослых, резко упало. Большую роль в деле борьбы с нищенством в Петрограде сыграла деятельность районных попечительств о бедных, работа детского суда и открытие нескольких приютов-общежитий специально для нищенствовавших подростков.

После октябрьского переворота, в первые годы детское нищенство почти исчезло из наших городов. Открытие массы детских домов, введение бесплатного детского питания и снабжения, улучшение жилищных условий беднейших масс населения и, наконец, привлечение родителей к ответственности за допущение нищенства детей, способствовали тому, что даже при тяжелых экономических условиях, переживавшихся страною, мы почти не встречали на улицах детей, просящих подаяния. Нищенство покинуло оскудевшие большие города, но широкой волной раскинулось по всей стране: по деревням, по железным дорогам, в прифронтовой полосе скитались дети, брошенные своими родителями, дети-беженцы или дети- сироты. Нищенство приняло форму бродяжничества и вокзалы железных дорог кишели бездомными и бесприютными детьми-скитальцами, так что пришлось создавать даже особые дежурные вокзальные пункты детской инспекции. Приволжский голод, вызвавший переселение масс крестьянства из голодающих губерний в города, занес в них и детское нищенство. Оборванные и грязные дети крестьян, приехавшие «с голода», попрошайничали в одиночку или вместе со своими родителями. От них нищенство перекинулось и ко многим городским детям в виду того, что, с отменой бесплатного коммунального питания детей и с новой экономической политикой, экономические факторы вновь приобрели свое значение. По данным

Петроградской комиссии о несовершеннолетних дел о нищенстве малолетних прошло в 1920 г.—705, в 1921—502, в 1922—519. Учитывая сокращение населения Петрограда за эти годы, можно указать, что по сравнению с 1915 г. в 1920 г. нищенство детей в Петрограде увеличилось в 7 раз, в 1921 г.—в 5 раз, а в 1922 г.—в 4 раза. Но данные 1922 г. являются неполными в виду значительного сокращения подведомственности комиссий. 1922 г. в процентном отношении дал, по крайней мере двойное увеличение числа дел о нищенстве в Петроградских комиссиях.

Было бы неправильным, однако, учитывать только один экономический фактор в этом вопросе. Исследованиями немецких авторов Груле, Поллигхейт, Вильямса и др. установлено, что значительный процент бродяжничества среди детей, вызывается внутренней склонностью или предрасположением к скитальческой жизни. Груле, исследовавший малолетних нищих и бродяг воспитательного заведения в Флехингене, устанавливает, что из 24 более упорных бродяжек, 13 по своей одаренности стояли ниже среднего уровня, 15 являлись психически анормальными; в 3 случаях Груле установил причину бродяжничества в условиях окружающей среды, в 9—в предрасположении и в 12—в обоих этих факторах. Конечно, предрасположение к бродяжничеству растет и укрепляется часто именно на почве создавшихся условий жизни: ранней бездомности, беженства, переселения и пр., лишь позднее оно становится самодовлеющей силой. Среди воспитанников детских домов имеется довольно значительный процент неисправимых бегунов, одержимых духом бродяжничества, но все же эта склонность путем умелого воспитательного воздействия может быть преоборена. В значительно более редких случаях неискоренимое бродяжничество являтся симптомом скрытой душевной болезни.

Скажем в заключение вопроса несколько слов о мерах борьбы с нищенством и бродяжничеством. Поскольку мы признали, что эти явления суть лишь формы беспризорности, постольку логически вытекает отсюда необходимость связать эту борьбу с общей работой по беспризорному детству. Чисто административные меры борьбы должны отойти в прошлое; борьба эта требует участия педагога, врача и социального работника. Нищенство и бродяжничество не должны рассматриваться как нарушение городского «благочиния», а как симптомы общественно-опасного состояния малолетнего. Для этого необходим правильный диагноз состояния малолетнего, который может быть произведен только компетентным органом, т. е. комиссией по делам о несовершеннолетних. Но и комиссия зачастую неправильно понимает свои задачи. Как часто наши комиссии подходят к таким делам с формальным мерилом тяжести проступка и ограничиваются простыми внушениями и выговорами там, где требовалось бы принятие мер социальной помощи и воспитания. Если не все малолетние нищие или бродяжки нуждаются в помещении в учреждения социального воспитания, то все же значительное большинство их нуждается в попечительном присмотре обследователя-воспитателя, который в нашей практике развит еще весьма слабо. Такой надзор даст возможность помочь малолетнему выправиться, найти работу и отстать от дурных привычек; лишь при недостаточности присмотра или безуспешности его желательно помещение в испр. воспит. заведение. При этом желательно устройство для этих категорий детей детских домов особого типа, поскольку развращающее влияние бродячей жизни уже успело сказаться на личности и привычках под-

ростка. Для борьбы с внешними проявлениями детского нищенства и бродяжничества, необходима детская социальная инспекция, об организации которой речь будет дальше.

2. **Детская проституция.** Развитие детской проституции в больших городах Европы и Америки за последние десятилетия является фактом, вызывающим серьезную тревогу. Проституция в раннем возрасте не только подтачивает моральные силы подростка, и, быть может, навсегда растрачивает его здоровье, но и толкает его по пути социальной гибели и преступления. Связь проституции и преступности у женщин не вызывает в настоящее время сомнений. Говоря о беспризорности детей, нельзя хотя бы вкратце не остановиться и на этом виде ее.

В больших городах Европы, даже при существовании регламентированной проституции, проституция несовершеннолетних носит почти всегда тайный характер, так как, до известного возраста, регистрация в качестве проститутки не допускается. Однако, в числе задерживаемых за вызывающее поведение или за тайную проституцию женщин, мы повсюду находим немалое число несовершеннолетних. **В Париже** в период между 1880 и 1903 г. средне-годовым числом малолетних, задерживаемых за проституцию, было 1.370, а всего за этот период было задержано 32.885 малолетних. В 1908 г. за этот проступок было задержано 975 девушек до 18 лет в числе 1.638 раз, так что на каждую в среднем приходилось по два задержания. В 1909 г. число задержанных было 988 (из них 221 до 16 лет), а число случаев задержания—1.739. По статистике 1911 и 1912 г. число задержанных за проституцию малолетних равнялось 1.426 и 1.218. Из последнего числа 33 находились в возрасте до 16 лет, 95—в возрасте от 16 до 18 лет и 1.090—в возрасте от 18 до 21 года. Из общего числа 782 в течение года были задержаны по одному разу, 255 по два раза, 123—по три раза, 56— 4 раза и 2—по пяти раз. Если взять малолетних до 18 лет, которые согласно закону 1908 г. были переданы в судебные учреждения, то мерами, принятыми в судебном порядке относительно них были: 42—отдача родителям под присмотр, 24—помещение в убежища и 39—помещение в исправительные заведения. В отношении проституток от 18 до 21 года наиболее частой мерой (1.296 из 1.895) было простое освобождение после 1—2 дней задержания, и внесение в списки зарегистрированных (368), в очень немногих случаях они были отосланы в провинцию к их семьям (17), помещены в убежища (23) или переданы под присмотр родителей (85). По данным 1917 г., уже после войны, задержано малолетних проституток 1908 в количестве 2.842 раз, а в 1918 г. 1927 девушек в количестве 2.729 раз. За десять лет таким образом проституция в Париже увеличилось более, чем в два раза. Значительное число повторных задержаний указывает на безуспешность применяемых средств борьбы. **Венские** полицейские власти до войны утверждали, что тайная проституция в значительной своей части процветает среди малолетних, принимая часто замаскированные формы службы в кафэ, выступления в хоре, в танцах и пр. В то время, как среди зарегистрированных проституток лишь 16% недостигших 21 года, среди проституток, задерживаемых на улицах, 57% находятся в таком возрасте. В 1910 г. из 1.319 арестованных 823 являлись несовершеннолетними, причем беспризорность последних доказывается тем обстоятельством, что попытки передать их на попечение родителей или родных в 802 случаях оказались безу-

спешными. **В Германии** детская проституция встречается почти в каждом городе. В Берлине, несмотря на уклонение полици от регистрации несовершеннолетних проституток, в 1898 г. в числе зарегистрированных было 229 малолетних, из которых 7 находились в возрасте 15 лет, 21—16 лет и 33—17 лет от роду. В Кельне на 1.626 задержаний проституток в 1911 г. пришлось 1.296 несовершеннолетних, из них 79 не достигло 18 лет. Бендиг, изучавший проституток Штуттгарта с 1894 по 1908 г., находит, что 55% занимавшихся проституцией утратили девственность до 17 лет, 70% в возрасте от 16 до 18 лет; более половины не достигли 20-летнего возраста в момент регистрации их в качестве профессиональных проституток. В **Англии**, в так называемых «спасательных убежищах», куда помещаются девочки-проститутки, за три года (1907—1910) было принято 745 детей в возрасте от 8 до 15 лет, занимавшихся тайной проституцией. Из 1882 проституток, задержанных в Глазго за пьянство или вызывающее поведение, 321 не достигли 21 года.

Эти цифры, в большинстве случаев заимствуемые нами от Б. Флекснера *), могут быть дополнены рядом американских обследований. По данным д-ра Книлэнда относительно 1.106 проституток Нью-Йорка **), задержанных в 1916 г., 20 из них имели первое половое сношение до 13 лет, 71—до 14 лет, 85—до 15 л., 167 до 16 лет, 189—до 17 лет и 147—до 18 лет. Средним возрастом начала половой жизни для всех задержанных был возраст 17,8 лет; 545 т. е. 50% начали занятие проституцией до достижения 18 лет, а средним возрастом вступления в проституцию явился возраст 19,4 лет. Для отдельных профессий возраст начала занятия проституцией сильно понижается. Так, девушки, служившие домашней прислугой (25 случаев), имели средний возраст вступления в проституцию—16 лет, продавщицы (110 случаев)—17 лет, фабричные-работницы (40 случаев)—несколько более 17 лет. Средним временем, протекающим между первым половым сношением и вступлением в проституцию как промысел, является срок несколько менее двух лет; средняя продолжительность пребывания в рядах проституток обычно определяется в пять лет, но по данным Книлэнда срок этот должен быть удлинен. Интересны указания на причины, толкнувшие женщин в юношеском возрасте к занятию проституцией. Мы изобразим их в виде таблицы с делением на три группы по характеру опрошенных женщин. В первую группу мы помещаем женщин, содержащихся в Бедфорской реформатории, куда обычно заключались проститутки-воровки, во вторую—проституток, содержавшихся в других учреждениях штата Нью-Йорка, и в третью—проституток, задержанных на улицах Нью-Йорка.

Причина, толкнувшая на проституцию: (по заявлениям самих женщин).

	Женщины в Бэтфорде.	В других учреждениях.	Уличные случаи.	Всего.
А. Причины, связанные с семьей:				
1. Безнравственность родителей	15	25	36	76
2. Неуживчивость в семье (ссоры, брань)	39	27	20	86

*) B. Flexner. Prostitution in Europe. N. Y. 1917.
**) Kneeland. Comercialized prostitution New Jork cit y 1921.

	Женщины в Бэтфорде.	В других учреждениях.	Уличные случаи.	Всего.
3. Небрежное отношение или злоупотребление родительской властью	26	41	20	87
4. Отсутствие отца, матери или обоих	166	—	12	178
5. Чрезмерно слабый надзор и снисходительность	10	3	11	24
6. Чрезмерная строгость	35	21	52	108
7. Бедность и нужда	9	3	36	48
8. Изгнание из дома	6	18	21	45
9. Склонение родителями к занятию проституцией	—	6	10	16
Всего причин, коренящихся в семье	306	168	218	692
Б. Причины, связанные с супружеской жизнью:				
1. Смерть мужа	5	16	14	35
2. Оставление мужем без средств	8	36	68	112
3. Жестокое обращение и безнравственный образ жизни супруга	14	29	39	82
4. Неуживчивость в семейной жизни	26	8	31	65
5. Муж склонил к занятию проституцией	2	26	61	89
Всего причин, связанных с браком	55	115	213	383
В. Личные мотивы:				
1. Дурные подруги и общество	75	108	61	244
2. Отсутствие половой жизни	10	6	—	16
3. Одиночество или праздность	5	—	19	24
4. Болезнь, дефективность и нужда в деньгах	4	53	9	70
5. Неудача в жизни	10	15	32	57
6. Любовник толкнул на проституцию	10	80	144	234
7. Слабость к вину и наркотикам	7	11	1	19
8. «Белая невольница» (т.-е. была насильно помещена в притон или обманно)	2	21	6	29
9. Устала от нудной работы	4	16	42	62
10. Стремление к легкому заработку	17	58	58	133
11. Танцульки завлекли	13	23	1	37
12. Нелюбовь к труду и лень	20	12	49	81
13. Увлечение подмостками	9	9	36	54
14. Оставление любовником	3	33	40	76
15. Стремление к удовольствиям и нарядам	48	65	188	301
16. Желание пожить	15	2	116	133
17. Жажда к деньгам	38	3	50	91
18. Стыд вернуться домой после первого падения	1	23	13	37
Всего по личным мотивам	291	545	875	1711
Г. Экономические мотивы:				
1. Невозможность содержать себя	5	67	33	105
2. Трудность содержатв себя и детей	1	37	55	93
3. Невозможность найти работу	13	79	42	137
Всего по экономическим мотивам	19	183	130	305
Общий итог	671	1011	1436	3118

Если исчислить к общим итогам процентные отношения, то причины, относящиеся к условиям домашней жизни, дадут 22,4%, к условиям супружеской жизни—12,4%, личные мотивы—55,3% и экономические факторы—9,9%. Конечно, часть так наз. «личных мотивов» являются лишь отражением дурного воспитания и дурных привычек, которые явились опять-таки результатом дурной домашней обстановки, мало сознаваемым самой женщиной. Однако и без этого можно видеть, что около четверти случаев проституции об'ясняются неудовлетворительностью семьи.

Исследование женщин-проституток и преступниц Нью-Иорка, произведенное в 1920 г. группой американских исследовательниц под руководством Екатерины Дэвис *), показало, что средним возрастом вступления в проституцию явился возраст в 20,6 лет, но при этом 0,8% вступили до 13 лет, 11,7% до 16 лет и 27,3%—до 17 лет. При этом приводится любопытное сопоставление между возрастом вступления в проституцию и условиями домашней жизни:

Условия домашней обстановки.	Число простит.	Средний возраст вступления в прост.
Хорошие	11	21,6
Удовлетворительные (сносные)	69	20,6
Плохие	87	19,0
Совершенно неудовлетворительные	17	16,5
Всего	184	19,53

Чем хуже домашние условия, тем в более раннем возрасте девушка вступает в проституцию; для женщин, живущих в удовлетворительных и хороших условиях, начало проституции в среднем падает на 20—22 год, т. е. когда приходят уже личный опыт и различные жизненные мотивы; девушки, выходящие из дурного дома, начинают проституировать едва выйдя из домашней среды. По роду занятий 40,8% давала домашняя прислуга, 23,1%—фабричные работницы, 6,9%—ресторанная прислуга, 9,6%—девушки, выступавшие в кафешантанах и водевилях и т. д. 11,4% почти никогда не занимались трудом, 27,6%—занимались менее одной четвертой части пребывания в трудоспособном периоде. Около 50,4% являлись подвержены алкоголю, 22,8%—наркотикам, и 33% курению.

Из довольно обширных американских материалов по этому вопросу, имеющихся в нашем распоряжении, приведем еще лишь данные относительно специального отделения для дел о проституции муниципального суда в Фила-

*) K. Davis. Women delinquento in New jork state 1920.

дельфии *). Из 1.736 проституток, прошедших чрез это отделение в 1920 г. по возрасту и повторности задержания было:

Возраст.	Число.	Процент.	Вновь задержанных. Число.	Процент.	Повторных. Число.	Процент
до 16 л.	3	0,2	3	0,2	—	—
16 лет.	135	7,8	121	10,2	14	2,5
17 »	140	8,1	114	9,6	26	4,7
18 »	132	7,6	104	8,8	28	5,1
19 »	106	6,1	77	6,5	29	5,2
20 »	125	7,2	78	6,6	47	8,5
Всего до 21. .	641	36,9	497	42,0	144	26,0

Более одной трети задержанных таким образом еще не достигли 21 года, при чем с увеличением возраста наблюдается и большее число повторно задерживаемых. Из этого числа 279 являлись уже зараженными венерическими болезнями; по умственному развитию из числа 576 подвергавшихся психическому обследованию, 339 оказались нормальными, 57 отсталыми, 16 стоящими на границе умственной слабости, 12—моронами (первая стадия умственной дефективности), 9 были психоневротиками и 142 страдали конституционной психопатией.

Не станем останавливаться далее на обширном опыте запада, требующим самостоятельного исследования, и приведем скромные цифры из нашей русской практики по этому вопросу. Отвергая данные полицейско-административной статистики, как мало доброкачественные и формальные, остановимся на сравнительно немногих случаях, которые проходили через камеры судей по делам о малолетних. Правда, дела о проституции попадали туда довольно случайно: или девочка являлась потерпевшей, или она, занимаясь проституцией, совершала какой либо проступок, дававший формальный повод заняться ее делом. По данным Е. Чичаговой, бывшей неизменно попечительницей (обследовательницей) по делам о девочках в Петроградском суде, приведенным в ее статье «Преступность девочек за 5-летие 1910—1915 г. по данным Петроградского суда для малолетних» (журн. «Особые суды для малолетних» 1916 г. № 6), дела о проституции в количестве 71 составили 15,4% всех дел о девочках, но, кроме того, проституция входила в качестве элемента и в ряд других дел об имущественных правонарушениях, так как оказывалось, что девочка, привлеченная по делу о краже, раньше «гуляла», но затем заменила проституцию кражами **). Причины совершения имущественных проступков

*) A study of the specialised courts for sex offences. N. Y. 1922 p. III.

**) В позднейшем докладе, представленном Н. Окуневым и Е. Чичаговой Всероссийскому Совещанию по вопросам призрения детей в связи с войной в 1916 г., указывается, что за три с небольшим года (с конца 1912 г. по 1 января 1916 г.) по обвинению в проституции в Петрограде было привлечено 94 девочки. Из них оправдано 5, прекращены дела о 2-х, отданы под ответственный присмотр—21, помещены в воспитательно-исправительные заведения—64 и относительно 2-х, как имевших более 17 лет, дела окончены арестом. Докладчики указывают, что среди девочек 10—12 лет в сильной степени, кроме того, развита проституция особого рода, исключительно для сладострастных с ними манипуляций, без нарушения их девственности. Этим зачастую промышляют девочки нищенствующие, причем вступившие на

и проституции (они соединены вместе), выясненные у 460 девочек, дают такую картину:

Проступки совершены:	Число:	Процент:
Под влиянием подруг	106	23 %
Под влиянием взрослых	44	9,5
Бедность натолкнула	66	14,3
Беспризорность	57	12,5
Распад семьи, ссоры родителей	58	12,5
Легкомыслие, непонимание совершен. . .	41	9,0
Плохие условия жизни в мастерских и в прислугах	36	8,0
Клептомания	2	0,4
Неопределенные причины	50	10,8

Беспризорность и распад семьи дают, таким образом, вместе 25%, дурные влияния окружающих — 32%, бедность — 14,3%, эксплоатация труда—8%.

Только 58% девочек находились на попечении обоих родителей или одного из них; 25% жили самостоятельно, 8%—у чужих и 9%— у родных. В смысле жилищных условий—7% жили у хозяек, 18% занимали угол, 33,4% жили в комнате и 41,6% в квартире с родными. Только 45,5% имели в живых обоих родителей, у 10,8% был жив только отец, у 29,5% жива только мать, у 11% оба родителя умерли и у 3,2% отсутствовали неизвестно где. Мы видим печальную обстановку детства и юности девушек, начавших проституцию и кражи в раннем возрасте. «Беспризорность,—пишет Е. Чичагова,—наблюдается как при круглом сиротстве девочек, так и при пьянстве или развратном поведении родителей: девочкам приходится самим заботиться о себе, изыскивая средства, если еще родители сами не продали их для разврата или не толкнули на это. Начало преступности—нищенство, затем идут кража и разврат».

Киевский судья по делам малолетних В. Левитский в своей статье «Дела малолетних проституток» (журн. «Особые суды для малолетних» № 5, 1915 г.), пишет: «Дела о малолетних проститутках обыкновенно возбуждаются по ст. 169 улож. о нак. (за кражи), изредка по ст. 528 уг. ул. («приставание к мужчинам»). Маленькие, грязные листки полицейских дознаний содержат богатый материал, кричащий об ужасах жизни, о беспомощности и заброшенности несчастных детей. В г. Киеве торговля детским телом получила в последние годы широкое распространение... Каждое почти попечительское расследование раскрывало своеобразную картину постепенной гибели одинокой, никому не нужной, девочки, поставленной в тяжелые условия и принужденной напрягать до последней степени свои слабые силы в борьбе за существование.

этот путь, более прибыльный, чем нищенство, вовлекают на это и других новеньких. Из приютов для малолетних проституток в Петрограде имелись два: открытый в 1912 г. Домом Милосердия для девочек-проституток от 10 до 14 лет на 45 человек и другое—для девочек-подростков 14—17 лет—на 30 человек. В целях из'ятия малолетних проституток, особые попечители имели дежурство в врачебно-полицейских комитетах, навещали Калинкинскую больницу, обходили кинематографы, танцульки, кондитерские, кафе и проч. См. «Борьба с проституцией в Петрограде»—доклад Петроградского детского суда. П. 1916 г.

Если же, для лучшей систематизации материала, допустить распределение дел по группам, то наиболее правильным будет деление обвиняемых на: 1) вышедших на улицу за куском насущного хлеба и 2) вытолкнутых на тротуар обольщением, обманом в погоне за хорошей и веселой жизнью. Первая категория меньше, к ней относятся 12—14-летние дети, жалкие, оборванные, больные». Автор приводит ряд случаев из практики, свидетельствующих о влиянии на проституцию дурной домашней обстановки и изнурительности раннего труда.

Работа детских судов натолкнула на необходимость создания особого типа приютов для девочек, занимающихся проституцией, и выделения специальных работников для наблюдения за уличной проституцией малолетних. Такие приюты, устроенные по типу исправ. воспит. заведений, были учреждены в Петрограде; в 1914 году приступлено было к организации их в Киеве и Одессе. Эта же мысль воскресла у нас и за последние месяцы, когда в связи с новой экономической политикой проституция вообще и детская проституция в частности, стали у нас воскресать.

В мае 1923 года губисполкомам поручено образовать постоянные комиссии из представителей различных ведомств для проведения мер борьбы с проституцией. Отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних, с своей стороны, озабочены также борьбой с растущей детской проституцией. Мы еще не имеем в своем распоряжении каких-либо цифр, так как до сих пор эта сторона беспризорности у нас в послереволюционное время не выдвигалась. Уголовный кодекс содержит статьи, карающие принуждение к занятию проституцией посредством физического или психического принуждения, сводничество и вербовку женщин для проституции, повышая наказание, если вовлеченные в проституцию состояли на попечении или в подчинении обвиняемых или не достигли совершеннолетия (ст. 170—171 угол. код.). Эти статьи проектируются пополнить статьей, карающей «за принуждение к половой связи с лицом, в отношении которого женщина является материально или по службе зависимой, совершонное со злоупотреблением этой зависимостью». Но эти постановления могут оградить девушку только от наиболее грубых и явных посягательств на ее половую честь. Сотни тех в отдельности, может быть слабых, но в совокупности своей весьма мощных толчков, которые приводят девушку-подростка на путь проституции, исходят из неблагоприятной домашней обстановки и вредной социальной среды. Только оздоровлением той атмосферы, которой приходится дышать и в которой приходится воспитываться подростку, можно достигнуть больших успехов. Об этих мерах мы скажем в следующей главе.

Сказаное выше о проституции девочек-подростков в значительной мере приложимо и к подросткам-мальчикам, которые, заражаясь праздностью и порочными привычками, рано вовлекаются в разврат улицы, заводя себе любовниц из числа своих же сверстниц, и ведут жизнь сутенеров и апашей. Такие типы нередки в наших больших городах. По большей части они—кандидаты в профессиональные преступники. Жизнь за счет эксплоатируемой девочки-подростка, постоянное общение с разгульными и преступными элементами, накладывают такую глубокую печать морального падения на их личность, что в большинстве случаев они не поддаются обычным мерам медико-педагогического характера и могут быть исправлены лишь путем длительной изоляции.

ГЛАВА II.

Социальная среда и детская преступность.

Кроме обстоятельств, тесно связанных с домашней обстановкой жизни малолетнего, значительную роль в смысле фактора беспризорности и преступности играет и социальная среда, в которой помимо дома приходится постоянно находиться малолетнему. Эта социальная среда слагается из тех весьма разнообразных влияний, исходящих из определенного строя социальных отношений, связей, установлений, которые медленно, но определенно влияют на каждого живущего в данной среде человека. В особенности это влияние сильно на ребенка, обладающего большой впечатлительностью и восприимчивостью, если он не защищен от таких влияний предохранительною сетью семейного или педагогического надзора.

Значение социальной среды, как определенного фактора в воспитании ребенка, стало учитываться лишь в сравнительно недавнее время. Анкеты, произведенные среди детей-школьников на темы об их отношении к современности, об их героях, и идеалах, об оценке ими различных типов поведения и пр., показали, какую резкую печать накладывает определенная социальная среда на все мировоззрение ребенка и как зачастую он слепо следует за воспринятыми в этой среде оценками. Влияние войны и революции на психологию детей дало также весьма богатый материал для характеристики особой впечатлительности или, как теперь начинают ее называть, особой социальной внушаемости детей в определенном возрасте. Новейшие исследования немецких психиатров и педологов с особой настойчивостию подчеркивают доминирующую роль внушаемости в детском возрасте (у нас в этом отношении интересны работы проф. А. П. Нечаева). Каждый индивид, живущий в общении, испытывает на себе определенные внушения, исходящие от окружающей среды и действует под влиянием их (см. Бехтерев, Коллективная рефлексология 1921). Ребенок подвержен им в большой степени, и потому его поведение в значительной мере определяется характером испытываемых им влияний.

Сила социальных влияний на индивида увеличивается пропорционально увеличению социальной массы и плотности ее. Чем больший круг участников охвачен общением и чем теснее связываются между собою их взаимоотношения, тем испытываемое каждым социальное влияние больше. С изменением этих моментов, меняется не только количественная, но и качественная характеристика социальных влияний. Отношения солидарности и антагонизма, сотрудничество и борьба за существование, взаимная помощь и взаимная вражда определяются во многом законами развития социальных масс. Явления определенного порядка с особенной силой и частотой проявляются только в социальной среде, достигшей определенного уровня плотности и напряжения. К числу таких явлений, приобретающих особенное развитие лишь в атмосфере сгущенных социальных масс, относится и детская беспризорность и преступность.

Беспризорность и преступность детей развивается по преимуществу в больших городах, этих особых организмах в теле государства, притягивающих к себе свежие элементы населения и заражающих их нездоровою атмосферою скученной жизни. В этих центрах действуют особые условия социального

отбора, в них вырабатываются качества, повышающие активность человека и, вместе с тем, делающие его малоразборчивым в средствах жизненной борьбы.

Условия, в которых ростет ребенок в больших городах, резко влияют на его здоровье, нравственность и социальные привычки. Оторванность от родителей, большую часть времени занятых в промышленной или трудовой деятельности, раннее знакомство с развратом и преступностью улицы, наличность многих соблазнов, равнодушие со стороны окружающих—вот характерная обстановка жизни малолетнего в большом городе. Целый ряд факторов городской жизни способствует ослаблению воспитательного контроля за поведением малолетнего; значительная подвижность населения, препятствующая укреплению соседских связей, важных для расширения такого контроля; меньшая заинтересованность окружающих в судьбе ребенка; быстро возникающая солидарность между подростками, создающая особые группы, живущие своею внутренней жизнью и трудно поддающиеся воздействию со стороны взрослых. В результате—ранняя самостоятельность на почве весьма недостаточного воспитания, могущая стать опасной как для самого подростка, так и для окружающих. К этому присоединяются различные нервно-стимулирующие средства, как алкоголь, наркотики, сенсационные фильмы, желтая печать, азарт и пр. Эти средства,расчитанные на возбуждение утомленных нервов взрослого городского жителя или на компенсацию усталости от однообразно-истощающей повседневной профессиональной работы, соприкасаясь с психикой малолетнего, отравляют ее подобно яду, быстро разлагающему детский организм. Противо-воспитательная атмосфера больших городов отчасти компенсируется более развитой в таких городах организацией общественности, задачей которой является отвлечение ребенка от социального зла или пресечение способов влияния его на ребенка. Но не повсюду и не всегда эта общественность стоит на должной высоте.

Сравнительное рассмотрение преступности города и деревни до сих пор производилось, главным образом, с точки зрения выяснения факторов экономического порядка. Мне думается, что такое сравнение может служить наиболее удачным показателем значения именно социальной среды. Город и деревня дают нам наибольшие контрасты в области социальных отношений, общих условий жизни, взаимного социального контроля, наличности или отсутствия нерво-стимулирующих влияний и пр. Вот почему представляется не безынтересным проследить сравнительное участие в преступности (и беспризорности) детей города и детей деревни.

Статистика в этом отношении дает нам довольно богатый материал. Прусская статистика принудительного воспитания позволяет нам дать следующую характерную таблицу числа малолетних, помещенных в учреждения принуд. воспитания по месту их проживания сравнительно с общим количеством детского населения до 18 л. в общинах с различной густотой населения. Данные относятся к 1908 г.

	Из 100 помещенных в воспит. учреждения до того проживали:	% детского населения в общинах различной величины.
В Берлине	9,0	3,9
В больших городах с населением свыше 100.000	27,5	12,9

Из 100 помещенных в воспит. учреждения до того проживали:		% детского населения в общинах различной величины.
В городах с населением от 20 до 100 тысяч жит.	22,8	13,4
в общинах от 5 до 20 тысяч жит.	16,9	41,5
в общинах от 2 до 5.000 жителей	7,6	11,0
в общинах менее 2.000 жителей	16,2	44,3

Берлин и большие города дают превышение более чем в два раза детей, помещаемых в учреждения принуд. воспитания, по сравнению с общим процентом детского населения. Города средней величины дают несколько меньшее увеличение, но также близкое к двум. Напротив того, общины с населением менее 20,000 жителей представляют резкую картину обратного отношения. Это соотношение наблюдается не в одной Пруссии. Статистика Баварии показывает для Мюнхена более чем двойное увеличение по сравнению с нормальным процентом детского населения, а для Нюренберга—почти двойное.

Статистика наших исправит. воспит. заведений за период 1911—1915 г. показывает, что по месту жительства в момент совершения правонарушения на 100 вновь поступающих воспитанников приходилось:

Годы.	Городские жители.	Сельские жители.	Неизвестно.
1911	58	25	17
1912	71	25	4
1913	72	25	3
1914	61	34	5
1915	61	34	5

До войны деревни, в которых проживало у нас свыше 65% всего населения, давали всего 25% воспитанников исправит. заведений; с 1914 г., года войны, процент этот повышается до 34%, что об'ясняется отчасти уходом взрослого мужского населения на войну и изменившимися условиями деревенской жизни. Напротив того, главными поставщиками, в пропорции, доходящей до тройной, по сравнению с общим процентом детского населения, являлись наши города.

По германской статистике, сообщаемой Мозесом, из числа осужденных за преступления большей тяжести на города с населением свыше 50 тыс. приходилось всего 38% взрослых осужденных и 67% осужденных несовершеннолетних. Таким образом, атмосфера большого города вдвойне сильнее влияет на преступность подростков.

По исследованиям Бонхофера относительно нищих и бродяг взрослые бродяги старше 25 лет в 25% случаев являются уроженцами городов и в 55% случаев—уроженцами сельских местностей; среди же молодых бродяг, не достигших 25 лет, получается совершенно обратное отношение: 59%—уроженцы больших городов и лишь 20%—происходят из сельских местностей.

Сводный отчет Петроградского детского суда показывает, что осужденные за имущественные преступления малолетние наполовину принадлежали к уроженцам Петрограда, наполовину являлись пришлым элементом, живущим более года в Петрограде. Так, среди мальчиков, уроженцев Петрограда, было в среднем 47%, живших более года—46,9%, живших менее года—6,1%; для девочек соответственные цифры дают 30,6%, 57% и 12,3%. Девушка,

только недавно прибывшая из деревни в большой город, подвергается вдвойне большей опасности морального развращения, чем мальчик-подросток, в виду своей беззащитности.

Припомним, наконец, уже сообщенные нами выше данные относительно детских правонарушений у нас за последние годы. Мы видели, что Петроград и Москва одни дают 37—38% общего числа малолетних правонарушителей в Республике и что число малолетних в местах заключения значительно выше в губерниях промышленного центра, где городская жизнь является значительно более развитой.

Эти данные, думается нам, вполне подкрепляют выставленное раньше утверждение о том, что явления детской беспризорности и преступности представляют собою по преимуществу проблему больших городов, социальная атмосфера которых таит в себе значительно больше опасностей для правильного развития малолетнего.

Остановимся теперь на рассмотрении отдельных сторон такого влияния. Рассмотреть всесторонне его представляется еще крайне затруднительным, ограничимся поэтому лишь теми, которые за последнее время привлекли к себе особое внимание.

В поисках развлечений, столь привлекательных для детского возраста, малолетний часто вовлекается в атмосферу антипедагогических и вредных для него зрительных восприятий. **Театры** с художественным и тщательно подобранным репертуаром обычно мало доступны для подростка в виду высокой платы за места, он направляется обычно в театры легкого жанра, варьете, на мелодраматические представления грубого и сенсационного характера, на цирковую борьбу. Эти зрелища в значительной части случаев расчитаны на возбуждение половых инстинктов, грубых страстей, на болезненное развитие воображения; они зачастую дают апологию порока и преступности. Порою такие увеселения служат местами встреч для лиц, занимающихся развратом, местами попоек и кутежей. Совершенно очевидно, что пребывание малолетнего в такой обстановке является недопустимым. Современные законодательства, учитывая эту опасность, ограждают несовершеннолетнего, главным образом, от активного выступления в таких увеселениях. По законодательствам Англии, Бельгии, Италии, по германскому закону 1922 г. выступление детей на подмостках допускается не иначе, как по получении предварительного разрешения детского судьи или органа охраны детства, которые перед выдачей такого разрешения учитывают обстановку и педагогическую сторону такого выступления. Но наряду с детьми, активно участвующими в таких представлениях, в охране нуждаются и дети, посещающие их. В Германии, Англии, ряде штатов Америки в административном и законодательном порядке изданы уже запреты, воспрещающие доступ малолетним в такие учреждения.

Особенное внимание рядом исследователей обращено на вредное влияние ние бесконтрольного посещения детьми кинематографов. Повсюду кинематограф теперь стоит на первом месте в ряду развлечений, особенно привлекающих подростков. По данным, напр., детского судьи в Ливерпуле ежедневно около 13.000 детей в возрасте до 13 лет наполняют кинематографы города. Для Нью-Иорка цифры среднесуточной детской посещаемости кинематографа определяется в 100.000. Директор школ в Иене, Гетце указывает, что до 63,6% школьников города является регулярно посещающими городские

кинематографы. Анкета, произведенная у нас А. Заком в 1913 г. среди 1.123 детей школьного возраста в Москве, показала, что на первом месте в смысле доставляемого удовольствия 40,9% ответов указывали кинематограф и 4,8% указывали одновременно кинематограф и книгу. Современные кинематографы слишком хорошо известны широкой публике, чтобы нуждаться в подробной характеристике. Но любопытны некоторые числовые отчеты. Шведский отчет по цензуре кинематографических фильм констатирует, что 70% кинематографических фильм, рассмотренных им, оказались непригодными для детей и подростков и 20% лишь сравнительно терпимыми. Делич, исследовавший причины детской беспризорности в Германии, приводит на выборку следующие сцены, наблюдавшиеся детьми в кинематографе одного большого города: «Ученики бьют розгами своего учителя.—Учительница на коленях просит извинения у учениц своего класса.—Подросток Пифке, совершивший кражу, издевается над судьями.—Врач напивается до бесчувствия и совершает всякие комические действия над больными. В области эротических моментов кинематографы дают обычно богатый материал; хотя сцены прямой безнравственности и эротики сравнительно редко воспроизводятся полностью, но они легко дают возможность зрителю дорисовать остальное своей фантазией. Например, изображается следующий факт: отец-пьяница приводит свою малолетнюю дочь к богатому русскому, девочка сначала обороняется, затем пьет с обоими мужчинами вино, после чего легко позволяет увести себя за дверь. Через несколько времени девочка выходит плачущей и в утешение получает от своего совратителя подарок. Эта фильма имела следующее действие, двое школьников, присутствовавших на представлении, заманили знакомую им девочку в уборную кинематографа и пытались совершить там над нею насилие. В области имущественных преступлений кинематографы дают еще большую пищу воображению. Кража обычно выставляется как действие, допустимое в нужде, а правосудие рассматривается как преступление. Вот бедный безработный каменьщик со своею маленькой дочерью скитается с места на место. Девочка усталыми шагами плетется за отцом. Они приходят в богатый город, где встречают тележку, нагруженную хлебом, на несколько минут оставленную продавцом. Отец берет с нее два хлеба и один из них передает дочери. Его задерживают и предают суду. Суд отбирает от него девочку и помещает в приют. Отцу удается убежать из тюрьмы, он похищает дочь из приюта и вскоре ему удается найти работу. Но полиция следит за ним. Во время нахождения его на работе является полицейский, чтобы арестовать его, происходит борьба, отец гибнет и пришедшая к нему с обедом дочь уже застает труп отца. Другой случай: врач посещает квартиру бедного человека, умирающего вследствие того, что у него нет средств отправиться на морской курорт для лечения. Его маленькая дочь тайком пробирается к ростовщику и крадет у него нужные деньги, на которые семья отправляется к морю и возвращается через некоторое время назад с радостными и здоровыми лицами. Случай совершения преступлений непосредственно под влиянием картин, виденных в кинематографе, довольно часты в судебной практике. Девочка-подросток пытается отравить свою хозяйку кислым калием: об этом способе она узнала из фильмы «отравленный обед», которую она незадолго перед тем видела в «кинематографе». Два мальчика весьма искусно обокрали дачу, владелец которой был в от'езде; взлом и кража свидетельство-

вали о большом искусстве взломщиков; па допросе дети об'яспили, что за несколько дней до преступления они видели в кинематографе изображение такой же кражи со взломом. Д-р Хили в своей книге о малолетних правонарушителях приводит до десятка обследованных им случаев, когда болезненные склонности к преступлениям стали развиваться под влиянием усиленного посещения кинематографов с их сенсационными новинками. Он следующим образом характеризует влияние кинематографа на детскую психику: «Имеются вполне достаточные психологические основания для признания весьма сильного влияния изображений на детскую психику. Почти у всех людей зрительная память и зрительное воображение играют наиболее динамическую роль в их психической жизни. Именно виденная вещь воскресает в сознании с наибольшей силой и вероятно с наиболшей частотой. Сила способности к зрительному воспроизведению должна быть учитываема и как один из источников преступности. При расспросе преступников, как взрослых, так и юных, относительно той части его психических переживаний, которая толкнула его на путь преступности, мы почти всегда получаем, в складной или нескладной форме, ответ, показывающий, что стимул лежал в области зрительного воображения. Умственное воспроизведение тех или иных картин своего опыта или опыта других в области преступлений неизменно руководит им на пути преступности. Праздность тюремной жизни способствует их особо легкому вхождению в психику заключенных. При наблюдении кинематографических фильм к чисто зрительному представлению присоединяются еще и другие элементы, способствующие образованию хороших или дурных склонностей. Здесь изображаются не отдельные события, не отдельные поступки, а целые главы из жизни, сложная цепь, легко усваиваемая во всех ее подробностях. Взлом несгораемого шкафа, остановка поезда, покушение на самоубийство здесь изображены, таким образом, что вся картина, при малейшем удобном случае, легко воспроизводится в памяти в мельчайших подробностях. Конкретность изобразительности придает этому особую силу. Мы имеем также много доказательств того, что кинематографические фильмы могут быть средствами, стимулирующими половые инстинкты. Легко допустить, что сцены любовного характера будут оказывать такое влияние на юношей и подростков, но несколько неожиданно было установить это относительно детей. Действие фильмы может здесь наступить не немедленно, а позднее, когда дети ложатся спать и, когда под влиянием припоминания виденного, они испытывают возбуждение, склоняющее их к дурным половым привычкам. Нельзя не отметить также, что господствующая в помещениях кино темнота, часто покровительствует дурным гомосексуальным или вообще половым склонностям. Установлено, что кинематографы являются излюбленным местом встреч для гомосексуалистов... Действие кино на пробуждение преступных тенденций у детей почти всегда является столь заметным, что едва ли необходимо цитировать отдельные случаи. Почти всегда импульс, зарождающийся у мальчика, является импульсом подражательным: он старается достать оружие и отправиться на борьбу с бандитами, стать солдатом и пойти на войну; склонность к совершению краж внушается несколько реже».

Французский исследователь Шарль Коллар *) пытается анализировать

*) Charles Collard, le cinématographe et la Criminalité infantile. Revue de droit pénal et criminologie VIII № 8—10 (1919).

«социальную психологию» кино. Подобно популярным рассказам и песням, драма апеллирует к интересам, которые не находят своего полного удовлетворения и выражения в действительной жизни и которые ищут себе выхода и разрешения в «фантастической реализации», путем уклонения от реальной жизни. Здесь они об'ективируются, получают большую интенсивность, переживаются без каких-либо усилий. Но в то время, как драма, разыгрываемая хорошими артистами, действительно «сублимирует», по выражению Фреуда, наши эмоции, кино их лишь раздражает, затрагивая слишком поверхностно и быстро, он стимулирует, но не сублимирует нашу фантазию и скорее усиливает сознание неудовлетворительности наших эмоций, и состояние конфликта желаний, чем дает ему благодетельный выход и очищение. Коллар различает два типа зрителя в кино: 1) личность с большим динамическим потенциалом и низким умственным уровнем, у которой нет противодействующих сил к подавлению репродукции воспринятых сцен и положений, которые, таким образом, легко начинают влиять и на его собственное поведение, и 2) личность скрытую с внутренними сильными конфликтами, для которой впечатления от кино могут порою служить толчком к разрешению того или иного внутреннего конфликта посредством антисоциального акта. Таким образом даже сравнительно «невинные» картины для невротиков и дефективных могут порою служить возбудителями преступности. Автор отмечает характерную черту, наблюдавшихся им случаев «кинематографической преступности» малолетних. Малолетние, действующие под влиянием кино, совершают преступления с необычайным хладнокровием. Для них живой и богатой является виденная ими картина, действительность всегда бледнее и грубее ее; поэтому малолетний действует, как под гипнозом своего зрительного представления и даже не всегда можно наблюсти реальный мотив преступления.

Кроме непосредственного влияния кинематографа на преступность малолетних путем повышенного и нездорового возбуждения их фантазии, постоянно отмечается и косвенная связь. Очень часто пристрастившиеся к кинематографу дети попрошайничают на улице, крадут или присваивают чужие деньги, чтобы купить себе билет в кино. Нет ни одного отчета детских судов у нас и за границей, нет ни одного обследователя-воспитателя, которые не приводили бы ряда случаев краж только для того, чтобы пойти в кинематограф. Директор исправительного приюта в Аарбурге (Швейцария) Шеурман указывает, что в 10% правонарушений, по поводу которых дети были помещены в приют, ту или иную роль играл кинематограф. Делич приводит ряд случаев из практики, когда страсть попасть в кинематограф, при запрете родителей, приводила даже детей из хороших семей к совершению мелких краж для получения нужных денег. Прибегнувший к таким средствам подросток, не стесняется продолжать их и по другим мотивам. Порою, и при том без особенной трудности, в виду темноты зрительного зала, эти кражи совершаются и в самом кинематографе: положенная на стул сумка, поставленный рядом зонтик, лежащее на коленях портмонэ и пр. легко похищается малолетним *).

Борьба с вредным влиянием кинематографа на детей может вестись различными средствами: пропагандой среди родителей, устройством для детей разумных и соответствующих для них кинематографических увеселений, уста-

*) Seelmann Der Kinematograph als Volksezicher 1912. A. Hellwig Kinematograph und Verbrechen Wonatschrift für criminalpsychologue 1913 H 11-12.

новлением особой педагогической цензуры над фильмами, наконец, введением общего запрета для детей посещать кинематографы, расчитанные для широкой публики. Входить в рассмотрение этих форм борьбы здесь мы не станем.

Наряду с кинематографом в качестве развлечения нездорового типа следует упомянуть широко развитые на западе и за последнее время развивающиеся у нас **«танцульки»**, дешевые доступные для всякого случайного элемента с улицы танцовальные развлечения, особенно усиленно посещаемые подростками обоего пола. Атмосфера «танцулек» помимо опасности, в особенности для девушек в нравственном отношении, благодаря совместному пребыванию со случайными кавалерами до поздней ночи в состоянии возбужденных половых инстинктов, вредна еще тем, что здесь легко вербуются дурные товарищи, вовлекающие порою подростка в опасные затеи, что поздний отход ко сну и плохой ночной отдых нарушают регулярность его школьных занятий и труда, что здесь впервые начинают проявлять себя склонности к кутежу и широкой трате имеющихся денег. Этих денег обычно не хватает, и для удовлетворения тщеславия, для подарков своим подругам и других трат, сопряженных с посещением таких вечеров, подростки легко склоняются на кражи и присвоения. Вредное влияние танцулек неоднократно отмечалось у нас обследователями-воспитателями, а на Западе привело во многих местах к полному запрету их. Средним путем здесь является путь, избранный американскими законодательствами, которые обязывают местную власть посылать для присутствования на танцовальных развлечениях подростков одно или несколько лиц, имеющих педагогическую опытность, на обязанности которых лежит наблюдение за поведением детей, предупреждение замеченных ими случаев моральной опасности для девушек, наблюдение за своевременным окончанием таких развлечений и возвращением молодежи непосредственно домой. Таким делегатам присваиваются обычно все права, принадлежащие детской социальной инспекции.

О том влиянии, которое может иметь на детскую беспризорность и преступность **посещение трактиров, пивных, питейных заведений,** не приходится особенно распространяться. Самая тесная связь между алкоголизмом и преступностью у взрослых установлена вне сомнений рядом научных исследований и статистических отчетов *). По вопросу о раннем алкоголизме у детей собрано значительно менее материалов. Склонность к алкоголизму лишь отчасти передается наследственно (этот вопрос еще окончательно не решен наукой), наибольшую роль играет фактор окружающей среды, почему мы и касаемся этого вопроса в настоящей главе. Среди родителей тех малолетних, которые попадают в исправительные приюты или тюрьмы в качестве правонарушителей, алкоголизм обычно является весьма распространенным явлением. По сведениям, приводимым Гоппе, из 8.733 малолетних, помещенных в 1910 г. в Пруссии в учреждения принудительного воспитания, 1.496 имели отца-алкоголика (17%). Хили, исследовавший 1000 несовершеннолетних рецидивистов г. Чикаго, нашел в 31% случаев алкоголизма у одного из родителей. В Англии, перед внесением в закон о детях 1908 г. запрета для детей посещать питейные заведения, по инициативе правительства весною 1907 г.

---

*) См. Атаффенбург. Преступление и борьба с ним. 1910. Hoppe Alkohol und kriminalität in allen inren Besichungen 1906.
Е. Кулишер. Алкоголизм как фактор преступности. 1912.

было произведено в Лондоне негласное наблюдение за 23 питейными заведениями, продолжавшееся 4 дня. В течение этого времени в эти заведения вошло 39.541 женщина с 10.746 детьми, из которых 1.164 являлись еще грудными младенцами; остальные дети обыкновенно входили с бутылками и посудой для получения вина на дом; в среднем в каждое питейное заведение входило в течение часа по 9 детей. Нисколько не удивительно, что с раннего возраста дети уже становятся потребителями алкоголя. В упомянутом уже Чикагском обследовании д-р Хили установил, что 2,7% малолетних правонарушителей являлись сами потребителями алкоголя. Учет привычки к пьянству путем опроса несовершеннолетних обследователями-воспитателями при детском суде и комиссиях о несовершеннолетних весьма труден. Однако, показателем довольно широкого распространения ее среди подростков служит значительное число налагавшихся в наших исправит.-воспитательных заведениях до 1914 г. (времени запрета продажи алкоголя) дисциплинарных взысканий за пьянство. Этот проступок примерно в 10% случаев служил основанием к наложению взыскания. Влияние алкоголя на детский организм не только является более интенсивным в смысле одурманивающего действия его, но и влечет за собою серьезные нервные расстройства и дефекты в общем развитии, не говоря уже об опасных в социальном отношении эксцессах. Интересно отметить, что австрийская уголовная статистика за перидо с 1905 по 1909 г. устанавливает, что из общего числа около 35 тыс. осужденных в этот период несовершеннолетних в 1.621 случае суд признал наличность смягчающих вину обстоятельств в виду совершения преступления малолетним в состоянии опьянения. Характерна также отмеченная уже нами выше высота процента преступности среди ремесленных учеников (в Петрограде 33,3). Как известно, такие ученики постоянно были на посылках у мастеров для покупки им пива и водки и в большинстве случаев сами пьянствовали со своими патронами.

В настоящее время почти все законодательства культурных стран не только ввели у себя запрет посещения малолетними питейных заведений и вообще мест, где происходит распитие крепких напитков, но порою и воспрещают продажу малолетним крепких напитков на вынос.

Немаловажным социальным фактором детской преступности является **нездоровое чтение,** сенсационных, уголовных и порнографических романов, рассказов и выпусков. Еще не так давно вредные по своему содержанию для подростка книги тщательно прятались в библиотеках и книжных лавках; нездоровое чтение, если оно и происходило тайком, то во всяком случае не имело массового характера. С началом XX века ряд стран буквально наводняется низкопробной, по преимуществу переводной, американской литературой, расчитанной на массового читателя и приобретающей действительно массовое распространение благодаря умелому психологическому использованию рекламы. Д-р Эрнст Шульце приводит следующие небезынтересные цифры относительно распространенности такой литературы в Германии *). В начале 900-х годов мемуары и романы пошло-бульварного свойства благодаря рекламе и своему вульгарному характеру получили в Германии колоссальное распространение, в особенности те из них, которые выходили дешевыми выпу-

*) E. Schulze Die schund literatur und ihre Bekämpfung в книге. Y Petersen Jugendfürsorge 1914.

сками (обычно по 5 коп.), которые легко было покупать без особого ущерба для ежедневного бюджета. Роман «Тайны Мариаберга», посвященный изложению скандальной истории, разыгравшейся в Ахене, в течение года вышел в 200 выпусках и имел свыше 200.000 подписчиков. «Берлинский палач», роман Шефского, выходивший в 130 выпусках, был раскуплен в 250.000 экземплярах, пресловутые «Похождения американского сыщика Ник-Картера», выходившие в 250 выпусках, читались миллионами читателей. По подсчетам германского союза общественного благоустройства свыше 20 миллионов людей в Германии питаются исключительно такой литературой. По подсчетам Шульце в течение 1907 и 1908 гг. Германия издержала свыше 50 миллионов марок на покупку такой литературы. Одно лишь берлинское издательство такой литературы в течение 1908 г. распродало свыше 25 миллионов выпусков такой литературы *). Эти выпуски распространяются через газетчиков, бесплатно в начальных своих сериях посылаются на дом, рекламируются в каждой газете; обложки их отпечатаны яркими красками и обычно изображают сцены жестокости, разврата и преступления. Особенностью таких выпусков является то, что они могут быть продолжаемы в любом количестве, пока публика не пресытится ими, так как все содержание произведения обычно построено на бесконечном ряде кровавых, воровских, безнравственных или таинственных инцидентов, убитые герои воскресают по десятку раз и т. д. Человек, купивший один выпуск, изложение которого прерывается как раз на наиболее интригующем месте, спешит на другой день прочесть следующий—удовольствие, которое он может доставить себе за пятачок—пока не втягивается в чтение подобной литературы. Потребовалось даже издание особого имперского закона, обязавшего издателей при выпуске какого-либо сочинения в сериях точно означать на начальном выпуске общее число будущих выпусков и общую цену за них, так как читатель, пристрастившись к ним, как к наркотику, становился в полной мере жертвой издателя.

Распространение таких выпусков среди школьной молодежи и подростков точно также было громадным. Весною 1908 г. на одной школьной выставке было выставлено 1.012 различных выпусков из 90 отдельных серий, которые находили себе распространение среди молодежи. В одной школе близ Пфорцгейма для пробы в один день было отобрано у учеников свыше 50 таких выпусков, которые были принесены учениками с собою.

---

*) Макс Гомбургер, посвятивший особую работу влиянию недоброкачественной литературы на детскую преступность и самоубийства,

(M. Homburger, Der Einfluss der schundlitteratur auf jugendliche verbrecher und selbstmörder. Monatschrift fur kriminalpsychologie 1909 3 Heft s 145 сл.). определяет понятие такой литературы, как «низкопробные литературные изделия, которые, в противоположность прямым задачам литературы сталистически, морально и хаотически развращают читателя, вместо того, чтобы его улучшать. Эти изделия выбрасываются издателями на рынок заведомо со знанием их низкопробности, с целью обогащения, по дешевым ценам и с применением всевозможных способов рекламы для распространения среди непритязательных низших классов населения». Он указывает, что по своей доступности для молодежи, по своим заманчивым обложкам, по своему стилистически и этически грязному содержанию они являются сочинениями, ведущими к нравственной гибели малолетнего и воспитывающими в нем склонность к преступности. Рассмотрев статистически распространение в период 1901—1906 г.г. 90 таких изда-

Когда примерно с 1909—1910 г. выпуски с похождениями Ник-Картера, Шерлок-Холмса, Ната Пинкертона и др. стали находить массовое распространение у нас, наши подростки явились их самыми широкими потребителями. В складчину покупались у газетчиков ежедневно такие выпуски, зачитывались детьми до дыр; если денег не хватало, выпуски забирались в долг в счет будущих заработков, а порою нужные для того деньги добывались и воровским способом. Когда несколько позднее школьное начальство, понявшее вред такого чтения, стало отбирать выпуски, приносимые в класс, то в некоторых более строгих школах мне лично приходилось видеть высокие кипы конфискованной у учеников «дефективной» литературы, отнятой у них во время чтения в классе. В Петроградском (а возможно и других) суде в обследовательские листы был даже специально включен вопрос о чтении подростками-обвиняемыми «выпусков», и более половины ответов являлись ответами положительными.

Естественно, что увлечение такими «выпусками» не проходит бесследно для подростка. Еще больше, чем кинематограф, в виду доступности их в любой момент и в любом месте и большей дешевизны их, эти выпуски болезненно возбуждали фантазию подростка. В практике судов был установлен ряд случаев, когда, совершившиеся подростками преступления, являлись попыткой воспроизведения в жизни прочитанных ими криминальных историй. Преступники в воображении подростка являлись героями, а карьера их рисовалась как полная интересных приключений, романтической борьбы и ведущая к славе.

К счастью, полоса издания таких выпусков с наступлением революции закончилась. Существование теперь у нас цензуры служит сильным сдерживающим началом. Однако, на рынках, в лавках, у уличных продавцов книг постепенно выплывают на свет старые запасы, которые усиленно раскупаются детьми. Если увлечение таким чтением еще не имеет массового характера, то все же необходимо внимательно отнестись к характеру потребляемой подростками литературы, как к одному из частных источников вредного влияния на малолетнего.

Наряду с нездоровой литературой некоторую роль играют и возбуждающие нездоровые страсти плакаты, афиши, рекламные об'явления. Реклама не стесняется средствами. Все, что может остановить на себе внимание,— а к этому чаще всего относятся сенсационные надписи, полуприкрытые цинические изображения, кричащие афиши, сулящие сильные возбуждения и проч.,—все это широко используется для привлечения внимания публики. Порою в витринах магазинов в изобилии можно найти выставленные под стереоскопом цинические сцены, соблазнительные рисунки и репродукции, расчитанные на любителей этого жанра. Все это представляет несомненную опасность для молодежи, так как этим создается нездоровая тяга к запретным порою развлечениям или болезненно возбуждается любопытство. Необ-

ний в округе суда Карлсруэ, он сопоставляет их с ростом детской преступности в этом округе, устанавливая в годы наибольшего распространения соответственной литературы и увеличение числа преступлений против нравственности, а также против жизни и здоровья среди малолетних. Он приводит также ряд интересных случаев связи нездорового чтения с ранней преступностью из практики детского суда в Карлсруэ.

ходимость известного надзора за этим диктуется не только соображениями педагогическими, но и интересами превентивной политики. Подросток, стоящий у дверей кинематографа, на фронтоне которого выставлены снимки наиболее сенсационных моментов запретной для него фильмы или вывешены большие плакаты с изложением сенсационных моментов кинодрамы, испытывает от этого не меньшее влияние, чем от самого посещения кино; запретный плод ему кажется еще заманчивее, чем он бывает на самом деле *).

Известное влияние на детскую преступность оказывает и распространение среди детей **игорного азарта.** Эта болезненная страсть, увлекающая многих взрослых людей и толкающая их на преступления и самоубийства, вербуют много жертв и среди подростков. Азарт лишь в начальных своих стадиях вызывается инстинктом наживы; через некоторое время он превращается в болезненную склонность, подчиняющую порою себе все другие стороны личности. Подростки начинают с небольших уличных азартных игр в орлянку, в пуговки, в пристенок, переходя затем к азартным карточным играм, игре на тотализаторе, в тайных игорных притонах и пр. Еще меньше, чем взрослые, в виду неразвитого сознания ответственности, они способны оказывать противодействие охватившему их азарту. Естественно, что азарт довольно часто фигурирует в числе мотивов совершаемых ими преступлений **). Подросток, работающий у хозяина и имеющий от него денежное поручение, занимающий должность на службе и имеющий доступ к казенным деньгам, под влиянием азарта, часто рискует чужим достоянием. Случаи крупных растрат, произведенных подростками в целях игры, довольно часты в нашей недавней практике. Но не только участие, но даже присутствование при азартной игре, дурно влияет на подростка, развивая в нем легкие воззрения на заработок, делая его свидетелем сцен мотовства и отчаяния и всегда возбуждая его нервную систему длительным пребыванием в напряженной атмосфере азартной игры. Воспрещение уличного азарта во всех его видах (между прочим, в виде автоматов) и недопущение подростка в места, где происходят азартные игры, является безусловным требованием превентивной политики. Еще в большей степени уместен запрет нахождения на службе в учреждениях, где практикуется азарт.

Упомянем, наконец, не входя в более подробное рассмотрение этих факторов, такие явления, как позднее ночное скитание по улицам без определенной надобности, постоянное пребывание у дверей кафэ, ресторанов и клубов, как позднее нахождение в общественных парках и садах, ненужное пребывание на рынках, вокзалах, пристанях. Во всех этих случаях малолетний не только подвергается случайным влияниям и опасностям, но и находится в такой обстановке, которая легко порождает соблазны к совершению краж и безнравственных действий.

Мы рассмотрели главнейшие виды влияния социальной атмосферы большого города на преступность несовершеннолетних. Перечень этих влияний, конечно, не имеет сколько-нибудь исчерпывающего характера; при попытке его расширения нам пришлось бы уже заменить точку зрения преду-

---

*) A. Hellivig Der Schutz der Jugendvor ersichungsvidrigen Einflüssen 1919.

**) По отчетам Петрогр. ком. о нес. в 1920 г. было 122 дела. а в 1921—155 дел об азартной игре малолетних, где тесная связь между этим время препровождением и беспризорностью не оставляла сомнений.

преждения преступности, широкой педагогической точкой зрения, что сейчас не входит в нашу задачу. Мы ограничились только теми влияниями, причинное действие которых на преступность молодежи, стоит вне сомнения. Общий вывод, который можно сделать из изложенного, сводится к следующему. Социальная среда, на ряду с беспризорностью, играет большую роль в этиологии детской преступности. Изменение этой среды вообще не под силу не только криминалисту, но и социальному реформатору, так как она является продуктом экономических, расовых, бытовых, культурных и других особенностей каждого народа и изменяется лишь в порядке медленной эволюции. Иногда те или иные элементы этой среды, вредные для подростка являются необходимыми для взрослых. Из того, что на веревке можно повеситься, еще не следует, что нужно из'ять из обращения все веревки. Но задачей законодателя и местной власти является создание таких сдержек и запретов, которые были бы способны предупредить вредное влияние данной социальной среды на малолетнего. Если контроль со стороны родителей в большинстве случаев, как то мы видели, является недостаточным, то должна быть установлена надлежащая система контроля социального и государственного. Парализовать вредные в воспитательном отношении влияния социальной среды, отдалить ребенка от тех опасностей, которыми он ему может угрожать; создать путем уголовных запретов, в окружающих мотивы бережного отношения к интересам здоровья, нравственности и воспитания малолетних—вот тот путь, по которому должен итти социальный политик, стремящийся к ослаблению дурных сторон такого социального влияния. И чем больше процветают в данной социальной среде отрицательные влияния, тем сильнее потребность в охраняющем малолетнего законодательстве и мероприятиях.

ГЛАВА III.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.

В заключение нашего обзора влияния социальной среды на детскую и юношескую преступность остановимся особо на факторах социального порядка, вызванных военным временем. В нашем статистическом обзоре мы уже привели цифровые данные о росте преступности несовершеннолетних за годы войны. Теперь заглянем в причины этого явления. Здесь приходится различать два периода—период начальных лет войны, когда наблюдалось по преимуществу усиленное действие факторов беспризорности и социально-психологического порядка, и затем последние годы войны, когда в связи с истощением воюющих стран и значительным ухудшением условий жизни, особенно сильно стало сказываться влияние экономически-социальных факторов.

Для характеристики особых факторов военного времени мы будем по преимуществу ссылаться на отзывы различных компетентных лиц и организаций, специально изучавших и освещавших в литературе этот вопрос *).

Уже в первые же месяцы войны, в связи почти с поголовным призывом всего взрослого мужского населения, в Германии стала расти детская беспри-

---

*) В настоящую главу частично включена наша статья «Война и детская преступность», напечатанная в журн. «Призрение и Благотворительность» в России», 1916 г., № 9.

зорность. Не только отцы и старшие братья, но и учителя и воспитатели должны были бросить свою воспитательную работу над детьми, в значительной мере предоставив их самим себе. Нужда в воспитателях, в педагогическом руководстве Ersichnugsnot, как окрестили немцы эту потребность, следуя модному во время войны словечку Not, особенно сказалась на детях школьного возраста, преступность которых стала рости уже с первых же месяцев. Член суда в Мюнхене д-р Рупрехт писал в 1915 г.: «Воспитательная нужда, а не тяжелые экономические условия явились главным условием возрастания детской преступности... Здесь вполне очевидно проявили свое действие: ограничение школьных занятий, отсутствие отцов, учителей, мастеров. Корни роста преступности лежат в недостатке надзора, руководства и исправительного влияния, хотя в отдельных случаях к этому может присоединяться уменьшенная возможность получения заработка» *).

Видный деятель в области охраны детства, б. председатель суда в Бохуме, д-р Минде **) сводит причины усилившейся детской беспризорности и преступности в первые годы войны к следующим: 1) уход отцов на войну; 2) недостаточный надзор со стороны матерей, принужденных искать заработка вне дома или не имеющих достаточного авторитета или воли; 3) плохо отапливаемое и плохо освещаемое жилище, благодаря отсутствию матери и нужде в освещении и топливе; вследствие этого, после возвращения из школы ребенок предпочитает шатанье по улицам до поздней ночи сиденью дома; 4) уход на войну многих учителей и замена их учительницами, которые зачастую не в состоянии поддерживать школьную дисциплину в глазах подростков-мальчиков, уменьшение часов школьных занятий вследствие недостатка обучающих; долгие школьные каникулы вследствие реквизиции школьных зданий для целей, связанных с войною; 5) свободная продажа подросткам в лавках алкоголя, папирос, безнравственной литературы. В отношении подростков, уже окончивших школы, для мальчиков существенную роль играют высокие заработки, так как им приходится замещать взрослых рабочих. В связи с этим у них развивается страсть к наслаждениям, к беспорядочной трате денег, независимость от родителей и часто даже уход из родительского дома. По отношению к девочкам, напротив того, наблюдается усиление безработицы вследствие закрытия многих модных мастерских, магазинов, ресторанов, сокращения домашней прислуги и пр. Девочки, работающие на фабриках и получающие довольно высокие заработки, легко пристращаются к мотовству и тратам на наряды и лакомства.

Проф. Лист, в своем докладе о войне и преступности малолетних ***), прочитанном в начале 1916 г., наряду с указанными уже факторами, отмечает и некоторые другие. Так обильным источником преступности явились побеги малолетних на театр военных действий для службы в качестве добровольцев. Такие побеги весьма часто сопровождаются преступлением (присвоением, кражей, подлогом); кроме того, в обстановке прифронтовой жизни ма-

*) Rupprecht. Jugendstraffälrgkeit im Freide und im Kriege Deutsche Strafrechtszeitung 1916 стр. 128.

**) Minde Die Zunchmende Vervahrlosung der Jugend D. Strafrechtszeitung 1915 s 502.

***) T. v. List. Der Krieg und Kriminalität der Jugendlichen zeitschrift für gevissenschaft 1916 s. 499.

лолетний быстро развращается. Часто наблюдались случаи, когда услугами малолетних специально пользовались для выполнения обязанностей военных шпионов. Лист привел четыре известных ему случая из жизни, весьма ярко характеризовавшие вред такого явления. Интересно отметить, что такую же отрицательную характеристику встретило и у нас малолетнее добровольчество на Московском Совещании по призрению малолетних в связи с войной, состоявшемся весною 1916 г. Далее Лист указывает на усиленную работу воображения у подростков во время войны, на поручение подросткам многих доверительных обязанностей, в виду отсутствия взрослых, вследствие чего для них создается больший соблазн, на большую доступность опасных увеселений и пр.

В анкете, произведенной в 1916 г. среди детских судей, наряду с упомянутыми выше причинами, приводятся указания на беспорядок, внесенный войной в экономическую жизнь, на стремление подростков к самостоятельной жизни по примеру взрослых, среди которых им приходится работать, на увлечение военным шовинизмом и жестокими примерами войны, на ослабление охраны внутренней безопасности вследствие необходимого сокращения числа полицейских и пр.

А. Гельвих, в своей книге, специально посвященной преступности несовершеннолетних в военное время *), указывает дополнительно в качестве причин на значительный приток в города деревенской неопытной молодежи, привлеченной сюда высокими заработками и легкой возможностью найти работу, которых часто постигало разочарование и которые затем были принуждены вести бродяжническую жизнь в большом, непривычном для них городе. В силу условий военного времени целый ряд детских учреждений должен был закрыться и воспитывавшиеся в них дети порою буквально оказывались на улице. Неразумно предоставлявшиеся «высочайшие» амнистии, заставляли выпускать морально-дефективных детей из учреждений и приютов без законченной работы над их воспитанием, и такие дети легко возвращались к своей прежней порочной жизни. Разгульные нравы солдатчины, заполнившей многие города, во многом способствовали развитию проституции среди девушек-подростков, которые затем тянулись за обозами и полками, промышляя непотребством. С особенным ударением д-р Гельвих описывает то губительное влияние, которое оказывали на подростков сенсационные преувеличиваемые, а зачастую и специально измышляемые шовинистической печатью известия о зверствах и жестокостях русских в Восточной Пруссии или цветнокожих войск, употребленных на западном фронте Англией и Францией; они разжигали чувство мести, жестокости, ненавистничества, дававшее вредный осадок в детской психике. Повседневная литература и печать, полная изображением сцен жестокости и кровопролития, кричащие фильмы с изображением военных баталий и схваток, сенсационные лозунги в газетах вызывали крайнее нервное перевозбуждение среди молодежи и число кровавых преступлений, вызванных таким перенапряжением фантазии и повышенной возбудимостью к жестоким инстинктам, стало заметно увеличиваться среди городской молодежи. Автор приводит тому ряд поучительных примеров.

---

*) A. Hellwig Der Krieg und die Kriminalität der Jugendlichen Halle 1916

С продолжением войны и с прогрессирующим ухудшением экономических условий в стране, в частности крайним обострением продовольственного вопроса, причины социально-психологического порядка отступают на второй план по сравнению с нуждой и тяжелым экономическим положением. В позднейшей своей работе тот же автор отмечает *), что «на третий и четвертый год войны экономическая нужда необычайно возросла, в особенности часто господствует недостаток в продовольствии; в связи с этим сильно возросло число краж, похищений с'естных припасов и предметов потребления». Воспитанники детских домов стали чаще совершать побеги, во время которых, ради приобретения необходимых средств пропитания, они часто совершали грабежи и даже убийства. Мы видели по статистическим отчетам Берлина, что в последние годы войны имущественные преступления малолетних дали до 92—95% всех правонарушений. Анкета, проведенная в 1917 г., в ряде городов Германии, отметила повсеместное распространение именно такой преступности. Более, чем из 70 городов на вопрос о наиболее часто совершаемых правонарушениях, следовало единогласное указание на кражи, при чем об'ектами их в значительном большинстве случаев были овощи, животные, продовольственные припасы, уголь, велосипеды. Из местечек и сел сообщалось о необычайном росте краж с полей огородов и садов. Во многих сообщениях отмечался сильный рост рецидива и подчеркивалось более заметное участие девочек в преступности. Значительно стала развиваться среди них и ранняя проституция.

Гертруда Мозес, посвятившая специальную монографию детской беспризорности во время войны **), на основании материалов организации помощи бедным и попечения о жертвах войны, указывает на распространение болезней, обнищания, праздности, безнравственности и алкоголизма среди широких классов населения в последние годы войны, вызванное экономическим и психологическим действием затянувшейся войны и блокады. Война способствовала вместе с тем и сильной переоценке моральных устоев. «Чем дольше продолжалась война,—пишет она,—тем настойчивее в качестве сопутствующего ей явления сказывалось изменение нравственных воззрений в широких слоях населения. Революционирование продовольственного рынка, перетасовка в профессиях и в доходах проявили себя не только в виде изменения нормального хода экономической жизни, но и в замешательстве, вызванном ими в области этических воззрений и привычек. Все психологическое настроение, вызванное лишениями и страданиями долгих лет войны, в народе сказалось, прежде всего, на моментах, определяющих собою развитие беспризорности». На основании материалов из жизни пролетариата больших германских городов, Мозес рисует, как постепенно семьи впадали в нищету, как, ощущаемый во всем недостаток, приводил к падению чистоты и гигиены в жилищах, к падению нравов, к росту алкоголизма и преступности.

Аналогичные влияния войны и переживаний военного времени отмечались и в других странах. Так, английский писатель Сесиль Лисон ***) отмечает

*) A. Hellwig Der Schutz der Jugend vor ersichungwidrigen Einflüssen Langenzalza. 1919.

**) G. Moses Zum Problem der sozialen Familienverwahrlosung unter besonderer Berückzichtigung der Verhältnisse im Krieg Langenzalza 1920.

***) Cecil Zeeson Fhe child and the war. London 1916.

те же причины: уход старших на войну, занятость матерей заработками вне дома, сокращение учителей в школах, большие заработки малолетних, не умеющих распоряжаться заработанными деньгами, широкое развитие таких форм детского труда, которые раньше являлись запретными (напр., ночная работа детей). К числу своеобразных условий он относит окутывающую Лондон и большие города Англии темноту, предписанную для предупреждения нападений неприятельских Цепеллинов, которая служила удобным покровом для мелких уличных краж, сходивших почти всегда безнаказанно. По отзывам английских судей и попечителей *) немалую роль в развитии детской беспризорности сыграло ослабление, а в некоторых случаях и полное прекращение деятельности частных благотворительных организаций и добровольного попечительства, так как общее внимание было отвлечено нуждами, связанными с войной, и многие деятельные члены этих организаций вступили в ряды армии. Английские судьи для малолетних также указывают на господствовавший в стране, под влиянием военных известий, дух сенсации, на то, что яркие описания и изображения военных сцен крайне повысили впечатлительность подростков и многие их преступления явились плодом возбужденного воображения. Однако, все же в Англии военный психоз не достигал таких почти маниакальных размеров, как то наблюдалось в Германии, и «эмоциональный шок» не так резко сказался на молодежи.

Не мало наблюдений о влиянии войны на детскую и юношескую преступность было сделано и у нас.

Наиболее систематически изложивший особые причины военного времени, влиявшие на детскую преступность, С. В. Бахрушин **) по большей части отмечает те же формы беспризорности, о которых писали и германские исследователи: падение семейной дисциплины в связи с уходом отцов на войну, беспризорность детей вследствие занятости матери трудом вне дома, нарушение регулярности школьных занятий и ослабление педагогического надзора. «Приходится отметить,—пишет он,—что война нарушила весь строй школьной жизни. Ряд училищных зданий был занят под лазареты и школьная работа идет путем сдваивания и даже страивания отдельных училищ в одном помещении. Для этого приходится сокращать время пребывания детей в школе—иначе занятия затянутся слишком поздно к вечеру. При послеобеденных занятиях класс представляет из себя толпу детей нервных, взвинченных и утомленных утренними впечатлениями, беготней по улицам, драками с товарищами... Позднее возвращение по вечерам домой тоже имеет ряд отрицательных последствий». В области условий труда подростков также произошли серьезные изменения. Среди одних групп стала наблюдаться сильная безработица, другие подростки стали получать значительные заработки, на которые вели широкую жизнь; значительные массы детей занялись уличной продажей газет, дававшей большие барыши во время войны, но представлявшей вместе с тем и большие опасности для нравственности детей. С особенной подробностью автор останавливается на «малолетних героях», шедших на войну. Атмосфера войны с ужасами, ее сопровождающими, не могла не отразиться на душевном равновесии подростков. Обстановка лагер-

*) См. журнал «Seeking and saving» 1916.

**) С. В. Бахрушин. «Борьба с детской преступностью в связи с войной». Журн. «Призрение и Благотворительность в России». 1916 г. кн. 5.

ной жизни, впечатления кровопролития, иногда участие в убийствах и может быть, грабежах—все это развращало подростков, а внимание, которым окружали маленьких добровольцев и в лагере и в тылу усиливало это развращение. У детей, окруженных атмосферой крови, складывалась особая патологическая психика, которую ввести в норму мирной жизни после войны представлялось уже затруднительным. Возвращенные с театра военных действий подростки, прибывая в города, становились здесь активными участниками убийств, погромов и беспорядков. Особенно сильно способствовало развитию детской беспризорности и преступности беженство военного времени. Целый ряд детей, потерявших связь со своими родителями, приезжая в города, оставались жить на вокзалах, питаясь в бесплатных столовых, нищенствуя, воруя и т. п.

Порою они уже настолько успели привыкнуть к бродячей жизни, что даже помещенные в приюты они регулярно оттуда бежали. Устроенные на работу не могли долго удерживаться на ней, так как лишенные поддержки семьи они легко впадали в соблазн. Невозможные жилищные условия беженцев, скученность их, полный перерыв школьных занятий еще сильнее взвинчивали нервы детей и довершали их моральную заброшенность. Среди девушек-подростков, лишенных прочного дома, широко стала развиваться проституция. Общий вывод автора сводится к тому, что война особенно сильно затронула детей рабочей среды, и что она лишь обострила социальное зло беспризорности, существовавшее и до нее и проявлявшее и без того наклонность к сильному возрастанию.

Если выводы С. Бахрушина покоились на паблюдении влияния войны на детей г. Москвы, то работа попечительницы при детском суде В. Н. Огранович суммирует впечатления относительно детей Петрограда *). Отмечая рост преступности, нищенства и хулиганства среди детей в годы войны, В. Огранович особенно подчеркивает влияние безотцовщины и занятости матерей добыванием заработка. Число детей в приютах, яслях, колониях значительно возросло в Петрограде, но еще больше усилилось число детей-дошкольников, оставшихся без всякого присмотра, наполнивших улицы и дворы и там черпавших себе духовную пищу. Растерянность, в которой находились семьи, проводившие на войну своих кормильцев, жестоко отозвалась и на детях школьного возраста: многие из них не попали в школы, для которых было упущено время. Многие из детей в возрасте 13—14 лет заняли места старших, почувствовали себя взрослыми, хозяевами, хотя глупость осталась детская. Дома они приняли развязный тон, не ставят мать в грош. Заработки некоторых, доходившие до 100 руб. в месяц, кружат им головы. Находятся более взрослые товарищи, которые сманивают их в трактиры и биллиардные, половая жизнь начинается рано, заболеваемость на этой почве увеличивается; многие в 14—15 лет имеют уже любовниц. Не зная жизни, не зная цены деньгам, такие мальчики быстро переходят к кражам и уже скромный заработок в 50 руб. для них является неинтересным. Огрубение нравов, общая дезорганизация жизни, пробуждение низших инстинктов, неуверенность в завтрашнем дне и постоянная нервозность от взрослых, есте-

*) В. Н. Огронович. «Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной. Там же. 1916 г., № 1—2.

ственно и при том в увеличенной степени передавались и детям. Развились особые виды краж, вызванные изменившейся бытовой обстановкой: кражи в очередях, в переполненных трамваях, где каждый был озабочен сохранением жизни или преимущества, а не кошелька.

Киевский судья для малолетних В. Левитский, рисуя приблизительно такую же картину *), особенно отмечает губительное влияние беженства, наиболее сильно наблюдавшегося в Киеве. Но и среди коренного населения произошли глубокие изменения. «Многие уехали или приехали, обеднели или разбогатели, бросили годами кормившие их ремесла или занятия, ушли на фронт и т. д. Чутко отражали на себе все эти изменения в положении родной семьи дети и подростки. Они как-то сразу выросли, часто состарились, огрубели, иногда озлобились и изломались. В камере приходилось наблюдать 15—16-летних подростков, безудержно рыдавших по самому ничтожному поводу, зло сверкавших глазами в ответ на самый мягкий выговор попечителя. Изменилось и отношение к ним родителей. Повысились требования, дороговизна заставила требовать «копейки на базар», чуть ли не от 12-летнего малыша». «На вопрос о месте жительства в камере слышалось в ответ: «где придется», «на вокзале жмемся», «в барак пускают», а на вопросы о родителях мы встречали жуткое недоуменное молчание, иногда слезы. Как-то неловко было часто задавать малолетнему вопросы о занятиях, образе жизни, образовании, отношении к семье. Эти вопросы бередили свежие, незарубцевавшиеся раны».

Не станем продолжать дальнейших отзывов и характеристик. Думается, что и приведенных достаточно для того, чтобы увидеть, каким громадным фактором социального порядка в вопросе детской беспризорности и преступности явилась война. Отметим лишь вкратце те меры, которые стали вырабатываться законодательством и практикой военного времени против этого растущего бедствия. Хотя годы войны лежат уже позади, однако, принятые меры имеют далеко не один только исторический интерес. Они сильно двинули вперед вопрос об охране детства от вредных социальных влияний и многие из них сохранили свое действие и после войны.

Начнем и здесь с практики Германии, внимательнее всех других стран отнесшейся к этому вопросу. Наряду с рядом таких предупредительных мер, как улучшение жилищных условий, выдача пенсий и пособий семьям призванных, помощи сиротам воинов и пр., широко стали здесь применяться меры к отвлечению молодежи от уличного времяпрепровождения: устройство при школах коллективных собеседований, открытие по вечерам отдельных комнат в школе для чтения и занятий детей, лишенных уютного дома, организация детских площадок и пр. Недостаточный надзор матерей был восполнен назначением особых дополнительных опекунов на время нахождения отца на войне, возможность чему давалась гражданским кодексом. Существовавшие некоторые формальные затруднения были практикой устранены. Чаще всего такими дополнительными опекунами назначались, состоявшие при судах для малолетних, попечители, которые могли умело подойти к делу и приструнить отбившихся от рук матери детей. В целях ограничения бесцельных и вредных трат получаемого заработка, была призвана к жизни забытая статья

*) В. М. Левитский. Детский суд и война. Киев, 1916.

119а промыслового устава, которая предоставляла общинам и коммунальным союзам издавать правила о том, чтобы заработная плата малолетних рабочих передавалась их родителям или опекунам и лишь с письменного согласия последних она может быть непосредственно вручаема малолетнему. Изданные в соответствии с этой статьею в сотнях общин правила установили, какая максимальная сумма должна быть вручаема самому подростку для карманных денег или для оплаты своих расходов с тем, чтобы остальная часть заработка передавалась родителям или опекунам, а при отсутствии их, вносилась в сберегательную кассу на имя подростка.

Но наиболее сильное развитие в военное время получили запреты, ограждающие подростков от социально-вредных и опасных влияний. В силу закона об осадном положении от 1851 г., командующим отдельными военными округами было предоставлено право «в интересах общественной безопасности» издавать запреты, за нарушение которых угрожает тюрьма до одного года. Эти полномочия, с об'явлением всей Германии в осадном положении с начала войны, были широко использованы в целях борьбы с возрастающей детской преступностью. К концу 1916 г. вся Германия была покрыта густой сетью таких запретов, соблюдение которых гарантировалось строгостью законов военного времени. А. Гельвиг, ситематизировавший в своей книге *) эти военные запреты, сводит содержание их к следующим рубрикам: 1) принудительный взнос части заработка в сберегательные кассы, если он превышает определенный минимум, необходимый для поддержания подростка и, в отдельных случаях, нуждающихся членов его семьи; 2) трудовая повинность для молодежи, начиная с определенного возраста; 3) запрет распространения среди молодежи низкопробной, сенсационной, безнравственной и дефективной литературы; 4) запрет посещения кинематографов, поскольку они специально не предназначены для малолетних, а также частичное воспрещение посещения некоторых увеселений и зрелищ; 5) введение цензуры плакатов и об'явлений в целях предупреждения безнравственного, сенсационного или вредного их влияния; 6) воспрещение малолетним получения в почтовых учреждениях писем, адресуемых до востребования (в целях предупреждения случайных знакомств и связей помимо ведома старших или домашних); 7) запрет бесцельного скитания по улицам и общественным местам в вечерние часы; 8) запрет допущения азартных игр среди подростков, недопущение уличных автоматов для денежной игры; 9) недопущение малолетних в питейные заведения, запрет распития ими крепких напитков вне дома, запрет продажи милолетним таких напитков хотя бы для потребления их взрослыми; 10) запрет курения подросткам в публичных местах и продажи им табачных изделий из лавок; 11) воспрещение приобретения от них или продажи им оружия, а также ношения оружия малолетними; 12) запрет продажи малолетним фейерверков и других огнеопасных приспособлений.

Конечно, не все эти постановления могут являться целесообразными в условиях мирной обстановки, так как ими уже чрезмерно стесняется поведение и условия жизни юного поколения. С другой стороны, они способны несколько вздувать число правонарушений малолетних, так как многие из этих запретов влекут за собою, в случае их нарушения, наказания для са-

*) A. Hellwig Der schutz der Jugend, 1919.

мих несовершеннолетних, и число таких дел в Германии в годы войны было довольно значительно. Но при всем том в своих основных очертаниях эти запреты получили поддержку от значительного большинства немецких педагогов и общественных работников. А. Гельвиг приводит около двух десятков литературных отзывов и статей по поводу таких постановлений, и в конечном итоге, рассмотрев все критические соображения, склоняется к выводу, что эти постановления в их общих и существенных принципах подлежат перенесению в право мирного времени. И действительно, после окончания войны многие из этих запретов удержались и даже вошли в законодательство. В июне 1917 г. в Берлине, по ининциативе д-ра Фелиша было положено основание Центральной Организации по вопросам детской политики (Hauptauschuss für enhcifilich Jugendpolitk) поставившей себе задачей выработку нового всестороннего законодательства об охране детей на основании опыта войны и новейших течений; к концу того же года уже более 240 немецких обществ примкнули к этой организации в целях об'единенной работы по борьбе с тяжелыми последствиями войны для детства и юношества.

В **Англии** уже в октябре 1915 г. при министерстве была образована постоянная комиссия, с участием представителей общественных организаций, для борьбы с детской беспризорностью, являющейся следствием войны. Особенное внимание судей циркуляром министра обращалось на ст. 99 акта о детях, по которой в определенных случаях штраф или возмещение вреда, причиненного правонарушением, могли быть перелагаемы с самого малолетнего до 14 лет на его родителей или опекунов, если они своим небрежным отношением к воспитанию и поведению ребенка могли дать повод к учинению им проступка. Таким путем стимулировалась семейная забота о малолетних. Не малое значение было придано и административно-предупредительным мерам. Разными организациями были рекомендованы (а позднее отчасти и проведены в жизнь) следующие меры: 1) воспрещение уличной торговли детям до 16 лет; 2) внесение в условия предоставления условного осуждения запрета посещения кинематографов до введения в эту область цензуры педагогического характера; 3) устройство специальных ночных приютов для подростков до 18 лет с запрещением допускать их в общие ночлежные дома; 4) воспрещение устройства в публичных местах автоматов для игры. На ряду с правительством и общество стало активнее работать над устранением факторов беспризорности военного времени. Была усилена забота о развитии самопомощи и коллективной жизни среди подростков. Юношеские клубы и организации (союзы бойскаутов, христианских организаций молодежи и пр.) стали принимать на себя различные обязанности в помощь работавшим при детских судах попечителям; стало пускать корни американское движение—организация старших братьев, в которой более взрослый юноша берет под свой присмотр и попечение одного из менее счастливых «младших братьев» и оказывает ему товарищескую поддержку. Во всей стране живо усилилось внимание к делу охраны детства.

Франция и Италия, в интересующем нас вопросе, пошли по пути преимущественно материального обеспечения беспризорных в связи с войной детей и усиления над ними публичной опеки. Законом 27 июля 1917 г. осиротевшие дети воинов и некоторые другие категории детей, впавших в бес-

призорность вследствие войны, провозглашены были «детьми нации» и государство приняло на себя конечную ответственность за их воспитание и благополучие *). Дети, лишившиеся вследствие войны отца, матери или другого лица, доставлявшего им средства к жизни; дети, родители или опекуны которых стали вследствие войны инвалидами или неспособными зарабатывать средства к жизни, до достижения ими совершеннолетия, становятся под особую охрану государства, являясь его подопечными. Для осуществления опеки в отношении их, образованы были местные, провинциальные советы и центральный национальный совет. Эти органы, в целях устройства таких детей, могут прибегать к содействию общественных организаций помощи, признанных общественно-полезными и надлежаще утвержденных. Дети, по возможности, должны быть оставляемы в их доме, но местный совет назначает к ним своего опекуна, заботящегося о судьбе ребенка. Материальные средства и воспитательные возможности непосредственно доставляются государством. Изданный почти одновременно итальянский закон от 18 июля 1917 г. покоится на аналогичных основаниях.

В России с началом войны забота об ограждении детей от социально-опасных влияний и борьба с беспризорностью военного времени принята была на себя общественными организациями. Руководящую роль в этом отношении сыграло образованное в 1913 г. «Общество правовой охраны несовершеннолетних», которое совместно с Всероссийским Союзом Городов созвало весною 1916 г. в Москве Всероссийское совещание по вопросам призрения детей в связи с войной. Резолюции этого совещания наметили весьма широкую программу мер **). В Петрограде, Москве, Киеве и др. городах возникли добровольные попечительские организации при судах для малолетних, ставившие себе задачей—осуществление присмотра за детьми, находящимися в опасном положении, и оказание им различных видов социальной помощи. Значительно развили свою деятельность, опять таки в Москве и Петрограде, участковые попечительства о бедных, которым удалось привлечь много работников и довольно значительные материальные средства для оказания помощи. Работа официальных «Романовского» и «Татьянинского» комитетов плелась в хвосте за общественной инициативой. Отпущенные в распоряжение их значительные средства были использованы отчасти на устройство земледельческих приютов особого типа для детей-сирот воинов по преимуществу сельского происхождения и на оказание помощи беженцам. Усилилась работа педагогов. У нас впервые городские самоуправления стали организовывать учреждения для детей дошкольного возраста (детские очаги, сады, детские площадки, клубы для детей), стало развиваться внешкольное образование, детский патронат, организованное приискание работы для подростков и пр. В смысле законодательной охраны детей в этот период не сделано было почти ничего и это в значительной степени свидетельствовало о мертвенности наших представительных учреждений и правительственных органов. Проекты улучшения вырабатывались лишь в частном порядке (см. проект 1914 г. о мерах попечения над бесприютными детьми ***).

*) Gm—Standarts of child velfare. Wachington 1919.

**) См. нашу статью «Всероссийское Совещание по призрению детей в связи с войной», «Трудовая Помощь», 1916 г., № 5.

***) Напечатан в «Трудах Первого Всероссийского С'езда деятелей судов для малолетних». П. 1915 г. и в журн. «Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью» 1915 г., № 4.

В заключение следует признать, что хотя война в громадной степени увеличила детскую беспризорность и преступность и резко изменила психологию подростающего поколения к худшему, однако, она способствовала, вместе с тем, и пробуждению общественного внимания и общественной инициативы в борьбе с этими явлениями. Она указала на всю важность такой работы, дала толчки в новых направлениях, и тем самым обеспечила тот под'ем энергии, который проявился во всех странах и, в особенности у нас, в Советской России, в деле охраны детей. Лозунг, брошенный у нас в первые годы Революции: «все для детей», несомненно, был отзвуком того печального опыта, который дала в этой области война, явившая призрак грядущего вырождения и одичания будущих поколений.

ГЛАВА IV.

Детский труд и преступность.

В ряду социальных показателей детской преступности особое место должно быть уделено детскому труду. Здесь ребенок или подросток выступает уже в качестве самостоятельной или полусамостоятельной социальной единицы и становится в непосредственные отношения к различным условиям экономической обстановки. Вследствие этого, здесь наблюдается и действие особых факторов, которые мы не всегда наблюдаем у детей, воспитывающихся на средства родителей, родных или общества. Вопрос о детском труде, бесспорно, имеет тесную связь с беспризорностью ребенка в семье и с общими условиями окружающей обстановки. Сиротство, семейная нужда, заброшенность ребенка, эксплоатация сил ребенка его родителями—все это составляет частую причину раннего вступления в трудовую жизнь, но все же не ими определяется своеобразная психология и социальная обстановка работающего малолетнего. Факт вступления подростка в трудовую жизнь, экономическое его обособление от взрослых, накладывает резкую печать на все его отношения к окружающим: создаются новые отношения к предпринимателю, к товарищам по работе, напротив того ослабляется связь его с семейной средой; физическое напряжение на работе вызывает иные процессы в его организме, отражается на его образовании и поведении.

Экономический фактор играет первенствующую роль в смысле причины вовлечения малолетнего в раннем возрасте в трудовую деятельность; однако, не одним им исключительно может быть об'яснен этот факт. Наряду с тяжелым экономическим положением подростка или его семьи, имеет значение и постановка образования малолетнего. Трудность устроиться в школе, малая успешность в ней или даже неудовлетворенность ею приводят к замене школьного образования трудом, чтобы избежать вредной праздности. Стремление малолетнего к ранней самостоятельности и непокорность его школьной и семейной дисциплине приводят к тому же результату. Наконец, стремление родителей воспользоваться представляющимся им благоприятным случаем устроить ребенка в мастерство, на фабрику, в услужение часто заставляет забывать их о вредности раннего труда. Сами начав обычно трудовую жизнь в раннем возрасте, они считают ее пригодной и для своего ребенка.

Вопрос о детском труде представляет собою сложную социальную про-

блемму, к которой приходится подходить с нескольких точек зрения. В другой своей работе *) мы рассматриваем детский труд с социально-педагогической точки зрения. В данном случае нас интересует лишь отношение его к ранней преступности в детском и юношеском возрасте.

Связь распространенности правонарушений среди детей и подростков с детским трудом весьма разнообразна и может учитываться с нескольких точек зрения. К сожалению, в этой области еще собрано весьма недостаточно материала, чтобы систематически учесть все стороны такой зависимости.

Цифры общего характера о числе детей-правонарушителей, стоявших на работе и не занятых трудом, дают еще очень мало выводов. Но все же и они интересны для того, чтобы утверждать, что само по себе занятие трудом еще не страхует малолетнего от преступности.

Наиболее полная анкета по этому вопросу была произведена в 1911 г. американским федеральным департаментом труда **). Посредством особых органов была обследована преступность в связи с условиями труда в семи крупных городах Америки—Балтиморе, Бостоне, Индианаполисе, Нью-Иорке, Ньюварке, Филадельфии и Питтсбурге. Во всех этих городах существуют особые детские суды, собирающие подробные данные о правонарушениях малолетних и вместе с тем почти все они относятся к типу больших промышленных городов с широким развитием детского труда. Данные собраны относительно 4.839 правонарушителях в возрасте от 9 до 16 лет (561 девочка и 4.278 мальчиков) и касаются 8.797 учиненных ими преступлений. Из всего числа правонарушителей 2.767 находившихся раньше на работе отнесены к «работающим» и 2.772 не были никогда заняты наемным трудом и признаны «не работавшими». Таким образом численно обе группы были почти одинаковыми. Однако, на долю «работавших» падает значительно большее число правонарушений. Эта группа дала 5.471 правонарушение, т. е. 62,4%, тогда как не работавшие совершили 3.326 правонарушений (37,6%). В отдельных городах с наиболее развитым трудом детей в нежном возрасте наблюдается превышение в 2—5 раз в числе правонарушений, учиненных «работавшими» детьми. Таким образом рецидив, являющийся опасным показателем в детском возрасте, особенно распространен среди «работавших» детей больших промышленных городов.

В чем лежит причина этого явления? Более внимательное изучение данных отчета дает нам ряд указаний весьма ценного свойства. Оказывается прежде всего, что большинство правонарушений «работавших» детей совершено ими в возрасте между 12 и 14-ю годами. Это дети, еще не закончившие своего школьного обучения и вытолкнутые жизнью в суровые условия наемного труда, эмансипировавшиеся от семейного надзора и вместе с тем сами еще недостаточно стойкие. Они гораздо более подвергаются всякого рода дурным соблазнам и искушениям.

Более половины правонарушений, совершенных малолетними, составляет кража. Работающие дети имеют больше поводов подпасть под искушение присвоить себе чужое добро, чем их не работающие сверстники. Их

*) Охрана труда детей и подростков с социально-педагогической точки зрения. П. 1923.

**) Women and child carners in the United states. vol. VIII Employment and crime Wachington 1911.

кражи более заметны и против них сильнее реагирует хозяин или администрация предприятия. С другой стороны, непосильный труд порою озлобляет их и злоба является одним из сильных мотивов преступления. Таким образом труд в слишком раннем возрасте (до 14 лет) является скорее положительным фактором преступления вследствие недостаточной еще устойчивости малолетнего.

Второй еще более разительный вывод получается, если обратиться к рассмотрению видов труда «работавших» подростков. Наибольшее количество правонарушений среди мальчиков падает на следующие шесть групп: 1) мальчики на посылках, которых было 491 или 20,3% среди правонарушителей; 2) мальчики-газетчики и чистильщики сапог—449 или 18,6%; 3) служащие в конторах—46 или 1,6%; 4) уличные торговцы—66 или 2,7%; 5) почтальоны—73 или 3,6%; 6) служащие увеселительных заведений—51 или 2,1%. Всего эти шесть групп дают 2.416 правонарушителей, т. е. больше половины всего числа правонарушителей-мальчиков (4.278%). Наибольшая преступность среди мальчиков, таким образом, выпадает на неквалифицированный уличный труд—разноску товаров, продажу газет, уличную чистку сапог, уличную торговлю. Отчет следующим образом отмечает тесную связь уличных занятий и, в частности, уличной торговли, с правонарушениями детей: «Поразительно, что несмотря на неполноту данных, прямая связь между занятием малолетнего и учиненным им преступлением могла быть установлена примерно в одной четверти случаев, касавшихся детей, находившихся на работе в момент совершения преступления. Поразительно и то, что более 6—7 случаев такой установленной связи наблюдается среди детей, занятых уличным трудом, и что более ¾ относятся к двум группам—к мальчикам на посылках и к уличным-торговцам и газетчикам».

Дурное влияние уличной торговли (в частности торговли газетами, наиболее распространенной в Америке среди детей) отмечается и рядом других американских обследований. По обследованию, произведенному в 1916 г. в гор. Цинцинати *) установлено, что мальчики, занимающиеся уличной торговлей, дают в три с половиною раза больший процент правонарушителей, чем дети других категорий. Из числа этих осужденных 83% занимались уличной продажей в момент совершения преступления, при чем две трети торговали в течение года или более. На тот же факт большой распространенности правонарушений среди детей, занятых уличной торговлей, указывают и отчеты американских исправительно-воспитательных заведений. Уличная торговля не только дает ряд соблазнов для ребенка, она открывает доступ дурным влияниям улицы, толкает его к мелким мошенничествам, приучает к нерегулярной и бродячей жизни, отвлекая его от ученья и производительного труда. Неудивительно, что занятие ею является одним из сильных факторов детских правонарушений.

В противовес этим данным можно было бы указать, что причиною большей распространенности правонарушений среди работающих подростков, является не столько ранний труд или уличная торговля, сколько стоящая за спиною их нужда, толкающая детей в область раннего и вредного для них труда. Однако, это утверждение не оправдывается данными американского об-

*) Child labour in our vur sftreets. N. У. 1922.

зора. Только 419 мальчиков или 17,3% всего числа были сыновьями вдов и 185 или 8,7%—были сиротами, у остальных 1.318, т. е. большей половины работавших детей, оба родителя были в живых. Относительно 76,2% всех обследованных подростков в отчетах указано на «хорошие или удовлетворительные домашние условия». Из 1.487 мальчиков уличных торговцев в городах штата Мичиган 1.288 имели в живых обоих родителей и лишь 4 являлись круглыми сиротами. В городах Чикаго, Мильвоки, Цинцинати, Балтиморе, где были произведены аналогичные обследования, установлено, что от 79 до 83% мальчиков-торговцев принадлежат к нормальным семьям. Таким образом ранний труд детей или уличная торговля являются скорее бытовым явлением, чем занятием, продиктованным нуждою.

Среди девочек в числе 561 обследованных, работающие девочки дали цифру 351, а не работавшие—210. В числе первых рецидивисток было 29,1%, а среди вторых—11,9%. Интересно отметить, что у девочек разрушение семьи гораздо резче сказывалось, чем у мальчиков. Так, у мальчиков живыми оказывались оба родителя в 57,5% случаев, а у девочек в 34,2%, при этом у работавших девочек этот процент был 32,2%, а не работавших—37,7%. Дурные домашние условия или отсутствие дома было установлено в 28,4%, а у девочек—в 47,6% случаев. Влияние того или иного труда на делинквентность у девочек видно из следующей таблицы:

Домашняя прислуга	32,28%
Прислуга в отелях и ресторанах	5,44 »
Работа на дому	16,33 »
Всего занятых домашней работой	53,95 »
Швейная работа	12,36 »
Продавщицы	5,44 »
Модистки и портнихи	4,95 »
Конфектчицы	4,45 »
Прачки	1,98 »

Таким образом домашняя и ресторанная прислуга дает более половины правонарушений девочек.

Непосредственная связь учиненного правонарушения с занятием у девочек особенно резко была установлена для девочек, занятых услужением. Среди домашней прислуги в 56,9% случаев привонарушение стояло в непосредственной связи с занятием, среди ресторанной и отельной прислуги—36,4%. При этом характер и число правонарушений, совершенных девочками, являются ясным отражением характера выполняемой ими работы. В громадном большинстве это—кражи и преступления против нравственности.

Связь характера труда с правонарушениями детей может быть иллюстрирована также и данными обстоятельной статистики Берлинского союза попечительных организаций, работающих при детском суде. По данным 1918—1920 гг. дети, дела о которых рассматривались в Берлинском суде, имели следующие профессии:

Мальчики.	1918 г.		1919 г.		1920 г.	
Необученные рабочие	2.431	65,1	1.015	50,4	1.269	41,8
Квалифицированные рабочие	187	5,0	104	5,2	145	4,8
Купеческие приказчики	125	3,3	78	3,9	79	2'6

Мальчики.	1918 г.		1919 г.		1920 г.	
Ремесленные ученики.	408	10,9	249	12.4	399	13,1
Сельско-хозяйств. рабочие. . .	41	1,1	27	1,3	41	1,4
Школьники.	335	9,0	188	9,4	226	7,4
Прочие профессии	15	0,4	17	0,8	39	1,3
Без профессии	195	5,2	335	16,6	839	27,6
Всего.	3.737	100%	2.013	100%	3.037	100%

Девочки.	1918 г.		1919 г.		1920 г.	
Необученные рабочие.	491	63,6	158	46,6	149	26,5
Квалифицированные рабочие. .	3	0,4	11	3,2	53	9,4
Приказчицы	88	11,4	36	10,6	56	10,0
Домашняя прислуга.	78	10,1	43	12,7	83	14,8
Школьницы.	22	2,8	20	5,9	21	3,7
Прочие профессии	27	3,5	4	1,2	7	1,2
Без профессии	63	8,2	67	19,8	193	34,4
Всего.	777	100%	339	100%	562	100%

Невольно обращает на себя внимание значительный процент необученных рабочих. Он достигает 50—65%; понижение его по данным 1920 г. может быть об'яснено значительным количеством случаев, отнесенных к последней группе (без профессии или профессия неизвестна). Необученные рабочие это—дети и подростки, не только не получившие какого-либо профессионального образования, но зачастую и не окончившие курса начальной школы. Они обречены на случайный плохо оплачиваемый труд и частые периоды безработицы, сопряженной с нуждою и праздностью, толкают их на преступления. Относительно велика также преступность ремесленных учеников, выражающаяся в 11—13%, живущих обычно в семье мастера и испытывающих на себе прелести ремесленного ученичества. Среди девочек на втором месте стоит домашняя прислуга, дающая примерно такой же процент, как и ремесленное ученичество для мальчиков. Опять-таки и здесь дурные условия работы, забитость положения и полная зависимость от хозяйки, служат немаловажными причинами ранней преступности. Процент школьников невелик, особенно среди девочек. Пребывание в школе до некоторой степени страхует от преступности в силу некоторого педагогического наблюдения за малолетними. К сожалению, дети, занимавшиеся уличной торговлей, особо в берлинском отчете не выделены.

По данным прусской статистики принудительного воспитания 1902 г. из помещенных в воспитательные учреждения детей беспризорных и правонарушителей 68% мальчиков и 81% девочек были заняты промысловым трудом в школьном возрасте. По отчету за 1908 г. процент этот для обоих полов вместе упал до 40%.

По той же статистике профессиями детей послешкольного возраста, наиболее часто встречающимися среди воспитанников заведений принудительного воспитания, являются профессии мальчиков-разносчиков, фабричных и ремесленных учеников, а среди девочек—прислуги и фабричных работниц.

По сводному отчету Петроградского детского суда за 1910—1915 гг. процент, работавших к моменту совершения правонарушения малолетних был, несколько выше процента не имевших работы. Так, для мальчиков работавшие давали 54,4%, а не имевшие работы—45,6%, для девочек соответ-

ственными цифрами были 64% и 36%. По роду занятий малолетние распределялись следующим образом:

Занятия	Мальчики. Сред. числа	Мальчики. %%	Девочки. Сред. числа	Девочки. %%
Ученики школы	106	7,8	11	6,0
Ремесленные ученики	452	33,2	34	20,0
Прислуга	7	0,6	56	32,6
Торговля	136	10,0	2	1,3
Нищенство	65	4,7	7	4.0
Бродяжничество	1	0,1	1	0,6
Проституция	—	—	17	10,1
Другие занятия	19	1,7	—	—

На первом месте по своей численности среди правонарушителей стоят ремесленные ученики, положение которых у нас в дореволюционное время было еще более тяжелым, а обстановка жизни еще более мрачной, чем в Германии. Они дают 33,2%. Почти такой же процент преступности дают девочки-прислуги. Любопытно, что и по Петроградской и по Берлинской статистике между этими двумя профессиями мальчиков и девочек наблюдается параллелизм и совпадение процента, хотя у нас этот процент был в три раза большим, чем по берлинской статистике. Торговля в форме уличной торговли или мальчиков на посылках при лавках дала 10% и являлась занятием, распространенным почти исключительно среди мальчиков. Школьники участвовали в преступности скромным процентом—6—8%, примерно столько же, сколько и в Берлине. Проституция среди девочек давала 10%, но этот процент, согласно указанию отчета, должен быть повышен, так как в первые два года такие дела не направлялись в детский суд. Довольно велик процент детей, занимавшихся нищенством.

Уличная торговля детей в прежние годы составляла самостоятельный проступок, так как дети торговали без патента и привлекались за безпатентную торговлю. Число таких «правонарушителей», ежегодно проходивших через камеру мирового судьи по делам о малолетних, было довольно велико. В 1914 г. через Петроградскую камеру прошло 2.007 таких дел, а в 1915 году—1.666. Но уличная торговля детей вместе с тем являлась значительным фактором и более серьезной преступности, в частности краж *).

*) О положении детской уличной торговли у нас перед революцией мы находим следующие красноречивые строки в отчете киевского судьи по делам о несовершеннолетних В. М. Левитского (Суд для малолетних в Киеве. Киев 1915): «Развращающее влияние улицы на детей, особенно переходного возраста в 14—16 лет, отмечено уже давно. В Киеве оно особенно велико в виду того хаотического состояния, в котором находятся регулирующие различные виды уличной торговли правила. Прежде всего нет обязательных постановлений городской управы или местной администрации, регулирующих торговлю цветами, которая благодаря этому стоит, как бы «вне закона». Этот вид торговли, почти исключительно производящийся девочками, в Киеве развит очень сильно. Все занятые ею малолетние поставлены в полную зависимость от постового городового. Добиваться от него разрешения на торговлю им предоставляется самим какими угодно средствами. Строгое же исполнение чинами полиции своих обязанностей угрожает малолетней, торгующей цветами, заключением в общей камере полицейского участка и гибелью ее товара. О тяжелых, иногда неизгладимых последствиях такого заключения для девочек готовит ряд попечительских дел. Другой, чрезвычайно развитый вид

Такую же тесную связь между уличной торговлей и преступностью подростков отмечают и западные исследователи. Так, английская комиссия 1909 г. по вопросу о труде подростков в своем докладе так характеризует вредное влияние уличных занятий детей *): «Мы пришли по выслушании значительного числа показаний, исходивших от различных лиц, к тому выводу, что влияние уличной торговли на детей, занимающихся ею, слишком часто является крайне печальным. Юный уличный торговец подвержен весьма многим моральным опасностям худшего свойства. Он общается с уличным сбродом и приобретает привычки завсегдатаев улицы. Если он—продавец спичек—он подвержен опасности нищенства; если он продает газеты—опасности стать игроком: доказательства того, как часто продавцы вечерних газет становятся сами держателями пари, слишком многочисленны. Имеются несомненные указания на то, что, по крайней мере в больших центрах, уличная торговля порождает неспособность или нежелание заняться более регулярным трудом; в течение нескольких лет ребенок приучается тому, чтобы зарабатывать себе немного денег без особого труда, без всякой подготовки и без всякого искусства, так как уличные занятия развивают в нем лишь сноровку, не затрагивая его ума. Они не создают ему прочного положения и не обещают ему ничего для его будущей трудовой деятельности. Нет сомнения в том, что значительное число уличных малолетних торговцев впадает затем в бродяжничество и преступления. Начальники полиции свидетельствуют, что такая торговля часто служит школой для дурной жизни и порока».

уличной торговли, дающий насущный хлеб сотням и взрослых, и малолетних бедняков, это—продажа из корзин фруктов и зелени, также, благодаря непосильным, взыскиваемым притом единовременно, сбором за право торговли, обращен в незаконное, преследуемое занятие, причем сотни «бесправных» 12—14-летних торговцев и торговок расплачиваются конфискацией на последние гроши купленного товара и знакомятся с тюремными сидельцами и их правами в полицейских участках или в арестном доме. Как ни вредно влияет на малолетних изложенные дефекты, регулирующих уличную торговлю норм, а равно и допущение без всякого контроля малолетних к таким занятиям, как торговля на толкучем рынке, чистка там обуви и т. п., еще более малолетние страдают от неорганизованности торговли печатными произведениями. Законный порядок получения разрешения на такую торговлю игнорируется даже взрослыми. Вся огромная армия малолетних уличных газетчиков, со времени войны возросла числом до 1.000, прав же на торговлю не имеет. Весьма немногие из них привлекаются к ответственности. Расследования попечителей выяснили, что заработок газетчика колеблется между 1—2 рублями в день, доходя, при особо благоприятных условиях, до 3—4 рублей. Значительность заработка газетчика позволяет ему совершенно порвать всякие связи с домом, проводить время по притонам и ночлежкам за игрой в карты или кости в обществе «котов», пропойц и хулиганов. По некоторым из дел выяснилось, что в последние месяцы широко организовано снабжение малолетних газетчиков различными темными личностями, под ужасающие проценты, оборотным капиталом и содержание ими специальных притонов, где малолетние проигрывают не только весь заработок, но и последнюю одежду». «Прыгающие по трамваям и базарам, быстро привыкающие к толпе, к мелким обманам, азартной игре и дурной кампании, газетчики в Киеве являются главным контингентом, из которого комплектуются ряды наиболее трудно поддающихся воспитательно-исправительному воздействию порочных малолетних-карманников. При первоначальном опросе, за весьма редкими исключениями, уличенные в похищении из кармана или ридикюля малолетние, на вопрос о занятиях неизменно отвечали: «раньше торговал газетами».

*) См. нашу статью «Государственная опека и принуд. воспитание детей в Англии» в книге «Очерки суда и наказания в соврем. Англии». П. 1911 г.

После революции у нас борьба с уличной торговлей детей, получившей название «детской спекуляции» стала одной из боевых задач, в виду вредного влияния ее на молодежь. По данным Петроградской комиссии о несовершеннолетних в 1918 г., когда только начиналась борьба со спекуляцией вообще, дела о детской спекуляции составляли 2,9% всех дел об имущественных преступлениях, совершенных несовершеннолетними до 17 лет. В 1919 году этот процент повышается до 17,3%; в 1920 г.—в период особенного усиления борьбы с спекуляцией—он достигает максимальной величины—25%, после чего начинается резкое падение таких дел. 1921 г. дает еще 14%, а в отчете за 1922 г. дел о спекуляции уже не упоминается: они фигурируют под другим обозначением—дел о нарушении правил торговли. Такие дела составили 1,3% всех дел, рассмотренных комиссией. В абсолютных цифрах их было всего 61 дело, тогда как в 1921 г. их насчитывалось 787, а в 1920—1.907. Новая экономическая политика резко сказалась и в этом вопросе.

Уже в практике комиссий, при рассмотрении дел о малолетних уличных торговцах, зачастую приходилось встречаться с случаями, когда уличная торговля была лишь симптомом социально-опасного состояния подростка. Но в большинстве случаев уличная торговля есть лишь начальный этап развивающейся беспризорности и преступности. Приведем интересное фактическое подтверждение этого.

По отчетам московских комиссий по делам о несовершеннолетних за 1921 г. видно, что главным контингентом подростков, обвинявшихся в спекуляции, были подростки 13—15 лет; среди нищенствующих и бродяжничествующих подростков—подростки 14—16 лет и, наконец, среди обвинявшихся в кражах, мошенничествах и грабежах наибольшой процент падает на подростков 16—17 лет (см. В. И. Куфаев. Деятельность комис. о несоверш. в 1921 г., журнал «Народное Просвещение» 1922 г., № 105). Это показывает, что дети начинают с 13—14 лет занятие уличной торговлей, от которого они в возрасте 14—16 лет переходят к праздношатанию и бродяжничеству, а в 16—17 лет к кражам и другим имущественным преступлениям.

Но вернемся к вопросу о распределении подростков по профессиям. Московское обследование М. Н. Гернета 1909 г. дает такую картину распределения детей и подростков по занятиям в момент совершения ими правонарушения:

Занятия.	Абсолютн. числа.	Проценты.
Учащиеся	42	2,7
Ремесленники	432	27,9
Торговцы в разнос	138	8,9
Торговые мальчики	246	15,9
Домашняя прислуга	43	2,7
Фабрично-заводские рабочие	150	9,6
Чернорабочие	98	6,0
Прочие занятия	96	6,3
Нищие и бродяги	47	3,1
Проститутки	9	0,3
Без занятий	244	15,8
Всего		100,0
Неизвестно.	970	
	2540	

В Москве также ремесленники стояли на первом месте, давая до 28%. Дети, занятые уличными занятиями (торговцы и торговые мальчики), давали 24,8%. Фабричные рабочие—9,6%. Всего фабричных рабочих среди осужденных подростков было 150, между тем по данным Московской фабричной инспекции за 1909 г. общее число работавших в промышленных заведениях малолетних в возрасте 12—17 лет было 51.213. Это дает 3 правонарушителей на 1.000 работающих подростков—отношение крайне низкое. Таким образом фабрично-заводской труд подростков, даже в тяжелых условиях дореволюционного времени, являлся некоторым страхованием от преступности.

Но зато, с другой стороны, подросток, работающий на фабрике, подвержен большей опасности безработицы, которая часто толкает его на путь правонарушений. «Отсутствие занятий,—пишет Н. А. Окунев в одном из своих отчетов,—одна из главных причин краж у мальчиков; иногда достаточно недели, чтобы мальчик бросил работать, и он попадается в краже». Интересные данные из недавнего украинского опыта относительно влияния безработицы среди подростков на их преступность сообщает в своей книге О. Барабашов (Юношеский труд на Украине. Харьков, 1922). Первая волна увольнений подростков со служб и с фабрик прокатилась по Укрине с июля по конец сентября 1921 г. За этот период было выброшено из производства до 11.000 подростков, т. е. 27%. По Одессе процент увольнений равнялся 30%, по Харькову—24,9%. Движение же данных о детской преступности за это время показывает следующее. В Одессе в январе 1921 г. было совершено несовершеннолетними 443 правонарушения, а в июле 540; преступления против собственности возросли с 67 в январе до 199 в июле. В Полтаве в июне 1921 г. было совершено подростками всего 19 правонарушений, а в ноябре уже 156. Суммируя итог общего сокращения числа работавших на фабриках Украины подростков с 1914 г. по сравнению с 1920 г. в 21.000, автор указывает, что «путь улицы, спекуляции и преступления был тем путем, на который пошли многие из этих подростков, выброшенных из производства. Кто не помнит зим с 1918 до 1920 г. со своеобразным образованием городских бандитов, налетчиков? Всем также известно, что и пополнялись они, главным образом, из среды этой бывшей рабочей молодежи». По приведеным нами выше данным В. Якубсона относительно числа несовершеннолетних, прошедших через места заключения РСФСР за последние три года, видно, что наибольшие цифры падают на весну и лето 1922 г. Это именно тот период, когда увольнения подростков с фабрик и заводов приняли у нас особено массовой характер. По данным, напр., Петрограда, к началу перехода петроградской промышленности на новые экономические условия на фабриках и заводах работало 26.883 подростка, к началу же мая 1922 г. их осталось на работе всего 7.663, так что за период свертывания было уволено 19.220 чел. (Румянцев. Безработица среди подростков, «Вестник Профсоюзов», № 4. 1923 г.). В июле 1922 г. был издан декрет о бронированном проценте работающих подростков и по статистике профсоюзов начинается постепенное принятие подростков на работу обратно. Соответственно с этим и число содержащихся в тюрьмах Республики подростков с августа 1922 г. начинают постепенно и неуклонно падать. К сожалению, ни по данным статистики нарсудов, ни по данным комиссии для отдельных городов нельзя

установить процента возбужденных дел о подростках 14—18 лет за этот период 1922 г., так как он совпал с проведением новых правил по подведомственности дел о несовершеннолетних этого возраста по угол. кодексу 1922 г., которые вызвали большое расстройство в статистической отчетности. В. И. Куфаев, анализируя отчетность наших комиссий за 1921 г., устанавливает 20% безработных среди несовершеннолетних правонарушителей *).

Среди занятий малолетних, связь которых с преступностью хотя и не зафиксирована цифрами уголовной статистики, однако, отмечена рядом отдельных исследователей и работников в области борьбы с детской преступностью, следует указать на службу малолетних в качестве ресторанной прислуги. Говоря о дурном влиянии социальной среды, мы уже отмечали вред посещения таких учреждений подростками. Однако до сих пор в ряде стран труд подростков в качестве служебного труда довольно часто применяется в таких заведениях. Служба несовершеннолетних девушек в качестве кельнерш в Германии являлась замаскированной формой разврата и вызвала за последнее время против себя целое движение. Мальчики-подростки, служащие в ресторанных учреждениях, не только приучаются к вину и попрошайничеству, завися от «на-чая» посетителей, но и вовлекаются зачастую в среду сомнительных завсегдатаев трактиров, кафе и пивных, которые склоняют их часто на отдельные преступления.

Для несовершеннолетних девушек, как то указывают английские и французские исследователи, опасным в моральном отношении является труд рассыльных почтальонш. Будучи принуждены по характеру своей службы входить в чужие квартиры или направляться по поручениям в неизвестные им места, они легко становятся жертвами соблазна и насилия. Зачастую занятие таким трудом служит и способом промышлять тайной проституцией, при чем одноврменно с этим совершаются и квартирные кражи. Английское почтовое ведомство не принимает по этим соображениям на службу в качестве письмо- и телеграммо-носцев девушек до 18 лет; американские же законодательства повышают этот возраст даже до 21 года.

Опыт первых лет нашей революции показал также большую опасность в смысле легкого впадения в преступность, которой подвергаются подростки, занимающие ответственные должности или служащие по милиции и угрозыску. Получив в свои руки значительную власть, подросток не умеет провести надлежащей границы между правильным осуществлением ее и между злоупотреблением ею; еще недавно выйдя из возраста полной безответственности, он не в состоянии проникнуться полным сознанием ее. В результате значительный рост должностных преступлений среди подростков. До революции этот вид преступности у несовершеннолетних совершенно отсутствовал. По данным же отчета ЦИТО за 1921 г. около 35% содержащихся в заключении несовершеннолетних (при среднесуточном составе всех несоверш. в 800 чел.) числилось за Чрезвыч. Комиссиями и Ревтрибуналами в связи с возбужденными о них делами, большею частью по должностным преступлениям. Из своего личного опыта осмотра нескольких мест заключения РСФСР в период

*) См. статью «Повторные правонарушения несовершеннолетних». «Право и Жизнь». 1923 г.

1920—1921 гг., в целях проверки правильности содержания под стражей в них несовершеннолетних, я мог бы указать до двух десятков случаев, когда несовершеннолетние содержались за такие преступления по должности, как вымогательства и самовольные реквизиции путем злоупотребления служебным мандатом, самовольные обыски, сопряженные с кражами, железнодорожные хищения при состоянии на железнодорожной службе, растраты вверенных казенных сумм, изнасилование задержанных женщин, служебные подлоги и пр. По данным Петроградских комиссий в 1920 г. было возбуждено 91 дело о должностных преступлениях несовершеннолетних, а в 1921—135 дел. Опасность вручения широких полномочий несовершенолетним дала повод отделу социально-правовой охраны несовершеннолетних составить и внести в конце 1921 г. проект о воспрещении занятия несовершеннолетним ответственных должностей и службы по милиции и угрозыску. Проект этот не дошел до стадии утверждения, но та же цель отчасти была достигнута другими способами. Для ряда должностей специальными узаконениями уже устанавливается минимальный возраст, достигающий порою даже 21 года. Опубликованным в ноябре 1922 г. постановлением НКТ о вредных и опасных производствах, к работе в которых не допускаются подростки до 18 лет, мы встречаем указания на запрет службы для малолетних по милиции и уголовному розыску.

Подводя итоги сделанного нами анализа влияния условий труда на преступность несовершеннолетних, мы можем установить следующие положения:

1. Детский труд в раннем возрасте усиливает склонность малолетнего к совершению правонарушений.

2. Те формы труда, при которых малолетний живет у нанимателя и находится всецело в зависимости от него (ремесленное ученичество у мальчиков, домашняя прислуга у девочек), дают значительный процент увеличения преступности несовершеннолетних.

3. Неквалифицированный труд подростка значительно чаще, чем квалифицированный, сталкивает его с правонарушениями.

4. Уличная торговля и уличные занятия вообще составляют причину весьма многочисленных правонарушений детей и подростков и в процентном отношении в смысле фактора преступности, стоят значительно выше других профессий.

5. Безработица среди подростков, уже стоявших раньше на работе, является состоянием, сильно повышающим опасность впадения их в преступность.

6. Некоторые виды занятий, в виду моральной неустойчивости подростков, при большой моральной опасности этих занятий вообще, являются недопустимыми для подростков, как способствующие их развращению и преступности.

ГЛАВА V.

Индивидуальные факторы.

Различие факторов индивидуальных от факторов социального порядка является относительным. Та или иная особенность личности человека, которую можно поставить в связь с преступностью его, в значительной мере определяется длительным влиянием на него самого или на его предков определенных условий окружающей среды, в частности, среды социальной. Преступные привычки, явления вырождения, болезненные психические склонности и даже наследственные дефекты в значительной мере складываются под влиянием социальных условий. Наука социальной гигиены, имеющая в виду психическое и физическое оздоровление существующих поколений в условиях данной социальной среды, и наука евгеники, преследующая поднятие жизненных качеств будущих поколений, в одинаковой мере работают методами как индивидуально-биологического порядка, так и порядка социального, ибо обе эти группы методов являются лишь различными способами подхода к одному и тому же явлению. В области преступности, собственно говоря, на первом плане мы всегда находим факторы индивидуально-психологического порядка: преступное поведение определяется волею человека, движимой определенными мотивами, вытекающими, в свою очередь, из определенных склонностей или предрасположений. Факторы социальные стоят на втором, более отдаленном плане. Однако, лишь некоторую часть индивидуально-психологических побуждений и, при существующем положении научного знания, можем свести к этим факторам второго порядка. Значительная часть их, так сказать, нерастворимая в социальной среде, определяемая био-психическими, патологическими или наследственными условиями, продолжает рассматриваться нами, как факторы порядка индивидуального. В различной оценке роли тех или иных факторов лежит различие между отдельными направлениями уголовного права. Последователи итальянской уголовно-антропологической школы склонны были базировать инидивидуальные факторы на внешних органических особенностях человека, свидетельствовавших об его вырождении или атавизме *). Крайние последователи социологического направления, склонны эти факторы целиком растворять в факторах социального порядка, и для них внутренний, психический мир человека есть лишь призрачное отражение тех социальных отношений, в которые человек поставлен **). Психопатологическое направление, как можно назвать новейшие течения в области изучения преступности, рассматривающие преступность лишь как одно из проявлений психической дефективности человека, считает, что в основе всего лежит нарушение, расстройство нервно-психических реакций человека на окружающие раздражители, вызываемое или болезненными причинами или неспособ-

*) Типичными работами уголовно-антропологического направления о преступности несовершеннолетних являются: Д. Дриль. Малолетние преступники т. I 1884 и, A. Mac Donald Juvenile crime and reformation inclading stigmata of degeneration, Washington 1908.

**) Под господствующим влиянием социологического направления написана коллективная работа „Дети—преступники“ под ред. М. Н. Гернерт М. 1910.

ностью человека приспособиться к определенной среде *). Односторонность всех этих течений сказывается в том, что они склонны выдвигать исключительное значение одной группы факторов перед другой. Преступность вызывается всегда дисгармонией (неадекватностью) реакций данной личности с ответными коллективно-психологическими реакциями данного общества (социальной средой). Мы можем подходить к изучению этой дисгармонии с точки зрения причин, заложенных в самой личности, и тогда мы будем устанавливать факторы, характеризуемые нами как факторы «индивидуальные» и, наоборот, мы можем изучать самую социальную среду, отыскивая в ее проявлениях причины таких конфликтов личности и коллектива, и тогда мы будем строить ряд факторов социального порядка. Мыслимо построение научного анализа как по индивидуальной, так и по социальной линии. Но если практическое изучение причин преступности идет не по одному какому-либо из этих двух путей, а комбинирует их вместе, отмечая определенную «роль» факторов того и другого порядка, то это об'ясняется своеобразною точкой зрения, с которой постоянно приходится подходить к изучению правовых явлений.

Юрист, статистик, экономист и вообще всякий, изучающий социальные явления, исходят постоянно из представления о среднем, типическом человеке, являющемся носителем свойственных определенной эпохе и среде воззрений, мотивов, побуждений, склонностей и пр. Это средний человек, есть мерило социальных отношений. Психологический облик его складывается в нашем сознании благодаря массовому наблюдению и постоянному общению с тысячами таких людей нормального, обыденного типа, из которого мы исходим при анализе всех социальных отношений. Все понятия уголовного права, все санкции его приурочены именно к этому среднему типу. Если происходит преступление, мы прикладываем обычно эту среднюю мерку. Поскольку мы усматриваем, что в данном действии проявились такие психологические черты личности, котрые более или менее резко отличаются от нормального уровня, мы относим причину его к особенностям психики данного человека и говорим о том, что в данном случае «сыграли роль» факторы индивидуального порядка. Напротив того, если мы усматриваем, что психический облик личности, совершившей преступление, не отличался в каком-либо существенном отношении от среднего уровня, что «каждый из нас» мог бы в определенных условиях совершить такой же поступок, мы склонны искать причины его в социальной среде, и относим данное преступление на долю факторов социальных. Наша оценка социальных явлений с точки зрения факторов, вызвавших их, носит не абстрактно-теоретический, а глубоко практический характер. Мы при этой оценке как бы заносим итоги ее в два счета: счет личности и в счет общества. В счет личности записывается все то, что с точки зрения типично-коллективной психологии является нежелательным отклонением от нормального и социально-приемлемого типа. Мы, таким образом, «дебитуем» личность перед обществом, и подвергаем ее затем определенным мерам принудительного воздействия с тем, чтобы побудить ее покрыть или загладить этот долг. Напротив того, в счет общества, в его дебет, заносится

*) Таково направление новейших американских исследований, в особенности Healy. The individual delinquent, Boston 1915, а также немецких исследователей Gruhle, Mönkemöller и др. см. ниже.

нами все то, что толкает нормальную личность в сторону анормальной реакции или что создает конфликт даже при наличности нормальной социальной психики данного лица. Ставя определенные оценки в дебет общества, мы затем постепенно добиваемся соответственных социальных реформ, принятия предупредительных мер, оказания социальной помощи и пр. Совершенно ясно, что не всегда и не везде разнесение оценок по счетам личности и счету общества совершается одинаково. В определенные моменты или по отношению к определенным группам лиц мы склонны в большей мере дебитовать счет общества, в других случаях, напротив того—счет личности.

Такая двойственность нашей оценки является не случайной. Она определяется самой природой социального приспособления человека. Как активное существо, человек не только сам приспособляется к определенной среде, но и видоизменяет окружающую среду сообразно своим потребностям. Человек не только подвержен действию социальной среды, но и сам на нее активно воздействует. Коллективная оценка, накопляемая на почве оценки отдельных случаев, позволяет устремлять приспособление то в сторону принудительного подчинения отдельной личности, целью ее приспособления (исправления, воспитания, устрашения), то, наоборот, в сторону видоизменения самой общественной среды.

Итак, индивидуальными факторами преступности мы назовем ту группу условий, определяющих преступность, которая характеризует личность человека в отличие от средне-нормального типа и которая дает основание для общества воздействовать определенным образом на данного индивида с целью изменения его мотивов, психических особенностей или болезненного состояния.

Применительно к преступности несовершеннолетних, в группу индивидуальных факторов приходится включать и те особенности психического порядка, которые специально характеризуют детский и юношеский возраст в отличие от обычной психологии взрослого человека, вследствие чего роль, уделяемая индивидуальным факторам, значительно увеличивается. Это объясняет нам и то, почему принцип «индивидуализации» нашел свое значительно более полное выражение в области борьбы с преступностью несовершеннолетних и почему в каждом деле о несовершеннолетнем подробное исследование его личности в настоящее время признается необходимой предпосылкой правильного решения дела.

Остановимся в первую очередь на индивидуальных особенностях, определяемых п о л о м и в о з р а с т о м. Особенности эти—био-психологического порядка, но проявление их в значительной мере видоизменено и условиями определенной социальной среды. Сами по себе пол и возраст несовершеннолетнего определяют лишь известные психологические особенности лица, определенным образом сказывающиеся на его поведении. Но лишь в условиях определенной социальной среды (при отсутствии надлежащего воспитания, надзора, социально-превентивной деятельности) эти особенности могут приводить к социальным конфликтам и, в частности, к преступлениям. Наше положение о неразрывности действия индивидуальных и социальных факторов здесь находит себе особенно сильное подтверждение.

Если изучение мужской и женской преступности взрослых было проведено в ряде ценных работ и дало ряд интересных результатов, то в области

изучения сравнительной преступности мальчиков и девочек мы не имеем сколько-нибудь точных и разработанных выводов. Можно привести лишь несколько отдельных наблюдений, на основании которых было бы слишком поспешно строить точные заключения.

Лаура Гервай, в своей интересной книге *) указывает, что различия пола в детском возрасте имеют значение скорее с социологической, чем с биологической точки зрения. Если преступность девочек почти в пять раз ниже преступности мальчиков, то это об'ясняется не столько умственными и физическими особенностями каждого пола, сколько существующей системой воспитания. Из физиологических факторов, проявляющих большое влияние, можно указать лишь на пробуждение полового инстинкта и на различное проявление его в поведении мальчиков и девочек. Имеются такие периоды детства,—пишет Гервай,—которые характеризуются безразличностью в практически-половом отношении: так, в возрасте между 7 и 12 годами отдельные преступления, напр., кражи, одинаково часто совершаются мальчиками и девочками. Это находит себе об'яснение в отношениях еще неактивных половых инстинктов этого возраста к внешнему миру. Детский тип, за немногими отличиями, является одинаковым для обоих полов в этом возрасте. Только с наступлением половой зрелости начинают более определенно дифференцироваться физические и психические половые характеристики и, одновременно с ними, физические и психические функции. Изменение функций может распространиться и в направлении преступности. Таким образом различия в преступности констатируются в большинстве случаев лишь с достижением половой зрелости. Но при слабом значении такой «эндогенной» причины значительное влияние оказывают причины «экзогенные», социальные. Так, автор указывает на то, что во всех классах общества девочки находятся постоянно под большим наблюдением и надзором, чем мальчики, что они более изолируются от случайных влияний окружающей обстановки, их сильнее ограждают от праздного скитаня вне дома и сопряженных с этим последствий. Конечно, в больших городах эта домашняя охрана девочек значительно ослабляется, в частности при раннем поступлении девочки в наемную работу, но все же и здесь девочки совершают значительно меньше преступлений, чем мальчики. У них не наблюдается такой разнузданности, такого стремления к безразличному общению с разнообразными опасными элементами, как то мы видим у беспризорных мальчиков. Страсть к приключениям, к насилиям и пр. пробуждается почти исключительно у мальчиков, и вследствие этого последние совершают чаще всего так наз. активные преступления, тогда как девочки ограничиваются более пассивной ролью, прибегая к хитростям, обманам, обходам скорее, нежели к смелым, требующим применения силы и дерзости, поступкам.

Более существенное различие в психической структуре беспризорных и впавших в правонарушения мальчиков и девочек устанавливает Эльза Фойхтлэндер на основании ряда недавно опубликованных ею исследований над

*) L. Gervai. Die kindlichen und jugendlichen Verbrecher München 1914 s. 6 сл.

детьми германских исправительно-воспитательных заведений *). Свое внимание Фойхтлэндер сосредоточивает на детях школьного и послешкольного возрасти, исследуя мотивы, цели и общий характер поведения подростков обоего пола. Поведение мальчиков, по ее утверждению, вытекает из потребности к активности и обыкновенно направлено на прочную, внешне определенно обрисованную цель. Поскольку такое поведение неправомерно, у мальчика или вовсе не возникает сознания о недозволенности его, или он нарушает закон вполне сознательно, планомерно, без колебаний. Напротив того, поведение девочек, в связи с их положением, является обычно пассивным, личным, окрашенным чувством, и совершаемым, так сказать, с постоянною оглядкою на себя. Даже при наиболее наблюдаемой среди девочек-подростков форме беспризорности в виде проституции и половой распущенности, активное посягательство на правила нравственности обыкновенно выпадает на долю мужчины, а на стороне девушки наблюдается лишь нравственная слабость и пассивность. При совершении активных правонарушений главная цель девочки заключается обыкновенно не в самом проступке, а в каком-либо побочном обстоятельстве, которое в глазах совершительницы его служит извинительным и даже оправдывающим мотивом; чувство личного стыда и потребность самооправдания почти всегда присущи девочкам. Они редко поступают прямо п р о т и в закона, стараясь найти скорее путь в о б х о д его. Словом, поведение мальчиков может быть охарактеризовано, как об'ективное действование, поведение девочек, как суб'ективная ракция. Автор отмечает то интересное наблюдение, что при повышенной эгоцентричности представлений и возбудимости у некоторых психопатов-мужчин наблюдаются те же черты женского характера—в виде повышенной личной восприимчивости и хитростной мотивации при совершении проступков.

Исследуя беспризорность и преступность девочек во время войны, автор отмечает значительное ослабление половой беспризорности (т.-е. проституции и беспорядочных половых связей), которая в 1914 г. удевочек-подростков составляла 72% всех поводов к помещению в детские дома, а в 1917 г.—всего 38,2%; зато соответственно возросла имущественная преступность среди девочек. Доминирующими причинами правонарушений среди девочек, чаще наблюдаемыми у них, чем у мальчиков, являются: праздность, лживость, страсть к лакомству; у мальчиков: имущественная корысть, склонность к бродяжничеству, жестокость, половые проступки. Психопатические склонности автором были установлены у 60% мальчиков-подростков и у 38% девочек, при чем особой зависимости между психопатическими склонностями и проституцией клинически не установлено.

Данные немецких исследователей подтверждаются и отчетами наших детских судов. Выше мы уже указывали на некоторые особенности совершения краж девочками по сравнению с мальчиками, на основании статистики Петро-

*) **E l s e V e i g t l a n d e r.** Geschleht und Verwahrlosung. Zeitschrift f. die ges. Neurologie und Psychiatrie B. 61 s. 97 1921; D i e s e l b e. «Charakterstruktur verwahrloster Kinder und Jugendlicher. Zeitschift f. angewandte Psychologie, Beilageheft 1922; D i e s e l b e. Entwickelung der verwahrlosung in den Jahren 1914—1920. Zentralblatt fur Vormundschaftwesen. Jan. 1922. См. также обзор этих работ H. Heimann. Ueber Charakterstruktur und Geschlecht der verwahrlosteg Jugend. Zeitschrift f. d. ges. Strafrechtswiss. 1922, 6 Heft.

градского суда для малолетних (см. ст. 42). Девочки совершают свои кражи большею частью в одиночку; некоторые виды краж, требующие особой дерзости и ловкости, почти не совершаются девочками. Господствующим видом является домашняя кража или кража в мастерской, где соблазн особенно близок и для совершения которой не требуется особой смелости *) так, 6-летняя статистика Потроградского суда для малолетних показывает, что 62,3% всех краж, совершенных девочками, падает на кражи домашние, 10%—на кражи из магазинов, 25,6% на кражи домовые и из мастерских и лишь около 3% на остальные виды (карманные, уличные, в банях и пр. **). Пассивность девочек иллюстрируется также значительным процентом случаев совершения ими краж под влиянием других. На первом месте в ряду таких влияний стоит дурное влияние подруг, дающее 23%, влияние взрослых установлено в 9,5% совершенных девочками краж.

Пропорциональное участие девочек в совершении правонарушений у нас до последнего времени было значительно меньшим, чем в других странах (как и женская преступность вообще). По данным московского обследования М. Гернета за 1908 и 1909 г. число несовершеннолетних обвиняемых девочек во всех судах Москвы составляло 10,56% общего числа несовершеннолетних. В практике Потроградского суда для несовершеннолетних за период 1910—1915 г.г. средним процентом участия девочек в преступности было 13%. После революции процент этот для Потрограда несколько понижается, но затем наблюдается его значительный рост, сменяющийся в 1921 г. опять падением. Так, по данным Петроградской комиссии о несовершеннолетних число несовершеннолетних, представленных в комиссии было:

Годы	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Мальчики	5.359	7.539	7.713	6.982
Девочки	529	865	1.390	920
Процентное отношение	10	11,5	18	13,2

Интересно сравнить эти данные Петрограда с сведениями Берлинского суда для малолетних за соответственные же годы.

В Берлине отношение правонарушений девочек к правонарушениям мальчиков за период 1918—1920 г.г. выражается в следующем виде:

Годы	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Мальчики	3.737	2.013	3.037
Девочки	772	339	562
% отношение девочек	21%	17%	18%

*) То же наблюдение подтверждает и прокурор мюнхенского суда для малолетних Руппрехт на основании практики: «Мальчик по общему правилу совершает кражу в редких случаях один, большею частью он сговаривается с товарищами для совместного совершения кражи, при чем происходит целесообразное распределение ролей. Девочка почти всегда совершает кражу в одиночку даже тогда, если помощь другого лица являлась бы существенной, как напр. при кражах из магазинов. Мальчик почти никогда не обкрадывает своего хозяина, напротив того, девочка нисколько не страшится домашней кражи и при том столь небрежно прячет похищенные вещи что не представляется особого труда найти их. K. Rupprecht. Zur Psychologie des jugendlichen Verbrechers der Grossrtadt. Aus der Praxis des Münchener Jugendgerichts. 1910; цит. у Gervai Jugendl-Verbrecher. 1914 s. 12.

**) См. Чичагова: Преступность девочек по данным Петроградского Суда для малолетних. Журн. и «Особые суды для малолетних» 1915 № 6.

Увеличение процента правонарушений девочек является итогом, получаемым от многих слагаемых, в числах которых главнейшую роль играют социальные факторы: разложение семьи, рост материальной нужды, большая эксплоатация труда девочек во время войны и пр. Известную роль играет также система образования и воспитания, при которой девочки перестают уже изолироваться и проходят ту же школу, как и мальчики.

Различия в чистоте правонарушений мальчиков и девочек выступают более ярко с принятием во внимание в о з р а с т н ы х различий. Изучение детской психологии с генетической точки зрения в настоящее время имеет громадную важность для криминалиста. Приходится ли ему встречаться с вопросом о вменяемости несовершеннолетних, с вопросом о целесообразности применения к ним тех или иных воспитательных мер, или с вопросом о достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних, с различием нормальных или патологических моментов, как факторов совершения несовершеннолетними правонарушений—во всех случаях отчетливое представление о возрастной психологии, является для него необходимым. Подобно тому, как в течение ряда последних десятилетий судебная психология выделилась из области общей психологии, образовав вспомогательную криминалистическую дисциплину, так в настоящее время наблюдается процесс выделения ряда психологических и психопатологических сведений о малолетних в особую вспомогательную науку «психологии дефективного детства и юношества», в которой обращено преимущественное внимание на те болезненные формы и отклонения нормальной юношеской психологии, которые имеют особо важное значение для судебного диагноза личности малолетнего *). Достаточно указать на то, какую громадную роль в понимании характера и симптоматического значения правонарушений малолетнего играет пора наступления половой зрелости.

«В период половой зрелости,—пишет д-р В. П. Кащенко **),—резко меняется характер и замечается полный перелом как у мальчиков, так и у девочек. В это время начинается нарастание осознавания собственного я, выступает ярко жизнь чувства, проявляется кокетливость, рассеянность, равнодушное отношение к занятиям. В этот период происходит та же физиологическая естественная задержка в развитии, вообще идущем волнообразно, на что школа в этот период упорно не обращала внимания, нередко превращая ее в искусственную дефективность. У мальчиков особенно резко проявляется противоречивое настроение, они не желают считаться с авторитетом старших, проявляется временная грубость, жестокость, ложь, хвастовство, эгоизм, жажда сильных ощущений, приключений, стремление к героическим, драматиче-

---

*) Из наилучших работ по этим вопросам, мы можем отметить: W. H e a l y. The individual delinquent. Boston 1915; W. H o f f m a n n. Die Reifezeit Leipzig 1922. Его-же. Psychologie derstraf fälligen Jugend 1917. См. также лекции проф. А. С. Грибоедова в сборнике «Воспитание и обучение дефективных детей» П. 1918—1920 I-III. Характерным признаком времени является введение особого отдела «Jugéndpsychologie» в общем криминалистическом журнале Zeitschrift f. d. ges. Strafrechtswissenschaft, начиная с 1922 г. Во главе этого отдела стоит В. Гоффман. См. его интересный обзор в 6-ой книжке этого журнала 1922 г. (стр.: 755—760).

**) В. П. К а щ е н к о. Нервность и дефективность в дошкольном и школьном возрастах. Охрана душевного здоровья детей. М. 1919 стр. 17—18.

ским положениям. Их влечет в театры, многих, главным образом, в кинематографы, где на экране они ловят и вбирают в себя все, что отвечает их интересам фантазии. Наконец, это—период знакомства с половою жизнью, начинающей беспокоить своими физиологическими проявлениями... И тут же наряду с естественным физиологическим процессом выплывает особенно ярко дефективность. Оппозиция, озорство, ложь, хулиганство, хвастовство могут рисовать нравственную испорченность. Онанизм, как результат дурной привычки по наущению товарищей, может рассматриваться как результат дегенерации, как господство низших инстинктов над высшими. Стремление к путешествиям, уходы и побеги из дому можно рассматривать уже не как результат неиспользованной энергии, а как болезненное стремление к бродяжничеству, как симптом дегенеративного свойства, характеризующий собой дефективность. Жестокость может принимать болезненную форму мучительства, садизма; стремление в кинематографы, вместо чтения и занятий, может быть следствием духовной слабости и пустоты».

Многие исследователи психологии детства свидетельствуют о том, что отдельные поступки несовершеннолетних, квалифицируемые формально как правонарушения, являются, в сущности, проявлением инстинктивных стремлений, свойственных определенным периодам развития детской и юношеской психологии.

Так, немецкий исследователь Вагнер-Жорегг в специальной работе о праздношатании *) указывает, что стремление к праздности и нежелание работать являются естественным, врожденным состоянием, обусловленным неудовольствием от физического и духовного утомления. Задачей воспитания является пробуждение и развитие таких моральных сил и побуждений, которые заставляют преодолевать этот инстинкт. Естественно, что при отсутствии воспитания этот природный инстинкт находит свое проявление в полной мере и приводит к бездельничеству, являющемуся благоприятной почвой для развития преступности. То же отмечается другими исследователями (напр., Вильямсом) относительно инстинкта «номадизма»—стремления к бродяжничеству, находящего в юношеском возрасте свое выражение в страсти к приключениям и путешествиям, для удовлетворения которой совершаются кражи на покупку необходимых предметов путешествия, оружия, на проезд и пр. Несдерживаемый путем воспитания этот инстинкт номадизма легко овладевает психикой малолетнего и делает из него упорного бродяжку **). Даже по отношению к наиболее частому правонарушению детей—кража—весьма распространено воззрение, что «ребенок по своей природе является вором». «Тот факт,—пишет Гервай ***),—что кража является доминирующим видом преступлений среди более юных мальчиков, в большинстве случаев об'ясняется чертами детского характера. Ребенок обладает, так сказать, естественной склонностью к краже. Страсть к лакомствам, сладостям, обжорство, голод служат обычно мотивами взятия фруктов, шоколада, колбас, печений, папирос и пр. В этом

*) Wagner-Jauregg. Die Arbeitscheu. Archiv f. Kriminalanthropologie. B. 74 s. 105.

**) Willmans. Zur Psychopathologie des Landsfreichers Leipzig 1906. Ioffroy A. Dupouy. Vagabondage. Parés 1909. Mairet. Le vagabondage constituel dés dégénérés. Annalles medicopsychologiques 1911—1912.

***) L. Gervai. Jugendlicher. Verbrecher 1914 s. 10.

заключаются, как известно, высшие грехи детей. Испытывание сильных желаний, множественность желаний являются характерными психическими особенностями нормального ребенка. Они вытекают из живого самосознания и эгоизма, из богатой фантазии, из быстрой смены представлений, из недостатка волевой энергии и из той нормальной нетерпеливости, которая ставит столько трудных задач и помех для воспитания. Лишь с возростанием духовной и физической зрелости и сил изменяется примитивная преступность. Преступные желания начинают направляться на более дорогие, более ценные об'екты. Добывание их требует уже значительно более сложного размышления, планомерности, физической ловкости, а зачастую и большой телесной силы. Репертуар более тяжких преступлений против собственности таким образом относится лишь к более взрослым несовершеннолетним». В этом смысле об'ект кражи имеет большое симптоматическое значение для определения мотивов и психологии несовершеннолетнего. Девочки-подростки похищают большею частью предметы лакомства, украшения, предметы одежды—все, что служит средством удовлетворения страсти к нарядам и лакомству; мальчики-подростки, напротив того, чаще всего крадут металлические изделия, инструменты, ценные предметы, могущие быть проданными дорого, или же, в случае нужды, предметы домашнего обихода.

Влияние возрастной психологии с особенной силой сказывается в области преступлений против нравственности: это ясно само собою. Но в то же время, как половая психология мальчика-подростка толкает его на насильственные формы преступлений против нравственности: изнасилование, садистическую преступность, или на открытый цинизм; у девочек она приводит к половой распущенности и проституции. Не станом здесь подробно останавливаться на характеристике половой психологии и психопатологии юношеского возраста, так как она нашла себе подробную разработку в ряде трудов, и без специального знания ее едва ли возможно в настоящее время обойтись при рассмотрении дел о несовершеннолетних. Иногда скрытый сексуальный мотив имеется в ряде правонарушений подростков, формально не связанных с нарушением половой нравственности. Так у девочек установлена такая связь половой жизни (в частности, появления или задержки менструаций) с такими преступлениями, как поджог (пиромания), кража (клептомания), ложный донос (кверулянтизм). У мальчиков—с совершением насильственных и кровавых преступлений, с бродяжничеством, праздношатанием и побегами, с нарушением правил общественного порядка и пр.

Несомненно также, что возрастная психология весьма резко сказывается и на этических понятиях детей и подростков. Мотивы поведения у людей постоянно меняются. Люди следуют требованиям общежития, руководствуясь мотивами самосохранения, страха, выгоды, или социального долга. Повышение качества мотивации, начиная с элементарных мотивов самосохранения и страха и кончая принципиальной этической мотивацией, происходит путем постепенного процесса социального воспитания человека. Ребенок в своем развитии проходит те же последовательные стадии социальной дрессуры. Сначала только страх способен воздействовать на его мотивы, затем господствующее положение начинает занимать эгоизм, границы которого постепенно расширяются, вследствие чего эгоизм постепенно перерождается в социальный утилитаризм, и только после периода половой зрелости и сопряженного с нею

духовного кризиса, подросток начинает руководиться в своем поведении и мотивами этически-принципиального порядка. Подобно тому, как на основании круга умственных представлений можно определить «интеллектуальный возраст» ребенка,—мыслимо на основании круга и характера этических воззрений, определять «этическую взрослость» несовершеннолетнего. В исследовании П. Г. Бельского по типологии дефективных детей, имеющем в скором времени выйти в свет, содержится богатый материал для характеристики этических переживаний детей различного типа. Разработка правовых переживаний детей, намеченная Л. И. Петражицким в его «Введении в изучение права и нравственности», здесь получает дальнейшее углубление на почве богатых собранных автором материалов. Совершенно очевидно, что критерий «разумения», долгое время державшийся в уголовном законодательстве об ответственности несовершеннолетних, лишь в грубой и приблизительной форме выражал мысль о постепенном развитии этических понятий у несовершеннолетних. Этот процесс происходит длительно, растягиваясь на долгие годы,и многие «этически-дефективные» малолетние не достигают среднего развития нравственных понятий, даже перейдя в зрелые годы. Можно думать, что процесс такого развития у мальчиков и у девочек протекает не вполне одинаково. Различие в понимании «мужской чести» и «женской чести» у взрослых служит доказательством того, что и в юношеском возрасте у девочек преимущественно развивается один тип мотивации, а у мальчиков—другой.

Возрастные различия оказывают сильное влияние и на сознание с о л и д а р н о с т и, на коллективистическое чувство детей и юношей. Формы товарищества, большая или меньшая подверженность влиянию старших товарищей и взрослых, степень спаянности с коллективом и подчинения личных мотивов интересам и целям коллектива постоянно варьируют. Изучение коллективной психологии юношеского и детского возраста важно не только в целях социальных и педагогических, но и в целях борьбы с преступностью, так как юношеская преступность довольно часто принимает формы групповые: соучастия озорной толпы, шайки, юношеского бандитизма и пр. Внутренняя организация юношеской преступной группы не менее сложна, чем организация преступных шаек взрослых: здесь то же разделение властей, такие же вожаки, пользующиеся силой и авторитетом, такие же жертвы из числа слабовольных и неуравновешенных и такие же слепые исполнители—из числа слабоумных и психопатов. Борьба с опасными шайками подростков возможна лишь на почве знакомства с возрастной и коллективной психологией юношества.

Приведенными указаниями далеко не исчерпывается то значение, какое может иметь изучение возрастной психологии для надлежащего понимания явлений ранней преступности и борьбы с ними. Пол и возраст — это лишь внешне «индивидуальные показатели» сложной картины детской психологии, особенностями которой могут быть об'яснены многие явления детской преступности. Приведенное выше имеет лишь значение нескольких иллюстраций, которые должны указать на необходимость систематического и всестороннего психологического исследования малолетних, даже не проявляющих признаков психической дефективности, в целях надлежащего освещения тех факторов, которые мы условно называем факторами индивидуальными.

В заключение нашего обзора возрастных различий, приведем несколько

статистических данных, характеризующих сравнительную частоту правонарушений в отдельных возрастах *).

Московское обследование 1908—1909 г.г. дает следующие процентные отношения по возрастам и по полу для несовершеннолетних до 18 лет, дела о которых рассматривались в судах, как общих, так и мировых г. Москвы:

Возраст.	Мальчики абсол. числа.	Мальчики процент. числа.	Девочки абсол. числа.	Девочки процент. числа.
До 10 лет	29	1,08	6	0,22
10 лет	39	1,44	—	—
11 »	48	1,78	10	0,37
12 »	97	3,60	14	0,52
13 »	148	5,48	18	0,67
14 »	250	9,31	29	1,08
15 »	372	13,80	43	1,60
16 »	561	20,83	74	2,74
17 »	865	32,08	93	3,46
Итого	2.409	89,40	288	10,56

Число девочек-правонарушительниц растет равномерно, обнаруживая лишь несколько повышенный темп роста после 14 лет. Напротив, цифры относительно мальчиков дают довольно резкий скачек после 13—14 лет, при чем преступность в четыре юношеских года (14—17) почти в 7 раз превышает преступность за 4 года детства (10—13 л.).

В статистике Петроградского суда для малолетних за время 1910—1915 г.г. распределение по полу и возрасту дает следующую картину в средних цифрах и процентах за все шестилетие:

Возраст.	Мальчики средн. числа.	Мальчики процент. числа.	Девочки средн. числа.	Девочки процент. числа.
10 лет	48	3,5	5	3,3
11 »	49	3,6	8	5,3
12 »	108	8,2	9	6,0
13 »	163	12,3	19	12,8
14 »	205	15,2	20	13,6
15 »	305	23,1	38	25,3
16 »	312	26,9	45	29,0
17 »	118	7,2	10	6,7

Петроградские данные показывают, прежде всего, некоторое повышение обвиняемых детей в возрасте до 14 лет по сравнению со статистикой Москвы. Это об'ясняется вполне правильным стремлением детского суда за-

*) Для характеристики сравнительной преступности по более обобщенным возрастным периодам, см. общие статистические данные в первой части нашего труда. Мы берем здесь лишь немногие более разработанные данные отдельных городов, проверенные более тщательно и имеющие показательное значение.

хватить начинающуюся дефективность в более раннем возрасте. Процентное распределение по возрастам у мальчиков приблизительно одинаково с девочками. После 13—14 лет наблюдается резкое повышение процента. Падение его для 17-летних об'ясняется тем, что дела о таких подростках, в виду достижения ими к момету суда 18 лет, большею частью попадали уже в общие суды.

Приведенные данные мы позволим сравнить с двумя таблицами из наиболее тщательных недавних обследований детских правонарушений на Западе. Так, американское обслодование 1911 г. дает следующую таблицу:

Возраст.	Мальчики		Девочки.	
	числа.	процент.	числа.	процент.
До 10 лет	266	6,2	17	3
10 лет	308	7,2	12	2
11 »	364	8,4	24	4
12 »	546	11,9	42	7
13 »	736	17,2	76	13
14 »	903	21,1	113	20
15 »	936	21,7	174	31
16 »	219	5,3	103	20
Всего	4.278	100%	561	100%

В этой таблице, в которой значительная часть (до 50%) данных относится к детям, занятым наемным трудом уже с самого раннего возраста, явления преступности в раннем возрасте до 13 лет дают уже весьма солидный процент и значительные абсолютные цифры по сравнению с русскими данными, особенно для мальчиков. Но и американские данные ярко указывают на критический возраст 13—14 лет. Падение процента несовершеннолетних до 16 лет здесь также об'ясняется тем, что с этого возраста значительная часть несовершеннолетних правонарушителей попадает в общие суды. Во всяком случае по американским данным контраст между детской и юношеской преступностью не является столь резким, как у нас.

Вторая таблица относится к практике Берлинского детского суда за годы войны и после заключения мира (1914—1920). Она охватывает несовершеннолетних от 12 до 18 лет, при чем данные сгруппированы по двухлетиям:

Преступность мальчиков:

Возраст.	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
12—13 лет	108	236	379	399	372	206	260
% отношение	12,1	19,7	16,4	14,8	9,6	10,3	8,6
14—15 лет	330	512	1.022	963	1.389	590	783
% отношение	36,9	42,7	44,3	35,6	35,8	29,5	25,8
16—17 лет	456	450	906	1.340	2.110	1.217	1.994
% отношение	51,0	37,6	39,3	49,6	54,6	60,2	65,6
Всего	894	1.198	2.307	2.702	3.871	2.013	3 037

Преступность девочек:

Возраст.	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
12—13 лет . . .	19	13	46	51	53	20	41
% отношение. .	8,0	6,0	12,3	11,2	6,5	5,9	7,3
14—15 лет . . .	69	100	192	160	245	104	168
% отношение. .	29,1	46,5	51,3	35,1	30,0	30,7	29,9
16—17 лет . . .	149	102	136	245	518	215	353
% отношение. .	62,9	47,5	36,4	53,7	63,5	63,4	62,8
Всего. . .	237	215	374	456	816	339	562

Данные эти показывают, что у девочек явления преступности развиваются в возрасте несколько более старшем, чем у мальчиков. Возраст 16—17 лет у них дает 2/3 всей преступности. За годы войны, особенно 1915 и 1916, как у мальчиков, так и у девочек, наблюдается процентное усиление преступности средней и отчасти младшей группы. Особенно показательным является 1918 г.—год окончания войны и революции, значительно увеличивший цифру правонарушений малолетних и сказавшийся сильнее всего на мальчиках среднего возраста 14—15 л.

Этими данными мы закончим вопрос о влиянии возраста и связанных с изменением/его психологических собенностей на преступность. На ряду с рассмотренными индивидуальными признаками определенное место должно быть уделено и рассмотрению характера самой личности несовершеннолетнего. К сожалению, удачных статистических показателей в этой области не установлено. В литературе изучение характера, как фактора преступности, обычно выливается в форму классификации типов несовершеннолетних правонарушителей. В понятие «типа» включаются определенные характерные черты группы личностей, удобно противопоставляемые другим группам. К группировке по характеру часто примешиваются и другие признаки (напр. признаки социального порядка), вследствие чего соответственные классификации перестают быть выдержанными.

Можно привести несколько классификаций детей-правонарушителей, выдвинутых в литературе вопроса. Так, нью-иоркский судья для несовершеннолетних Юлиус Майер делит несовершеннолетних правонарушителей на следующие 7 групп: 1) шаловливые, озорные дети; 2) правонарушители по искушению, соблазну, 3) правонарушители вследствие влияния дурных сообщников; 4) правонарушители вследствие небрежности или невежества родителей; 5) дети с преступными склонностями, рецидивисты, лишенные нравственных понятий; 6) дети, склонные к бродяжничеству; 7) дети, обладающие порочным и неукротимым характером. Другой американец А. Травис *) предлагает классификацию из 10 типов: 1) правонарушители случайные, совершающие в силу обстоятельств какой-либо изолированный проступок; 2) правонарушители по несчастью или заброшенности, находящиеся «в опасном состоянии»; 3) правонарушители вследствие невежества, порочности или небрежности родителей; 4) правонарушители вследствие приобретенных привычек (напр. карманные воришки); 5) правонарушители вследствие неравенства экономических условий (ворующие из нужды); 6) правонарушители вследствие дурной среды (плохие товарищи, слабый домашний надзор);

*) A. Travis The young malefactor. A study in juvenile delinquency, its causes and treatment. N. J. 1908 p. 50.

7) правонарушители в силу наследственных дурных склонностей; 8) правонарушители вследствие каких-либо прирожденных физических дефектов; 9) правонарушители вследствие приобретенных физических дефектов (болезни, плохого развития); 10) правонарушители в силу приобретенных умственных дефектов (болезни, отсутствие воспитания, плохое развитие). Германский юрист Haldy различает следующие типы *): 1) прирожденные преступники; 2) индивиды с преступными предрасположениями; 3) беспризорные; 4) неисправимые вследствие слабоумия или дефективности, вызванной склонностями или воспитанием; 5) вовлеченные в преступность опасной склонностью к подражательности; 6) малолетние, преступность которых вызвана молодостью с сопутствующей ей слабой сопротивляемостью своим влечениям, легкомыслием или некоторой задержкой развития.

Эти и другие им подобные попытки классификации несовершеннолетних правонарушителей на группы по какому-либо одному признаку следует признать заранее обреченными на неудачу, так как в громадном большинстве случаев впадение несовершеннолетнего в преступность есть результат сложного взаимодействия его личных особенностей и влияний окружащей его среды, при чем преобладающая роль того или иного фактора далеко недостаточна для оценки всего типа.

Особенности характера личности настолько сложны, что уместить все типы в один классификационный ряд едва ли представляется возможным. Не пытаясь решить этот сложный вопрос, требующий большой предварительной психологической разработки, наметим только некоторые пути к его решению, которые нам кажутся более правильными.

Характер малолетнего есть совокупность ряда психологических признаков, складывающихся под влиянием различных факторов. Психические признаки можно свести в три более общие группы: развитие умственных качеств, тон эмоциональной жизни и качества воли, согласно тройному делению психической жизни на разум, чувство и волю. В каждой из этих трех групп можно установить тип нормальный и тип патологический, между которыми возможны переходные формы. Таким образом мы будем иметь целый ряд психологических комбинаций характера: умственно-дефективных различных степеней, но с нормальным развитием эмоциональной жизни и воли; нормальных в умственном отношении, но эмоционально неуравновешенных, больных или психопатичных; безвольных и легко поддающихся внушению, но обладающих нормальным умственным развитием и т. д. Эта психологическая классификация может быть даже осложнена присоединением признаков социальных: влиянием на характер полученного воспитания и влиянием окружающей среды, накладывающих свою печать на привычки, образ жизни и поведение лица. Каждая из психологических групп, поэтому, может быть далее характеризуема, как осложненная влиянием дурного воспитания или дурной среды или, напротив того, хороших окружающих условий. Можно далее учитывать качественные различия среды, длительность или кратковременность этих влияний и пр. Постепенно углубляя и дифференцируя эту классификацию, мы будем приближаться к все большей и большей и н д и в и д у а л и з а ц и и, которая всегда является конечным пределом всякой классификации. С другой

*) Приводится в книге L. G e r v a i Kindliche und jugendliche Verbrecher. München. 1914 s. 44.

стороны можно при построении классификации итти и другим путем, исходя из индивидуальных наблюдений, постепенно обобщая их и разбивая на группы. Такой метод классификации принят в естественных науках и имеет свои преимущества, хотя он никогда не может дать полной картины. За последние годы он стал довольно широко применяться в целях исследования психопатических типов малолетних правонарушителей и привел к ряду ценных результатов.

Развитие экспериментальной психологии в конце XIX века дало в руки ученых возможность исследования различных свойств характера человека при помощи измерительных приборов и так называемых тестов. Путем проверки на тысячах опытов удалось найти и средние масштабы развития тех или иных психологических черт: умственного развития, волевого напряжения, внимания, сообразительности, практической сноровки, чувствительности, содержания этических представлений и пр. Данные этих исследований за последние годы богато использованы для практической жизни в области руководства выбором профессии, научной организации труда, психологии свидетельских показаний и пр. и даже породили особую научную дисциплину, названную психотехникой.

В области исследования явлений преступности они впервые были применены к изучению степени у м с т в е н н о г о р а з в и т и я преступников. Благодаря системе тестов, установленной французскими психологами Бинэ и Симоном в 1904—1908 г.г. и развитой позднее американцами Годдардом, Терманом, Джерксом, Стэндфордом и др., удалось экспериментально определять степень умственного развития человека, приурочивая ту или иную ступень к определенному возрастному пределу, напр., точно определяя степень умственного развития 10-ти или 13-летнего ребенка. Несколько позднее установление возрастных скал умственного развития стало заменяться установлением простых численных коэффициентов умственной способности (см. Pearson, Ierkes-Bridges, Woolley). Наряду с индивидуальными тестами, требующими длительной и кропотливой работы над каждым исследуемым, в самое последнее время стали применяться и групповые тесты. Первое массовое применение их имело место при психологическом исследовании американских призывных в 1916 г. при вступлении в ряды армии *).

Применение тестов для исследования умственного развития открыло совершенно новый взгляд на явления преступности. Оно показало самую тесную связь, существующую между преступностью и умственной дефективностью, и установило, что преступность есть лишь одно из проявлений неспособности надлежаще приспособиться к требованиям социальной жизни вследствие умственной слабости на ряду с другими антисоциальными формами: паразитизмом, проституцией, алкоголизмом и др. Не касаясь результатов умственного исследования взрослых преступников, отчасти собранных мною в другой работе **), укажу только на некоторые данные относительно несовершеннолетних правонарушителей.

Процент выявленного числа умственно слабых детей на основании мно-

*) См. мою работу «Евгеника и умственная дефективность», находящуюся ныне в печати.

**) См. мою статью «Новые течения по вопросу о выделении умственно-дефективных преступников. Вестник психологии за 1914 г. № 4.

точисленных психологических обследований, произведенных за последние годы в Америке, весьма значителен. Для удобства обозрения мы сводим эти данные в таблицы, указывая учреждение, воспитанники которого были обследованы, лицо, стоявшее во главе работы и опубликовавшее ее результаты, число обследованных случаев и, наконец, процент умственно-слабых, введенный в результате обследования. Наши данные мы разобьем на несколько групп по типу учреждений *).

I. Исправительно-воспитательные учреждения.

Название учреждения.	Лицо, производившее обследование.	Число случаев.	Процент умствен. слабых.
Земледельческая колония в Беркшайре для мальчиков.	Clinton Mc. Cord.	150	35
Калифорнский государственный приют для мальчиков.	Howell Williams.	215	32
Государственная воспитательная школа для девочек в Иллинойсе.	L. and G. Orahl.	432	22
Престонская ремесленная школа для девочек в Калифорнии.	Fred. H. Allen.	382	36,4
Государствен. ремесленная школа для девочек в Калифорнии.	Ada C. Bowler.	75	34
Государствен. ремесленная школа для девочек Гудсон, шт. Нью-Иорк.	E. D. Bridgeford.	—	50
Фультонская исправительная школа для мальчиков (Георгия).	Nat. Committee for Mental Hygiene.	—	24,1
Ремесленная школа для девочек в шт. Георгия.	Nat. Committee for Mental Hygiene.	—	27
Приют для девочек в шт. Индиана.	Committee en mental defectives.	185	27,5

II. Реформатории для юных преступников.

Наименование учреждения.	Лицо, производившее обследование.	Число обследов. случаев.	Процент умствен. слабых.
Нью-Иоркская женская реформатория в Бэдфорде.	Social Hygiene Laboratory.	335	31,9
Мужская реформатория в Массачузетсе.	G. G. Fernald.	1376	20,2
Женская реформатория в Массачузетсе.	Ed. R. Spaulding.	500	16 - 45
Реформатория штата Георгия.	Comm. for Mental Hygiene.	—	24

*) В основу приводимых таблиц положены данные V. Anderson (Mental disease and delinquency. N. Y. 1919), значительно дополненные нами из других позднейших источников.

Мы видим, таким образом, что американские исследования дают от 20 до 35% умственно-слабых среди воспитанников исправительных школ и реформаторий. Однако, вскоре обнаружилось, что процент этот приходится признать несколько повышенным.

Колебания процента во многом зависели от характера применяемых тестов, от коэффициента развития и того возраста, который принимался за показательный для установления грани между нормальным и отсталым малолетним. Обычно таким возрастом признавалось 11½ — 12 лет. Между тем, массовое обследование рекрутов, призванных на войну в 1916—1918 г.г., охватившее свыше полумиллиона случаев мужского населения в возрасте между 18 и 40 годами, показало, что средним возрастом умственнго развития вступавших в армию был возраст 13,4 лет; так что прежняя грань должна быть признана чрезмерно высокой. Данные умственного обследования новобранцев доставили вообще отсутствовавший доселе средний масштаб. Из исследований, произведенных позднее, уже с учетом этого нового обстоятельства, укажем два. Исследование **Calvine P. Stone** относительно 399 заключенных мужской реформатории штата Индианы (1921 г.) *), которое определяет средний умственный возраст:

среди призванных в армию в	13,4 года.
среди воспитанников реформатории—белых . . .	12,6 »
среди цветнокожих воспитанников.	11,0 »

Процент таких, умственное развитие которых было ниже 9 лет, среди призывавшихся в армию равнялся 4,1; среди воспитанников реформатории: белых—3,03; цветнокожих—6,0%; для возраста ниже 10 лет соответственные процентные отношения уже дают 13,6, 9,03 и 28%. Майнер, применивший 9-летний возраст как пограничный к 299 белым и 100 цветнокожим заключенным реформатории Массачузетса, получил 4% слабоумных среди первых и 8% среди вторых. Исследование **C. L. Pressy** относительно детей школьного возраста 16—18 лет, с одной стороны, и воспитанниц Индианской школы для морально-дефективных девочек показало, что в то время, как среди первых 88% достигли умственного развития выше 13 лет, среди вторых число это равно всего 31% **).

Приведенные данные о проценте умственно-отсталых среди морально-дефективных подростков интересно дополнить немногими наблюдениями, сделанными в клиниках при детских судах. Нужно, впрочем, оговориться, что для обследования в клиники попадали по преимуществу случаи подозрительные по психическому состоянию, и потому процент психически дефективных вообще и умственно-отсталых в частности, должен был явиться сравнительно большим.

Д-р Healy из обследованных им 823 случаев в клинике при Чикагском детском суде устанавливает 455 случаев психической анормальности; из них

---

*) См. Journal of the American Institute of Criminal lau and criminology 1922.

**) Там же 1921—1922 passim.

218 случаев падают на различные степени умственной слабости (26%). По отдельным категориям они распределяются:

прирожденное слабоумие	11
умственная субнормальность	68
слабоумие (мороны)	87
имбециллики	5
тупость, главным образом вследствие физических причин и эпилепсии	37

Психопатическая лаборатория при Нью-Иоркском детском суде сообщает, что из 781 случая, обследованного ею, в 39,9% была установлена умственная слабость. Отчет Бостонской клиники дает 23% слабоумных среди обследованных детей. Наконец, среди клиентов детского суда в штате Георгия установлено 17% слабоумных.

Не придавая особого значения точной цифре процента, которая естественно, зависит от качества материала, национальных особенностей, применяемых методов исследования и пр., нельзя, однако, не указать, что все исследования указывают на громадную роль, которую играет умственная дефективность в этиологии детских и юношеских правонарушений. В соответствии с этим, вместо позднего и зачастую уже безуспешного исправительного перевоспитания таких несовершеннолетних, рекомендуется обязательное психологическое освидетельствование детей в раннем возрасте с целью выделения умственно-слабых; установление для них особой системы публичной опеки, создание особых вспомогательных школ, где бы они могли получить образование, соответствующее их слабым способностям, устройство особых приютов и колоний для содержания слабоумных детей, нуждающихся в постоянной охране, и приспособление к простейшим видам профессионального труда тех из них, которые не требуют закрытого режима. Умственная слабость, таким образом, становится одним из наиболее ярких показателей будущей делинквентности человека, и в практике судов для малолетних все тверже и тверже укореняется убеждение в том, что не должно быть выносимо ни одно решение относительно меры воздействия на малолетних до того, пока в распоряжении суда не будет точных данных, собранных психологом-обследователем, относительно степени умственного развития и умственных способностей подростка *).

*) Значительным процентом умственно-слабых об'ясняется и большое количество среди несовершеннолетних и взрослых преступников лиц, оставивших школу и незакончивших начального образования. Гернет (Моральная статистика, стр. 118) приводит следующие факты. По данным итальянских исправительно-воспитательных учреждений 44% воспитанников не имели никакого образования и 52% имели его в недостаточном размере. По отчетам Московского Рукавишниковского приюта около половины всех воспитанников вышли из первого класса школы. Интересными являются данные недавнего Нью-Иоркского обследования тюремных заключенных. Из 1515 заключенных 175 никогда не посещали школы, 891 не закончили начального образования, что дает свыше 62% с недостаточным образованием. Интересно распределение по успехам, проявляемым в школе. Приблизительно 2% общего числа заключенных шли в школе на год или два впереди своего возраста, около 20% переходили в следующие классы соответвтвенно нормальному возрасту, остальные 68% шли с запозданием; из них 57% запаздывало на два года, 42,9%—на три года и более и т. д. вплоть до запоздания до 10 лет,

Изучение эмоциональных особенностей малолетнего должно составить одну из важнейших сторон исследования юношеской преступности, так как эмоции не только составляют основу нашего практического поведения, но и окрашивают определенным образом весь круг наших умственных понятий и представлений. Тот, кто не учитывает особенностей эмоциональной жизни, кто не выделяет роли аффектов в поведении несовершеннолетнего, тот неспособен надлежаще понять и психологии преступного поведения. К сожалению, исследование этой стороны в поведении малолетнего только начинается. Психоаналитический метод Фреуда дает в наше распоряжение мощное средство распознавания психических конфликтов и депрессий, длительно нарушающих строй нормальной эмоциональной жизни, и их постепенного излечения посредством методов вытеснения и сублимации. Тяжелая семейная обстановка, подсознательное действие половых инстинктов, испытанные в ранние годы, психические потрясения и пр., накладывают длительную печать на эмоциональную жизнь и приводят к развитию психо-неврозов, в особенности истерии и эпилепсии. Фреудовский метод и его усовершенствования не идут, однако, пока далее установления отдельных психических типов и не допускают приемов точного измерения. Этот метод дает богатый материал для клинического и лабораторного исследования, он позволяет строить план психотерапевтического воздействия, но он еще трудно используем для социального исследования. Причины эмоционально-психических конфликтов обычно скрыты глубоко в подсознательной сфере малолетнего. Поэтому судье или комиссии необходимо в таких случаях прибегать к помощи опытного специалиста-психоанализатора. Приведем, со слов д-ра Хили **), список тех более часто наблюдавшихся причин умственных конфликтов, которые влекли за собой состояние депрессии или эмоционального надлома. Он сводит их к следующим:

1) Неизвестность для ребенка его происхождения является часто обильным источником глубоко коренящегося эмоционального расстройства, и реакцией на это, как часто наблюдается, служит вступление на путь преступной жизни. Такие же формы может приобрести и реакция на чувство ревности по отношению к отчиму или мачехе.

2) Обманы и ложь со стороны тех, которым ребенок склонен наиболее доверять, являются другой причиной глубокого эмоционального и морального надлома.

3) Различные особенности половой жизни, сами по себе оказывающие на эмоциональный уклад всех человеческих взглядов и опыта наиболее сильное влияние, естественно, вместе с тем являются и наиболее частой причиной душевного конфликта. Особенно важно отметить, что вовсе не всегда именно раннее пробуждение половых инстинктов или физическая чувственность вы-

---

которое давало 9,1%. Сопоставляя этот процент с средним процентом отставания в школах (определяемым в Нью-Иорке около 30%), авторы исследования выводят следующее положение: мальчик, отстающий по своему возрасту в школе, имеет в восемь раз больше шансов попасть в тюрьму, чем нормально переходящий из класса в класс. Значительная часть, незакончивших образования заключенных (34,6%) явились исключенными из школы. См. Report of the Prison survey Commitee. State of New Jork. Albany. 1920. p. 220-229.

) **Healy, цит. соч. стр. 356—357.

зывают в юные годы нарушение эмоционального равновесия. Скорее причиною тому служат чисто интеллектуальные представления предметов и отношений из области половой жизни, окутанных тайной, разоблачение которой произошло случайно. Ребенок чувствует потребность реагировать на полученные впечатления или знания и вместе с тем, внутренняя стыдливость стесняет его свободу высказывания по отношению к тем, которых он обычно посвящал в свою внутреннюю жизнь. Ему приходится бороться одному, не спрашивая авторитетного мнения родителей или старших по этому таинственному для него вопросу. Эта таинственность и способна в большой мере создавать сильные потрясения и сильные реакции.

4) Чувствительные и тонкие натуры легко впадают в умственное и моральное замешательство вследствие жестокого обращения или ложных обвинений со стороны родителей, близких, друзей. Такие случаи нередки.

5) Глубоко скрытые эмоции бессознательно ищут себе реакции в форме совершения правонарушений и в ряде других не менее распространенных случаях. Так особенно часто встречается тоска по родному дому, толкающая на побеги и совершения ради этого имущественных преступлений. Заикание, приводящее к чувству крайнего стеснения в обществе или школе и к чрезмерному развитию боязливости и стыда, резко нарушает эмоциональную жизнь; результатом этого часто является мстительное отношение к обществу.

Приведенные случаи играют, конечно, только роль примеров. Те черты, которые мы называем «характером» человека и которые выражаются в виде крайнего упорства или легкомысленности, чрезмерной чувствительности или крайней невосприимчивости и тупости к чужим переживаниям, легкой внушаемости или крайней самоуверенности, крайней лени или особой порывистости, злобности или чрезмерного сантиментализми, гиперфантастичности (чрезмерно повышенной фантазии) или эмоциональной вялости и апатии—в большинстве случаев коренятся в особенностях эмоциональной жизни, определяемых опытом прошлого или пережитыми умственными конфликтами в раннем детстве или в юношеские годы. Правильный диагноз их важен не только для педагога, но и для криминалиста.

Нарушения психического равновесия в детском и юношеском возрасте наблюдаются часто и в области волевой или импульсивной. При нормальном умственном развитии и даже при достаточно стойкой эмоциональной психике, порою встречается доходящая до болезненности склонность к совершению определенных поступков, принимающих часто антисоциальный характер. В основе этих дефектов, если исключить явно выраженные формы душевной болезни, лежат отдельные виды психозов, истерия, травматические неврозы, умственная слабость, особая нервозность или конституциоиная слабость, нередко аномалии в области половой сферы. Все эти дефекты, повидимому, сказываются в волевой сфере, порождая особую неустойчивость и слабую сопротивляемость по отношению к одному какому-нибудь типу поступков. Более часто встречающимися формами такой импульсивной антисоциальной склонности являются: патологическая ложь, клептомания, страсть к бродяжничеству, склонность к самоубийству, симуляции, склонность к поджигательству и пр.

Патологическая ложь у детей, выражающаяся часто в форме ложных обвинений (напр., в посягательстве на их половую неприкосновенность, в

жестоком обращении, в истязаниях), обычно проявляется не в форме отдельных случайных поступков, а в виде упорной, продолжающейся порою ряд лет, склонности к изобретению фантастических историй и сообщений, являющихся продуктом болезненной фантазии, в которые они сами легко начинают верить. Такие малолетние выступают на суде в качестве обвинителей или свидетелей, обращаются с жалобами в различные учреждения, распространяют среди окружающих мнимые факты, могущие подвергнуть серьезной опасности тех лиц, против которых они направлены. Очень часто обвинения направлены против отца, матери или близких к малолетнему лиц. Порою эти лживые истории изобретаются как психическая компенсация (по терминологии Фрейда) за испытанную в доме неприятность или за сознаваемые собственные провинности для внутреннего их оправдания. Так в ряду случаев установлено, что к такой лжи особенно склонны дети, бежавшие из родительского дома, девочки, занимающиеся проституцией, мальчики, совершающие кражи. Почти всегда наблюдаются у таких детей плохая наследственность и дурные окружающие условия, повлиявшие на слабость этического сознания недопустимости подобного рода лжи. В настоящее время это явление патологической лживости исследовано рядом авторов, установивших и ряд методов для ее распознавания *).

Клептомания или патологическая наклонность к воровству коренится в тех же свойствах, как и патологическая лживость. Она характеризуется внешним образом несоответствием между общим состоянием и поведением малолетнего и этой его склонностью. Ребенок, живущий в условиях хорошей семьи, ведущий себя в других отношениях вполне удовлетворительно, испытывает сильное стремление к похищению определенных предметов, обладание которыми для него порою совершенно не нужно и которые он мог бы получить законным путем. В этих его действиях отсутствует какая-либо разумная цель, он сам действует по смутному влечению воли, не считающейся с разумом. Подобные случаи часто наблюдаются у девочек при начале или задержке менструаций (см. выше), у мальчиков при наличности слабоумия, склонности к эпилепсии, психических конфликтов. Повидимому, здесь действуют подсознательные мотивы, с которыми сам малолетний не в состоянии бороться силами своей сознательной воли. Такие дети испытывают после сильное раскаяние, но это не мешает им совершать такие проступки повторно. Эта болезненная склонность поддается воздействию только путем общего лечебного воздействия.

Склонность к поджогам (пиромания) представляет другую разновидность болезненной импульсивности. К ней лишь присоединяется часто приятное возбуждение, испытываемое от картины пожара или вызванного им переполоха**). Подобные действия зачастую являются и реакцией при наличности умственного конфликта или эмоциональной аберрации. Характерной особенностью клептомании и пиромании является испытываемое удовольствие от

*) Vogt. «Jugendliche Lügnerinnen» 1910. Wenat. Zur Kasuistik der pseudologia phantastika» Ztschr. f. Psychiatrie B. 68 Heft 4. W. Healy. Patological lying. 1921.

**) Monkemüller. Zur Psychopathologie des Brandstifters. Archiv f. Kriminalistik B. 48. H. 3—4.

совершения поступка тайком, незаметно для окружающих. Обстановка тайны прежде всего и порождает болезненный импульс.

Наклонность к самоубийству у детей была предметом ряда исследований, и мы, чтобы не расширять нашей темы, на ней не станем останавливаться, упомянув лишь, что болезненным склонностям здесь также отводится первое место *). Симуляция у детей служит часто средством вызвать к себе сострадание окружающих, сделать себя центром особого внимания и тем как бы компенсировать какое-либо подсознательное эмоциональное переживание. Ребенок симулирует физические страдания, эпилептические припадки, порою душевную болезнь, не сознавая часто той цели, для которой это делается. О склонности к бродяжничеству в юношеском возрасте мы уже говорили: она продукт повышенной страсти к приключениям, могущей приобретать и болезненный оттенок**).

На-ряду с рассмотренными отклонениями от нормального типа в умственной, эмоциональной и волевой сфере, мы встречаемся при изучении личности малолетних правонарушителей с довольно значительной группой лиц, страдающих ясно выраженными формами душевных заболеваний: dementia precux, paresis, паранойей или прогрессивным параличем, травматическими и хореическими психозами, маниакальным депрессивным состоянием, тяжкими формами истерии и пр. Изучение всех этих патологических состояний психики составляет предмет специального отдела психопатологии, посвященного изложению картины психических заболеваний в детском и юношеском возрасте. Не станем здесь входить в характеристику этих состояний, знакомство с которыми весьма важно для криминалиста, ограничимся только указанием на сравнительно частое проявление их у малолетних правонарушителей. Пропорциональное отношение психически анормальных несовершеннолетних среди юных правонарушителей во много раз превышает среднее отношение их в населении и это доказывает, что патологическая психика чаще всего находила свое проявление именно в антисоциальном поведении. Процент психически-анормальных определяется различными исследователями несколько различно в зависимости от материала, с которым им приходилось иметь дело. Приведем лишь несколько данных, полученных новейшими исследованиями.

Груле ***), исследовавший 105 малолетних в учреждении для беспризорных детей в Флегинтепе, определяет, что лишь 45% детей являются физически здоровыми и психически нормальными, хотя в отдельных случаях и наблюдались у них некоторые физические аномалии. Напротив того, 55% проявляют различные формы психической анормальности. Из них 26% стоят в психическом отношении ниже среднего уровня. Они распадаются: 9% детей атипических, страдающих периодическими припадками (головными болями, бессон-

*) Preal. La suicide chez enfants. 1900. Gervai. Jugendliche Verbrecher. 1914. p. 37-42.

**) Joffroy et Dupouy. Vagabondage. Paris. 1909. Willmanns. Zur Psychopatologie des Landstrüchers. 1906.

***) Gruhle. Die Ursachen der jugendlichen Verwahrlosung und Kriminalität. Berlin 1912.

пищей, легкими головокружениями, обмороками, неврастеническими явлениями); 17% обладают неровным характером вследствие чрезмерного развития какого-либо отдельного психического свойства (активность на ряду с грубостью, жестокостью, насильственностью, хитростью или, напротив того, медлительность, леность, слабая сопротивляемость по отношению к соблазнам). Из остальных 29% (31 малолетнего), которых следует отнести в группу патологических характеров,—6 обладают истерическим характером, 16 являются слабоумными от рождения, 3 являются эпилептиками, проявляющими также признаки умственной слабости, 2 имеют наклонность к эпилепсии (эпилептоиды), 2 являются душевно-больными эпилептиками, 1—псевдологистом (страдает патологической склонностью ко лжи) и 1—страдает тяжкой формой психоза.

Менкемоллер *), исследовавший в психическом отношении 373 воспитанника ганноверских приютов, устанавливает среди них 37% психически дефективных. Из них в 133 случаях установлена имбецильность, в 36—умственная слабость, в 7—идиотия, в 9—эпилепсия, в 7—истерия, в 8—тяжелая нервозность, в 5— признаки психического вырождения, и в 4—травматические диатезы; у остальных 7-ми наблюдались различные формы dementia.

Значительно больше данных дают американские исследователи. Так данные Психопатической лаборатории при детском суде в Нью-Йорке указывают, что из 781 обследованных случаев за 1917 год в 39,9% установлено слабоумие, в 23,9% психопатическая конституция и в 5,4%—душевная болезнь **). Д-р Healy, на основании данных психопатической лаборатории при детском суде в Чикаго вывел, что из 823 случаев в 455 наблюдены были психические дефекты. Из них около 26% падало на различные формы умственной дефективности, 13% на эпилепсию, 4% истерию, 18 проц. на психозы, 5 проц. на конституционную слабость, остальные же на особые психические дефективные наклонности ***).

Обследование 1.000 малолетних правонарушителей, произведенное психопатической клиникой при муниципальном суде в г. Бостоне, показало: 23 проц. слабоумных, 10,4 проц. психопатичных, 3 проц. эпилептиков и 9 проц. душевно-больных. Из 1.000 чел., таким образом, 456 проявляли анормальные психические и нервные особенности ****).

Одной из главных причин, способствующих такому значительному развитию душевных заболеваний среди молодежи, является широко развитый алкоголизм. Начальник Эльмайрской реформатории Франк Христиан в своей

---

*) Mönkemüller. Geistesstörung und Verbrechen im Kindesalter. Berlin 1900. Derselbe. Zur Kriminalität des Kindesalters. Archiv f. Kriminal anthropologie B. 40.

**) H. Montague. Report of the psychopathie clinic of the Children's Court. N. J. 1918.

***) Mental clinics in the courts. Mental factors in delinquency. National Committee for mental hygiene. 1920.

****) W. Healy. The individual delinquent. Boston 1915.

интересной брошюре *) указывает, что из 26.000 юных преступников, помещенных в эту реформаторию за ряд лет, более 13,000 т.-е. 51 проц. были длительно подвержены алкоголизму, а общий процент установленной психической субнормальности среди воспитанников реформатории им определяется в 42 проц. Произведенное в 1916 году обследование 700 заключенных той же реформатории показало, что около 200 человек проявляли ярко выраженную склонность к алкоголизму, при чем большинство сами указывали на связь между совершенным ими преступлением и алкоголизмом. Д-р Спаулдинг, произведший аналогичное исследование в Конкордской реформатории штата Массачузетс, отмечает, что из 245 умственно-слабых и эпилептиков склонность к алкоголизму была установлена в 38% случаев, а из числа остальных 423 заключенных предшествующий алкоголизм был установлен в 34% случаев **).

Специальная комиссия по изучению дефективных классов в Массачузетсе, опубликовавшая в 1911 г. свой отчет ***), констатирует, что, приблизительно от 25 до 30% всех душевных заболеваний в штате обязаны своим происхождением алкоголизму. В Нью-Иорке этот процент определяется в 29%, в Англии—в 26%.

На ряду с алкоголизмом громадную роль играет и сифилис. По американским исследованиям сифилис как фактор душевной болезни установлен в 14—20% душевных заболеваний у мужчин и 3—4% у женщин. Некоторые виды душевных заболеваний (парезис, паранойя) дают до 85% сифилиса в истории болезни.

Громадную роль, конечно, играет и наследственность. Некоторые исследования определяют процент влияния наследственных факторов в душевной болезни в 30 и в 40%. Но эта область слишком еще не разработана и рассмотрение соответствующих данных требовало бы самостоятельной работы ****).

Д-р Глюк, исследовавший психическое состояние 600 последовательных случаев преступников, направленных в Нью-Иоркскую тюрьму Синг-Синг в 1918 г., выделил группу в 98 психопатических случаев, при чем определил влияние на появление и развитие болезни наследственных факторов в 49% случаев, проявление определенных психопатологических склонностей в детстве, усиленных беспризорностью, алкоголизмом, бродяжничеством—в 52%. В 32% им было установлено чрезмерное потребление алкоголя, в 8%—пристрастие к наркотикам, в 22%—заражение сифилисом и в 12%—половая извращенность или разнузданность. Из этой группы 58% в юности прошли по

---

*) Frank L. Christian. The Inter-Relation of Alcoholism, Defectiveness and Delinquency. Albany. State Probation Commission, 1917.

**) E. Spaulding. Iuherisance as a factor in criminality 1914.

***) Report of the Commission en the Increase of criminals, mental defective epileptics and degenerates. Boston 1911.

****) См. мою работу «Новая мера борьбы с преступностью и вырождением», напечатанную в журн. Русская Мысль за 1913 г., а также цит. работу. «К вопросу о выделении умственно-дефективных преступников». Вест. Психологии 1914 г. № 4.

одному или нескольку раз через реформатории *). Исследования детской клиники при Нью-Йоркском суде дают из 781 случаев 301 случай с неблагоприятной наследственностью. Из них в 61 случае был установлен у родителей или восходящих туберкулез, в 250—алкоголизм, в 87—душевная болезнь, в 36—слабоумие и эпилепсия**).

Не станем умножать наших иллюстраций. Приведенных достаточно, чтобы заключить о необходимости тщательной психопатологической экспертизы во всех случаях более серьезных и упорных правонарушений несовершеннолетних. Эта мысль прочно усвоена новейшими течениями и создание особых психопатологических клиник, лабораторий и институтов при судах для несовершеннолетних и при учреждениях для принудительного воспитания детей в настоящее время прогрессирует в ряде стран ***).

Только углубляя изучение индивидуальных факторов, покоящееся на широком основании научных данных, добытых психологией и психопатологией детского и юношеского возраста, мы можем приблизиться к правильному отношению к каждому случаю детской дефективности и преступности. Метод такого изучения позволит нам индивидуализировать каждый случай и своевременно поставленным диагнозом с применением соответствующих медико-педагогических мер предотвратить превращение дефективного малолетнего в взрослого упорного преступника-рецедивиста, против которого бессильными окажутся и самые строгие наказания. Изучение индивидуальных факторов приводит нас близко и к наиболее больному вопросу в области борьбы с преступностью несовершеннолетних—к вопросу о раннем рецидивизме. Ему мы посвящаем особую главу.

ГЛАВА VI.

Ранний рецидивизм.

Если изучение влияния отдельных факторов на детскую и юношескую преступность вообще дает нам возможность проследить, под влиянием каких условий малолетний становится на путь правонарушений и как постепенно в нем начинают укрепляться привычки к преступной жизни, то изучение явлений раннего рецидивизма сталкивает нас с уже сложившейся в большинстве случаев антисоциальностью подростка, трудно поддающейся устранению. Не всякое повторное правонарушение создает рецидивизм в смысле такого состояния. В этом отношении формально-юридическая точка зрения часто не совпадает с точкой зрения социально-криминалистической. Мы можем отнести в группу рецидивистов только таких повторных нарушителей уголовного закона, у которых приобретенные и укоренившиеся наклонности уже сами по себе становятся побудительным стимулом к совершению дальнейших преступлений. Рецидивист в таком смысле означает человека, находящегося в социально-опасном состоянии, и этим об'ясняется необходимость особого вы-

*) Bernard Glueck Director, Psychiatric clinic, Sing-Sing Prison «Concerning prisoners». 1919.

**) Report of the psychopathic clinic of the children's court for the year 1917. N. J. 1918.

***) Об этом см. ниже гл. IV следующей части.

деления этой категории и применения к ней особых мер предупреждения, перевоспитания и наказания или социальной защиты.

Значение рецидива в раннем возрасте может быть показательным в двояком отношении. С одной стороны, период детства и юношества особенно благоприятен для укоренения таких антисоциальных привычек, которые с достижением более старшего возраста делают человека упорным рецидивистом. С другой стороны, проявление рецидивизма уже в юном возрасте служит показателем необходимости принятия наиболее энергичных мер в видах коренного исправления подростка и свидетельствует о безуспешности мер ранее применявшихся.

Уже давно было замечено, что наиболее частым возрастом, в который формируется значительное большинство профессиональных преступников, является возраст юношества. В Англии уже на конференции исправительных заведений в 1861 г. Клей отмечал, что 58% преступников проявляют первые морально-дефективные наклонности в возрасте до 15 лет, 14% становятся такими в период между 15 и 16 годами, а что к 19—20 годам антисоциальные тенденции успевают проявиться почти у всех. Эллиот на конференции в Бермингаме в 1863 г. указал, что из 1000 обследованных им преступников 395 начали свою преступную карьеру, еще не достигнув 20 л., и что большинство профессиональных воров начинают заниматься своей профессией почти с младенческих лет *). Анкета среди заключенных в пяти больших английских тюрьмах, произведенная в 1906 г. по почину тюремного ведомства, обнаружила, что 43% заключенных (715 из 1661) совершили свое первое преступление в возрасте от 16 до 21 года. Сравнительно меньший процент здесь об'ясняется тем, что обследование коснулось всех элементов тюремного населения, среди которого всегда имеется много случайных преступников. Д-р Горинг, исследовавший в 1910 г. заключенных английских каторжных тюрем, в которые попадают в большинстве случаев уже рецидивисты, свидетельствует, что наиболее частым возрастом, в который соответственные лица начали свою преступную деятельность, явился возраст между 15—20 годами. Этот вывод покоится на исследовании первичных осуждений 2.204 тяжких преступников **).

Аналогичные, хотя и не столь широкие, исследования производились и в других странах. Так немецкий исследователь Матц, обследовавший тюремное население провинции Поммеры, указывает, что в 70% первое тюремное заключение было отбываемо преступниками в возрасте до 21 года ***). В Швеции Кинберг определяет соответственный возраст в 15—18 лет. Во всех случаях надлежит иметь в виду, что регистрируется обычно не столько время первого правонарушения, сколько время первого отбытия наказания, и потому возраст начала преступной карьеры должен был несколько понижен ****).

---

*) Morrison. Crime and its causes London 1891.

**) C. Goring. The englich convict. A statistical study. London 1913.

***) Matz. Unsere Jgendlichen. Monatschrift f. Kriminalpsychologie B. V. См. также Гернет. Моральная статистика 1922 стр. 109.

****) Аналогичные данные приводятся Е. Н. Тарновским и для России. Среди осужденных в 1913 году в десятый и более раз установлено, что 64% осуждены впервые до наступления совершеннолетия и 16% подверглось наказанию, еще не достигнув 14 лет. (см. ст. «Многократные рецидивисты»). Журн. Мин. Юст. 1915 г. № 2.

В литературе вопроса о рецидивизме можно найти ряд казуистических материалов по исследованию развития преступных наклонностей *) Не вдаваясь в анализ отдельных случаев, дадим лишь типическую форму развития раннего рецидивизма у несовершеннолетнего, не осложненную какими-либо психопатическими особенностями личности.

«Самые разнообразные обстоятельства,—писали мы в 1911 г.,—толкают юношу в этот период на путь преступности. Чаще всего домашние условия жизни оказываются крайне неблагоприятными. В беднейших классах населения чуть-чуть юноша может стать на свои ноги, от него стремятся освободиться как от лишнего рта, и он слишком рано познает вредные последствия самостоятельности. Неприглядная обстановка дома, в котором он вырос, алкоголизм и грубость родителей часто не оставляют в нем светлых воспоминаний, да и он сам не очень привязан к дому. Еще с раннего возраста он привык кормиться случайными уличными заработками, которые обеспечивали ему карманные расходы. И в дальнейшем случайный заработок он предпочитает регулярной работе. Под влиянием этого у него развивается беззаботность по отношению к завтрашнему дню и не вырабатывается привычки регулярного труда. Свой наиболее критический возраст половой зрелости он проводит в самых худших условиях уличной жизни и здесь быстро знакомится с развратом. Время идет и мальчик выростает в подростка 17—18 лет, не приученного ни к какой регулярной работе и перешедшего от случайных законных заработков к более рискованным, но зато и более обильным заработкам путем мелких краж, мошенничества и т. п. Знакомство с уголовным судом, полученное в первый раз, быть может за простую уличную выходку, рассеивает преувеличенные страхи перед наказанием и ближе сталкивает его с преступными элементами. При системе краткосрочных наказаний тюрьмой ему вскоре приходится испытать это наказание. После беспорядочной жизни на свободе он вовсе не находит тюрьму с ее размеренным режимом и известной чистотой жизни чем-то неприятным. Он находит даже своеобразное удовольствие в кратком отдыхе от забот о пропитании и от преследований полиции. При освобождении он получает обычно небольшую поддержку от общества патроната, быть может, ему даже находят работу, но не приученный к ней, он через несколько дней бросает ее и возвращается к старой жизни без определенного заработка. Развращающее влияние тюрьмы, между тем дает себя знать: создались новые знакомства и связи, усвоены воровские привычки и методы деятельности, усвоены способы обмануть бдительность полиции или потерпевших, и естественно, что новые осуждения не заставляют себя долго ждать». Так складывается тип юного рецидивиста в возрасте 15—18 лет, поскольку мы имеем дело с психически-нормальным субъектом. Патологические особенности усиливают и ускоряют этот процесс в том отношении, что сила сопротивляемости дурным влияниям является еще меньшей и неуравновешенные склонности, толкающие на преступление, проявляются еще резче. При слабоумии к этому присоединяется сознание не-

---

*) Russel and Rigby. The making of the criminai. London 1898. B. Gluck. Types of delinquent careers N. U. 1922. Healy the individual delinquent. 1915.

**) См. нашу книгу «Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии» П. 1911.

возможности получить регулярную работу и удержаться на ней. Д-р Хили, работу которого мы уже цитировали несколько раз, указывает, что значительное большинство обследованных им повторных правонарушителей находились в возрасте между 15 и 16-ю годами, и что уже в этом возрасте они представляли собою тип, довольно резко отличный от подростка-новичка на пути преступности.

Какие же факторы чаще всего толкают в раннем возрасте на преступную жизнь? Во всем ли виновата социальная среда или же значительная роль должна быть отведена и особенностям самой личности несовершеннолетнего, определяющим его особую восприимчивость к дурным социальным влияниям и наклонность к преступности? Мы позволим опереться здесь на исследование д-ра Хили и привести его анализ факторов раннего рецидивизма. Он излагает выводы, полученные на основании тщательного обследования 823 юных рецидивистов (560 мальчиков и 263 девочек) в возрасте 15—16 лет, прошедших чрез психиатрическую клинику при детском суде в Чикаго. Установленные им факторы разбиваются на две группы: главных (factormajor) и дополнительных (factorminor), отмечая число случаев проявления каждого из них.

Группы факторов.	Главный фактор.	Дополнительный фактор.	Общее число.
Умственные аномалии и особенности.	455	135	500
Психические конфликты	58	15	73
Неудовлетворительные домашние условия, включая алкоголизм родителей.	162	394	556
Дурные сексуальные привычки и опыт	46	146	192
Плохие товарищи	44	235	279
Ненормальные физические условия развития	40	233	273
Наследственные дефекты.	—	502	502
Дурные или неудовлетворенные склонности и интересы	16	93	109
Неудовлетворенные условия раннего развития.	—	214	214
Умственный шок.	—	3	3
Сознательный выбор	1	—	1
Побуждение родителей	1	—	1
Употребление наркотиков и алкоголя.	—	92	92
Опыт, полученный в тюрьме	—	15	15
Особые дефекты воспитания	—	20	20
Итого	823	2.097	2 920

В этой таблице интересно отметить, что наследственные дефекты и неблагоприятные условия развития в раннем детстве играют весьма существенную роль, однако, лишь в качестве дополнительного, а не главного фактора. В качестве основного фактора на первом месте стоят умственные аномалии и, прежде всего, умственная слабость, затем идут факторы социального порядка (плохие домашние условия, дурные товарищи и пр.), при чем

роль социальных факторов особенно велика в качестве факторов дополнительных при наличности тех или иных психических аномалий. Не маловажную роль в качестве фактора играет также опыт, полученный в тюрьме и дефекты воспитания. Случаев прямого склонения к преступности со стороны родителей крайне немного.

Основная группа в 455 малолетних, страдавших умственными аномалиями и особенностями, составляющая более 50% всех обследованных случаев распадалась, в свою очередь, на следующие подвиды:

	Господствующий фактор.	Дополнительный фактор.
1. Дефективные типы:		
Слабоумие от рождения	6	5
Умственная субнормальность	66	2
Слабоумные мороны	87	—
Слабоумные имбециллики	5	—
Тупость, порожденная физическими дефектами в том числе эпилепсией	28	5
Особые дефекты, в том числе недостаток самоконтроля	16	8
2. Аберративные типы:		
Эпилептоиды	60	3
Истерия	12	2
Психозы	80	1
3. Особые психические характеристики:		
Яркое проявление юношеской неустойчивости и неуравновешенности	30	61
Крайняя социальная внушаемость	9	6
Крайняя страсть к приключениям	5	5
Резкая сексуальность	6	10
Конститутивная недостаточность (истерические и психопатические типы)	20	2
Крайнее упрямство и преувеличенное развитие самомнения	8	3
Явные преступные склонности, не поддающиеся психологическому анализу	12	—
Крайняя леность, при хороших умственных и физических качествах	1	—
Чрезмерная чувствительность	2	1
Высокие умственные способности в связи с неудовлетворенными интересами	3	2
Навязчивые представления	1	5
Резко выраженные расовые характеристики	3	5
Итого	455	126

Из общего числа, таким образом, около 45% (192 случая в качестве главного фактора) падает на различные степени слабоумия. Отметим, что средним возрастом обследованных несовершеннолетних являлся возраст в $15\frac{1}{2}$ лет.

По данным Нью-Иоркской психопатической клиники при детском суде за 1917 г. из 781 исследованных случаев рецидивизм был установлен в 212, что составляет 27% *). Из этого числа 188 или 89% были мальчики и 24 или 11%—девочки. Все девочки-рецидивистки принадлежали к классу умственно-анормальных, что же касается мальчиков, то к ним относится громадное большинство. Отчет приводит следующую картину:

Формы психического дефекта.	Всего.	Мальчики.	Девочки.
Слабоумие	87	72	15
Умственная отсталость	57	56	1
Конститутивная психопатическая слабость	52	46	6
Психозы	9	7	2
Нормальная психика	7	7	—
Всего	212	188	24

Несмотря на эти цифры относительно числа психопатичных индивидов среди рецидивистов, мы можем с уверенностью сказать, что для образования юного рецидивиста в значительном большинстве случаев требуется комбинированное действие как факторов социальных, так и факторов индивидуальных и изучение каждого отдельного случая, поэтому, должно итти по обоим этим направлениям.

Насколько часто встречается рецидивизм в детском и юношеском возрасте, уже в определившейся форме? Ответ мы получим несколько различный в зависимости от того, каким статистическим материалом мы будем пользоваться.

По данным Петроградского детского суда, значительно неполным, как-то оговорено в отчетах, средний процент рецидива у мальчиков был равен 8,7%, если взять лишь прежнюю судимость в том же детском суде; предшествующая судимость в общих судах дает сравнительно ничтожный процент, как-то видно из следующей таблицы, представляющей средние цифры за 6-летие 1910—1915 г.

Прежняя судимость.	Мальчики. Средние числа.	Мальчики. Проценты.	Девочки. Средние числа.	Девочки. Проценты.
В Окружном суде	5	0,3	—	—
У участк. мировых судей	13	0,7	1	0,1
В детском суде	114	8,7	1	0,28

Таким образом, рецидив для девочек давал ничтожный процент, а для мальчиков 1% по отношению к судимости в общих судах и 8,7%—к судимости в детском суде. Но нужно принять во внимание сравнительно недолгий период регистрации судимости в детском суде и то, что эта статистика учитывает лишь рецидив до наступления 17 лет, о судимости же в более позднем возрасте сведений не имеется.

Значительно более высокую цифру дает московское обследование Гер-

*) W. Healy. The individual delinquent. p. 130—132.

нета и его учеников. Здесь учтены правонарушения несовершеннолетних не только по делам мировой подсудности, но и рассматривавшиеся в окружных судах, куда чаще всего попадают рецидивисты (так третья кража уже вызывала необходимость передачи дела в окружный суд). За вычетом 34,7% «неизвестных по судимости», на 1.708 несовершеннолетних осужденных оказалось 459 рецидивистов или 26,87%. Из них подавляющее большинство приходилось на мальчиков-подростков. В то время, как участие девочек в общей преступности несовершеннолетних выражалось в 10,77%, участие их в рецидиве составляло 6,75%. Наибольший процент рецидивистов давали преступления против собственности (до 30%), при чем кража со взломом—типическое преступление рецидивистов—давала 55,6%, а грабеж и разбой—40% рецидивистов *).

По данным наших воспитательно-исправительных отделений юные рецидивисты составляли до 51% всех помещаемых туда несовершеннолетних. В период 1911—1915 г. процент рецидивистов был:

Годы.	Помещено по приговорам судебных мест.	Из них привлечено в первый раз.	Процент повторных право нарушителей.
1911	1.401	688	51
1912	1.553	811	48
1913	2.012	865	57
1814	1.665	679	59
1915	1.785	1.063	40
Среднее за 5 лет	1.683	821	51

В исправительно-воспитательные заведения попадали у нас в прежние годы несовершеннолетние с проявлениями еще слабо укоренившейся моральной дефективности. Сложившихся рецидивистов большею частью поглощала тюрьма. Но все-таки процент повторных правонарушителей в составе воспитанников был в два раза больше, чем в составе осужденных малолетних.

В период после революции сколько-нибудь надежной статистики рецидива несовершеннолетних не велось. В. И. Куфаевым собраны данные о несовершеннолетних рецидивистах из практики ряда комиссий за 1921 год, но они далеко не являются полными и достаточно показательными **).

---

*) См. статью Я. Бермана. Рецидив в детской преступности в сборнике «Дети—преступники» М. 1910. Стр. 291 сл.

**) В. Куфаев оперировал с материалом в виде 5500 индивидуальных листков о несовершеннолетних, прошедших чрез комиссии в г. Москве и некоторых губернских центрах, среди которых он нашел 650 повторных правонарушителей, что составляет около 12%, Из них привлеченных по 2 раза было 264, по 3—130, по 4—61, по 5—32, от 6 до 10 раз—35 и свыше 10 раз—17. Самым частым повторным нарушением была кража, дававшая по Москве 62%, а по другим местам Республики—82%, затем по Москве идет спекуляция—17%, бродяжничество—7%, по провинциальным же комиссиям «дурное поведение», давшее 8,7%. Из 635 юных рецидивистов, семейное положение которых было известно, только 195 имели обоих родителей, имели только отца—53, только мать—204 и были сиротами—183, другими словами 69% являлись сиротами или полусиротами. Из 255 несовершеннолетних 154 или 60,5% жили на свой заработок. Почти половина повторных правонарушений совершалась единолично (57,7%), остальные были совершены по соучастию с несовершеннолетними (36,4%) или взрослыми (5,8%): См. В. Куфаев. Повторные правонарушения совершеннолетних. Журн. «Право и Жизнь» 1923 кн. 1.

Процент рецидива в послереволюционных условиях мы можем определить лишь приблизительно, на основании косвенных признаков. Прежде всего можно, исходя из опыта прошлого, принять, что около 50% несовершеннолетних, помещаемых в учреждения для морально-дефективных, являются рецидивистами. Затем громадное большинство несовершеннолетних, направляемых в народные суды, обычно является рецидивистами. Складывая обе эти цифры для Петрограда, мы получаем, приблизительно, около 11% в 1920 г. и около 13% рецидивистов в 1921 г. Конечно, исчисление это носит лишь приближенный характер.

Иностранные данные дают нам, приблизительно, такую же картину. Так практика берлинского детского суда за последние годы определяет процент рецидивистов в 13%. По германской имперской статистике несовершеннолетние в возрасте 12—14 лет дают от 7,6 до 8,3% повторных правонарушителей, а несовершеннолетние 12—18 лет 13—15%. Американское обследование практики нескольких крупнейших детских судов в 1911 г. дает для возраста до 12 лет 58% рецидивистов среди мальчиков, для возраста 12—14 лет—65% и для возраста 14—16 лет—60%; для девочек повторные правонарушения дают 20—30% *). Для французских воспитанников исправит.-воспитательных заведений Raux устанавливает 32% повторных правонарушителей. В Бельгии по статистике 1902—1903 г. процент раньше судившихся малолетних среди осужденных юных правонарушителей определяется в 12—13% для мальчиков и в 7—8% для девочек в возрасте до 18 лет.

В общем, говоря несколько грубо, каждый девятый или десятый малолетний, появляющийся в детском суде или комиссии, является повторным нарушителем уголовного закона, и от одной трети до одной половины помещаемых в учреждения принудительного воспитания попадают туда за повторные правонарушения.

Трудно обособлять проблему раннего рецидивизма от общей проблемы детской и юношеской беспризорности и преступности: она является лишь более развитой формой индивидуальной и социальной дефективности. Но эта сторона особенно должна быть учитываема при построении системы мер воздействия на несовершеннолетних. Невнимание к индивидуальным особенностям несовершеннолетнего, слабость и неорганизованность мер медико-педагогического воздействия, плохая постановка учреждений, куда помещаются юные правонарушители, и отсутствие достаточного надзора за ними после освобождения, плодят и развивают ранний рецидивизм. Особенное значение в этом отношении имеет раннее знакомство с атмосферой тюрьмы и общего суда. Вся система мер воздействия на несовершеннолетних должна быть построена, так, чтобы предупреждать рецидивизм. Правонарушение, совершенное малолетним, часто не столько опасно само по себе, сколько, как ступень на пути к рецидивизму. Рост рецидивизма является наиболее тревожным симптомом неудовлетворительности существующей системы мер воздействия. Нельзя воспитывать малолетнего в учреждении до возраста, близкого к совершеннолетию и после выпуска забыть об его существовании. Нужно вести вни-

*) Значительная высота этих цифр об'ясняется тем, что учитывались правонарушения детей, занятых в раннем возрасте наемным трудом.

мательное и дружеское наблюдение за ним до того вермени, когда он окрепнет в социальном отношении, хотя бы возраст совершеннолетия был уже достигнут. Этим последующим надзором меры, применяемые в отношении несовершеннолетних, отличаются от обычных мер наказания в отношении взрослых. В дальнейшем, в части, посвященной рассмотрению этих мер, мы более подробно остановимся на этом положении.

Отметим в заключение, что обычные справки о судимости и уголовные реестры едва ли уместны по отношению к несовершеннолетним. Но в отношении каждого несовершеннолетнего, дело, о котором рассматривалось в комиссии или суде, должен составляться особый биографический листок с включением в него подробных сведений о личности, воспитании, социальной обстановке малолетнего и принятых в отношении его мерах. Эти биографические листки должны храниться не только в отдельных комиссиях или судах, но и регистрироваться в центральном учреждении. Данные их никогда не должны быть оглашаемы в публичных заседаниях или сообщаемы частным лицам, но могут привлекаться для информации органов, которым предстоит решать вопрос о применении к несовершеннолетнему тех или иных мер социальной помощи, перевоспитания, лечения или воздействия.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОРГАНЫ БОРЬБЫ.

ГЛАВА I.

Особые суды для несовершеннолетних.

Значительнейшим этапом в развитии всего дела борьбы с преступностью среди детей и подростков явилось повсеместное развитие особых судов для несовершеннолетних. Идея эта зародилась в самом конце XIX века в Сев. Америке и в течение одного десятилетия XX века завоевала весь культурный мир. Хронологически развитие этого учреждения в отдельных государствах можно представить в следующей таблице:

ВНЕЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ.

1. Северо-Американские Соединенные Штаты—первый суд для несовершеннолетних образован в Чикаго 21 апреля 1899 г. К 1920 г. это учреждение существует уже во всех штатах на основании специальных законов для каждого штата.

2. Канада—законом 20 июля 1908 г. особые суды введены во всех штатах.

3. Австралия—особым законом 1 октября 1905 г. особые суды введены в Новом Южном Уельсе, а позднее во всех штатах Австралийской федерации.

4. Новая Зеландия—закон 25 октября 1906 г.

5. Египет—с 1905 г. установлены посредством административного распоряжения особые заседания для слушания дел о несовершеннолетних.

6. Алжир—суды для несовершеннолетних введены по общефранцузскому закону от 22 июля 1912 г.

СТРАНЫ ЕВРОПЫ.

7. Великобритания—первый суд для несовершеннолетних учрежден в Бирмингаме 13 апреля 1905 г. Актом о детях от 21 декабря 1908 г. это учреждение введено во всей Великобритании.

8. Бельгия—детский суд введен повсеместно законом о детях от 15 мая 1912 г.

9. Франция—закон 22 июля 1912 г. ввел суды для несовершеннолетних во всей стране.

10. Португалия—закон 27 мая 1911 г.

11. Венгрия—закон 31 марта 1913 г.

12. Германия—первый суд возник во Франкфурте 1 января 1908 г. В 1913 г. внесен в Рейхстаг проект общеимперского закона о судах для несовершеннолетних в 1920 г., в переработанном виде представлен республиканскому Рейхстагу и с 1 июля 1923 г. вступил в действие в качестве общеимперского закона.

13. Италия—с 1908 г. циркуляром министра введена специализация производства дел о малолетних в общих судах. С 1915 г. во всей стране введены особые суды для несовершеннолетних.

14. Австрия—с 1907 г. введена специализация дел о несовершеннолетних. Первый правительственный проект об особых судах внесен в 1907 г. Законом 25 января 1919 г. в Австрии введены повсеместно суды для несовершеннолетних по германскому типу.

15. В Швейцарии суды для несовершеннолетних введены в ряде кантонов, начиная с 1911 г.

16. Испания—в 1911 г. правительством составлен проект введения особых судов.

17. Россия—первый суд для несовершеннолетних в Петербурге открыт 22 января 1910 г. Ко времени октябрьской революции особые суды существовали: в Петрограде, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Варшаве, Либаве, Риге, Томске, Саратове. Временным Правительством был составлен общий проект о попечительных судах для малолетних в 1917 г.

Уже из одного приведенного перечня видно, как широко раскинулось это новое учреждение. Сначала, в первое десятилетие XX века, оно пробивало себе путь посредством административной и судебной практики; во второе десятилетие, после произведенных опытов, начинают издаваться один за другим законы о проведении особых судов на территории всей страны.

Не входя в изложение истории этого учреждения и причин, вызвавших столь быстрый успех его, чему уже посвящен ряд работ в русской литературе *), довольно значительной по этому вопросу, характеризую лишь вкратце его сущность. Суды для несовершеннолетних явились результатом продолжительного и имеющего глубокие корни в потребностях эпохи движения, направленного на улучшение физического и нравственного состояния подростков, беспризорных и впавших в преступность. В основе их лежит мысль о создании особого центра, знакомого с особенностями детского возраста и принципами педагогики, в котором сосредоточивались бы все нити воздействия на таких несовершеннолетних и окружающую их среду. В своем развитии это учреждение прошло несколько последовательных стадий. Первоначально введение таких судов имело в виду специализацию дел о несовершеннолетних обвиняемых и некоторое упрощение формализма судебного производства. Издаваемые с этою целью правила и законы устанавливали необходимость слушания таких дел в особые дни и часы, в особых помещениях, отдельно от дел о взрослых, требовали, чтобы несовершеннолетние до суда не содержались в полицейских участках и тюрьмах и, наконец, чтобы ведал их особый,

*) См. наши работы: Суды для юношества в Америке и Западной Европе Журн. Мин. Юст. 1908 г. кн. 8, «Суды для несоверш. в России». Там же 1910, кн. 6. «Суды для несоверш. в Америке. Вестник Воспитания 1911, кн. 3 и 4. См. также А. Рубашева. Особые суды для несовершеннолетних. 1912 г. Е. Тарасова. Детский суд. 1913. Н. Окунев Особый суд для малолетних 1915.

специально для того подготовленный судья. С другой стороны, в целях упрощения производства и избежания дурного влияния на несовершеннолетнего формальной судебной процедуры, рекомендовалось негласное разбирательство этих дел, устранение формализма и замена его непринужденной беседой с несовершеннолетним, устранение суда присяжных, формального представительства сторон (обвинения и защиты) и пр. В такой постановке новая идея сводилась по преимуществу к реформе судебного и отчасти предварительного следствия по делам о несовершеннолетних и заключалась в ряде процессуальных изменений, осуществление которых зависело, главным образом, от гибкости соответственного судебного строя. В этих пределах ее удавалось провести часто путем одних административно-судебных мероприятий, без издания особых законов. В таком положении, например, было дело у нас, где благодаря возможностям, заложенным в законе 2 июня 1897 г., удалось создать специальное производство дел о несовершеннолетних в мировых судах, поскольку эти последние пошли навстречу новой идее. Возможность такой специализации в общих судебных установлениях (окружных судах и палатах) не была использована в виду крайнего консерватизма нашего старого ведомства юстиции.

Дальнейший этап состоял в развитии и укреплении попечительного надзора, осуществляемого особыми вспомогательными органами—probation officers, называвшимися у нас попечителями, а в настоящее время—обследователями-воспитателями. Не лишним будет сказать несколько слов о возникновении этой должности. Она возникла также на американской почве из слияния двух функций—специальных обследователей условий жизни бедных детей и особых органов надзора при испытании в период условного осуждения. Широко развившееся в Америке с середины 90-х годов т. н. settlement movement, движение в пользу лучшего устройства детей наиболее нуждающегося населения больших городов, создало значительные кадры подготовленных работников по обследованию жизни беспризорных детей и выработало определенные методы оказания помощи им. С другой стороны, уже с 80-х годов в практике отдельных штатов, применявших условное осуждение преимущественно к несовершеннолетним (раньше всего в Штате Массачузетс), установился обычай передачи условно-осужденного под наблюдение особых агентов—probation officers, которые следили за его поведением и оказывали ему дружественную помощь в трудных случаях. Должностные попечители, начавшие появляться почти с первых лет устройства особого суда для несовершеннолетних, об'единили в своем лице обе эти функции. Они должны были обследовать условия жизни каждого несовершеннолетнего, появляющегося в суде, по возможности изучать его личность и делать обо всем этом доклад судье. По рассмотрении дела (а порою и до такого рассмотрения) судья, если он считал возможным не помещать несовершеннолетнего в воспитательное учреждение, поручая его надзору того же попечителя, который вместе с тем оказывался наставником и воспитателем малолетнего на свободе. Так возник институт попечительского надзора probation, liberté surveillée, Schutzauffsicht, который в практике судов для несовершеннолетних явился самым частым и самым могущественным средством воздействия на несовершеннолетних, окончательно еще не впавших в преступность. Обязанности попечителей сначала выполнялись

добровольцами—отдельными гражданами, представителями благотворительных обществ и т. п., но с 1905 г. отдельные штаты Америки начинают переходить к практике назначения професиональных или должностных попечителей, получающих вознаграждение от государства или коммуны и всецело посвящающих себя этой работе. Нужные для того средства охотно были ассигнованы, так как польза и экономия от введения попечительского надзора для всех была ясна. В лице попечителей, таким образом, создались новые органы государства, расследующие дела о несовершеннолетних не с полицейской или следственной точки зрения, а с точки зрения нужд и интересов самого несовершеннолетнего; вмешательство же общей полиции в эти дела почти совершенно было устранено. С другой стороны, они показали всю целесообразность принятия мер исправления, не вырывая несовершеннолетнего из среды, в которой он живет, не помещая его в исправительно-воспитательное заведение, где он может подвергнуться еще худшим влияниям со стороны порочных товарищей, а оставляя его на свободе и действуя на него авторитетом и своевременно оказываемой помощью в трудных случаях. Попечители явились «отцом» и «правой рукою» детского суда и от деятельности их во многом зависел весь успех нового учреждения.

Уже с первых шагов деятельности суда для несовершеннолетних стало очевидным, что успех его зависит от степени сближения суда с различными общественными организациями, ставящими себе цель улучшения положения детей. Одно государство своими средствами не в состоянии решить «детского вопроса» во всей его сложности. С другой стороны, формы государственной помощи, если даже они развернуты широко, проникнуты известным однообразием, тогда, как это дело требует инициативы, индивидуального подхода, индивидуальной заботы. Эти последние свойства и отличают общественность по сравнению с государственностью в области оказания помощи детям. И, действительно, мы видим, что повсюду судья и попечители концентрируют вокруг нового учреждения общественные виды помощи. Общества защиты детей от жестокого обращения сообщают в суд о случаях моральной беспризорности детей, выступают с преследованиями против взрослых истязателей и развратителей несовершеннолетних, принимают под свое попечение детей, которых нежелательно оставлять в прежней семье. Общественные, по преимуществу женские, клубы организуют устройство детей, оставляемых на свободе под присмотром. Юношеские организации принимают на себя роль «старших братьев» и «сестер», помогая в деятельности должностным попечителям и работая под их руководством. Благотворительные приюты принимают к себе питомцев на воспитание по рекомендации судьи. Возникают специальные центральные организации благотворительных обществ (особенно развитые в Берлине и Вене), координирующие деятельность различных обществ в этом направлении и принимающие на себя выполнение функций по печительному надзору. Врачебные организации создают специальные клиники для изучения умственного и физического состояния детей-правонарушителей. Создаются тесные связи со школьными организациями, с агентами по обязательному образованию, с органами социального обеспечения и т. п. В связи с этим центр тяжести в деятельности судов для несовершеннолетних переносится не на установление мер ответственности подростка, а на применение подходящих мер социальной помощи. К этому

следует добавить, что часто, принимая ту или иную меру, судья не порывает связи с несовершеннолетними. Он вызывает их к себе в определенные дни для беседы и поучения или посещает учреждения, в которых они содержатся и за которыми он имеет право наблюдения. Таким образом, при посредстве должностных попечителей и общественных организаций, суд для несовершеннолетних постепенно превращался в воспитательный и социальный центр, сосредоточивающий в своих руках все нити воздействия на судьбу и воспитание подростка. Из европейских законодательств наиболее полно отразило такую форму новое итальянское законодательство, подчинившее контролю детского судьи деятельность всех общественно-благотворительных организаций местности.

Но этим не исчерпывается еще роль, которую играет суд для несовершеннолетних в жизни современного государства. В руках его начинают сосредоточиваться широкие полномочия по воздействию на различные условия окружающей несовершеннолетнего социальной среды, способствующие беспризорности и впадению в преступность малолетних. Уже при самом начале деятельности таких судов, им было предоставлено право лишения родителей и опекунов принадлежащей им власти над детьми в случае злоупотребления ею или систематической небрежности в ее осуществлении. В силу этих полномочий судья получил возможность возлагать на родителей и близких обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, по устранению различных вредно действующих на него условий (напр., переезд в другую часть города, отказ от эксплоатации труда ребенка, помещение его в школу, на работу и пр.). Он удалял из обстановки порочной семьи несовершеннолетних, подвергавшихся опасности развращения, и передавал заботу о них в более надежные руки. В дальнейшем судья получил право принудительно налагать на родителей обязанность регулярных денежных взносов на содержание ребенка, отнятого от них по определению суда и помещенного в приют или частную семью. Таким образом, лишение прав над ребенком еще не освобождает родителей от обязанности нести материальные жертвы по его воспитанию. Многими законодательствами создана специальная ответственность за поставление ребенка в такие условия, при которых его здоровье или нравственность подвергаются опасности, за способствование его преступности или безнравственному образу жизни. Самовольное оставление жены и детей без оказания им материальной помощи, также стало преследоваться в уголовном порядке. Различные меры ответственности обычно возлагаются на родителей не безусловно, а с условной отсрочкой, при чем дается возможность исправить упущение и тем самым устранить грозящую ответственность. На попечителя возлагается обязанность наблюдения за тем, насколько поставленное условие выполнено.

Но не только власть над родителями и опекунами, но и способы воздействия на посторонних для малолетнего лиц, могущих создавать моральную опасность для него, сосредоточиваются в руках судьи для несовершеннолетних. Он привлекает к ответственности и подвергает наказаниям лиц, продающих несовершеннолетним крепкие напитки, табак, огнестрельное оружие, допускающих детей на безнравственные зрелища, в притоны или питейные заведения, эксплоатирующих недозволенным образом их труд, склоняющих их к преступности, нищенству и т. д. Законодательство такого ха-

рактера за последние годы растет весьма быстро. Судья для малолетних наблюдает за тем, чтобы полиция и другие должностные лица не подвергали малолетнего содержанию в участках, общих тюрьмах и т. д., проверяя места заключения и привлекая виновных к ответственности.

При таких полномочиях суд для несовершеннолетних становится могущественным органом разностороннего воздействия на малолетнего и окружающую его среду, при чем решение вопроса о степени ответственности самого несовершеннолетнего является лишь одной, сравнительно небольшой частичкой его многосложных обязанностей. Из специализированного уголовного суда он превращается в публичный орган государственного попечения о несовершеннолетнем, действующий в судебном порядке. В странах англосаксонской культуры область отношений, подчиненных регулировке суда, значительно шире, чем в странах континентальной Европы. Многое из того, что составляет у нас и в Европе об'ект административной деятельности, там осуществляется в судебном порядке, и потому понятно, что суд для несовершеннолетних в Америке и Англии с'умел впитать в себя гораздо больше функций, чем в других странах. Все же и у нас в той форме, в какой этот суд создался в 1910 г. при мировом институте, задачей его являлось не только разбирательство дел о несовершеннолетних обвиняемых, но и суд над взрослыми правонарушителями, посягающими на права малолетних или дурно влияющих на них, и общий надзор за деятельностью лиц и учреждений, принимающих на себя заботу о малолетних. Но наш суд был лишен опекунских полномочий, права лишения родительской власти, принятия мер в отношении детей беспризорных. Значительно расширялся круг ведомства этого суда двумя проектами, составленными мною и Н. А. Окуневым в 1913 г.—«о мерах попечения над беспризорными малолетними и о лишении родительской власти» и «о судопроизводстве по делам о малолетних», которые затем легли в основание составленного при Временном Правительстве проекта «о попечительных судах для малолетних», в окончательной выработке которого приняли участие, кроме автора, А. А. Жижиленко, Н. А. Окунев, П. Г. Бельский, В. П. Ширков и М. Н. Гернет. В ведомство этого суда передавались все дела о беспризорности малолетних, все дела о преступных деяниях, совершенных малолетними до 17 лет (независимо от тяжести деяния) и особо перечисленные дела взрослых, обвиняемых в преступных деяниях в отношении малолетних.

Хотя в настоящее время мы отошли от идеи особых судов для несовершеннолетних, все же не лишним будет остановиться на некоторых спорных вопросах, касающихся организации этого суда и на краткой характеристике действующих на Западе по этому предмету систем.

Важнейшим вопросом является определение того о р г а н а, который рассматривает и решает дела о несовершеннолетних. В первое время при разрешении этого вопроса преимущество отдавалось практическим соображениям о проведении в жизнь нового института без существенной ломки существующей судебной организации, а так как большинство сколько-нибудь серьезных правонарушений рассматривалось коллегиальными судами, то и суд для несовершеннолетних сохранял коллегиально-судебный характер. В романских странах такими органами были общие суды первой инстанции. Так, во Франции, даже по закону 1912 г., дела о несовершеннолетних пе-

редаты в особые заседания судов исправительной полиции, при чем до 13-летнего возраста решает тот же суд, но в распорядительных заседаниях гражданских отделений (совещательные камеры). В Германии, по создавшейся практике и по закону 1923 г., при участковых судах должны быть образуемы особые отделения для дел о несовершеннолетних в составе судьи и шеффенов (народных заседателей), приглашаемых из числа лиц, имеющих опытность в воспитании малолетних, в частности, из народных учителей. Такой же характер имели на практике и ныне по закону 1919 г. суды для несовершеннолетних в Австрии. Система коллегиального судебного устройства в теории почти не находила себе защитников. Ее характерными чертами является некоторая сложность производства при коллегиальном составе, затруднительность откровенной и непосредственной беседы судьи с несовершеннолетним, большая трудность и стоимость ее организации, ослабление ответственности у каждого из членов коллегии и неспособность коллегии к постоянному надзору за выполнением поставленных ею мер. Поэтому значительное предпочтение отдавалось единоличному судье. Такой судья или выделялся самой корпорацией судей, как-то имело место в отдельных штатах Америки, в Англии и у нас для мировых судей, или специально назначался на должность судьи для несовершеннолетних, как-то принято новыми законами Венгрии, Бельгии и Италии. Преимущество этой второй системы состояло в том, что на эту должность можно было назначить вполне подготовленного судью с большим педагогическим опытом, а, с другой стороны, в ведомство его можно было передать все дела о несовершеннолетних, создав его подсудность на основании особых правил, тогда как при выделении особого судьи из коллегии судей, права его оставались в тех же границах, как и права остальных его товарищей. Итак, наибольшей поддержкой пользовалась система единоличного, специально назначаемого на эту должность особого судьи. Следует упомянуть, что на ряду с органами судебной власти, в некоторых странах приняты, а частью рекомендовались к принятию в качестве решающей инстанции и административные органы опекунского, попечительного и школьного характера, о чем мы скажем в следующей главе.

Расследование дел о несовершеннолетних в предварительной стадии или следствие по ним, также строится по различному типу. Франция первой вступила на путь специализации этих дел в руках особого следователя. Это положение было усовершенствовало законом 1912 г., по которому на одного из следователей при суде исправительной полиции возлагается производство следствия по всем делам о несовершеннолетних обвиняемых, при чем он обязан также собирать сведения о материальном и моральном положении семьи несовершеннолетнего, об его характере и предшествующей жизни, об условиях, в которых он рос и воспитывался и о мерах, которые могли бы способствовать его исправлению. В своей деятельности следователь может пользоваться помощью особых «докладчиков», приглашаемых из состава адвокатуры, обществ патроната и комитетов по защите несовершеннолетних. Эта система проводилась и в других странах, в которых дела о несовершеннолетних ведаются коллегиальным судом. Рекомендовалась она и у нас проектом 1913 г. для окружных судов. В Германии проектом 1913 г. предполагалось вручить в этой стадии широкие права прокуратуре, сосредоточив эти дела в руках одного из ее представителей. Но значительно преобладающей явля-

лась другая система, при которой важнейшие следственные действия производятся самим судьею по делам о несовершеннолетних, могущих поручать производство отдельных актов «делегатам» (в Италии), «уполномоченным по охране малолетних» (в Бельгии), особым попечителям или представителям благотворительных обществ (в Венгрии, Англии), органам попечительского надзора; эта система принята и Германией по закону 1923 г. Во всех случаях судья избегает обращения к общей полиции; последняя привлекается только тогда, когда необходимо применить силу принуждения. Эта последняя система является более правильной, так как в делах о несовершеннолетних производство предварительного расследования самым тесным образом связано с окончательным производством и желательно с самого начала поставить несовершеннолетнего в связь с судьей, который будет решать его дело.

Условия производства дел в судебных заседаниях намечаются западными законодательствами более или менее однородно. По этим делам, прежде всего, признается желательным устранить общую гласность. Если требование разбирательства при закрытых дверях не введено в некоторые законодательства (английское, бельгийское, отдельных американских штатов), то причиною этого является обычно наличность конституционных ограничений и практически все же принимаются меры к возможному с'ужению гласности. В большинстве же законодательств закрытие дверей предоставляется усмотрению самого судьи (германская практика до закона 1923 г., наше законодательство по закону 1897 г.), или даже предписывается законом (итальянский проект 1915 г., французский закон 1912 г.), с из'ятиями, впрочем, для лиц, имеющих интерес к судьбе малолетнего. К судебному разбирательству приглашаются родители, опекуны и законные представители несовершеннолетнего. В некоторых законодательствах имеются постановления об обязательной защите несовершеннолетних (у нас по закону 1897 г. она требовалась для дел, рассматривавшихся в окружных судах), в других защита допускается на общих основаниях (французское, бельгийское, венгерское и германское), иногда, наконец, защита допускается лишь в лице особых представителей патронатов, комитетов судебной помощи или благотворительных обществ (Италия). Поскольку речь идет о принятии мер чисто попечительного характера и суду придается опекунский характер, участие защиты исключается (большинство американских законодательств). Но даже в тех странах, где формальная защита допустима, фактически, она осуществляется редко, так как сам судья является лучшим защитником малолетнего. Во многих законодательствах предусматривается возможность удалять малолетнего обвиняемого на время отдельных следственных действий. Повсюду вводится упрощение производства: не составляется обвинительный акт, отсутствует формальный допрос о виновности, не ставятся вопросы о виновности, порою не участвует прокуратура и т. п. Суд не связан принятым им решением и во всякое время, смотря по обстоятельствам, вправе изменить принятую им меру. Интересным является постановка обжалования решений судов для несовершеннолетних.

В странах, где суд для несовершенолетних организован посредством простой специализации соответственных дел в руках одного из судей определенной инстанции, в отношении этих дел применяется общий порядок апелляционного и кассационного обжалования с распространением, впрочем, на

вторую инстанцию некоторых особенностей судопроизводства. Более интересной является постановка обжалования в странах, создавших юрисдикцию особого типа. В Бельгии допускается апелляционное обжалование как со стороны прокуратуры, так и со стороны несовершеннолетнего и его законных представителей, если несовершеннолетний по решению судьи подлежит удалению из семьи. Судья может, впрочем, распорядиться о предварительном исполнении решения. Жалобы рассматриваются особым апелляционным судьей, назначаемым из состава судей апелляционного суда. В Венгрии право апелляционного обжалования принадлежит прокуратуре по всем вопросам, а несовершеннолетнему и его законным представителям лишь в том случае, если судья постановил об исправительном воспитании несовершеннолетнего или о лишении его свободы в тюрьме или в арестном доме, а также против дополнительных частей приговора (об издержках, гражданском иске, о вещественных доказательствах и пр.). Апелляционные и кассационные жалобы рассматриваются в постоянной коллегии соответствующего суда, назначаемой королем. Предварительное исполнение решения может иметь место. В Италии допускаются жалобы только кассационного характера вследствие нарушения пределов власти и подсудности и других нарушений закона. Жалобы приносятся в особый Высший Суд, учрежденный в Риме. Этот суд может и в порядке надзора требовать пересмотра решения. Этот суд состоит из 7 членов, являющихся представителями различных учреждений (кассационного суда, государственного совета, университета, ведомства труда, народн. образования, юстиции и внутренних дел).

В заключение нашего очерка современной организации детских судов скажем несколько слов о различных системах организации попечителей, работающих при таких судах. Из европейских стран только одна Англия создала для этой цели особых должностных лиц— probation officers по американскому образцу. После закона 1913 г. эта система в Англии стала господствующей. Во Франции и Бельгии эти функции выполняются частью представителями адвокатуры, образующими для этой цели особые «комитеты по защите несовершеннолетних обвиняемых» (comiteés de defense des enfants traduits en justice), частью представителями органов общественной благотворительности. В Германии и Австрии союзами обществ, преследующих улучшение жизни детей, созданы особые органы Jugendgerichtshilfe, уполномоченные которых выполняют обязанности по расследованию дел и по надзору за несовершеннолетними. В Венгрии имеются особые попечители, представители благотворительных обществ и патронатов. В Италии учреждены для этой цели местные уполномоченные судьи для несовершеннолетних (delegati mandamentali), которым помогают представители школьных патронатов и благотворительных обществ. Таким образом в большинстве стран судам для несовершеннолетних приходится еще опираться на организованную помощь со стороны общественных организаций, не имея специальных органов для расследования и надзора, вследствие чего, конечно, дело не может развиваться так широко, как в Америке или Англии.

В России суды для несовершеннолетних просуществовали недолго. Первый суд, открытый в Петербурге в январе 1910 г., обязан своим возникновением общественной инициативе и самодеятельности мировых судей. В 1912 г. такой же суд открыт был в Москве, а затем и в ряде других горо-

дов России, где находилось достаточно общественных сил, чтобы сознать культурное значение этого учреждения и воплотить его в жизни. Со стороны власти он никаким вниманием не пользовался и даже почти игнорировался, что не позволяло сколько-нибудь широко развить его деятельность. Но все же в организации этого суда удалось провести начала, делавшие русский суд для несовершеннолетних одним из наиболее удачных типов такого суда. Это был суд единоличный. Выборный характер должности мирового судьи позволял избирать судьей людей пользовавшихся доверием населения и имевших соответственную подготовку. В числе судей по делам о несовершеннолетних у нас были и врачи (напр., д-р Файст в Харькове) и педагоги. Круг дел, подсудных таким судам, хотя и был ограничен тяжестью уличенного деяния, но все же был довольно значителен и в него были включены дела о взрослых обвиняемых, виновных в нарушении интересов и прав несовершеннолетних. На средства, ассигнованные городскими самоуправлениями и земствами, почти повсюду приглашались оплачиваемые должностные попечители, число которых в Петрограде в годы, предшествующие революции, достигало 30. Они являлись деятельными помощниками судей и имели широкие права по расследованию дел и по осуществлению попечительского присмотра и надзора. В производстве дел о несовершеннолетних отсутствовала гласность, не было ни формального обвинения, ни защиты (за редкими исключениями), обряды и формы суда были значительно упрощены, тако что разбирательство часто сводилось к простой беседе судьи с малолетним при активном участии попечителя. Судья имел в своем распоряжении довольно значительное число мер воздействия на несовершеннолетнего, из которых особенно часто (в 70% случаев) применялся попечительский надзор. В случае обжалования дела о несовершеннолетних рассматривались в особом отделении мирового с'езда с соблюдением, по возможности, особых правил производства.

Проект Временного правительства о попечительных судах для несовершеннолетних вводил в эту область дальнейшие усовершенствования. Уголовно-судебный характер производства в этих судах заменялся правилами, свойственными более опекунскому производству. Ведомство этого судьи распространялось и на случаи детской беспризорности и на все дела о правонарушениях, совершенных несовершеннолетним, независимо от тяжести их. Институт попечителей становился государственным институтом, содержащимся на средства, ассигнуемые государством и органами местного самоуправления. Тщательно избегалось всякое соприкосновение несовершеннолетних обвиняемых с полицией и общими местами заключения. Значительно был расширен круг мер попечительного характера, могущих быть принятым судьей.

Суды для несовершеннолетних повсюду внесли новый дух в область борьбы с преступностью среди детей. Они вместе с тем и глубже вскрыли корни этого зла, показав, что эти корни таятся в условиях современной культуры и общественности. Но все же в них еще не нашла себе полного признания медико-педагогическая точка зрения и в наиболее трудных случаях детской дефективности они оказывались еще недостаточно снабженными необходимыми для воздействия на таких несовершеннолетних лечебными и воспи-

тательными мерами. Попытку развития вопроса в этом направлении дает нам практика, принятая у нас со времени Октябрьской революции *).

Приведем для информации новый германский закон о судах для юношества от 1 февраля 1923 г., вступивший в действие с 1 июля, который создает особую судебную инстанцию для решения уголовных дел о несовершеннолетних, именно Jugendgericht состоящий из особого участкового судьи и двух шеффенов. Участковый судья, действующий в пределах всего округа, соединяет в своих руках вместе с тем и полномочия опекунского судьи, постановляющего о лишении родительской власти и назначении опеки. Обязанности шеффенов выполняются учителями, врачами и лицами, знакомыми с особенностями детского и юношеского возраста. Они приглашаются по особому списку. Дела о несовершеннолетних, подведомственные суду присяжных и имперскому суду в первой инстанции, рассматриваются судом для юношества в усиленном составе, а именно—при двух судьях и трех шеффенах. Прокурорские обязанности при таком суде, по возможности, возлагаются на одно лицо, также имеющее специальную подготовку. Действия по производству предварительного следствия, где последнее оказывается необходимым, возлагаются на участкового судью, состоящего председателем суда для юношества.

В порядке судопроизводства закон 1923 г. вносит ряд особенностей, в значительной мере повторяющих особенности, имевшиеся в нашем законе от 2 июня 1897 г. Так закон постановляет, чтобы дела о несовершеннолетних обвиняемых рассматривались особо от дел о взрослых соучастниках. Суд обязан назначить малолетнему защитника, если рассмотрение происходит в составе расширенного суда (т. е. при двух судьях и трех шеффенах), в остальных случаях назначение защитника зависит от обстоятельства дела. Рассмотрение дела и даже вынесение приговора происходит всегда при закрытых дверях. Если суд найдет это нужным, он может удалить несовершеннолетнего обвиняемого из залы суда на время прения сторон. Сокращенное производство и производство в порядке частной жалобы в судах для юношества не допускаются. Суду предоставляется по соглашению с прокуратурой прекращать дело до судебного производства, если имеется основание предполагать, что дело может быть закончено оправданием. См. Jugendgerichtsgesetz Textausgabe Carl Heymanns Verlag. Berlin 1923.

ГЛАВА II.

Комиссии по делам о несовершеннолетних.

Октябрьская революция, упразднив у нас суды прежнего типа, прекратила вместе с тем и деятельность немногих возникших у нас перед войной особых судов для малолетних. Декрет от 14 января 1918 г. (Собр. Уз.

---

*) Мы не останавливаемся на вопросах порядка производства дел о несовершеннолетних в общих судах или даже в особых судах для подростков. Этой теме посвящена обстоятельная работа Prof. Allfeld. Das Strafverfahren gegen Jugendliche (Gerichtasaal. 1923 H. 1—2 s) 27—106), дающая общую сводку всего действующего западно-европейского законодательства процессуального характера.

1918 г., № 16) создавал вместо них «комиссии для несовершеннолетних», которые должны были расследовать общественно-опасное деяние несовершеннолетнего, и постановлять или об его освобождении или о направлении его в одно из убежищ Комиссариата общественного призрения. Состав таких комиссий, приуроченных к нар. ком. общественного призрения, явился смешанным. Комиссия должна была состоять из представителей ведомств: общественного призрения, юстиции и народного просвещения в количестве не менее трех лиц, при чем одним из таких лиц должен был быть врач.

В изданном комиссариатом «Инструкции комиссиям о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» указывались основные задания в этой области. Ст. 1 Инструкции гласила: «Исходя из принципа о невменении несовершеннолетним в вину их действий, вследствие недостаточного развития ума, освещающего отношение к жизни, неокрепшей совести, определяющей отношение личности к обществу и несформировавшейся воли, подчиненной уму и совести, проводящей действия личности в жизнь, комиссия о несовершеннолетних не выносит никаких приговоров и не назначает никаких наказаний». Коммиссия, исследовав факт учиненного несовершеннолетним деяния, общественно-опасный характер его и степень вероятности рецидива, должна была решить вопрос, нуждается ли он в общественном воспитании и обеспечении на счет государства, или же он может быть возвращен в прежнюю среду и обстановку на попечение родителей и родственников. Под учреждениями общественного воспитания мыслились общие детские дома или особые приюты для отсталых и больных детей, и только в том случае, если комиссия находила, что как в личности несовершеннолетнего, учинившего общественно-опасное деяние, так и в окружающей обстановке есть указания на возможность повторения такого деяния, она могла передавать его в распоряжение «особого отдела» призрения несовершеннолетних, в распоряжении которого имелись приюты, специально приспособленные для перевоспитания таких несовершеннолетних.

Правила, касавшиеся производства дел в комиссиях, были изложены необычайно кратко, и при том скорее в виде общих пожеланий, чем в виде точных постановлений. Так заседания комиссий должны были происходить публично, если комиссия не встретит к этому препятствий. Комиссия выслушивает сначала доклад об обследовании, затем допрашивает свидетелей, которых она признает нужным допросить и записывает их показания, если это будет признано существенным для дела. Все дела должны быть рассмотрены в возможно кратчайший срок, если к этому нет возражений со стороны врача, вследствие состояния здоровья несовершеннолетнего. Определения свои комиссия должна была излагать письменно с надлежащей мотивировкой.

В помощь комиссии был учрежден «Институт социальной помощи несовершеннолетним», состоящий из представителей местного и районных отделов общественного призрения, членов комиссий о несовершеннолетних, врачей, работающих при пунктах и учреждениях для нравственно-дефективных детей, представителей служащих и, наконец, братьев и сестер социальной помощи. Этот последний институт явился заменой попечителей, работавших при суде для малолетних. Братья и сестры социальной помощи, в числе соответствующем местным нуждам, назначались комиссиями о несовершеннолетних и получали определенный оклад содержания. На их обязанности ле-

жало ознакомление с задержанным несовершеннолетним в Центральном пункте, куда его приводили, после чего, по поручению заведующего пунктом, они должны были произвести подробное обследование, по особо выработанному «опросному листу», как самой личности малолетнего, его прошлой жизни, ученья в школе, занятий, ремесла, успехов, склонности, его отношений к семье, родным, учителям, лицам, у которых он жил, так и обстоятельств, при которых совершено было им общественно-опасное деяние и мотивов, которыми он руководствовался, всегда помня, что важность проступка далеко не всегда определяет личность совершившего. Результаты своего обследования брат или сестра социальной помощи докладывали в заседании комиссии с указанием той формы социальной помощи, которую они признают желательной. В отдельных случаях, братья и сестры социальной помощи, по поручению комиссии, могли осуществлять присмотр над несовершеннолетним, посещая его на дому не менее одного раза в неделю и занося все собранные данные в дело, а в случае дурного поведения, немедленно извещая о том председателя комиссии. Надзора, братьев и сестер социальной помощи, после разбирательства дела в комиссии, организовано не было. В руководство деятельностью, кроме инструкции, были даны «Советы братьям и сестрам социальной помощи», составленные в духе американских листовок *).

При создании у нас Комиссий для несовершеннолетних смешанного состава руководящим образцом повидимому, послужили опекунские комиссии, существующие в Норвегии, Швеции и Дании и находившие за последние годы многих сторонников и среди швейцарских деятелей по охране детства. В виду своеобразия этой формы будет не лишним несколько остановиться на постановке комиссий в указанных странах **).

В Норвегии законом от 6 июня 1896 г. была введена широкая система коммунального попечения о беспризорных в нравственном отношении детях. По этому закону руководящая роль в применении мер воспитания и исправления в отношении несовершеннолетних до 16 лет была передана особым опекунским комиссиям (vacrgeraad). Председателем этих комиссий состоит участковый судья или (в городах) особое назначаемое королем лицо, имеющее право занимать судейские должности; кроме него в комиссию входят пять членов, избираемых на коммунальных выборах на 2 года, при чем в число их непременно должен входить врач и одна или две женщины. Эта комиссия, в которую большей частью на практике избираются местные народные учителя и общественные работники, обладает широкими полномочиями по принятию необходимых мер. Ей предоставляется помещать беспризорных детей в надежные семьи, в детские школы «особого типа» (т. е. для морально-дефективных). Комиссия в первую очередь осуществляет опекунские пол-

---

*) См. брошюру изданную в 1919 г. Комиссариатом Общественного Призрения. «Комиссии по делам несовершенн. обвиняемых» Петроград, 1919.

**) Литературные указания об организации и деятельности таких комиссий в Скандинавских странах имеются: Z. André La lutte contre la criminalité juvenile Paris, 1912 г. 230—36, J. Trüper. Zur Frage der Behandlung jugendlicher Missetäter. Langensalza 1906. p.18—24; E. Breitbart-Schuchman Die Behandlung der jugendlichen Rechtsbrecher im russischen Straf-und Strafprocessrecht im Vergleich mit derjenigen nach den neuen Gesetzen von Norwegen und Schweden 1912.

номочия, контролируя деятельность всех лиц, имеющих попечение о малолетнем и постановляя в необходимых случаях о лишении родительской или опекунской власти. Опекунской комиссии предоставлены полномочия судейского характера: она может производить расследования, вызывать, допрашивать и приводить к присяге свидетелей, требовать представления необходимых доказательств, помещать малолетнего в особые наблюдательные пункты до рассмотрения дела о нем и пр. Ей предоставлено право делать внушения родителям и постановлять о том, чтобы малолетний был подвергнут ими (или школьными властями) домашнему наказанию в присутствии свидетелей. Разбирательство в комиссии происходит при закрытых дверях, при чем допускается лишь присутствие родителей. В случае недовольства постановлениями комиссии, родители могут приносить жалобу в министерство народного просвещения. Последнему принадлежит право руководства деятельностью отдельных комиссий и дачи им циркулярных указаний. Дети до 15 лет, обнаруживающие моральную дефективность, обычно направляются на срок до 6 месяцев в наблюдательные пункты, где подвергаются тщательному психологическому диагнозу, после чего уже комиссией определяется та мера воспитания или исправления, которая должна быть принята на более длительный период.

В Швеции по закону 1902 г. комиссии о несовершеннолетних организованы при каждом приходе. Во главе их стоит пастор, кроме которого, собранием прихожан избираются еще 4 постоянных члена, в числе которых могут быть и женщины. Впрочем, эти комиссии здесь не заменяют суда, а ограничиваются только случаями беспризорности; при учинении же малолетним правонарушения, члены комиссии выполняют роль попечителей или обследователей: они собирают сведения о личности малолетнего и окружающих его, делают об этом доклад суду и принимают малолетнего под свой присмотр. В отдельных случаях и судья поручает выполнение отдельных мер попечения таким приходским комиссиям.

В Дании по закону 14 апреля 1905 г., в Копенгагене и в других городах, также образованы особые опекунские комиссии. В Копенгагене и городах свыше 10 тыс. жителей они состоят из 7 членов: председателя, назначаемого министром юстиции из числа лиц, удовлетворяющих требованиям судебной службы, врача, педагога, пастора и трех лиц, избираемых муниципальным советом, в числе которых должна иметься, по крайней мере одна женщина; в меньших городах председателем является один из членов муниципального совета, его заместителем—учитель и, кроме того, имеются трое выборных членов. Комиссии принадлежат право принятия мер воспитания и дисциплины в отношении малолетних до 14 лет, право принятия мер попечения в отношении морально-беспризорных несовершеннолетних и, наконец, содействие суду (обычно в форме предварительного расследования) в отношении несовершеннолетних правонарушителей старше 14 лет. Кроме того, комиссия пользуется опекунскими полномочиями: она может постановлять об ограничении родительской власти, о помещении малолетнего в воспитательное учреждение и пр. Общий надзор за деятельностью опекунских комиссий принадлежит Высшему Совету в Копенгагене, состоящему из главного инспектора детских домов, из членов, назначаемых министром юстиции и народного просвещения.

Как видно из изложенного, опекунские комиссии Скандинавских стран по преимуществу являются органами борьбы с детской беспризорностью. Дела о малолетних правонарушителях в Дании и Норвегии передаются им постольку, поскольку признается необходимым применить меры попечения или принудительного воспитания, при чем предельным является в Норвегии возраст в 16 лет, а в Дании—в 14 лет.

Несколько шире ставился вопрос о комиссиях, как форме замены суда для несовершеннолетних, в различных литературных проектах, появлявшихся в Германии и Швейцарии.

В Германии еще в 1900 г. Ашротом был выставлен проект создания особых «отделов воспитания» (Erzichungsamt), в которых на ряду с заведующим отделом должны были участвовать юристы, педагоги и врачи, и к которым должны были бы перейти дела о беспризорных детях и малолетних правонарушителях *). В 1909 г. в Германии была опубликована интересная работа швейцарского педагога Куп-Келли **), в которой высказывалась мысль о создании особых комисий по охране детства (Jugendschutzkommissionen), и в составе которых должны участвовать педагоги и врачи. Автор исходил из того положения, что в настоящее время об'ектом рассмотрения должно служить не деяние малолетнего, а его личность и, что для понимания особенностей ее необходимо сотрудничество педагога, психолога, патолога и даже психиатра. Существующие суды не пригодны для этой цели, и наиболее правильным является образование специальных комиссий для такого обследования личности малолетнего правонарушителя.

Из других швейцарских деятелей мы встречаем аналогичный проект у д-ра Бека из Берна, рекомендовавшего устройство «патроната» из юристов, врачей и педагогов вместо особых детских судов***). В Берне уже по закону 1897 г. школьным комиссиям частично было передано право применения мер воздействия к детям школьного возраста в случае совершения ими легких правонарушений. Упомянем, что и в некоторых других кантонах (Базеле, Невшателе) школьная власть может частично заменять судебную в ее функциях. Такие же полномочия предоставляются ей частично и швейцарским проектом угол. уложения 1908 г.****). На международном конгрессе в Броссele, д-ром Зильбернагелем, от лица ряда швейцарских деятелей был предложен проект создания особых «комиссий по охране малолетних», состоящих из пяти членов из числа педагогов, врачей и деятелей патроната, под председательством судьи—для решения дел о малолетних *****).

Новые германские законы 1922 и 1923 г. также частично приближаются к этой идее. Особые суды для юношества, состоящие из судьи, имеющего опекунские полномочия, и шеффенов из числа лиц, сведущих в воспитании юношества, привлекаемых по собому списку, отчасти напоминают ко-

*) Aschrott. Die Zwangserzichung Minderjährigen. 1900. s. 35.

**) Kuhn-Kelly. Jugendschutzkommissionen als vollwertiger Ersatz für Jugendgerischtshäfe. 1909.

***) См. Cl. Griffe. Les tribunaux pour enfants. Paris. 1914 p. 93.

****) N. Troyano. Les juridictions spéciales pour les mineurs. Lausanne 1912 p. 70—76.

*****) Les actes du I Congrès International de la protection de l'enfance. Bruxelles 1914.

миссии смешанного состава. Кроме того, ближайшее участие в подготовке дел о несовершеннолетних и в осуществлении мер медико-педагогического воздействия принимают т. н. Отделы Детства (Jugendamt) состоящие из административных органов и представителей общественных организаций по охране детства *).

Таким образом, мы видим, что идея создания комиссий смешанного состава из юристов, педагогов и врачей, уже в конце первого десятилетия XX века, пользовалась широким признанием в европейской литературе и вполне естественно, что в поисках новых форм охраны детства и юношества она была воспринята и Советской властью. Проводником ее у нас был покойный Д. А. Дриль, высказавшийся в пользу создания таких комиссий на с'езде исправительно-воспитательных заведений в Москве в 1909 г. **).

Если обратиться теперь к сравнению первоначальной организации у нас комиссий по делам о несовершеннолетних, как они были созданы декретом от 14 января 1918 г., с рассмотренными образцами и проектами, то мы видим, прежде всего, что декрет 1918 г. устанавливал полную подведомственность дел о несовершеннолетних до 17 лет таким комиссиям с устранением возможности всякого судебного вмешательства. Затем он ограничил компетенцию комиссий только делами о правонарушителях, не упомянув о беспризорных детях и не вручив этим комиссиям опекунских полномочий, которыми они пользуются, прежде всего, в Скандинавских странах: дело опеки у нас было сохранено в руках чисто административных органов Комиссариата соц. призрения (позднее соц. обеспечения). Наконец, состав комиссий был определен не вполне удачно: вместо того, чтобы упомянуть о лицах, имеющих определенную квалификацию (педагогах, врачах, судьях), декрет требовал участия представителей соответственных ведомств, которыми могли быть лица с чисто административным стажем. И в инструкции, изданной в руководство комиссиям, было допущено много промахов. Была введена неуместная для таких дел публичность заседаний. Правила деятельности комиссии не были определены. Полномочия ее были неопределенными; упоминалось лишь помещение в убежище ком. соц. призрения, но не были совершенно упомянуты другие меры медико-педагогического воздействия. Наконец, сами комиссии действовали изолированно, распыленно, не будучи подчинены никакому руководству и контролю из центра. В результате всего этого организация комиссий на местах происходила весьма вяло, в состав комиссий попадал случайный элемент, задачи комиссий понимались неправильно и работа их почти не учитывалась.

Эта первоначальная оранизация комиссий была существенно изменена к лучшему декретом от 4 марта 1920 г. В этом декрете основная идея комиссий, как смешанных коллегиальных органов, заменяющих для несовершеннолетних суды, была сохранена. Ведомство социального обеспечения было совершенно устранено из этой области; вместо того комиссии должны быть образуемы при Нар. Ком. по Просвещению и при его губернских и уездных органах, каковыми позднее явились под'отделы правовой защиты несовер-

*) Edmund Friedberg. Reichsjugendisohlfahrisgesetz. Textausgabe mit einer Einleitung. Berlin. C. Heymann 1922.

**) См. Труды VII С'езда представителей исправ. воспитат. учреждений. М. 1909.

шеннолетних. Состав комиссии был определен точнее: вместо требования представителей от ведомств вообще, указывалось, что членом комиссии должен быть врач-психиатр, народный судья и представитель ведомства народного образования. Таким образом, комиссия стала как бы коллегией экспертов по детской моральной дефективности, состоящей из лиц, обладающих определенной квалификацией. Возраст несовершеннолетних, подведомственных комиссии, был повышен до 18 лет, но комиссии было предоставлено право передавать в народные суды для применения общих наказаний тех несовершеннолетних, которые не поддаются мерам медико-педагогического характера. В распоряжение комиссии было предоставлено большее число мер медико-педагогического воздействия», которые она могла применять по своему свободному усмотрению. Народному Комиссариату Юстиции было поручено осуществлять надзор за составом комиссий и за выполнением ими лежащих на них обязанностей.

В соответствии с новым декретом тремя заинтересованными ведомствами 19 июня 1920 г. была издана Инструкция Комиссиям по делам о несовершеннолетних, сохраняющая свою силу до настоящего времени. По вопросу об организации комиссий Инструкция развивает далее постановления декрета, указывая, что председательство в комиссии должно быть возлагаемо на представителя Отдела нар. образования, что желательно привлекать в качестве членов комиссии постоянных работников приемных и наблюдательных пунктов, что в отдельных городах могут образовываться параллельные комиссии однородного состава, что всякое противодействие постановлениям комиссии будет преследоваться в уголовном порядке. В целях осуществления надзора за составом комиссий Нар. Ком. Юстиции предоставляется право мотивированного отвода назначаемых членов комиссии. В целях надлежащего расследования более тяжких преступлений инструкция требует, чтобы все протоколы о преступлениях, учиненных несовершеннолетними совместно со взрослыми, а также несовершеннолетними старше 14 лет, если деяния их имеют тяжкий общественно-опасный характер (убийство, тяжкие раны и увечья, изнасилования, разбой, грабеж, поджог, подделка денежных знаков и документов, взяточничество, крупные хищения и крупная спекуляция), в течение 24 часов поступали народному судье, состоящему членом комиссии, который производит все необходимые следственные действия. Таким образом, Инструкция сохраняла за НКЮ довольно широкие права надзора за работой комиссий, особенно по более тяжким преступлениям. Постановления Инструкции, однако, с изданием угол. проц. код. и введением прокуратуры, несколько устарели и нуждаются в переработке.

Порядок рассмотрения дел в комиссиях был намечен довольно суммарно. Комиссия приступает к рассмотрению дела о несовершеннолетнем по протоколам и заявлениям государственных и общественных органов, родителей, родственников и частных лиц и, наконец, по собственному своему почину. Затем расследование дела поручается обследователю-воспитателю, а сам малолетний отдается на поруки, помещается в приемный или наблюдательный пункт или, наконец, отдается под присмотр обследователя воспитателя. По окончании расследования дело назначается к слушанию. Заседания комиссий не публичны, но к присутствованию допускаются педагоги и врачи приемных и наблюдательных пунктов, в которых находился несовершеннолетний, а так-

же обязательно обследователь-воспитатель, собиравший данные о несовершеннолетнем. По общему правилу комиссия решает дела, не вызывая самого несовершеннолетнего. В Инструкции указывалось, что несовершеннолетние до 14 лет не должны быть вызываемы в комиссии, а постановления приемных и распределительных пунктов о необходимой мере воздействия лишь утверждаются комиссиями. Такой же порядок был принят и в отношении несовершеннолетних от 14 до 18 лет, задержанных за совершение действий, не имеющих общественно-опасного характера. Несовершеннолетние же, задержанные за общественно-опасные действия, вызываются в комиссии по требованию хотя бы одного из членов комиссии. Эта формула, однако, на конференции по правовой защите несовершеннолетних от 10—14 июня 1921 г. несколько изменена: именно в виде общего правила установлен вызов несовершеннолетних на разбирательство дела в комиссию. Исключения могут быть допущены в тех случаях, когда разбору дела комиссией предшествовало предварительное всестороннее и исчерпывающее ознакомление всех членов комиссии как с делом, так и с личностью несовершеннолетнего, а также, когда устанавливается недоказанность совершенного правонарушения и отсутствие необходимости применения к несовершеннолетнему какой-либо из мер социально-правовой охраны.

Указанная конференция 1921 г. еще в нескольких направлениях развила постановления о производстве дел в комиссиях. В отношении состава комиссий она указала, что представители НКЗ и НКЮ должны являться постоянными членами комиссии, а не назначаться на отдельные заседания или ряд заседаний. Они получают вознаграждение из сумм местных отделов народного образования, хотя бы работали в порядке совместительства. Должность председателя комиссии по общему правилу не должна быть совмещаема с должностью заведующего п/отделом правовой защиты; отступление от этого может быть допущено только при отсутствии подготовленных местных работников с утверждения соответствующих высших инстанций. Разбор дела о несовершеннолетнем должен производиться по месту жительства несовершеннолетнего, а если оно не может быть установлено, то по месту совершения правонарушения или месту задержания несовершеннолетнего.

По первоначальному тексту декрета 1920 г. и Инструкции, ведению комиссий подлежали только несовершеннолетние правонарушители. Полное официальное название комиссии гласило: «комиссия по делам о несовершеннолетних обвиняемых в общественно-опасных действиях». На конференции 1921 г. предложено было в ведение комиссий передать и дела о беспризорных несовершеннолетних. При этом малолетние, попавшие в приемный пункт по причинам случайного характера (напр., заблудившиеся, нуждающиеся в ночлеге, в отправке на родину), не направляются в комиссии, а соответственые меры помощи принимаются администрацией приемника. Беспризорные же малолетние, нуждающиеся в мерах социальной помощи и защиты, должны были быть направляемы в комиссии. Понятие беспризорности у нас не было определено ни в законодательном, ни в административном порядке. На конференции по правовой защите, состоявшейся летом 1922 г. было принято в качестве руководящего определения следующее: «Беспризорными признаются малолетние, оставленные без надлежащего присмотра и надзора и находящиеся в условиях, подвергающих опасности их здоровье,

нравственность или психическое развитие. В частности сюда относятся: малолетние, занимающиеся нищенством, бродяжничеством или проституцией, малолетние, в отношении которых родители, опекуны или лица, их заменяющие злоупотребляют своею властью, склоняя их к преступной или порочной жизни, к нищенству, разврату или спекуляции; малолетние, подвергающиеся в семье жестокому обращению, сироты и бесприютные или брошенные своими родителями; наконец, малолетние, родители или опекуны которых будут признаны непригодными для воспитания детей вследствие преступной жизни, пьянства, порочных привычек или общения с преступными и порочными людьми». Однако это определение не было официально проведено в жизнь и понятие беспризорности в большинстве случаев характеризуется чисто бытовыми признаками.

Комиссиям первоначально был придан чисто педагогический характер, лишенный даже оттенка судебных полномочий. Из этого вытекали следующие последствия.

1. Комиссия не имеет права самостоятельно налагать каких-либо взысканий на родителей или взрослых, виновных в посягательстве на права и интересы малолетних. Инструкция о комиссиях предусматривает в ст. 14 право и обязанность комиссий привлекать к ответственности перед народным судом взрослых за подстрекательство и склонение несовершеннолетних и малолетних к совершению общественно-опасных деяний (преступлений), за соучастие с малолетними в преступлении и попустительство, за склонение несовершенолетних к проституции, к половым извращениям, за сводничество, за эксплоатацию труда несовершеннолетних и за жестокое обращение с ними. Это право комиссии, однако, ни в чем не отличается от права каждого официального органа сообщать судебной власти об обнаруженных им преступных деяниях (ср. ст. 91, п. 2 угол. проц. код.). Правда, конференция 1921 г. дополнила ст. 14 в том отношении, что предоставила органам комиссии (обследователям-воспитателям) выступать в народных судах в качестве обвинителей по таким делам, но это дополнение не нашло себе отражения ни в угол. проц. кодексе, ни в соответственных циркулярах. С изданием угол. кодекса 1922 г. существенно изменился и круг тех деяний, которые являются наказуемыми при учинении их в отношении малолетних. Таким образом эта, так сказать, обвинительная функция комиссий требует пересмотра. Желательно, чтобы комиссиям было предоставлено в известных пределах собственною властью подвергать родителей, опекунов или лиц, их заменяющих, внушению, выговору и небольшим штрафам без возбуждения дела перед народным судом. Это способствовало бы усилению авторитета требований, пред'являемых комиссией к таким лицам, и гарантировало бы надлежащее сообразование с особенностями каждого случая.

2. Исходя из этого же взгляда на комиссии как на орган педагогический, а не судебный, законодатель не предоставил комиссиям права постановлять о лишении или ограничении родительской власти. Хотя кодекс об актах гражданского состояния 1918 г. в ст. 153 предусматривал возможность лишения родительской власти, если эта власть осуществляется противно интересам малолетнего, поручая представителям власти и частным лицам возбуждать этот вопрос перед народным судом, однако, в практике это правило не получило развития. Ни один из кодексов материального или процессуального

права, изданных в 1922 г., не упоминает о такой возможности лишения родительской власти. Не определены более точно ни случаи, когда такое постановление может быть выносимо, ни порядок рассмотрения таких дел, ни, наконец, правовые последствия такой меры. Понятно, почему и комиссии в своей практике почти никогда не возбуждали вопроса о лишении родительской власти (нам, по крайней мере, неизвестно ни одного случая такого рода). Между тем комиссии о несовершеннолетних в Скандинавских странах, послужившие образцом для наших комиссий, в первую очередь являются именно судебными опекунскими инстанциями, которым предоставлено право постановлять о лишении родительской власти в необходимых случаях. Этим же полномочием пользуются и германские суды для юношества, которым присвоены также судебно-опекунские полномочия. Несомненно, что и у нас желательно предоставить такое право комиссиям на ряду с народными судами. В резолюции Петроградской областной конференции от января 1922 г. мы находим пожелание о том, чтобы «комиссиям по делам о несовершеннолетних были присвоены полномочия опекунских учреждений и было предоставлено право ограничения родительской власти в случаях, когда это будет вызываться интересами несовершеннолетнего».

3. Педагогический взгляд на комиссии привел также к тому выводу, что постановления комиссии не должны носить формального характера, присущего судебным определениям или решениям. Хотя ст. 23 Инструкции постановляла о том, что «все постановления комиссии должны быть мотивированы и изложены в письменной форме», и что «заседаниям комисии ведется протокол с краткой записью об'яснений несовершеннолетнего и свидетельских показаний», однако, эти правила имели в виду лишь некоторое фиксирование работы комиссии, а не облечение ее в какую-нибудь юридическую форму. Эти постановления не прочитывались несовершеннолетнему или его родителям или не сообщались им в копии. Они не могли быть обжалованы. Практически они содержали лишь краткую запись принятой в отношении несовершеннолетнего меры. Эти постановления могут быть во всякое время пересматриваемы самой комиссией как по собственному усмотрению, так и заявлению участвовавших в деле лиц и учреждений или по ходатайству близких несовершеннолетнего. Юридическая сила их в отношении административных органов не была выяснена. В отдельных случаях, поэтому, с постановлениями комиссий не считались и нарушение их не было обложено каким-либо определенным наказанием. Хотя и до настоящего времени ст. 7 Инструкции гласит, что «всякое неисполнение постановлений комиссий или противодействие таковым со стороны родителей, лиц их заменяющих или с чьей бы то ни было иной стороны составляет деяние уголовно-наказуемое, влекущее за собою судебное преследование», однако, в угол. кодексе мы не находим статьи, по которой это судебное преследование могло бы быть возбуждаемо; ст. 86 угол. код. о сопротивлении представителям власти при исполнении возложенных на них законом обязанности имеет слишком узкую редакцию, чтобы ее можно было применять к данному случаю даже посредством аналогии. Таким образом несомненным недостатком существующих узаконений о комиссиях является невыясненность правового характера выносимых комиссией постановлений.

4. Исходя из тех же соображений о несудебном характере деятельности

комиссий, декрет 1920 г. и инструкция к нему не предоставили комиссиям права постановлять о возмещении вреда, причиненного правонарушением несовершеннолетнего какому-либо лицу, предоставляя последнему обращаться за возмещением убытков в порядке гражданского иска в народный суд, при чем, повидимому, за постановлениями комиссий в таких случаях преюдициальной силы не признавалось. Несовершеннолетний, из'ятый из ведомства суда в порядке уголовного процесса, попадал в тот же народный суд, но уже в качестве гражданского ответчика. Лишь по вопросу о возвращении и судьбе вещественных доказательств комиссиям были предоставлены права, аналогичные правам судебных учреждений. Вопрос об издержках производства дела остается совершенно незатронутым.

5. Но, пожалуй, важнейшим выводом из присвоения комиссиям педагогического характера явился взгляд на их постановления, как на неподлежащие никакому обжалованию и пересмотру высшими инстанциями. В практике несмотря на упоминание в декрете о комиссии при Наркомпросе, не было создано никакого центрального органа для руководства отдельными комиссиями, не упоминалось ни о возможности обжалования их, ни пересмотра в порядке надзора. Надзор отделов народн. образования и органов НКЮ, как он был обрисован, сводился главным образом к наблюдению за составом членов комиссий и своевременным представлением отчетности, не входя в существо дела. Резолюция Всероссийской конференции, состоявшейся в июне 1921 г., еще более подчеркнула полную автономность комиссии, указав, что «все комиссии, как бы они ни именовались, равноправны и никакая комиссия не имеет права надзора и контроля над другими комиссиями. Таким образом уездные комиссии действовали, не будучи связанными с губернскими, а губернские—с центром. Слабое руководство осуществлялось чрез посредство циркуляров Отдела Правовой Защиты Главсоцвоса, но других способов проверить выполнение даваемых указаний, кроме несколько случайных инструкторских обследований, в распоряжении центра не имелось. Следствием этого была не только пестрота применяемых методов расследования и мер воздействия, но и невозможность составления точной и исчерпывающей статистической отчетности; порою даже оставалось не вполне известным точное число фактически работающих комиссий.

Вопрос о необходимости об'единения работы комиссий и создания единого руководящего органа возникал на Совещании губ. представителей под'отделов правовой защиты осенью 1921 г., на котором было предложено несколько проэктов создания пересмотра постановлений комиссий. Была избрана небольшая комиссия для более детального изучения этого вопроса. Тем временем в Союзной Украинской Республике была уже организована при УНКП Центральная комиссия, деятельность которой показала всю пользу от такого об'единения *). В сентябре 1922 г. вопрос о создании центральной комиссии был возбужден Нар. Ком. Юстиции. В об'яснительной записке к составленному комиссариатом проэкту указывается, что несмотря на § 6 декрета от 4-го марта 1920 г., до сих пор не образовано центральной комиссии при Наркомпросе, что эта комиссия, как и местные комиссии, должна быть

*) О некоторых особенностях УССР. в области прививок охраны несовершеннолетних. См. очерк Рубашевой «Охрана детства» в УССР. Харьков 1922.

органом междуведомственным и в руках ее должны быть сосредоточены направление деятельности местных комиссий и разработка мероприятий, касающихся дела борьбы с детской преступностью, наконец, что отсутствие такого руководящего междуведомственного центра вызывает сепаратные распоряжения в этой области и приводит к длительным письменным сношениям между заинтересованными наркоматами.

По проекту, выработанному НКЮ, центральная комиссия при НКП должна состоять из представителей НКП, НКЮ и НКЗ при участии представителя от НКВД. Она должна явиться органом, контролирующим правильность работы и направляющим деятельность местных комиссий о несовершеннолетних. С этой целью ей поручается: общее наблюдение за деятельностью местных комиссий, рассмотрение их отчетов, обсуждение законодательных предположений, издание инструкций, положений и циркуляров, относящихся к работе комиссий, раз'яснения по возникающим на местах затруднениям, доведение до сведения подлежащих учреждений об обнаруженных дефектах и неправильностях, наконец, пересмотр постановлений комиссий, как в порядке надзора, так и по заявлениям заинтересованных лиц. Правила пересмотра допускают его в следующих случаях: по особому мнению народного судьи в том случае, если остальные члены комиссии по большинству голосов вынесли постановления, нарушающие как интересы граждан, так и интересы целесообразной борьбы с преступностью (мера, рекомендованная еще циркуляром НКЮ № 26 от 1920 г.), в случае неправильного состава комиссии, принятия ею к рассмотрению дел, ей неподведомственных, в случае нарушения правил о вещественных доказательствах и, наконец, в случае неправильного применения мер медико-педагогического характера. Центральной комиссии присваиваются кассационные функции, т.-е. в случае признания постановления неправильным, она не выносит нового постановления, а лишь отменяет прежнее, передавая дело на новое рассмотрение в ту же или в ближайшую комиссию, либо по подсудности. Перед рассмотрением дела в порядке пересмотра должно быть испрошено заключение комиссии, составившей постановление; родители, родственники несовершеннолетнего, а также заинтересованные лица могут быть допускаемы к об'яснениям в центральной комиссии, хотя на заседания ее они не вызываются. Указания, сделанные центральной комиссией, обязательны для комиссий местных.

Этот проект, нуждающийся, конечно, в некотором уточнении и исправлении, идет навстречу давно назревшей потребности, и нужно думать, что с принятием его, работа комиссий пойдет успешнее и планомернее. Проэкт НКЮ, подчеркивая междуведомственный характер руководящего органа, об'единяющего деятельность комиссий, как будто устраняет и необходимость такого резкого раздвоения между деятельностью органов юстиции (в частности народных судов) и работою комиссий, которое наблюдалось до недавнего времени и особенно сильно сказалось на подведомственности дел о подростках от 14 до 18 лет (см. ниже в главе об ответственности несовершеннолетних). Несомненно, что рассмотрение дел о несовершеннолетних, будет ли оно происходить в комиссиях, или в народных судах, должно быть проникнуто однородными принципами, и та двойственность, которая наблюдается ныне, должна быть устранена.

ГЛАВА III.

Вспомогательные органы и учреждения.

Комиссия о несовершеннолетних, по характеру своей деятельности, является лишь органом, принимающим определенные решения по вопросам об оказании несовершеннолетнему той или иной социальной помощи или о применении к нему определенной меры медико-педагогического воздействия. Но для того, чтобы постановления комиссии действительно соответствовали нуждам несовершеннолетнего и чтобы они надлежаще проводились в жизнь, необходимо содействие ряда органов и учреждений. На характеристике их в нашей современной практике мы и остановимся.

Почти одновременно с изданием Инструкции комиссиям о несовершеннолетних было выработано и «Положение об организации отдела правовой защиты несовершеннолетних» (с половины 1922 г. переименованного в отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних). Отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних (в губ. центрах—под'отделы, а в уездных—отделения) входит в состав сектора (отдела) социального воспитания детей и имеет своей задачей организацию учреждений, необходимых для борьбы с детской беспризорностью и правонарушениями и управление такими учреждениями. Намеченные сначала в довольно неопределенных очертаниях, задачи этих отделов, состоящие в «охране и защите прав несовершеннолетних в самом широком смысле этого слова и борьбе с нарушением интересов несовершеннолетних» (ст.1), постепенно, под влиянием опыта, получили большую ясность и точность. Сначала отдел ставил себе целью организацию борьбы с детской беспризорностью и преступностью посредством создания ряда вспомогательных учреждений для комиссии—в виде приемных и распределительных пунктов, надлежащее инструктирование и подготовку состоящих при комиссиях обследователей-воспитателей, заменивших собою братьев и сестер социальной помощи, организацию детской социальной инспекции. Вместе с тем задачей отдела, осуществляемой чрез посредство указанных выше органов, являлось ограждение несовершеннолетних от дурных влияний, влекущих их на путь правонарушений и борьба с эксплоатацией несовершеннолетних, жестоким с ними обращением, с детским нищенством, проституцией, вовлечением в разврат и пр. Декретом от 2 декабря 1920 г. отделам правовой защиты были переданы все дела об опеке над несовершеннолетними, раньше находившиеся в ведении органов социального обеспечения. С весны 1921 г. (циркуляр Главсоцв. от 22 апреля) на них возложена была обязанность оказания юридической помощи несовершеннолетним; в октябре 1921 г. им были переданы некоторые права в области охраны труда несовершеннолетних. Тогда же была начата организация детских адресных столов при отделах, для облегчения нахождения родителями детей, с которыми они утратили связь. Наконец, в связи с голодом, на отделы правовой защиты в большинстве случаев были возложены обязанности по оказанию различных видов помощи и по устройству детей из голодающих губерний в приюты и частные семьи. Заведывание учреждениями для перевоспитания морально-дефективных детей, сосредоточенное сначала в особых под'отделах детской дефективности, с на-

чала 1922 г. перешло также к отделам социально-правовой охраны (вместе с учреждениями и для физически- и умственно-дефективных детей). Таким образом функции отдела постепенно разростались, все шире и шире охватывая различные стороны попечения о детях. В соответствии с таким развитием функций усложнялась и структура отдела социально-правовой охраны. По нормальной схеме отдел или под'отдел должен распадаться на 4 отделения: 1) борьбы с правонарушениями и беспризорностью, в круг ведомства которого входит организация детской социальной инспекции, приемных и распределительных пунктов, наблюдение за деятельностью комиссий по делам о несовершеннолетних и состоящих при них обследователей-воспитателей; 2) отделение опеки, к которому в большинстве случаев приурочивается и оказание юридической помощи; 3) отделение учреждений для воспитания дефективных детей и 4) в некоторых более крупных центрах—инструкторско-информационное отделение. Впрочем, стройное по схеме планирование отделений, вследствие многократного сокращения штатов, постоянно свертывалось, и с большими усилиями удалось сохранить хотя бы по одному активному работнику в этой области на каждый уезд; в губернских центрах руководящая работа обычно лежит на двух-трех ответственных работниках, распределяющих функции в зависимости от соображений удобства и своих склонностей.

За полтора года, с лета 1920 г. по начало 1922 г., отделом соц.-правовой охраны Наркомпроса была проделана большая организационная работа. К 1-му января 1922 г. во всей РСФСР было организовано 160 приемников, 50 распределителей, 230 комиссий о несовершеннолетних, 7 детских юридических консультаций, 4 детских адресных стола. Эта работа, однако, далеко еще не соответствовала действительной потребности. Чтобы удовлетворить таковую и выполнить намеченную схему организации, необходимо было бы открыть еще около 200 комиссий о несовершеннолетних, не менее 100 новых распределителей, устроить юридические консультации и адресные столы хотя бы по одному на губернию и по одному приемнику в каждом уезде.

Вспомогательными органами, состоящими при комиссиях о несовершеннолетних, но в организационном и административном отношениях подведомственными под'отделам социально-правовой охраны несовершеннолетних, далее, являются детская социальная инспекция и обследователи-воспитатели.

Детские социальные инспектора или, как они раньше назывались у нас, братья и сестры социальной помощи, являются органом, призванным заменить общую милицию в отношении несовершеннолетних и, вместе с тем, органом для проведения в жизнь таких конкретных мер социальной помощи и охраны по отношению к несовершеннолетним, которые не требуют особого расследования со стороны комиссии. Официально детская социальная инспекция была введена у нас декретом от 23 октября 1921 г., который лишь наметил общим образом задачи нового института. Именно инспекция предназначалась для борьбы с детской беспризорностью, нищенством, проституцией, спекуляцией, правонарушениями. На ряду с этим на детских инспекторов возлагался надзор и борьба с эксплоатацией детей и дурным с ними обращением в ремесленных, кустарных, фабричных и иных предприятиях, в учреждениях и в семье. Однако несколько позднее, декретом от 13-го

сентября 1922 г., эта последняя часть обязанностей детских социальных инспекторов была сужена: надзор за положением и трудом несовершеннолетних в предприятиях и учреждениях был передан всецело в руки инспекторов труда и их ассистентов из Союза Комм. Молодежи а за детскими инспекторами сохранено наблюдение за положением детей в семье, в ремесленных и кустарных предприятиях, не пользующихся наемным трудом.

Детские социальные инспектора приглашаются из числа лиц, имеющих достаточное общее развитие и образование, общую или специальную педагогическую подготовку, и являются служащими под'отделов социально-правовой охраны несовершеннолетних. Желательным условием для занятия такой должности является также достижение возраста в 21 год. Инспекторам вменяется в обязанность дежурить в публичных местах—на улицах, площадях, вокзалах и пр., задерживать несовершеннолетних как беспризорных, так и правонарушителей, и направлять их в детские приемные пункты, где ими же (или дежурным обследователем-воспитателем) производится и первоначальный опрос несовершеннолетнего и других лиц, могущих оказать помощь в расследовании дела. В нужных случаях инспектора могут обращаться за содействием к общей милиции. Им предоставлено также посещать и обследовать кафэ, рестораны, кинематографы, места публичных увеселений с целью удаления оттуда несовершеннолетних, поскольку пребывание малолетних там может оказать на них вредное влияние. Детские инспектора могут знакомиться с положением детей в семьях и в ремесленных и кустарных предприятиях, не пользующихся наемным трудом, в целях прекращения эксплоатации детей или жестокого с ними обращения. При исследовании характера труда подростка инспектора выясняют не только то, насколько точно выполняются правила кодекса законов о труде, но и то, не оказывает ли данная работа вредного влияния на физическое и умственное развитие подростка. В соответственных случаях ими составляется протокол и против виновных возбуждается судебное преследование. Каждый социальный инспектор ведет особый дневник, в котором отмечает все меры, выполненные им в течение дня, собранные сведения, виды оказанной помощи. Детские инспектора на ряду с указанными задачами, соответствующими функциям «пресечения» вредной для несовершеннолетних деятельности или опасного состояния самого подростка, выполняют также и ряд исполнительных функций. Так, по делам о назначении и осуществлении опеки они разыскивают лиц, близких к беспризорному несовершеннолетнему, которые могли бы быть назначены его опекунами, принимают меры к охране имущества, переходящего к несовершеннолетнему, наблюдают за положением детей, проживающих у опекунов или у чужих людей. Через детских социальных инспекторов принимается большинство мер патронатной помощи: они приискивают работу для подростка, сопровождают его на вокзал при отправке на родину, заботятся о нахождении ему временного приюта и пр. В отдельных случаях, при недостатке обследователей-воспитателей, детские инспектора выполняют и отдельные их функции.

Специальной областью работы детской инспекции является борьба с детской проституцией. С целью правильного подхода к ней, для такой работы требуется особо квалифицированные качества работника. Более пожилые женщины и мужчины-инспектора испытанных моральных качеств являются

подходящими для такой работы. Методы борьбы выражаются не в старых полицейских приемах насильственного задержания малолетних проституток, обычно не приводящих к цели, а во внимательном изучении каждого случая. Находясь в вечерние часы на улицах, в общественных садах, на публичных увеселениях, такой инспектор следит за тем, чтобы девушки-подростки были ограждены от приставания посторонних мужчин и сами не держали себя вызывающим образом; в случае необходимости он требует удаления мужчины или девушки, а порою даже сопровождает ее на пути домой. Заметив подозрительную по проституции жизнь девушки-подростка, социальный инспектор собирает сведения о личности ее, месте жительства, знакомствах, производит обследование на дому, беседуя с родителями, старшими и указывая им на всю опасность оставления девушки без присмотра. Если обследование покажет, что родители или другие лица способствуют проституции несовершеннолетней, инспектор докладывает об этом комиссии с целью возбуждения против них преследования. В случае упорного следования порочному образу жизни со стороны несовершеннолетней, он представляет имеющиеся в его распоряжении сведения в комиссию, которая может поместить девочку в детский дом особого типа или направить ее в провинцию к родным, если она одинока в городе. Во всех случаях задачей соц. инспектора является выяснение социальных условий, толкающих девушку к проституции, и приложение стараний к тому, чтобы ослабить или устранить эти условия.

Работа детской социальной инспекции может принести большую пользу в смысле своевременного из'ятия беспризорного малолетнего из той дурной среды, в которой он находится, и предупреждения развития легких стадий беспризорности в беспризорность паразитарную и социально-опасную. Благодаря вмешательства детского инспектора малолетний изолируется от соприкосновения с милицией и участком и сразу становится об'ектом мер социальной помощи.

Обязанности, лежащие у нас на детской социальной инспекции, на Западе обычно выполняются или платными агентами благотворительных обществ, или особыми специально подготовленными агентами полиции. Так, обычно общества защиты детей от жестокого обращения, общества спасания детей (от проституции), общества сеттлмента, а также об'единенные организации различных обществ, преследующих цели охраны детства, имеют у себя на службе нескольких агентов, которым поручается надзор за положением детей в публичных местах в целях пресечения беспризорности, а также предупреждения эксплоатации малолетних и жестокого с ними обращения. Во многих странах организации молодежи принимают на себя в качестве добровольцев аналогичные обязанности. Но такая форма организации имея преимущества дешевизны для государственного и местного бюджета, страдает, однако, слабой организованностью, недостаточной авторитетностью (так как эти агенты обычно лишены полномочий должностных лиц, в частности права задержания), случайностью. В Лондоне, в Берлине, в Вене, в ряде городов Америки, функции детской милиции передаются небольшой группе специально для того подготовленных полисменов, мужчин и женщин. Приглашение нескольких женщин средних лет для службы в качестве полисменов для несовершеннолетних (т. н. police vomen) ныне составляет обычное явление в

больших европейских городах. Эти женщины, не носящие форменного платья, несут дежурства в местах, куда нежелательно допускать малолетних или в которых надлежит иметь за ними особый присмотр; оне заботятся о малолетних, приведенных в участки, поскольку не устроено особых домов задержания для таких малолетних; оне навещают семьи задержанных малолетних, наводят о них справки и пр. Специальная подготовка к такой работе несколько смягчает вред, могущий произойти от применения общих полицейских методов борьбы с детскими правонарушениями и беспризорностью. Но на путь создания специальной должностной детской инспекции, связанной со всей системой органов охраны детства, как то принято у нас с 1921 г., из стран западно-европейских стала одна только Италия. В проекте кодекса о малолетних, составленном в 1914 г., намечена стройная схема организации особой детской инспекции, стоящей в непосредственном подчинении у судьи для малолетних. Органами детской инспекции являются: инспектора, наблюдающие в пределах определенного округа за тем, чтобы выполнялись все требования закона и постановления судьи по охране малолетних и, в частности, чтобы надлежаще осуществлялся попечительный присмотр за малолетними правонарушителями, условно оставленными на свободе; в подчинении им находятся агенты-наблюдатели (agenti di vigilanza), учреждаемые в городах с населением свыше 50.000 жителей; они следят за поведением малолетних, имеют право задержания их не только в случае совершения правонарушений, но и в случае распущенности, праздности, бродяжничества и проституции. Наконец, для содействия инспекторам и наблюдателям учреждается институт «попечителей-добровольцев» (patroni volontari), из числа лиц, пожелавших приложить свою личную деятельность для работы в области охраны, защиты и опеки несовершеннолетних.

Несомненно, что наиболее правильным является путь, избранный нашим законодательством и итальянским проэктом — путь создания особой должностной детской инспекции. Но для осуществления его в надлежащем масштабе необходимы довольно значительные средства. К концу 1922 г. у нас во всех городах РСФСР насчитывалось всего не более 400 детских социальных инспекторов. Это почти капля в море, если принять во внимание цифру в 2 миллиона беспризорных детей, как-то определяется в настоящее время. Даже такие крупные города, как Петроград, не имеют штатной детской инспекции. Весною 1923 г. здесь образовались лишь добровольные инспекторские дружины из числа студентов и студентов педагогических ВУЗ'ов (в частности, Института Социального Воспитания), довольно энергично ведущие такую работу на началах безвозмездности. Опыт такой студенческой организации был проделан и в Москве. При всей ценности сотрудничества молодежи в этом деле, нельзя, однако, им ограничиваться, да и работа самих учащихся, при необходимости уделять главную массу времени занятиям, не может быть регулярной и напряженной.

Институт детской социальной инспекции только начинает развиваться у нас. Для его укрепления необходимо точнее определить должностные полномочия детинспекторов и, в частности, предоставить им право выступать обвинителями на судах по делам о нарушении интересов малолетних, как то предоставлено инспекторам труда по делам о нарушении законов о труде, финансовым инспекторам по налоговым делам и т. д.

Воспитатели-обследователи. Органом, наиболее тесно примыкающим к работе коммисий по делам о несовершеннолетних, составляющим необходимую их опору, являются обследователи-воспитатели. Задача их, как показывает само их наименование, является двойственной: с одной стороны, на них лежит обследование как фактической стороны дела, так и личности малолетнего и окружающей его среды; с другой—они являются проводниками тех мер педагогического воздействия, которые могут быть приняты комиссией в целях надлежащего воспитания малолетнего. В той или иной форме институт обследователей-воспитателей знаком всем странам, усвоившим идею специальных судов и комиссий для малолетних (см. выше гл. I). Для надлежащего диагноза дефективности малолетнего и для принятия той или иной меры социальной помощи или медико-педагогического воздействия суд или комиссия нуждаются в значительно более обширном базисе фактических данных. Они судят не по отдельному акту поведения, а учитывают всю личность малолетнего и все существенные условия окружающей его среды. Для надлежащего собрания и систематизирования этих фактов, в первую очередь, и нужно содействие особых вспомогательных органов.

На рассмотрении в подробностях самой организации и методов работы обследователей-воспитателей, мы здесь не предполагаем останавливаться *). Разработка их требует значительного места и преимущественно педагогического подхода. Мы рассмотрим здесь лишь ту роль, какую приходится выполнять обслед.-воспитателям в общей системе органов борьбы с детской беспризорностью и правонарушениями.

Обследователи-воспитатели являются прямыми преемниками существовавших у нас до революции «попечителей по делам о малолетних», работавших при детском суде; а эти последние, в свою очередь, были переработкой применительно к нашим условиям американского института—probation officers. В то время, как в самой Америке и в большинстве государств Зап. Европы идея создания особых должностных органов для расследования дел о малолетних и для осуществления над ними попечительного присмотра развивалась весьма медленно, и еще теперь во многих странах эти функции выполняются представителями общественных благотворительных организаций, в России удалось уже с первых шагов существования детского суда создать особый профессионально-педагогический аппарат для этой цели. Правда, численно он не был большим, но зато в ряды его удалось привлечь ряд ценных работников, сразу показавших своею работой всю его социальную необходимость. Революция восприняла этот институт вместе с идеей комиссий и внесла в него мало новых черт. Из всех декретов, изданных за 5 лет существования комиссий о несовершеннолетних, только лишь в Инструкции комиссиям по делам о несовершеннолетних (С. У. 1920 г. № 68, ст. 308) лаконически отмечает, что «при каждой комиссии должен иметься соответствующий штат обследователей-воспитателей» и что они несут свою работу как при комиссии, так и при приемном пункте. Вся регламентация деятельности обсл.-воспитателей, выяснение их служебного положения, прав и обязанностей и пр. производилась путем циркуляров Главсоцвоса, до

*) Этому вопросу посвящена другая наша работа, сданная в настоящее время в печать: «Обследователи-воспитатели и их работа.—Руководство для обсл.—воспитателей».

сих пор не сведенных воедино. Основным источником, определяющим характер этой должности, является «Общее положение к инструкции для обследователей-воспитателей», разосланное в 1920 г. в виде приложения к «Инструкции комиссиям». Здесь указывается, что на должность обсл.-воспитателей могут быть назначаемы лица, опытные в обращении с детьми, понимающие свои задачи по воспитанию и перевоспитанию несовершеннолетних и имеющие достаточную общую подготовку. Желательным условием является прослушание специальных курсов и общее педагогическое образование. Обсл.-воспитателями могут быть лица обоего пола не моложе 22 лет. Они назначаются комиссиями о несовершеннолетних и утверждаются под'отделами правовой защиты несовершеннолетних. Работа обсл.-воспитателя разбивается на три периода: 1) всестороннее ознакомление с делом до рассмотрения дела в комиссии; 2) доклад в комиссии, и 3) присмотр, надзор и воспитательное влияние по отношению к несовершеннолетнему после рассмотрения дела, по постановлению комиссии.

Обследование дела до рассмотрения его в комиссии состоит в ознакомлении с самим несовершеннолетним, окружающими его лицами (родителями, родственниками, старшими, товарищами), с обстановкой его домашней жизни и с характером его поведения, в частности с поступком, явившимся поводом к привлечению его в комиссию. Для этой цели обсл.-воспитатель опрашивает малолетнего в приемном пункте, если он туда помещен, навещает его домашних и подробно опрашивает их, наводит справки в школе, у хозяина или заведующего учреждением, где работал несовершеннолетний, справляется в канцелярии комиссии о прежних делах несовершеннолетнего. Если обстоятельства дела того требуют, обсл. воспитатель собирает необходимые доказательства путем опроса обвинителя, свидетелей, путем отобрания вещественных доказательств. Все собранные сведения вносятся в особый анкетный или обследовательский лист. Сюда же вписывается и заключение обсл.-воспитателя относительно тех причин, которые, по его мнению, вызвали совершение несовершеннолетним правонарушения, и тех мер, которые желательно принять по отношению к несовершеннолетнему или окружающим его лицам. Закончив обследование дела, обсл.-воспитател сам назначает время его рассмотрения на один из своих дежурных дней в комиссии и выдает повестки о явке необходимых лиц (родителей, потерпевшего) на заседание.

Доклад дела в комисси сводится к устным дополнениям опросного анкетного листа, к ответам на вопросы членов комиссий и к участию в совещании комиссии. Хотя обсл.-воспитатель не пользуется правом решающего голоса, но все же Инструкция дает ему широкие права во время разбирательства дела. Так, присутствие при разбирательстве обследователя, производившего расследование, является необходимым. Он имеет право задавать вопросы несовершеннолетнему и его родителям, высказывать свое мнение о желательной мере.

После рассмотрения дела в комиссии обследователь-воспитатель выполняет назначенную комиссией меру медико-педагогического воздействия, препровождая малолетнего в учреждение, раз'ясняя ему значение сделанного ему внушения, указывая родителям падающие на них, в силу постановления комиссии, обязанности и пр. Но особенно важны его воспитательные функции в тех случаях, когда комиссией назначается присмотр или надзор обсл.-вос-

питателя в качестве самостоятельной меры воздействия. В таких случах между несовершеннолетним и обсл.-воспитателем устанавливается длительная педагогическая связь и проводится та система попечительного воспитания на свободе, которая в настоящее время все более и более сокращает необходимость помещения и изоляции несовершеннолетнего в закрытых исправительно-воспитательных учреждениях. О постановке этой меры мы особо скажем в последней части нашей работы.

Изложенные обязанности обсл.-воспитателей имели в виду исключительно детей-правонарушителей, дела о которых первоначально только и подлежали ведомству комиссий. С переходом в комиссии дел о детской беспризорности и с расширением деятельности под'отделов социально-правовой охраны несовершеннолетних в этой области, на обсл.-воспитателей в порядке отдельных поручений стали возлагаться и другие функции. Так они обследуют положение беспризорных детей в целях оказаания им помощи; осуществляют ближайший надзор за положением детей у опекунов или у лиц, принявших детей на воспитание (семейный патронаж), расследуют дела о взрослых, виновных в совращении детей, склонения их к нищенству, проституции, спекуляции, в эксплоатации труда детей и жестоком с ними обращении по сообщениям детских социальных инспекторов, или самостоятельно оказывают малолетним меры патронатной помощи и пр. В последнее время, с переходом ряда дел о несовершеннолетних правонарушителях старше 14 лет в ведомство общих судов, они выступают на суде в качестве защитников несовершеннолетнего. Практика деятельности народных судов по делам о несовершеннолетних еще не успела сложиться. Но, несомненно, поскольку такие дела останутся в ведомстве общих судов, последние постоянно будут испытывать нужду в помощи со стороны обслед.-воспитателя. Так, напр., ст. 46 Угол. Код., предоставляя суду возможность отдавать несовершеннолетнего осужденного на поруки, требует «всестороннего ознакомления суда с личностью поручителя», что, вероятно, возможно будет сделать, только передав обследование поручителя обсл.-воспитателю. В будущем обсл.-воспитатель должен явиться важным связующим звеном между комиссиями и народными судами, рассматривающими дела о несовершеннолетних.

Эти изменения в характере обязанностей обсл.-воспитателей не учтены еще в достаточной мере. Они являются ныне все еще органами комиссий по делам о несовершеннолетних, тогда как значительная часть их работы протекает в непосредственном контакте с под'отделами социально-правовой охраны несовершеннолетних, а отчасти—и с народными судами. Поэтому нам кажется более целесообразным приурочить этот институт не к комиссиям, а к под'отделам соц.-прав. охраны, подобно тому, как это сделано в отношении детской социальной инспекции. Комиссии являются по преимуществу органом медико-педагогической экспертизы и опекунскими учреждениями. Правильное же наблюдение за работой обследователей-воспитателей, носящей административный характер, может быть осуществляемо административным же органом. Он сможет лучше распределять и контролировать эту работу, командируя имеющихся у него обслед.-воспитателей для исполнения тех функций, в которых особенно будет ощущаться надобность.

Работа обследователей-воспитателей не является механическим отбыванием служебных обязанностей. Она требует живой личности, обладающей

характером, темпераментом, живым умом, крепкою волею и большим тактом. Из резервуара специальных педагогических знаний и практического опыта обсл.-воспитатель черпает необходимые сведения для своей работы. Но эта работа должна углубляться путем коллективных совещаний и дискусий, путем взаимного обмена полученным опытом. Поэтому во всех странах мы наблюдаем появление ассоциаций обслед.-воспитателей, периодически собирающихся на конференции и с'езды. Желательно и у нас дать толчек развитию такого организованного об'единения между многочисленными ныне работниками в этой области. Тогда только можно будет несколько обобщить и оценить методы, испробовавшие в отдельных городах и губерниях, и наметить дальнейшие этапы воспитательной работы по отношению к беспризорным и дефективным детям. В течение последних лет мы многое узнали, многому научились; нужно, чтобы своевременно были подведены итоги и на основании их намечены пути усовершенствования. На основании их можно будет и выработать положение об обследователях-воспитателях, ныне отсутствующее.

УЧРЕЖДЕНИЯ. Приемные пункты. Первым учреждением, призванным к оказанию помощи детям беспризорным и правонарушителям, являются состоящие в ведении под'отделов социально-правовой охраны—детские приемные пункты или, сокращенно, премники. Положение о местных органах под'отдела правозащиты называет эти учреждения «пунктами скорой социальной помощи» и указывает, что они должны заменить собою участки милиции, привод в которые несовершеннолетних является во всех отношениях нежелательным. Приемник является местом кратковременной и предварительной изоляции несовершеннолетнего, необходимой как для производства первоначального его опроса, так и для его содержания в случае невозможности или нежелательности устроить его иным образом до рассмотрения его дела комиссией. В приемник могут приводиться или приходить сами дети трех категорий: 1) несовершеннолетние, задержанные за совершение правонарушений; 2) несовршеннолетние, находящиеся в состоянии общественно-опасной беспризорности (бродяжничествующие, нищенствующие, занимающиеся проституцией и пр.), и 3) дети, нуждающиеся в социальной помощи и временно находящиеся без пристанища (бездомные дети, заблудившиеся, потерявшие в пути своих родителей, ожидающие отправки на родину и пр.). В связи с различием этих трех категорий несколько различны и функции, выполняемые приемником.

В отношении несовершеннолетних правонарушителей приемник служит прежде всего местом для производства обследователем-воспитателем первоначального расследования (соответствующего дознанию) дела о несовершеннолетнем. Относительно каждого задержанного и приведенного в приемник несовершеннолетнего должен быть составлен надлежащий акт (протокол), с указанием обстоятельств, вызвавших необходимость задержания и сведений о совершенном правонарушении со слов лица, приведшего несовершеннолетнего. Этот протокол должен удовлетворять требованиям, которые выставляются угол.-проц. уставом для постановлений о задержании (ст. 100 и 110 угол.-проц. кодекса). Нужно думать, что привод задержанного несовершеннолетнего в приемник должен производиться немедленно и, во всяком случае, не позже 24 часов по задержании (ст. 104 угол.-проц. код.) и всякое предварительное направление задержанного несовершеннолетнего в уголовный розыск с оста-

влением его там на предмет снятия дактилоскопических снимков, наведения справок о судимости и пр. едва ли допустимо. Одной из первых обязанностей заведующего приемником или дежурного при приемнике обследователя-воспитателя, либо детского социального инспектора является производство опроса самого несовершеннолетнего. Циркуляр Главсоцвоса от 2-го марта 1920 г. рекомендует проявлять по отношению к малолетнему благожелательное, внимательное отношение и заботу, отнюдь не допуская угроз, упреков, запугивания или резкого обращения. Малолетний должен сразу почувствовать себя в атмосфере тепла, приюта и приветливой заботливости, располагающей к откровенности и к прямой даче нужных показаний и сведений. Если малолетний задержан ночью или производит впечатление уставшего, больного, следует ограничиться записью самых необходимых сведений, отложив снятие подробного опроса до более удобного момента. В случае более серьезных правонарушений рекомендуется даже, не производя подробного опроса в приемном пункте, направить несовершеннолетнего сразу в комиссию. К опросу едва ли применимы строгие правила угол.-проц. кодекса о первоначальном допросе обвиняемого (ст. 135—140), в частности нельзя рекомендовать ведение протокола допроса со всеми требуемыми формальностями. Они резко противоречат духу педагогического подхода к несовершеннолетнему, и инструкция отмечает неформальный характер этой меры, называя ее «опросом», а не «допросом».

Другой задачей приемника в отношении несовершеннолетних правонарушителей является временное содержание несовершеннолетних до рассмотрения дела комиссией. В этом отношении содержание в приемнике заменяет собою «меры пресечения», принимаемые в отношении взрослых обвиняемых. Еще по закону 2 июля 1897 г. у нас предписывалось не помещать несовершеннолетних до 17 лет до суда в места заключения, применяя вместо того помещение в исправительно-воспитательные заведения и ответственный присмотр родных или благонадежных лиц. Применение первой из этих мер представляло неудобство в том отношении, что режим исправительно-воспитательных заведений, расчитанных на длительное пребывание в них малолетних, нарушался помещением туда несовершеннолетних на краткие сроки, а их смешание с другими воспитанниками являлось мало желательным. Идея приемных пунктов, поэтому, является более удачной. На Западе в некоторых странах (Англии, Германии, Австрии) устраиваются для этой цели особые «дома детенирования»; наши приемники отличаются от них в том отношении, что в них более последовательно проведен принцип педагогического подхода к малолетнему и что не только правонарушители, а все дети, нуждающиеся во временной изоляции и помещении, направляются в такие учреждения. Инструкция требует лишь устройства особого отделения для несовершеннолетних, проявляющих особо сильные признаки моральной дефективности, с разделением далее их, при имеющейся возможности, по характеру и возрасту.

На ряду с помещением в приемник практика сохранила у нас и другую практиковавшуюся ранее предварительную меру—отдачу под присмотр родителей или обследователя-воспитателя. Сначала эта мера практиковалась неформально, путем простого распоряжения лица, заведующего приемником, но затем на конференции в Москве в 1922 г. было признано желатель-

ным, чтобы освобождение под присмотр происходило не иначе, как с разрешения председателя комиссии или члена комиссии, имеющего наблюдение за приемником, и лишь в крайних случаях—по соглашению заведующего приемником с обследователем-воспитателем. Присмотр допустим в тех случаях, когда родная семья малолетнего представляет надежную гарантию того, что малолетний будет доставлен в комиссию и когда пребывание в ней несовершеннолетнего не явится для него вредным.

В отношении детей, находящихся в состоянии опасной беспризорности, приемник выполняет роль коллектора (на Украине приемники носят именно это название), куда помещаются малолетние на время, пока относительно них не будет произведено соответственное обследование и не будет принята комиссией или другим соответственым органом подходящая мера педагогического характера или социальной помощи: напр., помещение в детский дом, отправка на родину, устройство на работу, устройство в трудовое общежитие и пр.

Наконец, в отношении детей, попадающих в приемники по случайным причинам—бездомных, потерявших родителей и пр., заведующий приемником совместно с детским инспектором принимают меры к оказанию им необходимой помощи, сохраняя их на это время в приемнике с изоляцией от других элементов.

Все задачи, на которые расчитано устройство приемника, предполагают кратковременное пребывание в нем несовершеннолетних. Первоначально инструкция указывала даже, что срок пребывания там малолетних не должен превышать 2—3 дней, подобно пребыванию задержанных взрослых при участках. Но затем по ряду причин пришлось этот срок удлиннить: для бесприютных и беспризорных детей не всегда находилось свободное место в детских домах, заседания комиссий в большинстве мест происходят не чаще раза в неделю, производство обследования по ряду причин может затянуться и т. д. Во всяком случае принцип кратковременности содержания остается лежащим в основе этого учреждения. Естественно, поэтому, что в приемнике не может быть организована планомерная педагогическая работа. Ей мешают, кроме того, скромность размеров и штатов приемника. В лучшем случае зимою ведутся общие чтения и клубные занятия, летом—игры. Зато необходимым условием режима в приемнике является принятие санитарно-гигиенических мер с целью помешать внесению заразы в среду находящихся в нем детей. Каждый вступающий должен быть обмыт в бане или ванне, подвергнут медицинскому осмотру (с изоляцией в особой комнате в случае наличия сомнительных болезней), одежда его должна быть подвергнута тщательному дезенфицированию и, по возможности, приведена в опрятный вид. Внутри приемника, как было уже отмечено, должна производиться классификация детей с разделением по полу, степени испорченности и возрасту. Приемник должен быть устраиваем таким образом, чтобы предупреждать возможность побега; по тем же причинам не разрешаются и отпуска из приемника и бесконтрольное сношение с посторонними лицами. Едва ли возможно наладить какие-либо специальные работы в приемнике, но дети должны быть занимаемыми легким трудом по хозяйству, починке одежды, уборке помещения, самообслуживанию и т. п. В видах удобства привода несовершеннолетних, лучше устраивать несколько небольших приемников в различных частях большого

города, чем один центральный. Одно время, при наличности большого количества беспризорных детей на вокзалах, при последних устраивались временные небольшие приемные пункты для детей, где они проводили время в ожидании поезда и где в случае нужды им оказывалась питательная, гигиеническая и др. помощь.

Наблюдательно-распределительные пункты. Кратковременность пребывания в приемнике и смешение в нем малолетних различных категорий не дают возможности вести индивидуальное изучение личности несовершеннолетнего и ее особенностей. Для этой цели предназначено другое учреждение— наблюдательно-распределительный пункт, кратко называмый распределителем. В то время, как приемники существуют при каждой комиссии и каждому уезду вменяется в обязанность устройство подобного учреждения, распределители должны быть устраиваемы лишь в губернских или крупных городских центрах, так как требуют для своей правильной постановки и больших средств и более подготовленных работников. Распределитель собирает врачебно-педагогические и психофизические данные о личности несовершеннолетнего, добытые путем более или менее длительного наблюдения со стороны состоящих при нем педагогов, воспитателей и врачей, которые служат комиссии по делам о несовершеннолетних основанием для выбора той или иной меры воздействия. Из этого следует, что далеко не все несовершеннолетние должны быть направляемы из приемников в распределитель. Те из них, относительно которых производство таких наблюдений не требуется, могут быть непосредственно направляемы в комиссию или в учреждения социальной помощи и воспитания. Вопрос о направлении в распределитель должен решаться членом комиссии по соглашению с заведующим приемником.

Исследование личности в распределителе ведется, с одной стороны, обследователем-воспитателем, а с другой—медицинским и педагогическим персоналом пункта. Обследователь-воспитатель собирает данные, касающиеся семейной и социальной среды несовершеннолетнего, относительно его прошлой жизни, обстоятельств совершенного им правонарушения и дает материал так называемого социального обследования, необходимый для всестороннего суждения о малолетнем. Медицинско-педагогический персонал изучает наклонности самого несовершеннолетнего, его умственное развитие, физическое состояние, степень этической развитости, его способности и его пороки. Относительно каждого несовершенолетнего должен вестись особый «дневник», в который вписываются отдельными педагогами и врачами сделанные ими наблюдения и на основании которого затем составляется на педагогическом совете учреждения характеристика, направляемая в комиссию о несовершеннолетних. При индивидуальном подходе к каждому несовершеннолетнему и при наличности постоянного педагогического наблюдения, принцип классификации здесь не имеет такого первенствующего значения, как в приемнике, хотя и здесь желательно разделение на группы, главным образом, по степени дефективности.

Пребывание в распределителе длится 2—3 месяца, а иногда и больше. При таких условиях, если и невозможно наладить регулярных общих школьных занятий, все же необходимо вести некоторое обучение воспитанников наукам и ремеслам. Способности и качества несовершеннолетнего могут быть изучены преимущественно в процессе педагогической работы. Здесь же легче

проводить обстановку естественного эксперимента, т.-е. незаметного для испытуемого наблюдения его психических особенностей в обстановке обычных занятий, развлечений или упражнений. Естественно, что образование постоянных классов при текучести состава едва ли возможно, занятия могут носить по преимуществу групповой характер с разделением по возрасту и степени дефективности. Обучение ремеслам может происходить в форме ручного труда или элементарных трудовых процессов по немногим и менее квалифицированным отраслям (плотницкие, картонажные, корзиночные, сапожные работы). Надлежаще оборудованной в распределителе должна быть и медицинская часть. Помимо постоянного наблюдения врача (желательным является врач-психиатр) должно иметься надлежащее больничное оборудование для стационарного лечения венериков, энуретиков и др., а также изоляционно-карантинная комната для заразно-больных.

В больших центрах наблюдательно-распределительные пункты представляют собою достаточно обширные учреждения с несколькими отделениями. Общим губернским типом, однако, является устройство такого пункта в качестве особого отделения при приемнике с достаточным, однако, раз'единением его от последнего.

Психопатологические детские лаборатории, клиники и институты. Изучение личности несовершеннолетнего, производимое в распределителе, еще не требует применения всех методов научного психологического и патологического диагноза. В особо сложных случаях, когда требуется производство специальной психопатологической экспертизы несовершеннолетнего с применением сложных и точных лабораторных методов, обстановки и средства распределителей оказываются недостаточными. Для этого требуется устройство особых обследовательских учреждений. Впервые в американской практике стала развиваться идея создания при детских судах особых психопатических лабораторий или клиник. Первая такая лаборатория возникла при детском суде в Бостоне в 1909 г. на средства, пожертвованные Рокфеллером. Вслед за нею в 1911 г. аналогичная психопатическая клиника была устроена в Чикаго, за которым затем в 1916 г. последовали Нью-Иорк, Вашингтон и ряд других больших городов. В настоящее время признается, что надлежаще поставленный детский суд не может обходится без подобного учреждения. Задача психологической или психопатологической лаборатории заключается в том, чтобы поставить научно-обоснованный диагноз психического состояния несовершеннолетнего. Для этой цели производится самое подробное его врачебное освидетельствование; через особых социальных работников клиники собираются данные не только о социальной среде, но и о наследственности и развитии малолетнего, начиная с раннего возраста, на основании чего составляется возможно подробный анамнез (историческая справка) данного случая; наконец, путем применения особых тестов (испытательных масштабов, проверенных на массовом материале), измерительных аппаратов, лабораторных экспериментов и пр., точно определяются психические особенности лица. При психопатологических особенностях лица, таким путем зачатки психических аномалий и болезней распознаются в их почти начальных стадиях, что дает возможность своевременно применить предупредительные меры. Применение точных методов и психоаналитического эксперимента дает возможность выявить такие черты психического уклада, которые не поддаются уло-

влению путем непосредственного наблюдения. Работа психопатологической лаборатории дает и материал, ценный для научной разработки в виду тщательной проверки применяемых приемов. Такие учреждения являются органами врачебно-психопатологической экспертизы для всех случаев, когда психический облик, мотивы поведения и причины дефективности не ясны для комиссии. Практика показывает желательность применения такой научной экспертизы по всем делам о более тяжких правонарушениях несовершеннолетних (напр., убийствах, изнасилованиях, поджогах), а также применительно ко всем несовершеннолетним рецидивистам. Психологическое обследование вскрывает здесь факты и стороны, ранее бывшие неизвестными не только для комиссии, но и даже для родителей и близких несовершеннолетнего, способствуя тем самым более углубленному выбору и соответствующих мер воздействия.

У нас аналогичные учреждения также стали возникать за последние годы. В столицах—Москве и Петрограде—имеются специальные институты для этой цели (Детский Обследовательный Институт под руководством проф. А. С. Грибоедова в Петрограде и Институт Детской Дефективности под руководством проф. В. П. Кащенко в Москве). Но и в ряде губернских центров имеются специальные детские психологические лаборатории. Таковы Психологическая лаборатория для детей в г. Орле под руководством В. Н. Басова, Казанская Психологическая лаборатория (руководитель Я. П. Красников), психологические лаборатории в Самаре, Саратове, Новочеркасске. Лаборатории эти обычно обслуживают вообще нужды отделов народного образования, а не только комиссий по делам о несовершеннолетних. Благодаря им удается уже в раннем возрасте обособлять в вспомогательных школах детей умственно-отсталых, производить широкие психолого-педагогические анкеты среди учащейся молодежи, определять степень моральной и умственной дефективности детей и подростков и т. д. Обычными методами исследования у нас являются методы Бине, Россолимо, Нечаева, приемы естественного эксперимента по Лазурскому, ассоциативный метод Юнга, психоанализ Фреуда и др. Штат лабораторий обычно слагается из врача-психиатра, психолога, лаборантов; к ним порою присоединяется врач-педагог и социальные обследователи.

Создание психологической лаборатории, обставленной всеми необходимыми приборами и с достаточным штатом квалифицированных работников, под силу только крупным центральным или областным учреждениям. Однако не должны быть забываемы и нужды менее крупных местностей. В виду этого удачной является начавшаяся развиваться в самые последние годы практика в некоторых американских штатах (Массачузетсе, Нью-Иорке) по устройству подвижных психологических лабораторий, периодически (напр., раз в год) наезжающих в отдельные города и в течение недели—двух производящих на месте необходимую научную экспертизу. Обычно в таких случаях за месяц—полтора в данный город направляются один-два сотрудника лаборатории, которые на месте заранее отбирают, с помощью местных работников из числа педагогов и работников комиссий, несовершеннолетних, требующих такого обследования, и собирают необходимый для производства его материал. Приезжающий врачебно-педологический штат клиники уже имеет в своем распоряжении анамнез каждого несовершеннолетнего, производит необходимые

освидетельствования и лабораторные эксперименты и в заключение составляет рекомендации для каждого случая, проведение которых в жизнь уже возлагается на орган данной местности. Одна-две такие подвижные клиники у нас могли бы обслуживать целую область или несколько соседних губерний.

Все рассмотренные учреждения, состоящие в ведении НКП (психологические лаборатории порою подведомственны также НКЗ) обслуживают несовершеннолетних до 18 лет. Поэтому представляется вполне возможным, чтобы помощью их, в необходимых случаях, могли пользоваться и те народные суды, которым приходится рассматривать дела о несовершеннолетних от 14 до 16-ти и от 16 до 18 лет. Помещение несовершеннолетнего в приемник или распределитель до судебного разбирательства дела о нем, обследование его личности в психологической лаборатории часто может явиться необходимым и для народных судей, которым по ст. 46 угол. код. также предоставлено право помещать осужденных в учреждения для умственно и морально-дефективных, в психиатрические и др. лечебные заведения. Конечно ,желательно по этому поводу войти в ближайшее соглашение с НКП и дать циркулярные указания народным судьям в этом направлении.

ГЛАВА IV.

Роль общественных организаций.

На-ряду с учреждениями и органами государства активное участие в деле устранения факторов, вызывающих рост детской беспризорности и преступности, играет и организованная общественность, помощь которой является необходимым условием для преодоления этого социального зла.

Еще недавно, несколько десятилетий тому назад, задачи, которые принимало на себя государство в деле борьбы с правонарушениями несовершеннолетних, ограничивались чуть ли не областью полицейских мер пресечения и применением мер наказания, а все остальные виды деятельности были предоставлены частной инициативе и филантропии. Различные общественные организации постепенно вырабатывали свои методы борьбы, которым недоставало, однако, ни надлежащей организованности, ни достаточных средств. С началом нового XX века быстро начинает развиваться другая точка зрения, выдвинувшая задачи государства по охране детей и юношества на первый план и последовательно заменяющая деятельность общественной благотворительности планомерной социальной политикой самого государства. Война, во многом разрушившая старую общественность, а за нею и новые крепнущие идеи социализма, небычайно расширили круг социальных задач, принимаемых на себя государством, и сделали социально-правовую охрану детей одним из вопросов первостепенной государственной важности. Повсеместно создались новые органы такой охраны, начали издаваться особые кодексы «детского права», значение семейной власти значительно ослабело по сравнению с правом государственной опеки над малолетними. Но силы и возможности современного государства еще не дают ему возможности всецело принять задачу воспитания и охраны подростающего поколения на свои пле-

чи. Оно вынуждено опираться и на общественное содействие, организуемое, однако, ныне по иным принципам, нежели принципы старой филантропии. Оно ищет не частной благотворительности, движимой простым чувством сострадания, а организованной общественной поддержки своим начинаниям и планам.

Сочетание государственной и общественной деятельности, при котором совмещались бы ценные и положительные стороны той и другой, возможно и наблюдается в нескольких формах *).

Один тип, который можно назвать американским, в виду его особой распространенности в Соединенных Штатах Сев. Америки, сводится к образованию особых советов организованной социальной деятельности, состоящих частью из представителей государства, частью из представителей общества. Такой характер носят различные советы, ведающие дело социального призрения, помощи, воспитания и исправления дефективных, социального страхования и пр. (Boards of charitces and correction, boards of public welfare boards of public health, of mental hygiene), составляемые из членов, назначаемых губернатором штата (большею частью из лиц, известных своей деятельностью и познаниями в соответственных областях) и из представителей от организованной благотворительности. Эти советы пользуются официальным признанием: они не только заведуют административной стороной соответственных учреждений и распределением между ними ассигнуемых сумм, но и вырабатывают пожелания, ежегодно вносимые ими в законодательные органы. Им принадлежит высший надзор за деятельностью различных учреждений социальной помощи, в частности помощи несовершеннолетним и назначение высшего персонала таких учреждений. Американская система, таким образом, вводит свободные общественные силы в состав государственной организации, предоставляя им широкую инициативу. Вне такой организации остаются лишь конфессиональные (церковные) благотворительные организации и специальные фонды, ассигнуемые американскими миллиардерами на те или иные специально указываемые ими цели.

Второй тип, распространенный по преимуществу в Англии, и потому могущий быть названным английским, сводится к сохранению за государством контрольных и инспекторских функций. Государство предоставляет свободной общественной инициативе создавать исправительно-воспитательные школы и приюты, устраивать общества для охраны детей в той или иной области (напр., защиты от жестокого обращения, борьбы с курением, алкоголизмом, проституцией среди детей), устраивать для детей патронаты и общежития и пр. Но, оно предоставляет таким общественным организациям материальную поддержку из средств казначейства и те или иные официальные права (напр., право возбуждения обвинения на суде, финансовые льготы и пр.), если соответственные общества введут в свои уставы положения, принятие которых государство признает желательным, если они из'явят готовность подчиняться периодически инспекции особых правительственных органов и будут посильно выполнять делаемые последними «рекомендации».

*) См. ряд ценных сведений по этому вопросу в книге А. Рубашовой. Особые суды для несовершеннолетних М. 1912 и в статье ее, помещенной в сборнике «Дети—преступники». М. 1910.

В виду того, что государственное признание и казенная поддержка играют весьма существенную роль для развития деятельности общества, значительное большинство обществ подчиняются такому контролю и руководству, которое, однако, не идет так далеко, чтобы совершенно подавлять внутреннюю самостоятельность общества и своеобразие методов его деятельности. Эти так наз. certified societies and institutions выполняют главную массу работы в области охраны детства и борьбы с детской преступностью и представляют собою крупную общественную силу.

Во Франции общественная деятельность принимает форму ряда слабо связанных между собою общественно-благотворительных организаций, строго оберегающих свою самостоятельность и весьма часто проникнутых религиозными тенденциями. Общественный надзор за ними принадлежит префектам, которые могут признавать такие общества «публично-полезными» и предоставлять им некоторые полномочия. Субсидии обществам (каждому в отдельности) ассигнуются парламентом при рассмотрении бюджета на каждый год и определяются скорее влиятельностью организаторов и покровителей общества, чем важностью преследуемых им задач. Французская форма должна быть признана одной из наиболее отсталых.

В Германии и Австрии до самого последнего времени общественная деятельность соприкасалась с деятельностью правительственных органов весьма слабо (за исключением отдельных округов). Правительство ассигновало лишь определенную сумму в распоряжение центрального органа об'единенных благотворительных обществ, который распределял ее между входящими в нее отдельными организациями. Поэтому германская общественная деятельность тяготела в сторону об'единения в крупные союзы в пределах отдельных союзных государств или всей империи, ограничивавшие свою роль, главным образом, распределением работы, обсуждением вопросов общего значения и взаимной информацией. Типическим представителем организаций такого типа является Deutsche Zentrale für Jugendfürsorge, возникшая в 1907 г. и являвшаяся промежуточным звеном между администрацией и отдельными общественно-благотворительными организациями. С 1908 г. она выделила из своей среды Jugendgerichtshilfe, специальной задачей которой является помощь при расследовании дел о малолетних обвиняемых и в осуществлении попечительного присмотра. После ноябрьской революции 1918 г. отношение государственности и общественной деятельности в Германии несколько изменилось. Новый германский закон от 22-го июля 1922 г. об охране малолетних создает уже в качестве руководящих советов для проведения мер по охране детей и попечению над ними на местах и в центре особые смешанные органы—Отделы Детства (Jugendämter), в состав которых, наряду с руководящими административными лицами, в области такой охраны входят также особо опытные в этом деле и благонадежные представители населения, преимущественно из числа представителей свободных общественно-благотворительных организаций и организаций молодежи, при чем последним двум категориям должно принадлежать не менее 2/5 всего числа голосов. Таким образом, здесь как бы наблюдается переход к американскому типу.

У нас, в Советской России, за последние два-три года начала развиваться самобытная форма взаимодействия государственной и общественной

помощи в интересующем нас вопросе. Она выражается, с одной стороны, в форме «шефства», т.-е. особого покровительства в материальном и культурно-просветительном отношении, со стороны отдельных фабрик, учреждений, профессиональных организаций и союзных образований над теми или иными детскими учреждениями; с другой стороны общественная деятельность выливается в форму рабочих, профессиональных и др. «патронатов», выражающихся в устройстве самостоятельных организаций и учреждений для нуждающихся детей, в виде коллективной трудовой помощи учреждениям в форме «субботников», «воскресников», устройства ударных «недель», производства отчислений из заработка и пр. По сравнению с Западом у нас наблюдается обратное отношение. Там обычно государство приходит в материальном отношении на помощь общественной инициативе, у нас же общественное сотрудничество выражается преимущественно в доставлении материальных средств для проведения в жизнь и углубления государственной инициативы.

Трудно в общей форме оценить преимущества и недостатки каждой из изложенных систем. Они тесно связаны с государственным и общественным укладом каждой страны, с характером населения, его культурным уровнем и внутренней спайкой отдельных общественных групп. Во всяком случае, следует признать, что прошло то время, когда государство и общество работали обособленно и часто несогласованно друг с другом над достижением одних и тех же задач и что действительный успех работы будет обеспечен только тогда, если деятельность того и другого будет находиться в самом тесном взаимодействии.

Перейдем теперь к рассмотрению тех видов общественной деятельности, которые получили особенное распространение за последнее время и в которых ощущается особенная нужда для правильной организации дела борьбы с беспризорностью и преступностью малолетних.

Роль здоровой и организованной общественности прежде всего сказывается в той силе противодействия, которое она оказывает нарушению основных прав ребенка. Трудно рассчитывать на деятельность одних только официальных органов в деле искоренения таких явлений, как жестокое обращение с детьми, эксплоатация малолетних, вовлечение их в разврат или прививка им дурных и вредных привычек. Поэтому вполне уместным является создание таких общественных организаций, которые ставят своею целью борьбу с жестоким обращением, с вовлечением детей в разврат, с алкоголизмом, проституцией молодежи или эксплоатацией их труда хотя бы в домашнем быту, но в мере, опасной для их развивающихся сил. Такие общества возникают уже с 70-х годов прошлого века в различных государствах *). Деятельность их сводится к доведению до сведения судебной власти о подоб-

*) Таковы английские общества National Society for the prevention of cruelty to children, Children's Aid society, немецкий Verein zum Schutz der Kinder von Ausnutzung und Misshandlung, учрежденный в 1899 г., der Bund deutscher Iugendvereine (с 1909 г.), Deutsche Hauptverein vom Blauen Kreuz, Zentralstelle für die arbeitende Jugend in Deutschland (с 1908 г.) и др., венское Kinderschutz-und Kettungsgesellschaft. В России с этой целью в 1913 г. было организовано «Общество Правовой Охраны Малолетних», кроме того с конца 80-х годов существовало «Общество защиты детей от жестокого обращения», учрежденное Н. Н. Герардом.

ного рода случаях, к поддержанию обвинения на суде, к расследованию таких случаев и к временному устройству детей, являющихся жертвами преступного отношения к ним взрослых. Потерпевшие дети или помещаются в другие семьи или воспитываются в детских домах или приютах, специально содержимых подобного рода организациями.

Другой формой общественной деятельности является устройство всякого рода приютов, общежитий, домов для временного пребывания и ночевки детей бесприютных, обычно скитающихся без крова в большом городе, впредь до устройства их более постоянным образом на работе или в детском учреждении. К числу таких обществ в Англии следует отнести Society for providiny homes for waifs and strays, дающее в своих приютах убежище для сирот и беспризорных детей (в настоящее время содержит свыше 100 убежищ), учреждения д-ра Бернарде для приходящих детей) так наз. дома с открытыми дверьми—opendoor homes) где дети получают пищу, тепло и ночлег, а также пользуются по вечерам разумными развлечениями и дополнительным обучением *); общества по устройству общежитий в городах для трудящихся подростков, убежища для приезжающих в города молодых девушек и пр **).

Далее, общественная деятельность выражается в виде создания ряда учреждений для помощи подросткам при выборе профессии, при приискании места работы, при устройстве в колониях, при поступлении в ремесленное ученичество, когда приходится временно поддерживать их до того, как они смогут получать самостоятельный заработок. Такие общества работают совместно с оффициальными биржами труда, профессиональными организациями и ремесленными союзами ***).

Особо необходимую функцию в деятельности общественной выполняют общественные учреждения патронатной помощи для детей, выпускаемых из закрытых учреждений или из исправительно-воспитательных заведений, которые обычно еще не привыкли к самостоятельной жизни и особенно нуждаются в общественном попечении. По отношению к таким детям зачастую необходим и дружественный надзор, так как они еще неустойчивы в моральном отношении. Виды патронатной помощи сводятся к временному устройству в общежитии, в снабжении необходимой одеждой, обувью, инструментами, к приисканию работы, к даче советов и указаний в трудных случаях, к поддержанию душевной бодрости при трудных начальных шагах самостоятельного существования.

В сотрудничестве с вспомогательными органами судов и комиссий по делам о несовершеннолетних общественные организации часто выполняют те же функции, как и детские инспектора и обследователи-воспитатели. Работа последних значительно облегчается при наличности некоторого количества неоффициальных помощников из числа представителей или агентов

---

*) Описание учреждений д-ра Бернардо, см. в книге П. Гапзена. Охрана детства в Англии. 1916.

**) Подробнее см.: мою работу «Новые течения по устройству бедных детей в Англии». «Трудовая помощь» 1916 г. № 5.

***) Г. Швиттау. Проблемма квалифицированного труда. Детский труд. ч. I. П. 1917.

общественных организаций, принимающих под свое наблюдение двух-трех несовершеннолетних, нуждающихся в постоянном надзоре и руководстве и выполняющих по отношению к ним обязанности должностных попечителей. Общества такого типа, как мы видели, сильно развились на Западе и там порою даже полностью заменяют деятельность обследователей-воспитателей.

Особую роль играют школьные комитеты и учительские организации, оказывающие помощь родителям в постановке разумного воспитания детей и детям в устройстве их после выпуска из школы. Эти комитеты и организации принимают часто на себя заботу и о доставлении материальной помощи отдельным учащимся детям беднейших классов; они снабжают их необходимыми учебными пособиями, устраивают для них воскресные развлечения и пр.

Общественная организация типа «сеттльментов» (сеттльмент значит прочное, хорошее устройство) стремятся к улучшению общих условий жизни детей беднейшего населения. Они в рабочих и беднейших кварталах больших городов устраивают более просторные и светлые жилища, предоставляемые за скромную плату, организуют бесплатные детские клубы, библиотеки, строят детские площадки, ведут просветительную работу с детьми и приучают их к здоровой коллективной жизни.

К делу помощи детям организованная общественность привлекает и более развитые элементы самой молодежи. Организации социал-демократической молодежи в Германии, организации старших братьев и сестер в Америке и дети-скауты в Англии, не говоря уже о других юношеских организациях, считают своей обязанностью оказывать товарищеское покровительство своим более слабым сверстникам, заражать их хорошими примерами и постепенно приобщать к здоровой духовной жизни. Отдельные представители организованной молодежи принимают на себя обязанности попечителей и старших товарищей по отношению к детям, нуждающимся в особой заботе, и такая помощь порою гораздо более, чем помощь со стороны взрослого, может выправить малолетнего и поставить его на правильный путь.

Значительно развивают свою деятельность в области помощи детям, находящимся в опасном положении, также и религиозные организации. Они предпочитают форму устройства закрытых приютов для детей сирот и беспризорных, позволяющую им воспитывать детей в строгом подчинении определенным религиозным верованиям и готовить из них верных сынов данной церкви. Во многих странах эти религиозно-церковные организации настолько сильны, что они сильно задерживают развитие форм публичной помощи детям. В особенности они проявляют энергию в тех странах, где имеется смешанное по религиозному составу население (напр., в Америке, в Германии), или где силен католицизм, ищущий себе политической опоры в господстве над умами молодых поколений. Для предупреждения случаев прозелитизма, т.-е. обращения детей в другую религию, большинство законодательств, допускающих такие организации, постановляет, что дети могут быть помещаемы лишь в те приюты, которые содержатся организациями того же вероисповедания, к которому принадлежат и дети.

В начале развития дела исправительного воспитания детей-правонарушителей устройство заведений принудительного воспитания детей также находилось в руках отдельных обществ. Этот порядок до сих пор является

господствующим во Франции и Англии. У нас он являлся господствующим до издания Положения о воспитательно-исправительных заведениях 1909 года. Лишь в немногих странах Запада (Бельгии, Венгрии) эти учреждения приобрели сразу характер государственных учреждений; в большинстве стран они создаются местными муниципальными и общинными органами. Но если существование частных исправительно-воспитательных учреждений является теперь некоторой аномалией, то образование для содействия им особых общественных комитетов из числа лиц, сочувствующих этому делу, является вполне желательным. Такие комитеты приходят навстречу материальным нуждам учреждения, ведут просветительную работу в них дополнительно к работе обычно небольшого педагогического персонала, патронируют выпущенников таких приютов и, наконец, служат органом общественного контроля за умелым и добросовестным ведением этого дела администрацией учреждения.

Наконец, общественная инициатива и самодеятельность является весьма значительной в области научной и агитационной работы по вопросам борьбы с детской беспризорностью и правонарушениями. Устройство периодических с'ездов, издание журналов, ведение общественной дискуссии по вопросам охраны детства, пропаганда новых идей и рекомендация новых законодательных мер обычно исходят из среды общественных работников, более свободных в своих убеждениях и могущих вести наблюдение в более широкой плоскости. Результатом такой работы является создание ряда национальных ассоциаций отдельных обществ и категорий работников и выработка однородных и наиболее успешных методов общественной помощи *).

Перечисленным далеко не исчерпываются все формы общественной деятельности в интересующем нас вопросе. Не только каждая страна, но и каждая организация имеет свои индивидуальные особенности. Этой гибкостью и приспособляемостью к обстоятельствам места и случая общественная деятельность прежде всего отличается от деятельности официальной, направляемой из центра и по определенному общему заданию. Поэтому многие новые начинания сначала проходят стадию свободного общественного приспособления и испытания и лишь затем, показав свою успешность на опыте при определенных условиях, воспринимаются в практике официальных учреждений. Хотя в области социальной работы экспериментирование имеет свои опасные стороны, однако в известной мере оно безусловно необходимо для того, чтобы работа прогрессировала. Поэтому даже в тех областях, которые, казалось бы, имеют уже испытанные и официально признанные формы работы, допущение известной прогрессивной общественной инициативы может диктоваться интересами самого дела.

Порою не только общественная, но даже смелая индивидуальная инициатива является приемлемой. «Детские республики», являющиеся ныне одним из наиболее удачных видов самоуправляющейся детской коммуны,

*) Наиболее крупными национальными организациями работников по охране детства являются в Америке—National Association on Socialwork u Juvenile welfare Association, возникшая в 1922 г. из слияния нескольких организаций; в Англии—Reformatory and Refuge Union, в Германии—Deutsche Zentrale für Jugendfürsorge. Все эти организации устраивают ежегодные с'езды и конференции.

выросли из частной инициативы американца Джорджа-младшего, основавшего, в виде опыта, свою первую республику в Фривилле. Система реформаторий для молодых преступников, ныне распространяющаяся и во многих странах Европы, возникла благодаря смелой инициативе в 70-х годах прошлого века Зебулона Броквея, заручившегося от законодательного собрания Нью-Иорка гарантией невмешательства в порядки, устанавливаемые им в вверенной ему тюрьме в г. Эльмайра. Сеть учреждений помощи детям, носящим имя д-ра Бернардо, возникла в Англии из приюта-семьи, учрежденного молодым Бернардо в предместье Лондона Степнея в 1867 г., посредством постоянного совершенствования на практике заранее намеченных им методов. Таким образом, не только общественная организация, выражающая коллективную волю группы личностей, но даже отдельный индивид может явиться порою мощным орудием творчества новых форм и новых средств для лучшей борьбы с социальным злом беспризорности.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.

ГЛАВА I.

Западно-европейское законодательство.

Медленными, но неуклонными шагами шло культурное человечество к выработке особого отношения к малолетним и подросткам, впавшим в преступность. Не только для современного социального сознания, но и для сознания наших отцов и дедов, было очевидно, что вина малолетнего не должна пасть роковым образом на него самого, что совершенное им нарушение законов общежития, должно лишь заставить общество внимательнее отнестись к самому несовершеннолетнему и устранить те причины, которые вызвали такое его положение. Но лишь ощупью и постепенно вырабатывалась в этой области определенная система.

До конца XVIII века почти во всех странах Европы в вопросе об ответственности малолетних руководились постановлениями римского права, воспринятыми и правом каноническим и правом советским. Согласно римским юристам, дети до 7 лет, как неспособные к злому умыслу (doli incapaces) признавались ненаказуемыми. От 7 до 14 (а для девочек до 12 лет) они рассматривались как «близкие к младенчеству» (infantiae proximi) и относительно них каждый раз должен был судьей решаться вопрос, действовали ли они сознательно или по неведению (obinnocentiam consolri), при чем в случае совершения ими более тяжких преступлений признавалось, что в случае malitia supplet aetatem т.-е. злой умысел восполняет недостаток возраста. В 14 лет наступала полная вменяемость, иногда, впрочем, наказание смягчалось. Но все же юридически к несовершеннолетним старше 14 лет могли быть применены все наказания, вплоть до смертной казни, полностью применялась и пытка *).

С половины XVIII века начинает повсюду наблюдаться струя более гуманного отношения к несовершеннолетним и более старшего возраста. В этом отношении, пожалуй, на первом месте следует поставить наше законодательство, проявлявшее в эпоху царствования Елизаветы и Екатерины II широкие гуманные порывы (отмена смертной казни в 1753 г.). Так, по Се-

*) Исторические сведения об ответственности несовершеннолетних до XVIII в. для Франции у L. André.. La lutte contre la criminalité juvenile P 1912, для Германии—Vergl. Darst. deutschen und aus ländischen Strafrechsts 1907 B. V. von Lilienthal, Jugendiches Alter. У нас, повидимому, действовало правило Градских Законов (Кормчей). «Аще седьми лет отрок убиет кого... не повинен есть смерти». Оно впервые внесено было в светское право в Новоуказные статьи Сыскного приказа 1666 г. (ст. 79). См. С. А. Гуревич. Ответственность несовершеннолетних по русскому праву. «Дети-преступники» 1912, стр. 9.

патскому указу от 23 августа 1742 г. было постановлено, чтобы к несовершеннолетним до 17 лет не применялись ни пытки, ни сечение кнутом, ни смертная казнь. Эти наказания для них заменялись сечением плетьми и отдачею в монастыри, где они употреблялись на тяжелые работы. За меньшие преступления указ освобождал несовершеннолетних до 17 лет почти от всякой ответственности. Впрочем скоро через 2 года, последовавший новый указ Сенату (1744 г. № 8996) передвинул этот возраст опять назад до 12 лет. Крупное значение для последующей постановки в нашем законодательстве ответственности несовершеннолетних имели два указа Екатерины: 1765 и 1775 г.г. Первый из них, разосланный секретно, без публикации, «чтобы не подать соблазну и поводу другим злонравным и безразсудным людям и чтобы малолетние от противных указам проступков более остерегались», об'являл полную невменяемость детей, не достигших 10 лет, позволяя отдавать их для домашнего исправления родителям или помещику, а для несовершеннолетних от 10 до 17 лет допускали смягчение наказаний. В случае более тяжких преступлений, влекущих смертную казнь или битье кнутом, предписывалось дело представлять в Сенат, «где с ними поступано быть имеет по благоусмотрению и по мере их вин». Таким образом, сама императрица, действуя через Сенат, желала разбираться в каждом деле о несовершеннолетнем. Это стремление еще более отразилось на передаче всех дел о малолетних в ведение Совестных судов, по учреждению 1775 г. Совестные суды, явившиеся отражением в нашем законодательстве, английских судов справедливости, согласно данной им инструкции, должны были быть носителями высшего милосердия и человеколюбия. Передача им дел о малолетних, вместе с делами умалишенных, свидетельствовало о том, что законодатель усвоил себе взгляд на малолетних до 17 лет, как на невменяемых, нуждающихся в мерах исправления и попечения. Но, к сожалению, в последующей практике и в законодательстве эта идея, мало доступная тогдашнему нашему обществу, извратилась.

В западно-европейском праве существенный поворот в воззрениях законодателя на ответственность несовершеннолетних произвело законодательство Французской Революции. Уголовный кодекс 1791 г. отменил все постановления старого права и создал для всех малолетних, не достигших 16 лет, презумпцию невменяемости. Только тогда, если присяжные заседатели об'являли, что малолетний до 16 лет совершил свое преступление с разумением, к нему могло быть применено наказание, при чем смертная казнь в таких случаях заменялась заключением на 20 лет в исправительном доме; этим же наказанием на соответственные сроки заменялись и другие виды лишения свободы. К малолетним, действовавшим без разумения, несмотря на оправдание, суд мог, смотря по обстоятельствам, применить меры домашнего исправления, или помещать их в исправительный дом (maison de correction) на срок не свыше достижения ими 20 лет.

Этот революционный закон лег в основание Наполеоновского кодекса 1810 г. (ст. 66—69) и с некоторыми дополнениями*) до сих пор является действующим во Франции. Постановления действующего французского

*) Дополнительные узаконения: 24 июня 1824 г., 28 апреля 1832 и 12 апреля 1906 г.

права сводятся к следующим. До закона 22 июля 1912 г. минимального возраста безусловной невменяемости не существовало, хотя практика восполняла этот пробел справедливым усмотрением. По закону 1912 г. малолетний до 13 лет не подлежит ведению уголовного суда. Он может быть подвергнут, сообразно обстоятельствам, мерам попечения, надзора, воспитания, исправления и призрения по постановлению распорядительных заседаний гражданских судов. Возраст относительной вменяемости, когда суд должен был решать вопрос о разумении, до закона 1906 г. определявшийся до 16 лет, был затем повышен до 18-ти, хотя старшая группа от 16 до 18-ти лет находилась в особом положении. После закона 1912 г. это различие в значительной степени сгладилось. В нынешней редакции ст. 66—69 угол. улож. изложены так:

«Ст. 66. Если обвиняемый старше 13 лет и моложе 18-ти будет признан действовавшим без разумения, то он освобождается от суда, но, смотря по обстоятельствам, он может быть или возвращен родителям, или передан под наблюдение какого-либо лица или общественно-благотворительного учреждения, или помещен в исправительную колонию, в которой будет воспитываться и содержаться в течение времени, определенного приговором, но не долее достижения 21 года.

При оставлении несовершеннолетнего у родителей или у какого-либо лица или в общественно-благотворительном учреждении, суд может постановить о том, чтобы несовершеннолетний на срок не долее достижения 21 года находился также под присмотром указанного судом лица liberté survéillée.

Ст. 67. Если суд признает, что малолетний в возрасте от 13 до 16 лет действовал с разумением, то ему назначается наказание на следующих основаниях: Вместо смертной казни, каторжных работ без срока и ссылки он приговаривается к заключению в исправительную колонию (colonie correctionelle) на срок от 10 до 12 лет. Вместо срочной каторги, заточения или заключения в исправительном доме он приговаривается к заключению в исправительной колонии на время от одной трети до половины соответственных сроков общих наказаний. При этом ему может быть воспрещаемо пребывание в местностях по указанию правительства на время от 5 до 10 лет. Вместо лишения прав состояния и пожизненного изгнания, он подлежит заключению в исправительной колонии на время от 1 до 5 лет.

Ст. 68. Несовершеннолетний от 13 до 16 лет, если в деле не имеется соучастников более старшего возраста, в случае учинения тяжкого преступления или преступления, подлежит ведению суда исправительной полиции (т.-е. без участия присяжных заседателей).

Ст. 69. В случае учинения несовершеннолетним от 13 до 16 лет полицейских правонарушений, наказание, могущее быть ему назначенным, не должно превышать половины того, которое могло бы быть назначено, если бы ему исполнилось 16 лет».

Таким образом, новое французское право для несовершеннолетних от 13 до 18 лет удерживает критерий «разумения». По отношению к действовавшим без разумения, оно допускает применение мер воспитательного и попечительного характера, а по отношению к действовавшим с разумением, если они не достигли 16 лет, заменяет все наказание помещением в реформатории (écoles de reforme) на сроки, по определению суда; к несовершен-

нолетним же от 16 до 18 лет, действовавшим с разумением, применяются общие наказания, без всякого смягчения.

Англия очень долгое время в вопросе об ответственности несовершеннолетних руководствовалась постановлениями обычного права (commonlan), которые, в свою очередь, сложились под действием права римского. Они различали возраст до 7 лет, как период безусловной невменяемости и от 7 до 14 лет, как период относительного вменения. Впрочем семилетний возраст, путем различных презумпций и фикций в области доказательственного права, для ряда преступлений значительно повышался. Наказуемость несовершеннолетних в период относительной вменяемости, признанных действовавшими с разумением, понижалась посредством передачи их дел в суды суммарного производства. Акт с суммарием производства 1879 г. поднял возраст относительной вменяемости до 16 лет и понизив предел безответственности до 12 лет. Действующее право Англии покоится на постановлениях знаменитого Акта о детях 1908 г., внесшего в эту область ряд новых точек зрения. Этот закон предоставляет свободному усмотрению судьи выбор подходящей меры воздействия на несовершеннолетних до 16 лет. Мерами этими являются: 1) освобождение от обвинения; 2) освобождение на поруки; 3) отдача под присмотр должностного попечителя; 4) отдача под наблюдение родственника или благонадежного лица; 5) помещение в ремесленную школу; 6) помещение в исправительную школу; 7) назначение телесного наказания (для мальчиков); 8) наложение на несовершеннолетнего обязанности уплатить пеню, убытки или издержки; 9) наложение на родителя или опекуна обязанности таких уплат; 10) обязание родителя или опекуна представить поручительство о хорошем поведении несовершеннолетнего в будущем, 11) заключение несовершеннолетнего в особое помещение для несовершеннолетних; 12) заключение в тюрьму, если несовершеннолетний достиг 14 лет и 13) принятие иной законной меры. До 14 лет несовершеннолетние не подлежат ни тюремному заключению, ни лишению прав. В возрасте от 14 до 16 лет несовершеннолетние не подлежат ни смертной казни, ни каторжной тюрьме, а общая тюрьма может к ним применена только в том случае, если суд признает, что несовершеннолетний обладает столь непокорным характером или столь испорчен, что его неудобно содержать в приюте. В случае совершения тягчайших преступлений (убийства, нанесения тяжких ран), несовершеннолетний от 14 до 16 лет подвергается заключению в особых помещениях на срок по определению суда. Заключение в такие помещения во всех случаях может заменять тюрьму. По постановлению министра он может быть освобожден оттуда во всякое время.

Несовершеннолетние от 16 до 21 года, по закону 1908 г. о предупреждении преступности, определением судьи могут быть подвергнуты вместо заключения в каторжной или общей тюрьме, заключению в реформаторию особого типа (борстальское учреждение), на срок не ниже одного года и не свыше трех лет.

Проникнутая известной строгостью, английская система, однако, имеет то преимущество, что она не ставит применяемых мер в зависимость от трудно уловимого критерия «разумения», а предоставляет их свободному выбору судьи и самые меры намечает весьма широко и практически целесообразно.

Из остальных иностранных законодательств мы остановимся только на тех, которые, будучи изданы за последние годы, отражают в себе новые воззрения на ответственность несовершеннолетних. Из них на первом месте следует поставить законодательство Бельгии.

По **бельгийскому** закону от 15 мая 1912 г. все дела о несовершеннолетних до 18 лет передаются на рассмотрение особого судьи по делам о малолетних, который применяет к ним меры охраны, воспитания и предупреждения. Закон различает малолетних нравственно-беспризорных и малолетних правонарушителей. К числу первых относятся: а) несовершеннолетние до 18 лет, предающиеся привычному нищенству и бродяжничеству, б) несовершеннолетние до 18 лет, своим дурным поведением и неповиновением дающие поводы для недовольства родителям, опекунам или иным лицам, имеющим о них попечение, в) несовершенолетние до 16 лет, предающиеся проституции, разврату или добывающие себе средства игрой или торговлей, либо занятиями, подвергающими их опасности впасть в нищенство, бродяжничество или преступность. В отношении всех этих категорий судья может: 1) об'явить им выговор и вернуть их лицам, на попечении которых они состояли, с предписанием этим лицам усилить надзор за несовершеннолетним; 2) поручить их впредь до совершеннолетия какому-либо лицу, обществу или учреждению, благотворительному или воспитательному, правительственному или частному; 3) отдать их впредь до совершеннолетия в распоряжение правительства для применения к ним мер принудительного воспитания. Эти же меры могут быть— приняты судьею и в отношении правонарушителей, недостигших 16 лет, независимо от тяжести учиненного ими деяния. Но если несовершеннолетний учинил тяжкое преступление, то, постановляя о передаче его в распоряжение правительства, суд может удлинить срок действия этой меры на время до достижения им 25-летнего возраста, а в случаях, влекущих по закону смертную казнь или каторжные работы,—на срок не свыше 20 лет. Если путем врачебной экспертизы будет установлено, что физическое или психическое состояние малолетнего настолько ниже нормального, что он является неспособным руководить своими поступками, то судья передает его в распоряжение правительства для помещения в приют или в учреждение, специально для таких малолетних предназначенное. Если же судья признает, что малолетний до 16 лет настолько извращен в моральном отношении, что его нельзя поместить в обычное воспитательное или исправительное заведение, то он постановляет о передаче его в распоряжение правительства для помещения в государственное дисциплинарное заведение на срок от двух до десяти лет. Для наиболее тяжких преступлений этот срок может быть продлен до 20 лет. Во всех случаях, постановляя об отдаче несовершеннолетнего в распоряжение правительства, судья может вынести условное осуждение. Что касается несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 16 до 18 лет, то они подлежат ответственности на общем основании.

Особенностью бельгийского закона является то, что он также отказывается от критерия «разумения», предоставляя судье свободный выбор мер воздействия. Закон прямо не упоминает о возможности применения к несовершеннолетним до 16 лет тюремного заключения. Но передача в распоряжение правительства, в сущности, лишь маскирует применение этой меры.

Правда, по предложению законодателя, правительство должно будет подвергать таких несовершеннолетних особому режиму и в особых учреждениях; если оно признает нужным, оно может перевести несовершеннолетнего во всякое время в обычное воспитательное или исправительное учреждение, может даже освободить его. Принятием этой меры суд как бы дает власти полную свободу распоряжаться исправлением несовершеннолетнего в течение указанного им срока.

В **Германии** до издания общеимперского кодекса 1870 г. законодательство об ответственности несовершеннолетних носило весьма дробный характер, находясь в большинстве отдельных государств под сильным влиянием французского права, но с установлением обычно минимального возраста, предел которого резко колебался. В имперском праве возраст безусловной невменяемости был определен в 12 лет. До этого возраста дети не подлежат уголовной ответственности, но на основании изданных отдельными союзными государствами законов, для воспитания, исправления их и для надзора за ними могут быть применены различные меры, как-то: помещение в семьи, в воспитательные и исправительные заведения и т. д. Меры эти определяются опекунскими судами. С наступлением 12 лет и до 18 лет устанавливается возраст относительной вменяемости. Критерием является наличность достаточного сознания наказуемости соответствующего деяния (разумение). Действовавшие без такого сознания подвергаются мерам воспитания и исправления, указанным выше, с тем, что по своей длительности эти меры не могут превышать достижения несовершеннолетними 20 лет. Если несовершеннолетний признан действующим с разумением, то он подвергается наказаниям в общем порядке. Но эти наказания должны быть смягчены и отбываться в особо предназначенных для того учреждениях и помещениях. При совершении ими легких преступлений наказание лишением свободы может быть заменено выговором. В таком виде германское право просуществовало до самого последнего времени.

В 1913 г., под влиянием новых идей, составляется проект особого закона о судах для юношества, в который включены были и постановления об ответственности несовершеннолетних. Этот проект решено было издать в виде особой новеллы, не ожидая проведения уголовной и уголовно-процессуальной реформы в целом, которые грозили затормозиться. Наступившая вскоре война задержала, однако, проведение этой новеллы. Только в 1920 г. этот проект, уже в переработанном виде, был опубликован правительством и благодаря настойчивости правительства и общественных кругов, 1-го февраля 1923 года был принят Рейхстагом и вступил в силу с 1-го июля 1923 г.

Новый германский закон повышает возраст уголовной невменяемости с 12 лет до 14-ти. Необходимость такого повышения единогласно была признана уже с 1909 г. На применение мер воспитательного характера по отношению к малолетним до 14 лет уполномочен только опекунский суд.

С 14 до 18 лет несовершеннолетний только тогда подлежит ответственности, «если, по своему умственному развитию, он был в состоянии в момент совершения правонарушения, сознавать неправомерность деяния и в соответствии с этим определять свое поведение». Германский закон, таким образом, устраняет критерий разумения в его прежней обрисовке, вводя вместо

того критерий вменяемости, как то делало еще раньше наше уголовное уложение 1903 г. Только при наличности такой вменяемости суд может постановить приговор о принятии тех или иных мер воздействия по отношению к несовершеннолетнему. При отсутствии ее, судья постановляет оправдательный приговор, передавая малолетнего опекунскому судье, если считает необходимым принять ту или иную меру воспитательного воздействия или надзора в виду беспризорности или моральной испорченности малолетнего.

В отношении несовершеннолетних 14—18 лет, признанных виновными, суду предоставляется свободный выбор между мерами воспитательного характера и между наказанием. Если он признает необходимым воспитательные меры, то применяет их или собственной властью, или передает дело для этой цели опекунскому суду. В качестве воспитательных мер закон предусматривает назначение: 1) внушения, заменившего прежний выговор, но в новом законе имеющего педагогический, а не карательный характер; 2) помещение несовершеннолетнего в школу или передачу его для воспитания лицу, управомоченному на это; 3) возложение на несовершеннолетнего обязанности выполнить определенное действие, напр., возмещение вреда потерпевшему, заглажение вреда принесением извинения в суде или в месте совершения проступка, обязательство непосещения трактиров, потребления алкогольных напитков, курения табака, игры в карты, перемены местожительства, принятия определенной работы, перемены места работы, вступления в определенную юношескую организацию и т. д.; 4) помещение малолетнего в какое-либо учреждение; 5) попечительный надзор со стороны определенного назначенного судом лица, и 6) принудительное воспитание. Кроме того, имперское правительство, с согласия имперского совета, может вводить и другие воспитательные меры. Принудительное воспитание (Fürsorgeensichung) имеет двойственный характер: с одной стороны, оно является мерой призрения для малолетнего, лишенного здоровой семейной обстановки, и применяется в порядке закона 1922 г. об охране детства; с другой стороны, оно может иметь характер меры исправительного воспитания в случае наличности порочных склонностей, но при отсутствии необходимости в принятии более строгих мер. Такая мера может быть принята и в порядке предварительном в виде замены для несовершеннолетних последственного задержания до суда. Следует отметить, что германский закон 1922 г. об охране детства, предусматривает обязанность содействия судам для малолетних со стороны особых отделов детства, представители которых принимают на себя заботу о надлежащем проведении в жизнь назначаемых судом воспитательных мер.

В случае если суд признает необходимым применить к несовершеннолетнему наказание, он должен руководиться следующими правилами. Он прежде всего обязан смягчить наказание: вместо смертной казни и пожизненной каторжной тюрьмы назначается заключение в тюрьме или крепости на срок от 1 года до 10 лет; при срочном лишении свободы он выбирает срок между низшим пределом данного наказания и пониженным наполовину указанным в законе максимумом. Наказание каторжной тюрьмой заменяется тюремным заключением. Наказание может быть условно отсрочено. Германия еще не знает условного осуждения (предполагаемого лишь проектом угол. улож. 1919 г.) и довольствуется условным помилованием. Поэтому судья предупреждает осужденного, что при хорошем его поведении в течение опре-

деленного срока, он будет представлен к помилованию и наказание не будет приведено в исполнение. Наказание лишением свободы должно быть выполняемо так, чтобы в полной мере были приняты во внимание воспитательные и образовательные нужды несовершеннолетнего.

Чтобы избавить несовершеннолетнего от судебного производства в случае более легких правонарушений, закон 1923 г. представляет прокуратуре (в данном случае имеется в виду прокурор, специально ведающий дела о несовершеннолетних обвиняемых) воздерживаться по менее важным делам от возбуждения уголовного преследования с направлением дела, в случае необходимости, в опекунский суд для принятия мер воспитательного характера; далее, даже если дело было начато, прокуратура по соглашению с судьею может приостановить производство, если имеются данные предполагать, что будет вынесен оправдательный приговор (т.-е. не установлена достаточная зрелость несовершеннолетнего или по другим причинам); наконец, самому суду, после рассмотрения дела, предоставляется, если он признает вину малолетнего или характер совершенного им проступка маловажными, освободить малолетнего от наказания, возложив на него судебные издержки.

Австрийское право до последнего времени являлось одним из наиболее отсталых в Европе в отношении правил об ответственности несовершеннолетних. Оно различало возраст до 10 лет, когда дети могут быть подвергнуты лишь мерам домашнего исправления. С 11 до 14 лет наступало особое смягчение наказания: при учинении тяжких преступлений малолетние подвергались помещению в особые приюты на срок от 1 дня до 6 месяцев, а при учинении преступлений средней тяжести и проступков—подвергались административному воздействию или домашним наказаниям. С 14 лет к ним уже применялись общие наказания, за исключением смертной казни и пожизненной каторжной тюрьмы; наказание смягчалось, если несовершеннолетний этого возраста являлся слабоумным или не получившим достаточного воспитания. Эти постановления, выработанные еще в 60-х годах XIX века, давно устарели, и в проекты нового угол. уложения, неоднократно вырабатывавшиеся в Австрии, вносились уже более современные воззрения на этот вопрос. Но уголовная реформа в этой стране почти не двигалась с места. С провозглашением после войны республики, Австрия энергично принялась за обновление своего уголовного законодательства о несовершеннолетних. Законом 25 января 1919 г. в Австрии были введены особые суды для несовершеннолетних, затем 23 сентября 1920 г. допущено в широких пределах применение условного осуждения и, наконец, летом 1921 г. национальным советом принят (пока еще не распубликованный проект) закон об ответственности несовершеннолетних.

По новому проекту 1921 г. возраст безусловной невменяемости повышается с 10 до 14 лет независимо от тяжести совершенного деяния. До этого возраста малолетние могут быть помещаемы в исправительные заведения, но лишь по постановлению судьи по делам о малолетних, действующего в порядке опекунского производства. Мера эта может быть применена в том случае, если малолетний совершил «уголовно-наказуемое деяние, свидетельствующее об его беспризорности и если не представляется возможным принять другой меры к обеспечению ему надлежащего воспитания и к установлению

за ним правильного наблюдения». С 14 и до 18 лет наступает период условной вменяемости. Судья должен решить вопрос о разумении—способен ли был малолетний сознавать противозаконность своего деяния, или нет. В случае утвердительного решения судье не предоставляется свободного выбора между наказанием и мерами воспитательного воздействия. Он обязан принять в таких случаях меру наказания. Ему лишь предоставляется при менее тяжких преступлениях освобождать несовершеннолетнего от наказания вовсе, если судья признает, что правонарушение совершено не вследствие испорченности, а по юношескому задору, нерассудительности или иному подобному мотиву, могущему быть отнесенным к юношескому возрасту виновного». К несовершеннолетним в этом возрасте вместо всех видов лишения свободы применяется одно наказание—строгий арест, продолжительность которого может достигать 15 лет (при деяниях, угрожаемых смертною казнью); срок такого ареста по общему правилу не может превышать половины максимума установленного в законе для взрослых наказания. Исполнение наказания арестом для несовершеннолетних должно быть построено так, чтобы оно соответствовало воспитательным задачам; для заключенных должно быть введено обучение наукам и труду. В случае признания несовершеннолетнего действовавшим без разумения, судья постановляет оправдательный приговор, но может применить меру принудительного воспитания. Попечительный надзор в австрийском проекте отсутствует. Не трудно видеть, что проект этот стоит на половине дороги, устанавливая возрастные границы более или менее правильно, он в отношении несовершеннолетних 14—18 лет сохраняет устарелый критерий разумения и стесняет судью в свободе выбора между наказанием и мерами воспитательного характера рядом формальных постановлений *).

К числу новых законодательств по вопросу об ответственности несовершеннолетних относится **датское.** Изданный в Дании закон 14 апреля 1905 года «о преступных и беспризорных детях и подростках» подчиняет действию воспитательных мер: а) несовершеннолетних до 18 лет, находящихся в состоянии нравственной беспризорности; б) несовершеннолетних до 15 лет, живущих в такой обстановке, что имеется опасение о впадении их в нравственную беспризорность, если не будут приняты предупредительные меры, в частности малолетних, подвергающихся жестокому обращению или лишениям со стороны родителей, и в) на несовершеннолетних правонарушителей до 15 лет. Эти же меры могут быть приняты и в отношении правонарушителей в возрасте от 15 до 18 лет, если прокурор по окончании следствия откажется от обвинения или если к такому несовершенолетнему будет применено условное осуждение. Воспитательные меры, принимаемые особым опекунским советом, состоят в выговоре, назначении должностного попечителя, в предписании родителям поместить ребенка в детский приют или аналогичное учреждение, в из'ятии малолетнего из семьи и в помещении его в другую семью или общественный приют. Контроль над детьми, помещенными в семьи, осуществляется особым попечителем. Малолетние, помещенные в учреждения, освобождаются оттуда не ранее 2 лет; содержание в приюте продолжается до

*) См. Engelbert Fallmann. Das Jugendstrafrecht im Entwurfe de österreichischen Strafgesetznovelle vom Jahre 1921. Zentralblatt für Vormundrschaftswesen und Jugendgerichte. 1922. № 4.

18 лет, при чем дети, трудно воспитуемые, могут содержаться и дольше.

На новых началах построена ответственность несовершеннолетних и в **Венгрии.** Здесь было издано две новеллы 1908 и 1913 г.г. Первая изменяла постановления уголовного закона об ответственности несовершеннолетних, а вторая вводила особые суды для несовершеннолетних и вносила некоторые поправки в первую. По закону 1908 г. (с поправками 1913 г.) малолетние до 12 лет не подлежат уголовному преследованию. В случае учинения ими более тяжких преступлений, они могут быть передаваемы в семью для домашнего исправления или школьным властям, которые могут применить к ним выговор или школьный арест. Если же такой малолетний в своей прежней окружающей среде подвергался нравственной порче, или уже проявил признаки нравственного развращения, то он может быть передан в распоряжение опекунской власти для принятия мер попечительного воспитания, а до этого он помещается в один из государственных приютов для детей. Несовершеннолетние в возрасте от 12 до 18 лет не могут подвергаться уголовной ответственности, если они недостаточно развиты в умственном и нравственном отношении. В отношении их судом принимаются те же меры, как и в отношении младшей группы, с тем лишь различием, что в случае нравственной испорченности несовершеннолетнего, суд не передает его в распоряжение опекунской власти, а сам постановляет о применении к нему попечительного воспитания. В отношении же несовершеннолетних этого возраста, признанных достаточно развитыми в умственном и нравственном отношении, суд может применить одну из следующих мер: 1) выговор, 2) освобождение на испытание, 3) попечительное воспитание и 4) тюремное заключение. Если малолетний имеет состояние и заработок и в момент учинения деяния достиг 15 лет, то он может быть приговорен и к штрафу от 1 до 100 крон, который в случае неуплаты, заменяется другою мерою. Лишение прав к несовершеннолетним не применяется. При выборе меры суд должен принимать во внимание индивидуальность несовершеннолетнего, степень его умственного и нравственного развития, образ его жизни и все прочие особенности данного случая и избрать меру, являющуюся наиболее желательной с точки зрения дальнейшего поведения и нравственного развития несовершеннолетнего. Однако, при выборе этих мер, суд не пользуется полной свободой, как-то мы видели в Англии, Бельгии и Германии. Каждая из них поставлена в зависимость от тяжести учиненного несовершеннолетним деяния. Только применение попечительного воспитания, проводимого в государственном или ином учреждении, признанном соответствующим этой цели, поставлено в зависимость от степени моральной дефективности несовершеннолетнего. Заключение в тюрьме по отношению к несовершеннолетнему до 15 лет применяется только в наиболее тяжких случаях и на срок не более 5 лет, а в отношении несовершеннолетних более старшего возраста продолжительность такого заключения может достигать 10 и даже 15 лет. Оно отбывается в особых, предназначенных для несовершеннолетних тюрьмах, а если тюрьма назначена на срок не больше одного месяца, то в одиночных камерах общих тюрем. Суд может постановить, чтобы тюремное заключение в особой тюрьме для несовершеннолетних отбывалось и тем осужденным, который достиг 18 лет, но которому еще не исполнилось 21 года. Суд может постановить также, чтобы несовершеннолетний по отбытии тюремного заклю-

чения, дополнительно был подвергнут попечительному воспитанию, если от этого можно ожидать его нравственного возрождения. Наконец, в отношении несовершеннолетних от 18 до 21 года применяются общие наказания (кроме смертной казни) с смягчением их.

В **Голландии** законом 1 декабря 1905 г. сделан крупный шаг вперед в смысле ответственности малолетних. До того, по закону 15 января 1886 г. здесь был принят возраст безусловной невменяемости до 10 лет, и условной вменяемости от 10 до 16 лет с применением критерия разумения. Новый закон устранил различие между этими двумя гранями, устранив постановку вопроса о разумении. Он повысил возраст уголовного несовершеннолетия до 18 лет, предоставив судье свободный выбор воспитательной или карательной меры в отношении такого несовершеннолетнего. В числе мер наказания указаны: выговор, условное осуждение к дисциплинарной школе, наконец, помещение в дисциплинарную школу (école de discipline). Судья может приговорить несовершеннолетнего к штрафу в том случае, если он имеет заработок. В таких случаях этот штраф удерживается из заработка, а в случае неуплаты заменяется арестом на срок не меньше 8 дней в дисциплинарной школе. Закон различает два типа учреждений для несовершеннолетних: воспитательные приюты и дисциплинарные школы. Первые являются обычными учреждениями воспитательного характера и применяются в видах предупреждения, при чем продолжительность содержания в них всецело зависит от администрации школы. Дисциплинарные школы носят уже значительно более строгий характер. Несовершеннолетние помещаются сюда на срок по определению судьи, но не меньше, чем на месяц и не больше, чем на один год. В случаях особенной развращенности и опасности несовершеннолетнего, судья может постановить о содержании несовершеннолетнего в заключении и после достижения им совершеннолетия, но министру юстиции предоставляется широкое право условного освобождения.

В **Швеции** по закону 27 июня 1902 г. возраст безусловной невменяемости повышен до 14 лет. К несовершеннолетним от 14 до 18 лет применяются смягченные наказания, но суду предоставляется, смотря по обстоятельствам, поставить, чтобы несовершеннолетний, вместо присуждения к штрафу или тюрьме на срок не более шести месяцев, был помещен в исправительное заведение.

От обзора новых законодательств перейдем к рассмотрению некоторых новейших проектов, отражающих в себе позднейшие веяния. Начнем с **Итальянского** проекта 1914 года. Проект этот, представляющий особый детский кодекс, изымает все дела о несовершеннолетних до 18 лет из ведомства общих судов и вверяет разбирательство их особому судье, являющемуся по преимуществу опекунским судьею. Он не говорит об ответственности несовершеннолетних, но лишь предусматривает те меры, которые могут быть принимаемы по свободному усмотрению судьи. В отношении несовершеннолетних до 9 лет, учинивших правонарушение, судья ограничивается внушением родителям о необходимости большего надзора за малолетним и, в случае повторения малолетним его проступков, может или оштрафовать родителей на сумму до 2000 лир или передать малолетнего на попечение школьных властей, благотворительного общества и, наконец, если ему уже исполнилось 10 лет, поместить в исправительное заведение (реформаторию). Такие

же меры принимаются судьею и в отношении несовершеннолетних до 16 лет, которые хотя и не совершили уголовно-наказуемого деяния или недостаточно изобличаются в нем, но по своему характеру и склонностям представляют основание для опасений за их поведение.

В случае же учинения несовершеннолетним от 9 до 18 лет наказуемого деяния, судья, приняв во внимание окружающую несовершеннолетнего среду и его личные особенности, может по своему усмотрению и при том окончательно принять одну из следующих мер: а) поручить наблюдение за ним его родителям или лицам и учреждениям школьного и благотворительного характера; б) подвергнуть его суровому внушению, наложив на него обязанность явиться вместе с родителями, опекуном или законным представителем в особое заседание с предупреждением о более строгом взыскании в случае рецидива; в) предписать, чтобы он невыпускался из дома на срок дольше 20 дней, с предупреждением, что в случае неисполнения, он будет подвергнут испытательному надзору; г) подвергнуть его испытательному надзору на время не дольше достижения им 21 года; д) передать его в какое-либо учреждение социальной помощи или, если он не достиг 16 лет, поместить его в исправительное учреждение (реформаторию); е) поместить его в учреждение для дефективных или анормальных несовершеннолетних. Судья может пересматривать свои решения и во всякое время изменять принятую им меру. В отношении несовершеннолетних от 16 до 18 лет судье предоставляется, приняв во внимание характер и причины учиненного деяния, а также данные, относящиеся к личности несовершеннолетнего обвиняемого и его окружающей обстановке, передавать дело о нем в общие суды. По отношению к таким обвиняемым и к несовершеннолетним от 18 до 21 года общие наказания частью смягчаются, частью заменяются другими. Так наказание лишением свободы, отбывается ими в особых исправительных учреждениях или в земледельческих колониях. Арест, отбывается в земледельческих колониях или в особых местах задержания. Штраф и денежное взыскание, могут быть заменяемы принудительными, государственными или коммунальными, работами или в мастерских, или в сельско-хозяйственных и промышленных учреждениях, при чем часть заработка идет в пользу особого фонда для малолетних; в случае невозможности направления несовершеннолетнего на такие работы, он подвергается аресту в указанных выше помещениях. Характер работ, продолжительность их и размер предоставляемой малолетнему платы, определяются исполнительной властью. Лишение свободы отбывается несовершеннолетними от 18 до 21 года в особых исправительных учреждениях или в специально предназначенных для них тюрьмах.

Этот проект, уже принятый Палатой, не стал, однако, законом в виду наступившей вскоре войны. На смену его были внесены вскоре новые предположения, существенно иного характера.

В 1920 г. комисией под председательством Э. Ферри, был выработан проект итальянского уголовного кодекса, отказывающийся вообще от идеи вины и стоит на точке зрения социальной опасности преступника *). В отношении малолетних, он отказывается от установления всякого минималь-

*) См. перевод общей части этого проекта под редакц. М. Н. Гернета, изданный «изд. Право и Жизнь» 1923 г.

ного возраста для применения мер социальной защиты. Он различает два возрастных периода: до 12 лет и от 12 до 18 лет. Дети до 12 лет, если они не являются морально-беспризорными, отдаются под попечительный присмотр с оставлением их в своей семье; если обстановка семьи способствует беспризорности такого малолетнего, то он может быть помещен в чужую благонадежную семью на время не менее 2 лет и не долее достижения им 18-летнего возраста; при невозможности же этого или в случае совершения им особо тяжких деяний и при том, не по случайным обстоятельствам, а также при непредставлении гарантий хорошего поведения, он должен быть помещен в воспитательное учреждение или частную мастерскую; наконец, если он совершил тяжкое преступление, влекущее по закону изоляцию не ниже 10 лет или является нравственно развращенным и обнаруживающим упорную наклонность к преступности, он помещается на срок не менее 4 лет и не долее достижения 18 лет в профессиональную или исправительную школу, в специальный трудовой дом или в земледельческую колонию для несовершеннолетних. Таким образом, еще до 12 лет малолетний может быть подвергаем довольно строгим, и при том ограниченным известным минимумом срочности, мерам изоляции и принудительного воспитания.

Несовершеннолетние от 12 до 18 лет приговариваются к помещению в земледельческие колонии или трудовые дома на сроки от 2 до 5 лет, если ими учинено преступление, за которое в законе установлена санкция не выше 5 лет простой изоляции. При этом такое помещение может быть условным. В случае же более тяжких преступлений или установлений упорной наклонности к преступлениям, сроки нахождения в трудовых домах или колониях увеличиваются до 5—15 лет, а при наиболее тяжких становятся даже абсолютно неопределенными (но не ниже 10) с тем, что по достижении 21 года осужденный переводится в соответствующие учреждения для заключения взрослых. Несовершеннолетние рецидивисты приравниваются к привычным преступникам или морально-развращенным. Психически ненормальные несовершеннолетние подлежат попечению и изоляции в особых «домах охраны» (casa di custodia). Как видно, итальянский проект принимает весьма решительные меры против несовершеннолетних правонарушителей, превосходя в этом отношении все другие проекты, более склоняющиеся к идеям классической и социологической школы. Но при всем том, он не допускает применения к несовершеннолетним до 18 лет общей тюрьмы или каких-либо других наказаний, кроме изоляции и принудительного перевоспитания.

В ином духе строит правила об ответственности несовершеннолетних новый проект угол. уложения **королевства Сербов, Хорватов и Славонцев** (СХС), выработанный в 1922 г. Он устанавливает до 14 лет полную невменяемость несовершеннолетних, в отношении же несовершеннолетних от 14 до 18 лет он сохраняет лишь меры принудительного воспитания, не допуская по отношению к ним даже возможности применения смягченных обычных карательных мер, за из'ятием лишь рецидивистов. К сожалению, в виду почти полного отсутствия в СХС учреждений принудительного воспитания предположения проекта являются трудно осуществимыми *).

*) См. статью М. П. Губинского об этом проекте, помещенную в сборнике «Труды русских ученых за границей» т. II. Берлин 1923.

Проект датского угол. кодекса, выработанный при ближайшем участии представителя социологического направления проф. Торпа и опубликованный в 1918 г., определяет, что до 14-летнего возраста малолетние подлежат лишь мерам попечительного характера. Несовершеннолетние от 14 до 18 лет не подлежат наказанию, если, приняв во внимание свойство и характер учиненного ими деяния и степень их развития, можно притти к заключению, что несовершеннолетний не имел достаточной зрелости, чтобы надлежаще оценить правовое или социальное значение данного преступления. Если такая зрелость признана, то несовершеннолетний подвергается общим наказаниям, которые по закону даже не подлежат смягчению. В местах заключения такие несовершеннолетние должны содержаться в особых отделениях, отдельно от взрослых. Во всех случаях, когда уголовный суд признает необходимость применить меры принудительного воспитания, он не вправе постановить о том собственной властью, но возбуждает об этом вопрос перед попечительской комиссией.

Проект польского уголовного кодекса, выработанный проф. Кжимусским в 1918 г. (пока опубликована только общая часть) различает три возрастных группы: до 14 лет, когда дети не подлежат судебному преследованию; от 14 до 18 лет, когда они подлежат преимущественно мерам принудительного воспитания или наказанию, по усмотрению судьи, при чем судье в отношении их вручается право полного освобождения от наказания и применения условного осуждения в пределах, более широких, чем для взрослых; в качестве новой меры вводится попечительный присмотр с оставлением на свободе, присоединяемый к условному осуждению. Наконец, третью группу составляют молодые преступники от 18 до 24 лет, которые подлежат смягченному наказанию, при чем, если их преступление вызвано легкомыслием или страстью, то судья может прибегнуть к особому смягчению наказания. Они отбывают наказание в особых тюрьмах, при чем предусматривается возможность в случае дурного поведения в месте заключения удлинить срок наказания на полгода. Лишению прав молодые преступники не подвергаются *).

Швейцарский проект в своей окончательной редакции 1918 г. почти не отступает от предшествующей редакции 1916 г. Он устанавливает до 14 лет полную безответственность, обязывая, однако, судью собирать подробные сведения о физическом и умственном состоянии малолетнего и об его воспитании, с тем, чтобы в случае беспризорности, нравственной порочности или моральной заброшенности малолетнего он мог быть передан на попечение административной власти. Точно также, такая передача требуется от судьи, если малолетний по своему состоянию будет нуждаться в особом уходе, бу-

*) В Польше вокруг проекта об ответственности несовершеннолетних ведется оживленная борьба. В 1920 г. здесь был опубликован проект, составленный по образцу бельгийского закона 1912 г., предусматривавший назначение лишь мер воспитательно-исправит. характера. Под влиянием критики, в следующем году был внесен новый проект, уже поддерживавший и карательные меры. И он подвергся ряду нападок, пока в 1922 г. не внесен был третий проект компромиссного характера (Makarewicz. Die Polnische Strafgezetzentwurf. Schweizer. Zeitschrift für Strafrecht. 1922). По имеющимся сведениям проект особого закона об ответственности несовершеннолетних выработан и в Чехо-Словакии в 1922 г, но точное содержание его нам неизвестно (Mirička, Die Strafrechtsreform in der Tschecho-Slowakischen Republik. Schweiz. Zeitschrift fur Strafrecht. 1922).

дет страдать душевною болезнью, слабоумием, глухонемотою или эпилепсией. Наконец, если малолетний, недостигший 14 лет, явится нормальным, не находящимся в состоянии беспризорности, моральной опасности или по своему состоянию не будет требовать особого ухода, то он передается в ведение школьной власти, которая в случае признания малолетнего провинившимся, может применить к нему выговор или наказание школьным арестом.

Несовершеннолетние от 14 до 18 лет, в зависимости от их суб'ективных особенностей, могут быть подвергаемы, по усмотрению суда, следующим мерам. Если они беспризорны и морально дефективны, то должны быть помещены в специально для того предназначенные исправительно-воспитательные учреждения, в которых они остаются впредь до исправления, однако, не менее одного года и не позже достижения 20-летнего возраста. Если несовершеннолетний настолько испорчен в нравственном отношении, что не может быть принят в такое учреждение или оставлен в нем, то он помещается в специальное исправительно-дисциплинарное учреждение впредь до исправления, но во всяком случае на срок не менее 3 и не более 12 лет. Из этого учреждения (равно как и из исправительно-воспитательных учреждений) освобождение носит условный характер, при чем, если условно-освобожденый несовершенолетний в течение года злоупотребит своею свободою, то он должен быть возвращен в учреждение. Однако, и по истечении срока условного освобождения на органах попечительного надзора лежит обязанность наблюдения за ним и оказания ему поддержки.

Если несовершеннолетний по своему состоянию нуждается в особом уходе, если он страдает душевной болезнью, слабоумием, глухонемотою или эпилепсией или, если он в умственном или нравственном отношении крайне не развит, то судья постановляет о том, чтобы он был поставлен в условия того ухода, в котором он нуждается.

В отношении нормальных, не являющихся беспризорными или морально испорченными, несовершеннолетних, судье предоставляется применить выговор или одиночное заключение на срок от 3 дней до 2 месяцев. Это заключение отбывается в здании, не являющемся тюрьмою или местом принудительного труда для взрослых. Оно может быть заменено условным испытанием на срок от шести месяцев до одного года, если на основании характера осужденного и его поведения можно ожидать, что такая мера может удержать его от дальнейших правонарушений и будет способствовать его исправлению. В случае удовлетворительного поведения, наказание погашается, в противном же случае—приводится в исполнение.

Наконец, в отношении несовершеннолетних от 18 до 20 лет назначенные в законе наказания значительно смягчаются. Так пожизненная каторжная тюрьма заменяется срочной, не ниже пяти лет; при срочном лишении свободы судье предоставлется определять продолжительность его по своему усмотрению; при смягчающих обстоятельствах, он может переходить от каторжной тюрьмы к простой, а от этой последней—к аресту; осужденные не подвергаются лишению гражданских прав; сроки давности сокращаются для них наполовину; наконец, самое наказание отбывается ими отдельно от взрослых.

Таким образом, швейцарский проект, избегая применения общей тюрьмы для несовершеннолетних от 14 до 18 лет, вводит для них своеобразное

краткосрочное одиночное заключение. По сравнению с другими проектами, он характеризуется значительной свободой усмотрения, предоставляемой судье и внесением в законодательство, на ряду с мерами наказания, целого ряда мер лечебно-воспитательного характера и социальной охраны. *)

Подведем теперь некоторые итоги тем тенденциям, которые проявляются в современных законодательствах по вопросу об ответственности несовершеннолетних.

Отметим, прежде всего, что в течение первых двух десятилетий XX века почти все страны Европы обновили свое законодательство по этому предмету. Если еще не повсюду эта реформа дошла до стадии своего завершения, то причиною этого в громадном большинстве случаев является включение этого вопроса в работу по общей реформе уголовного права (напр., в Швейцарии). Но наблюдается, что после некоторого времени, проекты изменения правил об ответственности несовершеннолетних, как имеющие особо срочный характер, выделяются из проектов уголовных кодексов и направляются в особо экстренном порядке (Австрия, Германия, Польша, Чехо-Словакия и Италия). Резкий поворот в воззрениях на методы борьбы с преступностью несовершеннолетних не позволяет, таким образом, откладывать реформу.

Далее громадное большинство новых законов и проектов совершенно отказываются от применения мер наказания к малолетним до 14 лет (во Франции этот возраст—13 лет, Венгрии—12 л., итальянском проекте—12 лет, в Дании—15 лет). Однако, отказ от наказания не препятствует тому, чтобы в случае нравственной беспризорности или порочности малолетнего до

*) Надежды на проведение в жизнь швейцарского проекта угол. кодекса, первый проект которого был выработан еще в 1903 г., в настоящее время сильно пошатнулись. Этот проект в последней редакции 1918 г., встретил сильную оппозицию как в отдельных кантонах, так и в населении Союза вообще, в виду оторванности проекта от условий жизни, усилившейся в населении склонности к законодательному сепаратизму и опасений значительности сопряженных с введением его в действие расходов. В качестве первой попытки самостоятельного уголовного кодекса, изданного в противовес общефедеральному проекту, явился опубликованный в конце 1922 г. проект нового угол. кодекса кантона Фрейбург, во многом отказывающийся от идей федерального проекта Штосса и возвращающийся к принципам классической школы уголовного права. По вопросу об ответственности несовершеннолетних составители фрейбургского проекта делают упрек общефедеральному проекту в том, что он почти совершенно устраняет вопрос об ответственности и наказании для несовершеннолетних. Составители фрейбургского проекта устанавливают границу полной невменяемости лишь в 12 лет. С 12 до 18 судья в каждом отдельном случае рассматривает вопрос, действовал ли несовершеннолетний сознательно, вводя критерий сознательности, тождественный с принятым австрийским и германским законами. В случае отсутствия сознательности, судья постановляет оправдательный приговор; при наличности ее применяется уменьшенное наказание, отбываемое на особых основаниях. В обоих случаях возможно применение воспитательных мер; для назначения их дело должно быть передано административной власти, которая постановляет о помещении малолетнего в исправительное или воспитательное учреждение или в надежную семью. Однако, в случае осуждения, до применения воспитательной меры несовершеннолетний должен отбыть назначенное ему наказание. Для отбывания наказания лишением свободы должны быть созданы особые учреждения, режим которых должен по возможности сообразовываться с особенностями юношеского возраста. См. Schoetensack. Eine Wendung in der schweizerischen Strafrechtsreform. Gerichtssaal 1923. H. 1—2 s. 145, а P. Meyer von Schauense. Der Vorentwurf zu einem Strafgesetzbuch für den Kanton Freiburg Ibid. s. 138.

14 лет судья (или опекунский орган) мог принимать в отношении его различные меры воспитания, исправления и социальной помощи, меры, характеризуемые у нас понятием мер медико-педагогического характера. Но здесь не ставится вопроса о вине самого несовершеннолетнего, суд не выносит оправдательного или обвинительного приговора, а лишь рассматривает вопрос с точки зрения необходимости правильно организовать воспитание малолетнего.

Возраст между 14-ю (в отдельных случаях 12—13-ю) и 18 годами является переходным периодом, во время которого обычно могут быть применяемы как меры воспитания, так и меры карательно-воспитательного свойства. Почти все новые законодательства отказываются от сохранения признака «разумения», как критерия для применения тех или иных. Он удерживается лишь во французском законе 1912 г. (Франция, как мы видели, ввела его в практику) и в австрийском проекте 1921 г.; в германском законе 1922 г., венгерском 1908—13 гг. и датском проекте 1918 г. сохраняются следы его, поскольку требуется для применения наказания определенная степень умственного развития несовершеннолетнего. В остальных странах свободному усмотрению судьи предоставляется выбирать из имеющихся в его распоряжении мер воздействия, как воспитательных, так и карательно-воспитательных, наиболее подходящие, сообразуясь со всей личностью несовершеннолетнего правонарушителя. Предоставление столь широких прав судье об'ясняется тем, что повсюду уже имеется в виду особый судья для малолетних и, что меры, принимаемые им, базируются на предварительном социальном и психологическом обследовании малолетнего.

Некоторые законодательства для возраста от 16 до 18 лет дают более решительное преобладание применению мер наказания над мерами воспитательного свойства. К ним относятся Англия, Франция, Бельгия, итальянский проект 1915 г. Но и эти законодательства допускают применение смягченных (во Франции даже нормальных) общих наказаний не категорически, а лишь по отношению лишь более трудным, либо признанным, действовавшим с разумением. Австрийский проект 1921 г. вводит такое правило даже с 14 лет.

Почти ни одно законодательство не отказывается от возможности применять к несовершеннолетним старше 14 лет длительного заключения, сопровождаемого, в отличие от общей тюрьмы, применением мер, направленных к расширению образования, профессиональной подготовки и к улучшению морального состояния несовершеннолетнего. Даже Бельгийское законодательство, стремящееся избежать упоминания в самом законе о таком лишении свободы, вводит его в замаскированной фроме на весьма длительный срок. Учреждения для отбытия такого наказания, носят различные названия—борстальских учреждений (в Англии), реформаторий, государственных дисциплинарных учреждений, тюрем с воспитательным режимом и пр. Эти учреждения заменяют собою все виды лишения свободы (каторжные тюрьмы, исправительные дома, общие тюрьмы) и присуждение к ним происходит на сроки, устанавливаемые в законе в порядке замены общих наказаний. Допустимость применения такого наказания лишением свободы обусловливается, как об'ективными моментами (тяжестью учиненного деяния), так и суб'-

ективными—крайней моральной испорченностью малолетнего, рецидивом, наличностью разумения.

На ряду с особыми типами лишения свободы новые законодательства вводят и другие меры, как особый попечительский присмотр, условное осуждение, сопряженное с необходимостью соблюдения известных условий, денежные штрафы, обязанность заглаждения вреда и пр.

Наконец, большое внимание уделяется мерам воздействия на родителей и окружающую несовершеннолетнего социальную обстановку, но эти меры уже выходят из рамок вопроса об ответственности самого несовершеннолетнего.

ГЛАВА II.

Ответственность несовершеннолетних по русскому законодательству.

Выше мы говорили о тех течениях, которые наблюдались у нас в XVIII веке в вопросе об ответственности малолетних. Однако, отдельные порывы более гуманного отношения к малолетним правонарушителям у нас удержались не надолго.

При составлении Свода Законов 1833 г. Сперанский значительно с'узил мысль Екатерины II, выраженную в Учреждении о губерниях 1775 г., и вернулся к указу 1765 г. Возраст безусловной невменяемости в Своде Законов был установлен в 10 лет, при чем дети до этого возраста могли быть подвергаемы только мерам домашнего исправления. По отношению к несовершеннолетним от 10 до 17 лет должен был ставиться вопрос о разумении; в этом сказалось влияние французского права. Действовавшие с разумением малолетние от 10 до 14 лет освобождались от каторжных работ и тягчайших телесных наказаний (кнутом и плетьми), а от 14 до 17 лет—подвергались каторжным работам, сроки которых могли быть сокращаемы по усмотрению суда. При учинении менее тяжких преступлений несовершеннолетние от 10 до 15 лет подвергались наказанию розгами, а от 15 до 17 лет—плетьми. Все последующее развитие нашего законодательства до самой революции удерживало изложенное разделение несовершнолетних на 3 возрастных периода: до 10 лет, 10—14 и 14—17 лет, при чем ответственность последних двух групп ставилась в зависимость от наличности разумения. Прогресс выражался лишь в освобождении их от применения более тяжких наказаний. Лишь после введения Судебных Уставов, при составлении Устава о наказании, в наше законодательство проникла идея исправительного воспитания несовершеннолетних. Помещение в исправительные приюты (тогда еще не существовавшие и начавшие развиваться лишь с 70-х годов) назначалось вместо заключения в тюрьму на определенные сроки, но не далее достижения несовершеннолетним 18 лет. Лишь в 1892 г. судьям предоставлено было направлять туда несовершеннолетних впредь до исправления. Значительный шаг вперед сделал закон 2 июня 1897 г., явившийся как бы частью подготовляемого нового уголовного уложения. Этот закон, выработанный при участии Д. А. Дриля, вводил в наше право новую

меру—отдачу несовершеннолетних под ответственный надзор родителей и назначенных судом благонадежных лиц, значительно расширил случаи направления несовершеннолетних в исправительные приюты и колонии и вместо общих тюрем предусмотрел помещение несовершеннолетних в особые помещения при тюрьмах и арестных домах на срок, определяемый судом. При недостатке мест в приютах несовершеннолетние могли направляться в монастыри и особые помещения при тюрьмах. Для старшей группы от 14 до 17 лет в случае учинения более тяжких деяний с разумением была сохранена тюрьма на сроки от 3 до 12 лет. До 14 лет малолетние никаким праволишениям не подвергались, а с 14 до 17 лет, в случае присуждения к тюрьме взамен тягчайших наказаний, их постигало лишение прав состояния и служебных прав. Наконец, в отношении несовершеннолетних от 17 до 21 года был принят порядок смягчения наказаний, при чем смертная казнь к ним не могла быть применяема. Система уложения имела весьма сложный характер, так как законодатель еще сохранял степенение мер в зависимости от тяжести учиненного преступления, от возраста и от наличности или отсутствия разумения. Системы мер уложения о наказаниях и устава о наказаниях были плохо между собою согласованы: последний не знал смягчения наказаний для несовершеннолетних от 17 до 21 года, в отношении несовершеннолетних от 14 до 17 лет допускал применение общих наказаний в половинном размере и пр. Уголовное уложение 1903 г. несколько упростило эту систему, не внеся в нее существенных изменений.

С введением у нас особых судов для несовершеннолетних сложность и дробность наших постановлений об ответственности несовершеннолетних, крайне стеснявшая деятельность судей для несовершеннолетних, дала себя чувствовать особенно сильно. У нас действовали одновременно три порядка определения наказания несовершеннолетним до 17 лет, по трем различным уголовным кодексам и это крайне затрудняло попытки об'единить дела эти вместе. В 1913 г. мною совместно с Н. А. Окуневым был выработан проект нового закона об ответственности малолетних, встреченный сочувственно рядом общественных организаций и с'ездов по борьбе с детской преступностью. В нем усваивалась система предоставления судье полной свободы в выборе мер воздействия и совершенно отвергался устарелый критерий разумения. Но, по существовавшим тогда условиям и настроению законодательных кругов, пришлось в проекте сохранить и ряд более энергичных мер воздействия, по возможности, более ограничив их применение. Проект различал меры попечения, могущие быть принимаемыми в отношении всех несовершеннолетних, в случае установленной их беспризорности, и меры ответственности. К числу первых были отнесены: 1) оставление малолетнего в семье или у прежнего хозяина с назначением по отношению к нему попечительского надзора со стороны какого-либо благонадежного лица, б) передачу малолетнего под надзор или на попечение какого-либо из родственников или благонадежных лиц, пожелавших принять на себя заботу о нем, в) устройство его в учебное заведение, в мастерство или на службу, г) помещение его в воспитательное заведение, в приют или передачу его благотворительному учреждению, призревающему детей и д) извещение опекунских учреждений о необходимости назначить малолетнему опекуна. Все эти меры могли быть принимаемы судьей для несовершеннолетних или опекунским судьей и по отно-

шению к детям до 10 лет и по отношению к малолетним до 17 лет в случае их беспризорности, понятие которой было определено весьма широко (сюда, между прочим, были отнесены малолетние, занимающиеся нищенством, бродяжничеством и проституцией, нравственно-заброшенные малолетние и пр.). В качестве мер воздействия, принимаемых к несовершеннолетним правонарушителям в возрасте от 10 до 17 лет указывались: 1) отдача родителям или лицам, на попечении которых они состоят, для домашнего исправления, 2) замечание и выговор, 3) уплата денежной пени не свыше 100 рублей из заработка малолетнего, 4) отдача под особый надзор родителей, родственников либо попечителей по делам о малолетних, либо иных благонадежных лиц, 5) арест в особо для того назначенных помещениях, который мог быть заменяем домашним или школьным арестом, 6) отдача в исправительно-воспитательные заведения и 7) помещение в особые отделения для несовершеннолетних при местах заключения. Помещение в эти последние предусматривалось при отсутствии или недостатке исправительно-воспитательных заведений в данной местности, а также, когда за достижением 17 лет в момент обращения приговора к исполнению малолетний не мог быть отдан в исправительно-воспитательное заведение или вследствие особой испорченности малолетнего, не представлялось желательным поместить его туда. Все эти меры принимались по усмотрению судьи, который должен был руководствоваться интересами надлежащего воспитания и исправления малолетнего, а также предупреждения совершения им новых преступлений. Во всех случаях судья мог постановить об условной отсрочке применения той или иной меры или, смотря по обстоятельствам, изменить ее.

По отношению к несовершеннолетним старше 15 лет в случае учинения ими наиболее тяжких преступлений, если при этом вследствие испорченности, порочного образа жизни несовершеннолетнего или многократности совершения им преступных деяний нельзя было надеяться, что он мог бы быть исправлен другими мерами, суд мог применить заключение малолетнего в исправительную тюрьму на срок не менее одного года. Устройство и режим этих исправительных тюрем мыслились по типу американских реформаторий или английских борстальских учреждений и признание этой меры диктовалось нежеланием, чтобы такие несовершеннолетние попадали в общие тюрьмы с их развращающим режимом, как-то бывало во всех случаях, когда слишком снисходительное отношение законодателя к наиболее порочным несовершеннолетним правонарушителям сталкивается с суровой практикой жизни и с отсталой общественной психологией *).

Изложенный проект был положен в основание работ комиссии по ре-

*) Проект этот вместе с краткой запиской был напечатан в «Трудах Первого Всероссийского С'езда деятелей судов для несовершеннолетних» II. 1915 г. По поводу него появилось несколько критических статей: Я. Бермана «По поводу нового проекта закона о детях» Право 1914 № 3, А. Зака, Право 1913, № 50. А. И. Зака. «Несколько слов о первом с'езде деятелей по вопросам суда для малолетних». Вестник Права 1914 № 3. Б. Базилева. «Несколько мыслей по поводу законопроекта о мерах попечения над беспризорными малолетними». Журн. «Особые суды для малолетних» 1915 № 7. См. также мои ответы в «Праве» 1914 № 5 и в «Вестнике Права» 1914 № 3. Возражения критиков были направлены главным образом против проектированного допущения исправительных тюрем в качестве меры наказания для некоторых категорий несовершеннолетних.

форме уголовного законодательства, образованной Временным правительством и частично включен в выработанное этой комиссией «Положение о попечительных судах для малолетних», оставшееся неопубликованным. Возникшие в практике у нас особые суды по делам о малолетних старались избежать стеснительных постановлений нашего прежнего права, применяя меры надзора и воспитания в порядке предварительного производства и прекращая дела в том случае, если малолетний проявлял наклонность к исправлению. Практика эта, служившая коррективом к закону, терпелась высшими инстанциями, сознававшими необходимость обновления нашего законодательства, но не рисковавшими поставить этот вопрос открыто.

Октябрьская революция принесла с собою и резкий поворот в данном вопросе. В первые два-три месяца революции, когда аппарат старых судов был уничтожен, малолетние стали появляться в стихийно возникавших тогда революционных, народных и иных судах, судебных комиссиях и трибуналах. В этот период трудно было говорить о последовательном применении определенных принципов. Но уже в одном из ранних своих декретов Советская власть поспешила выявить свое отношение к этому вопросу. Изданный 14 января 1918 г. декрет о комиссиях для несовершеннолетних провозгласил, что «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются». Вместо того особые комиссии, состоящие при Нар. Ком. общественного призрения, по рассмотрении дела должны или освобождать несовершеннолетнего или направлять его в одно из убежищ, находящихся в ведении комиссариата, соответственно характеру деяния. В виду того, что в то время еще сохраняли свою силу наши старые уголовные законы (поскольку они не были отменены революционным правосознанием), то возраст несовершеннолетия у нас понимался на практике до 17 лет, как-то было по дореволюционному праву. На практике к детям, признанным общественно-опасными, применялись общие меры социального воспитания: они направлялись в детские дома обычного типа, только в Петрограде был создан «Особый отдел» призрения несовершеннолетних обвиняемых, в ведении которого находились имевшиеся в Петрограде исправительно-воспитательные учреждения, куда в большинстве случаев и направлялись малолетние.

Декрет 1918 г., при всей его гуманности и широте реформы, не принес благодетельных результатов. Правда, тысячи детей на протяжении республики были избавлены от мытарств по судам и тюрьмам, но, с другой стороны, полный отказ от ответственности и неучитывание психических особенностей морально-дефективного ребенка привели к необычайному росту детской и юношеской преступности, как-то мы видели выше из статистического обзора. Дети с признаками моральной дефективности, попадая в общие детские дома, разлагающе влияли на других; отсутствие ответственности приводило к частым нарушениям дисциплины, побегам, новым правонарушениям. Комиссариат общественного призрения (позднее переименованный в НК соц. обеспечения) по своему характеру оказался мало пригодным для организации этого дела. В виду этого уже к началу 1920 г. начал назревать поворот к отказу от принципа безответственности по отношению к несовершеннолетним и к передаче их дел в судебные учреждения с предоставлением последним применять и меры наказания. После энергичной борьбы в руководящих инстанциях вопрос закончился некоторым компромиссом. Декрет 4

марта 1920 г. «о делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» (С. У. 1920 г. № 13, ст. 83), хотя и сохранял положение о том, что «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются», однако, допускал уже передачу дел о несовершеннолетних от 14 до 18 лет в народные суды, «если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия». При этом НКЮ вменялось в обязанность помещать в местах заключения таких несовершеннолетних отдельно от взрослых и приступить совместно с Наркомпросом к организации особых реформаториев для них. Если декрет 1918 г., говоря о мерах в отношении несовершеннолетних, рекомендовал помещение их в убежища для призрения детей, то декрет 1920 г. обнаруживает уклон в сторону мер лечебно-воспитательного характера. Он говорит о воспитании, обучении морально-дефективных несовершеннолетних, рекомендуя помещать их в лечебно-воспитательные заведения, а в случае необходимости—подвергать особо тщательному режиму и изоляции в специальных лечебных учреждениях Наркомздрава.

В изданной в июле того же 1920 г. Инструкции комиссиям о несовершеннолетних (С. У. 1920 г. № 68, ст. 308) понятие лечебно-воспитательных (медико-педагогических) мер воздействия получило дальнейшее развитие. В ст. 16 к числу этих мер были отнесены: а) беседа, раз'яснение, замечание воспитателя, б) внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей, в) определение на ту или иную работу, г) помещение в школу, д) отправка на родину, е) помещение в детский дом или в одну из лечебно-воспитательных колоний и учреждений, ж) помещение в специальные изоляционные отделения психиатрических учреждений. Передача дела о несовершеннолетнем в народный суд предусматривалась в случаях недостаточности указанных мер, а, именно: при упорных рецидивах, систематических побегах из детских домов, при явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе. Последний случай находил себе в ст. 10 инструкции более подробное развитие. Общественно-опасными деяниями несовершеннолетнего, требующими вмешательства народного судьи даже в стадии предварительного производства, признавались: посягательство на человеческую жизнь, причинение тяжких ран и увечья, изнасилование, разбой, грабеж, поджог, подделка денежных знаков и документов, взяточничество, крупные хищения из советских или общественных учреждений и крупная спекуляция.

Если остановиться на мерах медико-педагогического характера, то три из них (помещение на работу, в школу и отправка на родину) являлись в сущности лишь мерами социальной помощи; две другие—беседы, раз'яснения, внушение и присмотр—представляли собою легчайшие меры морального воздействия; помещение в детский дом (даже если иметь в виду специальные детские дома для морально-дефективных) являлось мерой социального воспитания; наконец, оставались меры лечебного характера—помещение в лечебно-воспитательные колонии и учреждения и в специальные изоляционные отделения психиатрических лечебниц. Недостатком этого перечня медико-педагогических мер, являлось полное отсутствие среди них каких-либо мер педагогического дисциплинирующего воздействия. Кроме легких мер, в виде замечания и внушения, сам несовершеннолетний не мог быть

подвергнут моральному воздействию. Комиссия не могла даже постановлять о заглажении вреда самим несовершеннолетним, о вычетах из его заработка или о кратковременной его изоляции. Поэтому работникам комиссии приходилось или ограничиваться мерами слабого педагогического воздействия или передавать дело в народные суды. Против такого бессилия комиссий постепенно стали раздаваться громкие голоса. На всероссийской конференции по борьбе с детской дефективностью, в октябре 1921 г., по докладу П. Я. Ефремова, была принята резолюция, рекомендовавшая предоставить право комиссиям непосредственного направления известных категорий несовершеннолетних в учреждения карательного отдела. Вместе с тем на той же конференции, по докладу П. Г. Бельского, был принят проект устройства особых изоляционно-воспитательных домов для особо трудных в воспитательном отношении несовершеннолетних в случае безуспешности всех применявшихся к ним ранее мер перевоспитания и намечен ряд мер педагогического дисциплинирующего воздействия, могущих быть применяемыми в учреждениях для принудительного воспитания. Эти меры были вновь одобрены Петроградской областной конференцией по правовой защите, состоявшейся в январе 1922 г., по докладу того же П. Г. Бельского.

Таким образом, в виду значительного развития правонарушителей среди подростков, к концу 1921 г. уже в среде самих работников по детской дефективности стал обнаруживаться уклон к тому, чтобы на ряду с мерами лечебно-воспитательного воздействия была усилена и роль мер морально-воспитательного воздействия, нашедших себе весьма слабое отражение в Инструкции 1920 г. В общей же литературе и в судебных кругах стали слышаться все чаще и чаще голоса о необходимости усиления репрессии в отношении несовершеннолетних правонарушителей. В отдельных случаях приходилось даже сталкиваться с нежеланием органов уголовного розыска и Чрезвычайных Комиссий пересылать возбуждаемые ими обвинения в комиссии о несовершеннолетних, с направлением таких дел непосредственно в Ревтрибуналы или Народные суды.

Эти настроения нашли себе выражение на III сессии ВЦИК'а при обсуждении проекта уголовного кодекса. Проект угол. кодекса, составленный НКЮ и внесенный на рассмотрение ВЦИК, по вопросу об ответственности несовершеннолетних содержал правило, воспроизводившее в общем содержание ст. 4 декрета 4 марта 1920 г. Он указывал, что «наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также к тем несовершеннолетним от 14 до 18 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия». Во время обсуждения проекта в пленуме т. Рязановым было предложено, в виду отсутствия у нас достаточного числа учреждений для перевоспитания подростков от 16 до 18 лет, понизить возраст применимости медико-педагогических мер до 16 лет. Комиссия ВЦИК, формулировавшая поправки, согласилась с этим предложением, и в окончательной редакции, прошедшей в закон, правило об ответственности несовершеннолетних было формулировано в ст. 18 следующим образом: «Наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также ко всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия».

Как часто случается с поправками, вносимыми при окончательном об-

суждении, так и в данном случае, принятое изменение оказалось недостаточно согласованным со всей системой кодекса. Уголовный кодекс не содержал в окончательной редакции каких-либо правил о применении наказания к несовершеннолетним от 16 до 18 лет и к тем подросткам от 14 до 16 лет, дела о которых переданы на судебное разбирательство. К ним должны были быть применяемы, поэтому, общие карательные постановления закона во всей их строгости и без всяких из'ятий. В срочном порядке постановлением Президиума ВЦИК несколько позднее было постановлено о неприменении к несовершеннолетним до 18 лет высшей меры наказания (расстрела). Но одно это постановление, конечно, не могло заменить всей системы правил о мерах в отношении несовершеннолетних.

Этот пробел был восполнен при пересмотре правил об ответственности несовершеннолетних в IV сессии ВЦИК 1922 г. В эту сессию был принят ряд важных поправок к отдельным статьям угол. кодекса по этому предмету. Прежде всего, в новой редакции ст. 18 было указано, что вопрос о возможности ограничиться мерами медико-педагогического характера в отношении несовершеннолетних от 14 до 16 лет должен решаться не комиссиями о несовершеннолетних, как-то было раньше, а судом. Эта поправка, впрочем, как имеющая процессуальное значение, не подтверждена была при новом издании уголовно-процессуального кодекса от 15 февраля 1923 г., в котором ст. 38 попрежнему предписывает выделение и передачу в комиссии о несовершеннолетних дел о несовершеннолетних до 16 лет. Противоречие между материальным и процессуальным законодательством привело к тому, что и в практике отдельных комиссий и губсудов вопрос о направлении дел о 14—16-летних подростках не получил единообразного разрешения, тем более, что руководящего циркулярного указания по этому вопросу издано не было. В одних губерниях эти дела попрежнему продолжали поступать в комиссии с тем, однако, что по требованию народного судьи, состоявшего членом комиссии, они передавались в народный суд; в других они предварительно рассматривались в распорядительных заседаниях, подобно тому порядку рассмотрения вопроса о «разумении», который практиковался у нас в окружных судах по закону 2 июня 1897 г. Наконец, наблюдался и такой порядок, что несовершеннолетний старше 14 лет непосредственно приводился в народный суд, который или налагал на него наказание, или собственной властью принимал медико-педагогическую меру, извещая о том, затем отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних.

Этим разногласиям положен конец восстановлением ст. 18 угол. кодекса в той первоначальной редакции, которую она имела при издании уголовного кодекса, произведенным Постановлением ВЦИК'а от 10 июля 1923 г. Для большей ясности и в ст. 38 угол. процесс. кодекса внесено указание, что «в отношении обвиняемых несовершеннолетних (от 14 до 16 лет) рассмотрение дела судом может иметь место только по постановлению комиссии по делам о несовершеннолетних, если таковая признает, что по отношению к данному несовершеннолетнему неприменимы средства медико-педагогического воздействия». Таким образом, законодатель признал, что по общему правилу несовершеннолетние до 16 лет подлежат лишь мерам медико-педагогического воздействия, а не наказанию.

В новую редакцию угол. кодекса Постановлением октябрьской сессии

ВЦИК'а 1922 г. были введены две новых статьи 18-а и 18б, требующие обязательного смягчения наказания для несовершеннолетних. Так, для младшей группы от 14 до 16 лет наказание должно быть смягчено наполовину против наивысшего установленного соответствующими статьями предела, а для несовершеннолетних от 16 до 18 лет на одну треть. Кроме того, в ст. 25 было внесено указание на то, что при определении меры наказания суд должен принимать во внимание, «совершено ли преступление несовершеннолетним от 16 до 18 лет, несовершеннолетним от 14 до 16 лет или малолетним до 14 лет».

Как в редакционном отношении, так и по существу, эти новые правила вызывают ряд сомнений. В нашем до-революционном праве по уставу о наказаниях существовало обязательное для суда сокращение для несовершеннолетних до 17 лет наказания наполовину; уголовное уложение 1903 г. предписывало сокращение наказания для несовершеннолетних от 17 до 21 года на одну треть. При этом суд первоначально должен был определить следуемое по закону за данное преступление наказание in concreto, после чего и производилось законное сокращение на половину или на одну треть. В практике суда для малолетних эта система являлась существенной помехой. Допустим, закон карал преступление тюрьмой от 6 мес. до 1 года; судья определил наказание в 8 месяцев тюрьмы, а после сокращения его наполовину оно равнялось 4 месяцам. В результате громадное большинство несовершеннолетних приговаривалось у нас к тюремному заключению на весьма короткие сроки. По статистике за период 1911—1915 гг. из общего числа несовершеннолетних, содержавшихся в тюрьмах 18% содержались менее одного месяца, 36%—от 1 до 3 месяцев и 46% свыше трех месяцев. Краткосрочное тюремное заключение действует развращающе не только на несовершеннолетних, но и на взрослых. Наш кодекс вполне принял это положение, не допустив наказания лишением свободы на срок менее шести месяцев. Но благодаря правилам о сокращении срока наказания в отношении несовершеннолетних открывается возможность применения тюремного заключения и на сроки в три месяца и даже менее, в виду возможности досрочного освобождения *). Подростка всячески следует оберегать от тюрьмы, но если по обстоятельствам данного случая признано нужным применить меру лишения свободы, то она должна быть достаточно длительной, чтобы достичь какого-либо действия. Лишение свободы подростков должно быть сопровождаемо мерами воспитательного воздействия, а о них не может быть и речи при помещении подростка в место заключения на несколько месяцев. Попадая в место заключения на короткие сроки, подросток выносит преувеличенно легкое отношение к этому наказанию, теряет к нему страх и тем самым легче совершает новые правонарушения. В прошлой практике суда для малолетних неоднократно наблюдались случаи, когда подростки всячески старались попасть на два-три месяца в тюрьму вместо того, чтобы быть подвергнутым мерам длительного воспитания в воспитательно-исправительных заведениях. Они бежали из учреждений, совершая новые преступле-

---

*) По новой редакции ст. 34 угол. кодекса, установленной постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г., низший предел наказания лишением свободы понижен до 1 месяца. Таким образом в отношении несовершеннолетних случаи краткосрочных тюремных приговоров должны стать еще более частыми.

ния для того, чтобы быть зачисленными в категорию «тюремных», сулившую скорую свободу и бесконтрольность поведения. Таким образом, искусственно создавалась «тяга к тюрьме», имевшая самые пагубные последствия в смысле образования значительного кадра юных рецидивистов.

В новом уголовном кодексе порядок сокращения наказания несовершеннолетним строится несколько иначе. По точной редакции ст. 18-а и 18-б для них сокращается лишь максимальный предел могущего быть назначенным судом наказания. Таким образом, если статья закона угрожает лишением свободы до двух лет, то судья не вправе назначить наказания свыше одного года. Неясным является вопрос, как быть если наказание в законе указано в минимуме: напр., лишение свободы на срок не ниже восьми лет (ст. 142); санкции с таким минимальным пределом в кодексе встречаются довольно часто. Правильное толкование приводило бы к тому решению, что здесь судья должен был бы все же исходить из максимального предела данного наказания, т. е. 10 лет, сократив его наполовину или на одну треть, но точно также подлежал бы соответственному сокращению и минимальный срок, т. е., напр., для ст. 142 минимальным пределом было бы 4 (или 6) лет, а максимальным 5 (или 7½) лет. При несокращении наполовину минимального срока получалось бы то несоответствие, что фактически несовершеннолетний не мог бы воспользоваться таким сокращением. Большинство статей с минимальным пределом определяют этот предел в 1—2 года лишения свободы и, таким образом, наказание и в этом случае было бы сравнительно краткосрочным. Как мы видели выше, 70—85% всех совершаемых несовершеннолетними правонарушений составляют кражи. Между тем уголовный кодекс назначает за это преступление в качестве меры наказания лишение свободы на шесть месяцев (ст. 180 п. а). При сокращении его наполовину, несовершеннолетний 14—16 лет подлежал бы заключению не более, чем на 3 месяца, т. е. такому краткосрочному наказанию, какое закон признает нецелесообразным даже в отношении взрослых; это наказание могло бы также породить ту «тягу к тюрьме» со стороны подростков, о которой мы говорили выше. Указывая на эти нежелательные последствия применения ст. 18-а и 18-б, мы вовсе не хотим подчеркнуть необходимость большего усиления строгости наказания в отношении несовершеннолетних, но стремимся лишь отметить желательность создать особый порядок определения наказаний для них. Одно только механическое сокращение наказаний для них далеко не всегда может принести пользу.

Правда, в качестве некоторого противовеса против краткосрочности наказаний для несовершеннолетних, угол. кодекс включает в себя ст. 56, предоставляющую распорядительным комиссиям входить в народный суд с представлением о продлении наказания лишением свободы для несовершеннолетних, не обнаруживших достаточного исправления к концу отбытия назначенного им срока наказания. Такое удлинение может назначаться на неопределенный срок—впредь до исправления, однако, не свыше половины первоначально определенного судом наказания. Однако, применение этой статьи далеко не всегда может помочь делу. Судить об исправлении подростка очень трудно во время пребывания его в карательном учреждении. Наиболее испорченный подросток может выполнять самым тщательным образом правила внутренней дисциплины, чтобы получить досрочное освобожде-

ние и скорее очутиться на свободе. Опыт показывает, что наиболее свыкшиеся с преступной жизнью подростки оказываются лучше всего приспособленными к выполнению условий тюремного режима, умея хорошо лицемерить, сваливать вину на других или ускользать от внимания администрации. С другой стороны, большее или меньшее подчинение правилам режима определяется не столько испорченностью подростка, сколько его нервно-психическими особенностями, его реакцией на окружающие условия. Только путем наблюдения за поведением подростка во время условного освобождения можно судить, насколько он исправился и способен вести честную трудовую жизнь. Хотя условное досрочное заключение может иметь место и в случаях применения наказания к несовершеннолетнему, но сроки его (оставшаяся неотбытой часть наказания) настолько невелики, а условия, требуемые от освобожденного настолько элементарны (неучинение нового преступления), что судить об «исправлении» даже в этой стадии едва ли представляется возможным. Наконец, даже, если и будет осуществлено предусматриваемое ст. 56 удлинение наказания, то часто оно выразится в лишнем одном-двух месяцах, что не может внести существенного изменения в дело его исправления. Помимо всего сказанного, едва ли правильной можно признать и самый принцип удлинения первоначально назначаемого наказания в зависимости от степени исправления, так как осужденный здесь подвергается наказанию, превышающему предел, установленный уголовным кодексом, между тем, как значение установления санкции и самого приговора суда, именно, и заключается в том, чтобы оградить человека, даже признанного виновным, от произвола органа, выполняющего наказание. Система относительной неопределенности срока в этом отношении является более правильной.

Новая редакция уголовного кодекса внесла также ряд изменений в характер мер, могущих быть принятыми в отношении несовершеннолетних по приговорам судов. Уже в начальной редакции в ст. 46 п. а в числе мер социальной защиты, заменяющих наказание или следующих за ним, указывались «помещение в учреждения для умственно или морально дефективных и принудительное лечение». По редакции, утвержденной 30 октября 1922 г., сюда же присоединена, специально в отношении несовершеннолетних, еще отдача несовершеннолетнего на поруки родителям, родственникам либо другим лицам при условии ознакомления суда с образом жизни и личностью поручителя (п. д, ст. 46). Не трудно видеть, что указанные меры «социальной защиты» почти всецело совпадают с «медико-педагогическими мерами», предусматриваемыми Положением о комиссиях по делам о несовершеннолетних. Помещение в лечебно-воспитательные учреждения для умственно-отсталых и морально-дефективных и в изоляционные отделения психиатрических лечебниц вполне соответствует п. а, ст. 46, а присмотр родителей, родственников и обследователей мало в чем отличается от поручительства со стороны тех же лиц. Внеся эти меры в кодекс под иным названием мер социальной защиты, законодатель создает как бы параллелизм между деятельностью суда и деятельностью комиссии. В сущности говоря, в специальной компетенции комиссий остаются только меры чистой социальной помощи (помещение на работу, в школу, отправка на родину или помещение в детские дома нормального типа), которые могут быть применяемы отделами социально-правовой охраны несовершеннолетних в чисто административном по-

рядке, без содействия не только суда, но и комиссий по делам о несовершеннолетних.

Нельзя не указать также на то, что при существующем порядке рассмотрения дел о несовершеннолетних от 14 до 16 лет могут часто происходить между судом и комиссиями пререкания относительно характера мер, могущих быть примененными к несовершеннолетнему. Так, комиссия признает несовершеннолетнего подлежащим наказанию, а не мерам медико-педагогическим, а суд, рассмотрев дело, применит к нему одну из мер медико-педагогических или мер социальной защиты, им равнозначущих.

Если к этому добавить, что уголовный кодекс не содержит в себе каких-либо постановлений ни относительно учреждений, в которых должно отбываться несовершеннолетними наказание лишением свободы, ни относительно порядка применения к ним наказания принудительными работами, то в результате нельзя не притти к заключению, что вопрос об ответственности несовершеннолетних не получил в нем удовлетворительного разрешения. Этот вопрос возникал во всех сессиях ВЦИК 1922 г. и 1923 г., но рассматривался несколько отрывочно, и это сказалось в виде отсутствия строго продуманной и последовательной системы в этом важном вопросе. Такая невыдержанность законодательной точки зрения сказалась, между прочим, и на постановлениях уголовно-процессуального кодекса, который ни одним словом не упоминает об особенностях производства дел о несовершеннолетних в судебных установлениях. Этот кодекс составлялся еще тогда, когда постановления декрета 4 марта 1920 г. сохранились в своей силе и когда дела о несовершеннолетних от 14 до 18 лет, рассматриваемые судами, являлись редким исключением. Совершенно иначе приходится поставить вопрос теперь, когда эти дела в значительной своей массе переходят в народные и губернские суды.

Мы видели, что советское законодательство об ответственности несовершеннолетних, провозгласившее в 1918 г. гуманные принципы освобождения несовершеннолетних от суда и тюрьмы, в течение прошлого 1922 г. несколько раз, так сказать, нащупывало почву для примирения этой гуманной идеи с суровыми требованиями действительности. Те решения, которые действуют сейчас, нельзя назвать ни удачными, ни окончательными. Законодателю предстоит ещё раз пересмотреть этот вопрос и найти в решении его золотую середину. В виду этого, небесполезным, думается нам, будет краткое рассмотрение настоящего вопроса и de lege ferenda.

ГЛАВА III.

Желательные реформы в вопросе об ответственности несовершеннолетних.

Правильное решение интересующего нас вопроса об ответственности несовершеннолетних и о мерах, рекомендуемых в отношении юных правонарушителей, возможно будет только тогда, если подходить к этому вопросу

не с одной како-либо точки зрения—педагогической, медицинской, социальной или криминалистической, а лишь при надлежащем учете всех этих сторон вопроса. Увлечение одной только стороной неизбежно приводит через некоторое время к резкому повороту в другую, ей противоположную, в результате получатся постоянные колебания и законодательства и практики и внутренняя глухая борьба, приводящия порою к случайным решениям. Примирение различных возможных в этом вопросе точек зрения достигается подчинением их всех одной—более высокой задаче, идее охраны самого несовершеннолетнего, как будущего носителя культуры и созидателя новых общественных отношений. Если в отношении взрослых преступников господствующей в настоящее время является идея охраны общества или социальной защиты, как ее теперь принято называть, то в отношении несовершеннолетних правонарушителей эта идея социальной защиты имеет лишь посредственное признание, так как интересы общества существующего отступают на второй план по сравнению с интересами общества будущего, а эти последние могут быть обеспечены наилучшим образом только тогда, если молодое поколение действительно явится сильным, умственно и морально крепким и устойчивым. Поэтому в идее укрепления и оздоровления личности малолетнего в конечном итоге заложена и идея социальной защиты, понимаемой, однако, не в смысле охраны одного только существующего, но и преимущественно будущего строя общественных отношений.

Охрана личности несовершеннолетнего, забота об его благе и надлежащем развитии должна рассматриваться как сложная социально-педагогическая проблема, требующая трезвой оценки и больших знаний для правильного своего разрешения. Подходить к ней только с точки зрения одной гуманности, добрых чувств к ребенку, как-то делают многие, совершенно недостаточно. Гуманность—это чувство протеста против жестокостей, чинимых в отношении слабых и беззащитных. Она сильна в своем отрицательном действии, но сама по себе бессильна создать положительные принципы деятельности. Гуманность призывает нас к состраданию перед настоящим, но не устраняет источников, могущих порождать эти страдания в будущем. Мы готовы сострадательно отнестись к малолетнему, впавшему в преступность, но не должны забывать и о тысячах тех невинных малолетних, которые могут быть заражены его дурным примером и влиянием. Во имя гуманности мы не должны разрушать и в самом малолетнем ту силу воли, которая поддерживается сознанием ответственности и которая одна способна поставить его на правильный путь, оберечь его от соблазнов и порочных влияний и явиться для него важным орудием в жизненной борьбе. Мы должны бороться против этих соблазнов и влияний посредством мер предупреждения, но не можем закрывать глаз на то, что с усложнением общественной жизни и ростом культуры число их не уменьшается, а увеличивается и, что меры предупреждения всегда будут иметь относительное значение, если наши усилия не будут направлены, прежде всего, на укрепление самого индивида, на усиление его способности сопротивления им. А это достигается лишь культивированием сознания ответственности, пробуждающегося у нас с сравнительно раннего возрата. Социальная педагогика, сообразованная с особенностями детского и юношеского возраста, должна поэтому рассматривать малолетнего не как пассивный об'ект, к которому применяются меры охраны

или лечения, а как активного члена общения, своеобразно перерабатывающего воздействующие на него влияния под углом своего сознания и своей воли. Таким образом, идея ответственности не отрицается социальной педагогикой, а скорее, наоборот, утверждается ею.

С какого возраста можно говорить о начальных проявлениях социальной ответственности, другими словами, где лежит черта между возрастом детства и возрастом начинающегося юношества? Всякое хронологически-возрастное определение, конечно, поневоле является приблизительным. Бывают случаи особенно раннего, преждевременного развития и, наоборот, случаи развития запоздалого, задержки развития. И те и другие порою обусловливаются болезненными факторами. Но в общем природа сама довольно резко определила эту грань в форме наступления периода половой зрелости, сопровождающегося резким переломом в самом организме малолетнего; он выражается в наступлении ряда соматических и физиологических изменений, в изменении психических склонностей, круга представлений, отношений к окружающей обстановке. Характеристика этого перелома с медицинской и педологической точек зрения не входит в нашу задачу и может быть почерпнута в любом учебнике. Скажем только несколько слов о том возрасте, на который обычно падает наступление его. Для девочек фактом, устанавливающим наступление половой зрелости, является появление первых менструаций. По тщательным наблюдениям Энгельмана над тысячами случаев для Америки этот период начинается с наступлением 14-летнего возраста, а для Европы—с 14½ лет; наступление менструаций в 12 лет признается в медицине необычным явлением. Для мальчиков нет такого определенного признака наступления этого периода и принимаются обычно различные признаки вторичного порядка. Но по совокупности сопряженных с периодом половой зрелости изменений соответственным возрастом признается возраст в 14—14½ лет; присутствие этих признаков ранее, даже в 13 лет, признается опасным показателем. В виду предстоящего коренного перелома во всем организме малолетнего к 13—15 годам все методы воздействия на него до этой поры носят по преимуществу предупредительный, превентивный характер. Предоставление малолетнему наилучших социальных возможностей для развития здоровых интересов, устранение дурных влияний, исходящих от семьи или окружающей социальной обстановки, от дурных товарищей, развитие его ума и его воли для того, чтобы он мог проявить достаточную устойчивость в опасный период полового созревания—вот основная задача охраны малолетнего в этом возрасте. Дурные социальные привычки, сопровождаемые умственным невежеством, душевной пустотой или волевой слабостью, легко вовлекают его с наступлением периода перелома в порок и преступность и это резко отражается на всем последующем его развитии. Если даже преступные или порочные склонности в нем пробудились раньше, то, будучи поставлен в хорошие условия развития и воспитания, малолетний имеет большой шанс радикально изменить их в период полового созревания. Многие специалисты утверждают, что у дефективных подростков, у невропатических и психопатических типов, наступление периода юношества сопровождается наиболее резкими потрясениями и органическими переломами, вследствие чего, поставленный в устойчивые и здоровые условия окружающей обстановки и воспитания, такой подросток может значительно из-

менить к лучшему свой психологический облик *). Этой цели служит помещение малолетнего в условия здоровой семьи, хорошего воспитательного учреждения или отдача его под надежный и умелый присмотр.

Правовые установления почти всех стран Запада, следуя опыту жизни, в полной мере учли значение возраста. 14-летний возраст является гранью, отделяющей в законе малолетнего от юношества; до наступления его личность малолетнего всецело поглощается существующей над ним опекой, с этого же возраста она заменяется попечительством, признающим уже известную личную самостоятельность подростка. С 14 лет по большинству законодательств подросток допускается к вступлению в трудовую жизнь; к этому периоду заканчивается возраст обязательного обучения. Наше новое право вполне усваивает эту грань. Малолетним с 14 лет предоставляется право определять свою религиозную принадлежность. (ст. 148 код. зак. об актах гражд. сост.), нахождение при том или другом из родителей, не живущих совместно (там же), с 14 лет несовершеннолетние вправе распоряжаться получаемой ими заработной платой и отвечают за вред, причиненный их действиями другим лицам (ст. 9 гражд. код.), они могут с 14 лет заключать самостоятельно трудовые договоры (ст. 31 Код. Зак о Труде) и вступать в трудовую промысловую деятельность (ст. 135 прим. того же код.) и т. д. Вполне естественно, что и уголовный закон учитывает этот возраст, как такой, до которого малолетние, как лица не пользующиеся самостоятельностью и не достигшие достаточного физического и умственного развития, не подлежат ответственности, а после наступления его эта ответственость (как и гражданская дееспособность или трудовая деятельность) строится на особых основаниях, приуроченных к особенностям этого возраста. При обзоре иностранного законодательства по этому вопросу мы видели, что громадное большинство новых законов и законодательных проектов принимают, именно, 14-летний возраст в качестве грани для определения уголовной невменяемости. Некоторое понижение его до 12—13 лет допускают южные страны Европы (Италия, Франция, Венгрия), где половое созревание происходит несколько ранее. Напротив, северные страны (по преимуществу Скандинавские—Дания, Швеция) обнаруживают тенденцию к повышению его до 15 лет, опять-таки в виду замедления в наступлении этого процесса. На Петербургском международном пенитенциарном конгрессе 1890 г., было принято пожелание о повышении возраста безусловной невменяемости до 16 лет, но в том же году оно было отвергнуто на международном конгрессе Союза Криминалистов в Берне, на с'ездах германской группы в Галле и Берлине (в 1891 и 1893 г.) и на Парижском Пенит. конгрессе 1895 г. Стремление к повышению этого возраста явилось в свое время протестом против применения к несовершеннолетним правонарушителям жестоких общих наказаний, но выработка особых методов борьбы с детской преступностью показала, что правильное решение вопроса может быть найдено в плоскости специализации этих мер, а не повышения возраста безусловной невменяемости. Мы не хотим сказать, что установление 14-летнего возраста в качестве такой грани является раз на всегда предопределенным биоло-

*) W. Strohmayer. Ulber. Puberfätskresen und die Bedentung des Kindtultserlebnisses. Zeitschrift für Kinderforschung 1922 B. 27 H. 5—6.

гическими законами развития подростка. Критерий ответственности имеет и свою социальную сторону. Но при современных условиях роста детской преступности и слабой еще организованности государственной охраны юношества было бы опасным и в педагогическом и в социальном отношении дальнейшее повышение этого возраста как безусловной грани.

Еще до сравнительно недавнего времени установление минимального возраста ответственности рассматривалось как создание грани для всякого вмешательства государства в область воспитания и содержания такого малолетнего в семье. Наше право, определявшее этот возраст в 10 лет, постановляло (до закона 1897 г.), что малолетние, недостигшие 10 лет, могут быть отдаваемы родителям для применения к ним «мер домашнего исправления». Современные воззрения на обязанности государства по отношению к детям разрушили эту китайскую стену родительской власти; начиная с самого нежного возраста по отношению к малолетнему могут быть принимаемы необходимые меры публичного попечения и воспитания, сопряженные с из'ятием его из обстановки его семьи или обязательные для его родителей и воспитателей. Принятие их диктуется не только заботой о малолетнем, но и интересами предупреждения беспризорности и преступности, так как в возрасте, предшествующем половой зрелости, предупредительная роль надлежащей окружающей обстановки является особенно значительной (см. выше). Эти меры носят исключительно опекунский или попечительный характер и органами применения их на западе являются опекунские суды или комиссии, а у нас—комиссии по делам о несовершеннолетних.

На основании сказанного мы можем формулировать первое положение желательной постановки рассматриваемого вопроса:

Малолетние до 14 лет не подлежат ответственности по суду, и учиненные ими преступления не вменяются им в вину. В случае обнаруживающейся их беспризорности к ним могут быть применяемы меры государственного и общественного попечения, а в случае проявления в них социально-опасных наклонностей—меры лечебно-воспитательного характера (медико-педагогические меры) по постановлениям комиссий по делам о несовершеннолетних.

Положение это, в сущности, воспроизводит тезис, принятый нашим действующим законодательством (ст. 18 Уг. Код.), лишь уточняя и развивая его формулировку. В этом отношении наше действующее право вполне отвечает требованиям разумной социально-педагогической политики.

Значительно сложнее обстоит вопрос с переходным возрастом от 14 до 18 лет. Не случайно в громадном большинстве западно-европейских законодательств именно этот возраст выделяется как возраст условной или относительной вменяемости, допускающий на ряду с применением мер воспитательных, также и меры наказания. Возраст от 14 до 18 лет—это период начинающейся юности, когда складываются привычки и характер подростка, когда силы его организма и жизненная энергия получают уклон в определенную сторону, когда постепенно складывается его миросозерцание и вырабатываются различные формы его социального приспособления. Это период, когда формируется личность человека и будущего гражданина, период наибольшей впечатлительности и восприимчивости и вместе с тем наибольшей неустойчивости, когда растущие физические и духовные силы устремляются в различные стороны, дурные и хорошие, а недостаточный опыт и неразви-

тая сила самоконтроля не оказывают еще на них сильного влияния, словом, это период своего рода «бури и натиска». В этом возрасте человек переходит к сознанию и оценке высших идей морального порядка, начинает производить анализ окружающих его общественных отношений, вырабатывать свои взгляды на окружающее и сознавать себя как социальную личность. Вместе с тем и патологические дефекты и склонности в юношеском возрасте проявляются сильнее, начиная более непосредственно влиять на мозг и поведение. Освобождение от условий домашней опеки и столкновение с общественной жизнью в различных ее проявлениях, установление новых товарищеских связей по работе, по групповой и кружково-союзной деятельности резко изменяет окружающую его среду. Обычно период перехода от детства к юношеству растягивается на один-два года и в течение этого времени подросток постепенно приспосабливается к этим новым для него переживаниям и условиям. Резкий переход наблюдаемый в некоторых случаях, грозит созданием сильной неуравновешенности и даже психических аномалий. Пробудившиеся половые инстинкты, вызывающие в уме смутные чувственные образы и накладывающие особый отпечаток почти на весь мир переживаний юноши или девушки, зачастую толкают подростка к новым переживаниям в половой сфере, до-селе бывшим для него более чуждыми, и половые преступления становятся одной из значительных групп в общей массе правонарушений такого несовершеннолетнего. Большинство совершаемых преступлений в этом возрасте является продуктом импульса, несдержанности и заражаемости от других. Но вместе с тем этот возраст характеризуется и вполне отчетливым сформированием склонностей преступного характера.

На рассмотрении психологии юношеского возраста мы уже имели случай останавливаться при изложении индивидуальных факторов. Здесь нас интересует вопрос о том, как правильно оценить ее с точки зрения ответственности подростка.

Еще недавно в большинстве законодательств (а отчасти и в настоящее время) в качестве критерия для определения ответственности подростков был принят признак «разумения», под которым разумеют способность несовершеннолетнего сознавать дозволенность или недозволенность определенных действий, различать поступки дурные и хорошие, что определяется степенью развития у него этического сознания. Признак разумения был выдвинут еще тогда, когда знакомство с индивидуальной психологией было еще в зародыше. Он учитывает лишь одну интеллектуальную сторону психологического процесса—характер этических представлений, не затрагивая сферы эмоциональной и волевой, которые согласно новейшим учениям о поведении играют именно первостепенную роль. Малолетний может иметь вполне развитые взгляды о дозволенном и недозволенном, но волевой контроль над своими действиями может у него являться необычайно слабым или эмоциональная неуравновешенность настолько сильной, что его поведение почти не будет мотивироваться кругом и характером его представлений. Мало того, исследование «разумения», как оно обычно велось на суде, сводилось к задаванию несовершеннолетнему отдельных вопросов, по ответам, на которые и происходило суждение о его развитости. Вместо всестороннего исследования личности несовершеннолетнего в обычной для него обстановке, происходило испытание его умственных способностей методами несовершенными, недо-

статочными и случайными и при том в обстановке, оказывающей искусственной депрессирующие или, наоборот, стимулирующее действие на испытуемого. Несовершеннолетний исследовался к моменту производства суда над ним, когда после совершенного проступка круг его понимания дозволенного и недозволенного мог измениться, а не принималось во внимание то состояние, в котором он находился при совершении правонарушения. Не удивительно, что и результаты применения такого критерия было довольно случайными. Так, проф. Шульце, исследовавший по данным имперской германской статистики, случаи прекращения дел о подростках вследствие отсутствия разумения, указывает, что в 1907 г. в среднем прекращалось по этому основанию 4,2% дел о подростках, но по отдельным округам этот процент чрезвычайно разнообразился, колеблясь между 0,7 и 10%. Таким образом, в сущности, от того, склонен ли был судья оправдать малолетнего, или нет, и зависело признание такого малолетнего действовавшим с разумением или без него *). Немецкие судьи, устанавливая всего 4,2% отсутствия разумения, являлись, таким образом, довольно упорными сторонниками применения наказаний. В практике наших окружных судов, применявших по закону 1897 г. особое производство о разумении, процент дел, прекаращаемых за отсутствием разумения достигал 25%.

Несколько улучшенной формой старого критерия разумения является критерий вменяемости, впервые выдвинутый у нас составителями уголовного уложения 1903 г. К признаку чисто интеллектуальному—способности сознавать свойство и значение совершаемого—он присоединяет и признак волевой—способность «руководить своими поступками», т. е. определять свою волю сознаваемыми представлениями. Этот критерий издавна применялся в английском общем праве; он принят австрийским проектом закона о малолетних 1921 г. и, наконец, германским законом 1 февраля 1923 г. о судах для малолетних **). Последний в ст. 3 признает безответственным несовершеннолетнего, если он «ко времени совершения деяния по своему духовному или нравственному развитию был неспособен понимать противозаконность поступка или определять свою волю соответственно такому сознанию». Принятие такого критерия уже значительно расширяет базу для психологического и психиатрического исследования несовершеннолетнего, но и оно не покрывает всей сферы психологической жизни несовершеннолетнего. Клинический опыт показывает, что большинство психопатических предрасположений гнездятся в подсознательной сфере человека. Психоаналитический метод Фрейда дал врачам возможность диагностицировать область подсознательных переживаний и определенным образом воздействовать на нее. Изучение интеллектуального и морального развития малолетнего на основании картины его сознательных представлений дает еще очень мало для его надлежащей психологической характеристики; изучение же мотивов его поведения требует привлечения всей его личности, как сознательной, так и бессознательной.

---

*) Prof. Ernst Schultze. Die Jugendlichen Verbrecher in gegeonwärtigen und zukünftigen strafrecht. Wiesbaden. 1910.

**) Такой же критерий вводится и проектом угол. улож. 1922 г) кантона Фрейбург (Швейцария).

Мы считаем более правильной позицию тех законодательств, которые отказываются от выставления каких бы то ни было психологических критериев, предоставляя судье решать вопрос на основании изучения всей личности ребенка и учитывая лишь возможное действие на несовершеннолетнего той или иной меры. Они расширяют пределы усмотрения судьи, но это не представляет особой опасности, если иметь в виду специального судью или, еще лучше, специальную комиссию для рассмотрения дел о малолетних, опирающихся на заключение специалистов педагогов и психиатров. Наш критерий, выставленный для несовершеннолетних от 14 до 16 лет, сводящийся в определению того, является ли подросток «поддающимся мерам медико-педагогического воздействия», или нет, в сущности, примыкает к этой точке зрения, но формулировку эту по своей неопределенности нельзя признать удачною. Судья (или комиссия), решающие этот вопрос, должны оценивать значение как факторов индивидуальных, так и факторов социального порядка; с другой стороны, они должны руководиться как благом и интересами самого несовершеннолетнего, так и интересами ограждения безопасности общества. Между тем указанная формулировка односторонне подчеркивает лишь индивидуальные моменты, игнорируя социальную сторону вопроса.

В своем проекте статей, подлежащих внесению в уголовный кодекс об ответственности несовершеннолетних *), мы предлагали следующую формулировку правил об ответственности подростков от 14 до 18 лет:

«Несовершеннолетние от 14 до 18 лет, в случае учинения ими преступлений по несознательности, дурному примеру или дурному влиянию окружающих, а также в случае проявленной ими умственной или моральной дефективности, подлежат действию мер медико-педагогического характера, а в случае обнаружившейся их беспризорности—мерам государственного и общественного попечения».

«Несовершеннолетние от 14 до 18 лет, проявляющие социально-опасные наклонности, как-то: рецидивизм при совершении имущественных преступлений, жестокость при преступлениях против личности, хулиганство или значительную моральную развращенность подлежат особым наказаниям».

Выделение во второй части некоторых категорий несовершеннолетних, как таких, которые нуждаются в более энергичном и длительном перевоспитании в особых учреждениях типа реформаторий, представляется полезным постольку, поскольку эти учреждения в системе мер воздействия относятся уже не к мерам медико-педагогическим, а к мерам наказания. Конечно, возможна и другая точка зрения, включающая и такие учреждения в число мер медико-педагогических, но мне думается, что это было бы едва ли удачным расширением такого термина.

Несомненно, что к длительному исправлению в реформаториях или в особых учреждениях должны быть предназначаемы рецидивисты, составляющие главный кадр морально опустившейся городской молодежи, из которой позднее обычно вербуется кадр профессиональных преступников; к помещению в детские учреждения эта категория обычно непригодна: большинство их уже или побывало там, или систематически бежит оттуда, или дурно

*) Напечатан в журнале «Советское Право» № 2, за 1922 г.

влияет на других. Затем сюда относятся подростки с антисоциальными или атавистическими склонностями, совершающие убийства, изнасилования, тяжкие ранения, несовершеннолетние налетчики и громилы, которых чаще всего следует подвергнуть длительному и более строгому режиму перевоспитания, чем тот, который обычно принят в учреждениях для детей морально дефективных. Таким же симптомом является и «хулиганство», т.-е. дикость, склоняющая подростка на совершение бессмысленно грубых, разрушительных или общеопасных поступков «на потеху», «из озорства», но, конечно, только в том случае, если эти поступки не являются продуктом простого невежества и темноты, а вытекают из более глубоких черт характера, требующих длительного исправления. Наконец, в эту же категорию мы относим несовершеннолетних, проявляющих значительную моральную развращенность, т.-е. таких, у которых совершение преступлений осложняется признаками глубоко укоренившейся социально-опасной беспризорности: бродяжничества, проституции или порока; сюда же относятся и подростки, уже побывавшие в тюрьмах и имеющие прочные связи среди преступного мира.

Мы говорим о несовершеннолетних от 14 до 18 лет. Разделение их на две группы: подростков от 14 до 16 лет, к которым наказания применяются лишь в виде исключения, и от 16 до 18 лет, к которым наказания применяются в качестве неизменного правила, проводимое нашим угол. кодексом, едва ли находит себе опору в особенностях каждой из этих групп. Между 15-ю и 17-ю годами никакого резкого перелома в развитии несовершеннолетнего не наблюдается; процесс развития после наступления половой зрелости идет различным темпом у отдельных подростков, и порою даже к 18-ти годам, как свидетельствуют компетентные специалисты, мы встречаемся с психологическим укладом, недалеко отошедшим от критического периода наступления зрелости. С другой стороны, было бы неправильным подвергать наказаниям 16—17-тилетнего юношу, впервые совершившего правонарушение и вполне подающего надежду на скорое исправление *).

*) «Для нас совершенно неясно,—пишет д-р **Healy**—на основании каких психологических принципов и практических наблюдений правила об ответственности несовершеннолетних базируются на признании резкого наступления возраста общей зрелости и умственной устойчивости в сфере морального поведения и контроля в 16 лет. Проводимое здесь разграничение зачастую является совершенно произвольным и неоправдываемым фактами. Верно, что иногда уже в 17—18 лет достигается частичная умственная зрелость. Изредка наблюдаются случаи появления ее в 15—16 лет. Но я утверждаю, на основании долгого наблюдения, что значительное большинство правонарушителей в 17, 18 лет испытывают большую нужду в том, чтобы быть подвергнутыми методам правильно поставленного детского суда, где—при решении дела, принимаются во внимание все данные касательно окружающей среды, личности, открывающихся возможностей исправления и т. д. Многие правонарушители, достигшие законной грани ответственности, на практике являются еще совершенно детьми. На основании практического наблюдения, сделанного лучшими работниками в области детской преступности, установлено, что изменения характера, происходящие очевидно как последствие благоприятных влияний, весьма часто происходят после того, как несовершеннолетние достигли 17—18 лет. Юношеский возраст предположительно намечается от периода половой зрелости до 21—22 лет. Формативный период юности, который так важен для работающих над исправлением правонарушителей, можно исчислять до 19—20 лет, и все же мы останемся здесь еще в пределах, установленных физиологами для юношеского возраста».

Конечно, грань, отделяющая медико-педагогические меры от мер наказания, является условной и относительной. По нашему убеждению элемент наказания, как порою необходимого средства педагогического воздействия, должен входить в состав отдельных медико-педагогических мер и, наоборот, недопустимо ни одно наказание, которое вместе с тем не было бы проникнуто принципом педагогического воздействия или лечения. Эта относительность различия особенно заметна у нас, где на ряду с наказанием стоят меры социальной защиты и само наказание признается лишь одним из видов таких мер (см. ст. 5 угол. код.). Однако, в виду того, что в среде педагогов и врачей зачастую распространены совершенно отрицательные взгляды на принцип наказания (зачастую неправильно смешиваемый с теми или иными устарелыми и отрицательными конкретными карательными мерами, в частности, с тюрьмой), не лишним будет несколько остановиться на характеристике его значения в деле перевоспитания молодежи.

Я позволю себе привести два мнения: одного из авторитетнейших педагогов—Ферстера, посвятившего этому вопросу ряд своих книг *) и одного из авторитетнейших врачей-исследователей дефективного юношества—д-ра Хили.

«Если я,—пишет Ферстер,—особенно подчеркиваю слова «нет сколько-нибудь глубокого воспитания без наказания, по крайней мере в отношении юных правонарушителей», то может с первого взгляда показаться странным, что моральный педагог высказывается за необходимость сохранения принципа наказания во имя педагогики, тогда как многие юристы и даже прокуроры отказываются от своих притязаний на наказание и представляют несовершеннолетних свободному применению воспитательных мер. Но, конечно, едва ли есть необходимость указывать, что здесь я отстаиваю не старую карательную систему в отношении к молодежи, а только п р и н ц и п таковой, который должен быть облечен в новые формы особого уголовного права для несовершеннолетних. Мне хочется сказать: не «воспитание вместо наказания», а «педагогически-организованное наказаание для несовершеннолетних вместо наказания посредством тюрьмы вместе со взрослыми». Я имею в виду, с одной стороны, углубить принцип наказания посредством рассмотрения его с педагогических точек зрения, а, с другой стороны, углубить и усилить педагогическое воздействие посредством поддержания принципа наказания». Установив, таким образом, свой общий тезис, Ферстер в дальнейшем углубляется в очень интересный анализ, воспроизвести который здесь мы, к сожалению, лишены возможности. Он цитирует слова другого педагога дон-Боско о том, что «мысль о том, что можно обойтись без наказания, свидетельствует о непонимании динамики душевной жизни» и продолжает: «Воспитание вместо наказания уже потому выражает ошибочную мысль, что само наказание есть необходимый возродитель процесса воспитания. Если я помещу подлинного пра-

*) F. W. F o e r s t e r. Schulde und Sühne. Einige psychologische und pädagogische grundfragen des Verbrechensproblem und der Jugendfürsorge. 1911. Е г о ж е Schuhle und charakter. 1912. Е г о ж е. Strafe und Erzichung. 1913. Из других новых работ, затрагивающих вопрос об отношении наказания к воспитанию назовем. D-r M ö n k e m ö l l e r. Die Strafe in der Fürsorgeersichung. Langensalza 1914 (точка зрения врача-психиатра). A. C o c k. Punishment the adjustment of a disturbed equilibrium. The Jounal of experimental pedagogy vol. III, № 4. (1916) p. 275 сл.

вонарушителя в воспитательное заведение, не восстановив посредством наказания правильного отношения его к совершенному им деликту, то это равносильно тому, как если бы я стал зашивать рану перед тем, как ее прочистить и предоставил бы собственным силам организма побороть получившуюся при этом инфекцию». Социально-динамическое действие наказания Ферстер усматривает в том, что наказание дает почувствовать и ощутить на себе реальность и непреклонную величественность правового порядка, непреклонную волю человеческого общежития. Такая могущественная и глубокая «защитительная динамика» нравственного порядка имеет чрезвычайно большое педагогическое значение, так как всякое воспитание есть подчинение суб'екта об'ективному, а уголовное право есть ни что иное, как элементарный язык, посредством которого об'ективные силы жизни делают понятным суб'екту свою волю. В особенности нужно такое простое, «массивное» противодействие по отношению к более низким и грубым импульсам, проявляющимся у лиц, отягченных наследственностью или патологическими склонностями. «В настоящее время,—пишет Ферстер, — много говорят о так-называемых дефективных (minderwerttige), которые дают такой большой контингент для армии юных правонарушителей. Такие дефективные были во все времена: но в эпохи, когда действовали высокие нравственные императивы, когда светлые идеалы и высокие образцы самодисциплины были распространены в обществе, когда притязания духа сознательно пересиливали одни только естественные и прирожденные склонности, эти импульсы дефективных, так сказать, находили свой противовес в коллективном влиянии. Господствующие же воззрения современности, напротив того, дают полную свободу этим дефективным склонностям и даже делают нормальных людей дефективными, признавая суверенитет за их желаниями и страстями. Разве не являются часто несовершеннолетние правонарушители только естественным выражением эпохи, в которой столь многие взрослые по своему мышлению, жизни и сознанию обязанностей именно впали в детство? Что можно ожидать от д е ф е к т и в н ы х, если образованные и нормальные люди сделали из чувственности «реформу половых отношений» и из нравственного слабоумия — жизненную философию? Важнейшие меры исправления всех неуравновешенных, отягченных дефектами и несдержанных лежат не в законах и воспитательных учреждениях, а в наличии высоких и непоколебимых идеалов характера и совести, которые в виде сильных способов внушения со стороны нормальных, действуют на разложившуюся психику анормальных». Выход из такого состояния Ферстер видит в усилении интенсивности сознания ответственности, «без чего вся уголовная социология и уголовная патология должна привести только к тому, что устранится и разложится наиболее сильное противодействие преступным склонностям, а именно человеческая воля». Мы могли бы привести и ряд других, не менее убедительных и красноречивых цитат Ферстера, но и сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о том,что меры социальной дисциплины и наказания не противоречат принципам педагогики, а диктуются ими. Мы не идем так далеко за Ферстером, признающим, что в к а ж д о м случае наказание должно предшествовать применению воспитательной меры и думаем, что в известных случаях достаточно простого морального осуждения поступка или даже простого просветительного влияния. Однако вместе с ним считаем, что социальная педагогика должна включать в себя и принцип наказания, по-

строенного, конечно, на основаниях, строго сообразованных с особенностями подростка.

Отказ от наказания с полной заменой его мерами чисто моральной педагогики и медицины часто приводит к тому, что все больший и больший круг несовершеннолетних вовлекается в сферу моральной дефективности и все труднее и труднее становится исправление таких несовершеннолетних. Людьми, работающими в этой области, овладевает отчаяние и они легко переходят от мер, продиктованных гуманностью, к мерам, диктуемым озлоблением. Вследствие этого часто наблюдается, что после периода полной безнаказанности подростков в законодательстве и практике, наступает обратный период весьма строгого к ним отношения, как то хотя бы у нас наблюдалось в течение 1922 года. Чтобы предотвратить эти «кризисы» в области мер борьбы с преступностью несовершеннолетних, необходимо, чтобы в самой системе применяемых к ним мер были заложены надлежащие регуляторы.

Мы уже говорили о том, что с дурными влияниями окружающей среды не всегда можно бороться только посредством мер предупреждения, хотя принятие их всегда является желательным в первую очередь. Рост опасных социальных влияний есть неизбежное следствие роста и усложнения цивилизации, и мы должны противопоставить им развитие в самом человеке способности сопротивления, что достигается усилением сознания его ответственности. Но могут указать, что надлежащая способность к сознанию ответственности имеется лишь у нормальных индивидов, среди же несовершеннолетних мы встречаем значительное число лиц с патологическими психическими особенностями и что, поэтому, здесь сознанию ответственности не должно быть места. Такая точка зрения довольно распространена, и выводом из нее является зачисление значительного процента несовершеннолетних правонарушителей в категорию «дефективных», подлежащих лечению, а не наказанию. Чтобы не быть голословным, по поводу такого взгляда мы приведем слова авторитетного д-ра Хили, проделавшего в своей психопатической лаборатории при Чикагском детском суде тысячи наблюдений над дефективными несовершеннолетними правонарушителями и едва ли могущего быть заподозренным в преуменьшении роли психических дефектов в качестве фактора преступности.

Прежде всего,—пишет Хили *),—мы должны указать, что наши исследования вовсе не стремятся показать желательность изгнания наказания, как такового, или привести к выводу, что наказание правонарушителей не может оказывать устрашающего влияния на лиц, склонных к совершению преступлений. Можно положительно утверждать, и к тому имеется множество доказательств, что мысль о предстоящем наказании, часто приводит к самосдержке у лиц, обладающих нормальным волевым контролем. Многие правонарушители сами указывают, что если бы наказание применялось более быстро и неизменно, то его устрашающее влияние было бы значительно большим. Кто может оспаривать то, что картина будущих страданий и тягостного возмездия, значительно перевешивающая удовольствие, получаемое от проступка, не является действительным аргументом в глазах тех, кто способен иметь такую картину в уме. Наблюдения над действием простых наград и мер дисциплинарного воздействия на изменение поведения многих душевно-больных

*) W. Healy The individual delinquent. 1915 p. 16-171.

или слабоумных не оставляет места для сомнений в том, что даже в этих случаях предвидение будущих неудобств часто оказывает сдерживающее влияние на поведение. Но, конечно, во всех случаях следует особенно точно установить, что индивид способен иметь соответственные понятия и предвидеть последствия своего поведения. Наши данные логически не подкрепляют того вывода, что государство должно ослабить свое сдерживающее действие по отношению к преступникам в силу одной только уменьшенной или частичной нравственной ответственности их. В этой области наблюдается лишь величайшая потребность в индивидуализации. Напр., власти, освобождающие заключенного эпилептика из реформатории только потому, что он эпилептик, поступают самым непозволительным образом. Индивид, признаваемый только частично ответственным, но обнаруживающий преступные склонности, является наиболее опасным из граждан. Постановлять, что закон не вправе наложить на него ограничения потому, что он не является вполне ответственным и отпускать его на свободу потому, что нельзя доказать, что он в полном смысле является душевно-больным, значит совершать значительную и непростительную ошибку по отношению к обществу. Напротив того, имеется еще больше оснований к созданию над ним системы контроля, так как сам он неспособен к нормальному руководству своими поступками. Мы должны учесть и другие важные стороны в этом вопросе. Несомненно правильно, что индивид может проявить значительное усилие к развитию в себе самосдержки, если за ним осуществляется надлежащий надзор и он держит в уме мысль о возможной ответственности перед законом. Я утверждаю, что с принятием в полной мере всех личных особенностей правонарушителя и с попыткой применить все необходимые методы лечебного воздействия, вполне согласуема сознательная идея развития внутренней сдержки посредством внушения мысли о возможном в будущем наказании. Даже в случаях кратковременного ослабления волевой способности нет оснований к тому, чтобы не привлекать идеи воздаяния на помощь целям морального исправления, хотя в данном случае и будет установлено какое-либо физическое основание соответственного поведения, которое необходимо принять во внимание. Просто извинять в таких случаях правонарушителя и не принимать никаких мер по отношению к нему—значит не принимать всех мер, необходимых в интересах общественного благополучия. Конечно, правильно в таких случаях применять условное наказание, присмотр на свободе или другую меру вместе с развитием и положительных мер».

Что дефективность не всегда должна исключать наказание—это доказывается психологией самих дефективных. Привычный преступник, проявляющий черты глубокой моральной дефективности, всегда до мелочей взвешивает и учитывает предстоящее ему наказание. В нем сильно чувство возмущения и злобы, если судья «дал ему» слишком строгое наказание, и, напротив того, считает, что ему удалось «ловко обойти судью», если решение является мягким. Чрезмерно снисходительные судьи теряют уважение и авторитет в глазах таких преступников, так как, считают они, их всегда легко обойти. Эта психология профессионала обычно легко усваивается и подростками-правонарушителями, которым хотя бы раз приходилось сталкиваться с детским судом или комиссией *). Они убеждены, что за совершенное ими следует их наказать. Теория возмездия, именно в силу своей примитивности, легче

*) См. Prof. J. Klumker. Die kriminellen Jugendlichen. В сборнике под ред. J. Petersen. Jungendfürsorge. 1915 s. 129.

всего доступна пониманию подростка и усваивается им. Если суд или комиссия не наказывают их, то они обыкновенно убеждены в том, что причиною для того явились их ловкость, увертливость и обман суда, или же неприменение наказания они считают признаком слабости. Еще хуже обстоит дело, если подростки полны сознанием, что их н е л ь з я наказывать. Нам неоднократно приходилось слышать от наиболее испорченных мальчиков, систематически нарушавших дисциплину учреждений или совершавших повторные нарушения, цинические заявления: «нас вы не смеете наказать—мы дификтивные (дефективные)». Нечего и говорить, что такое сознание безнаказанности едва ли имеет хорошее воспитательное значение.

Указывая на значение принципа наказания и на то, что полный отказ от него знаменовал бы собою крупную педагогическую и социальную ошибку, мы, однако, проводим резкое различие между условиями применеия наказаний и характером их в отношении взорслых и в отношении несовершеннолетних. Если, исходя из зрелости взрослого человека, уголовный закон считает обязанность покарания его в случае совершенного преступления безусловной, и лишь в особо исключительных случаях освобождает его от наказания, то в отношении детей и подростков мы должны установить совершенно обратное положение. Обязанность п р о щ е н и я стоит выше обязанности н а к а з а н и я. Прощение, если оно создается как таковое, а не как нечто должное, пробуждают моральные силы у человека, еще не огрубевшего в преступности; его воспитательное значение для поднятия сознания обязанностей порою не меньше, чем значение наказания. Поэтому применение наказаний к несовершеннолетним может быть допущено только тогда, если комисся приходит к убеждению, что прощение не сможет оказать воспитательного влияния или же этого влияния окажется недостаточным. Этим об'ясняется, почему новейшие законы и законопроекты об ответственности несовершеннолетних не только освобождают судью от обязанности назначать наказание, предоставляя это его усмотрению, но и всячески стараются направить деятельность судей в сторону возможного освобождения от наказания. Новый германский закон 1923 г. в этом отношении особенно характерен: он предоставляет прокуратуре, по соглашению с судьею, не возбуждать уголовного преследования; в случае возбуждения преследования, суду предоставляется право его приостановить; после рассмотрения дела, суд имеет право при менее тяжких деяниях освободить виновного от наказания; если наказание назначено, суд может условно отсрочить его применение и, в случае хорошего поведения, освободить от него осужденного; наконец, он может сохранить за собою право постановить о такой отсрочке позднее и предписать ее в любой момент, даже после начала отбытия наказания. Все это свидетельствует о стремлении законодателя применять наказание как крайнее средство с тем, чтобы у судьи всегда имелась возможность избегнуть его применением других мер. Таким образом, первым принципом применения наказания к несовершеннолетним, является применение его как к р а й н е г о средства, а не как нормального следствия совершенного правонарушения.

Второе положение относится к х а р а к т е р у самих наказаний. Если в отношении взрослых преступников постепенно находит себе признание идея о том, что всякое наказание должно быть целесообразным в смысле исправления осужденного или его обезвреживания, то в отношении несовершеннолетних уже давно признано, что к ним не должно быть применяемо ни одно

наказание, которое не было бы оправдано целью воспитательного воздействия на них или предупреждения более глубокого морального падения их. Альтернатива, которую формулируют часто так: «воспитание или наказание», таит в себе серьезную неправильность. При правильной системе мер наказания в отношении несовершеннолетних, между ними и мерами воспитания существует лишь относительная, качественная разница, а не принципиальное различие. Меры воспитательного характера не могут часто обходиться без элемента наказания, и, точно также, правильно поставленные меры наказания должны быть прежде всего проникнуты воспитательным принципом. В новом законодательстве англо-саксонских стран—Америки, Англии, между теми и другими какой-либо резкой грани не проводится, и закон просто перечисляет те меры, в порядке их возрастающей строгости, которые могут быть применены в отношении несовершеннолетних. В странах Зап.-европейск. континента, где, благодаря глубоко укоренившейся теории, наказанию в первую очередь придается цель возмездия, такое различие обычно удерживается в текстах закона, хотя на практике грани между тем и другим совершенно стираются. Почему, напр., французские дисциплинарные школы с их суровым режимом, почти напоминающим тюремный, должны быть относимы к мерам воспитательным, а реформатории или борстальские учреждения, в которых на первый план выдвинута работа над перевоспитанием личности заключенного, к мерам наказания. Или почему «выговор» является мерой наказания, а «внушение или предупреждение»—мерами воспитательными. Различие между теми и другими становится скорее формально-юридическим, чем различием по существу. Наказание ограничивает права человека или даже умаляет их во имя требования закона, воспитательные меры ограничивают права человека во имя интересов воспитания. В первом случае мы имеем юридическое ограничение, во втором—педагогическое. Это формальное различие имеет, конечно, свое значение, однако не столь существенное, чтобы создавать какую-либо принципиальную разницу между теми и другими. Менее всего возможно далее проводить эту разницу по признаку тяжести мер воспитания и мер наказания для человека. Для несовершеннолетних, как показывает практика и наша и иностранная, суб'ективно почти всегда значительно тягостнее быть подвергнутым длительному ограничению свободы в воспитательно-исправительном заведении, чем отбыть два-три месяца тюрьмы, или соблюдать в течение нескольких лет ограничения, сопряженные с попечительным присмотром на свободе, чем «отсидеть» несколько дней в арестном доме. Дело не в тяжести и суровости тех или других мер (ибо и меры воспитания порою носят довольно суровый характер), а в конечном принципе, которому подчинено применение тех и других. Меры воспитания всецело определяются задачей надлежащего воспитания или перевоспитания несовершеннолетнего, меры наказания определяются, кроме того, идеей социальной защиты, охранительной реакцией общества на преступность. Указывая на то, что в репертуаре, могущих быть примененными к несовершеннолетнему, мер должны входить и меры наказания, мы, в сущности, указываем, что на ряду с воспитанием несовершеннолетнего, должны в известных случаях, преследоваться и цели социальной защиты.

Мы лично склонны ко взгляду англо-саксонских законодательств, не проводящих существенной разницы между рассматриваемыми двумя категориями мер. Момент социальной защиты, проявляющейся в реакции, имеющей

характер наказания, может учитываться как дополнительный, подобно тому, как это происходит ныне в отношении взрослых, где задачи специального предупреждения учитываются на ряду с общими задачами наказания—правовой и социальной *) Жизнь не идет по пути юридической логики, напротив того, последняя должна постоянно учитывать жизнь и приспособляться к ней.

Отсюда следует и практический вывод для нашего законодательства. Такое построение органов, применяющих меры воздействия в отношении несовершеннолетних, при котором применение одних только воспитательных мер было в руках одного органа (комиссий по делам о несовершеннолетних), а применение мер наказания в руках другого (общих судов), являются нецелесообразным и несоответствующим относительному и постепенному различию между теми и другими **).

Следует определенно и решительно сказать, что борьба с правонарушениями несовершеннолетних до 18 лет должна быть об'единена в одних руках, в одном органе, могущем применять как воспитательные меры, так и меры наказания ***).

---

*) См: нашу статью «О действии наказания». Сборник «Новые идеи в правоведении» № 3. П. 1915.

**) В немецкой литературе перед принятием нового закона о судах для юношества, некоторыми авторами выдвигалась мысль о создании особого чисто педагогического органа, который решал бы в первую очередь вопрос о том, можно ли ограничиться в отношении несовершеннолетнего одними только мерами воспитания, подобно тому как это принято у нас для несовершеннолетних от 14 до 16 лет: Так K. Klee «Problem Erzichung oder Strafe» Zeitschrift f. d. ges. Strafrechtswiss. B. 42 (1921) H. 6-7 s. 551 предлагал установить такой порядок, что прокурор вносит дело о несовершеннолетнем сначала в опекунский суд, а этот последний, если признает неприменимыми к несовершеннолетнему воспитательные меры, постановляет о направлении дела в уголовный суд. В другом проекте (Landsberg, Iugendfürsorge XIII s. 719) предлагалось, чтобы при самом поступлении дела в суд, последний при участии прокурора определял, должно ли оно слушаться в порядке уголовного или в порядке опекунского производства. Эти проекты, однако не встретили сочувствия потому, что такой порядок приводит к двойному рассмотрению дела, к лишней трате сил и искусственному разделению несовершеннолетних на две группы «ягнят» и «козлищ».

***) Мы устанавливаем 18-ти летний возраст в соответствии с новыми течениями, находящими свое признание и на Западе. В настоящее время действующие американские и европейские законодательства определяют возрастную границу подведомственности дел о несовершеннолетних особым детским судам следующим образом. В Америке более старые законы устанавливают ее в 16 лет, но ряд новых законодательств отдельных штатов повышает ее до 18, 19 и даже 20 лет. В Англии она определена в 16 лет. Во Франции до 18 лет, кроме подростков от 16-ти до 18-ти лет, учинивших тяжкие преступления (crimes); в Бельгии до 16 лет, но по отношению беспризорным несовершеннолетним, занимающимся нищенством, бродяжничеством, проституцией и пр. до 13 лет; в отдельных кантонах Швейцарии этот возраст колеблется между 17-ю годами (напр. в С. Галлене), 18-ю (в Женеве и Неуенберге) и 19-ю (в Цюрихе). В австрийском, германском и шведском законодательстве установлен возраст в 18 лет. Такой же возраст принят в Венгрии и Голландии с некоторыми ограничениями для группы от 16 до 18 лет. Почти повсюду определяющим подсудность несовершеннолетнего моментом принято время возбуждения дела (кроме Венгрии, где принимается время учинения деяния), так что если несовершеннолетнему к моменту возбуждения преследования исполнилось уже 18 лет, то хотя бы деяние им совершенно было до достижения этого возраста, дело направляется в общий суд. Германский закон 1923 г. предоставляет прокуратуре в таких случаях выбор между детским судом и общей подсудностью, если только несовершеннолетнему к моменту возбуждения преследования еще не исполнилось 21 года.

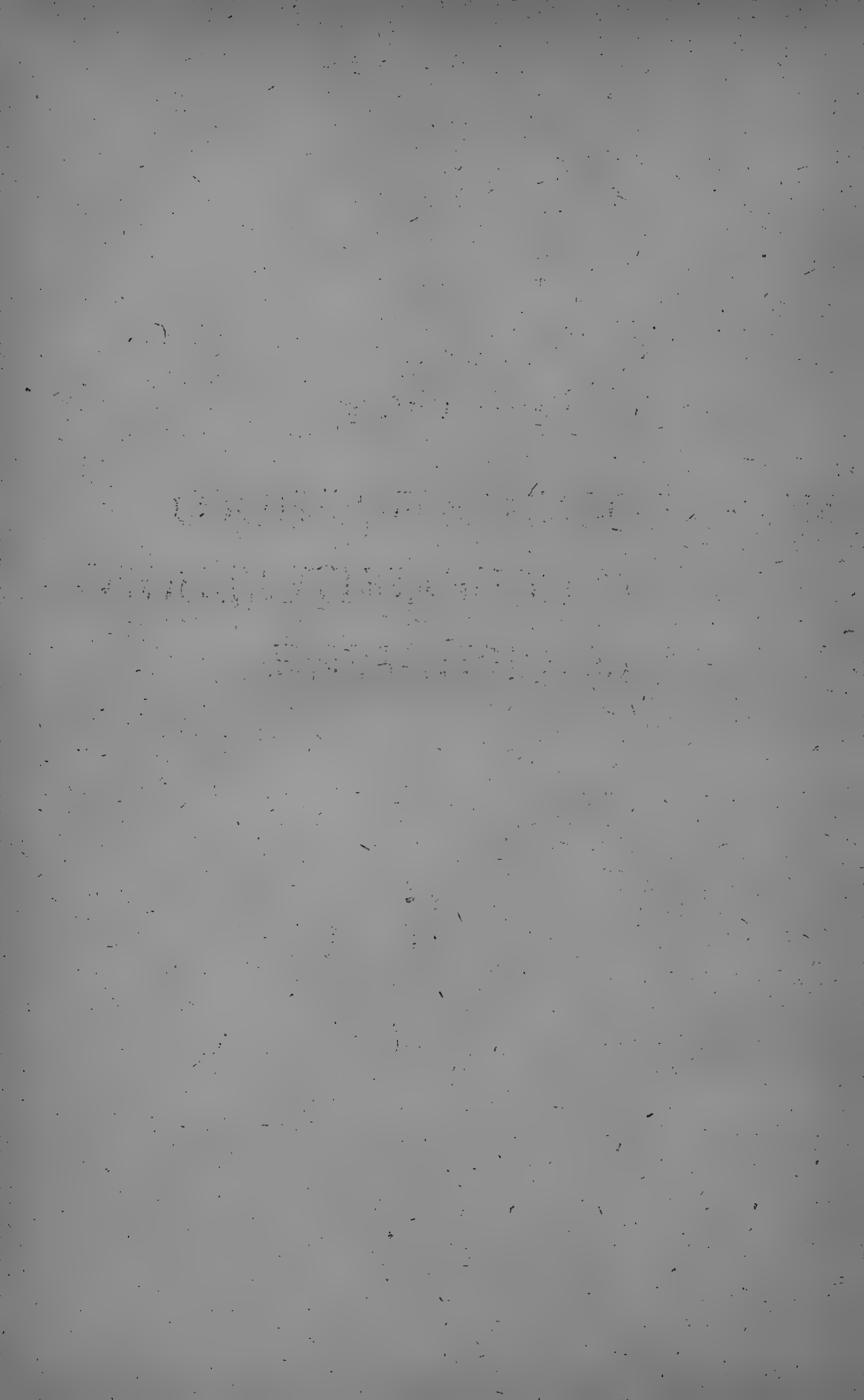
Каким же должен быть этот орган?

Создание особых комиссий по делам о несовершеннолетних, состоящих из педагога, врача и судьи, явилось ценным достижением Революции, к которому, как мы видели выше, до того приближались и отдельные страны Зап. Европы. От этого ценного достижения мы не должны отказываться, положив его, напротив того, в основу дальнейшего развития. Но вместе с тем, опыт показывает нам необходимость внесения некоторых дальнейших поправок и изменений в конституцию этого органа.

Комиссиям по декрету 4-го марта 1920 г. был придан односторонний— чисто педагогический уклон. Выше мы показали, к каким последствиям привело это в смысле неясности правовых полномочий комиссий, силы выносимых ими постановлений, недостаточности применяемых ими мер, потребовавшей мало удачного корректива в виде передачи отдельных дел в народные суды, и пр. С другой стороны, чисто педагогическое направление деятельности комиссий приводило к частым трениям между НКП и НКЮ, выразившимся, между прочим, в частых изменениях и законодательных правил об ответственности несовершеннолетних в угол. кодексе. Для восстановления необходимого равновесия и для устранения этих трений, мы рекомендовали бы произвести следующее изменение в самой организации комиссий. Председателем комиссии в настоящее время является педагог, обычно связанный с работою по правовой охране детства, врач и судья являются членами. Мы считаем, что участие судьи на правах простого члена едва ли соответствует его роли. Именно судья, могущий учитывать различные точки зрения в вопросе и обладающий знанием действующего закона, должен быть председательствующим членом комиссии. Система комиссий, существующих в Скандинавских странах, показывает нам, что там председателем является лицо, или принадлежащее к составу судей или имеющее надлежащую судейскую квалификацию. Чтобы решениям комиссий был придан не только педагогоический, но и юридический авторитет, чтобы они пользовались определенной правовой силой не только в отношении самого несовершеннолетнего, но и в отношении окружающих его взрослых, родителей, опекунов и пр., они должны иметь если не чисто-судебный, то квази-судебный характер. Конечно, мы вовсе не имеем в виду уголовный суд. В ряду наших судебных органов отсутствует одно из необходимых звеньев правильной судебной системы, именно суд опекунский, который решает вопросы, связанные с юридическим и социальным положением детей. Перестроенная в указанном направления комиссия и должна приобрести характер такого опекунского суда или органа. Судья здесь будет действовать не единолично, а при равноправном участии педагога и врача, и это будет приближать наш опекунский орган к той системе народных судов с участием заседателей, которая положена в основание нашей судебной системы. Сохранять «право особого мнения» за судьею, как то существует теперь, значит вводить внутренний разлад в работу комиссий и превращать судью-члена комиссии в какой-то наблюдательный орган из обычного члена коллегии. Присваивая судье положение председателя, мы, однако, считаем нобходимым ввести один корректив. В губернских городах, а с особого разрешения Центральной комиссии и в других городах, в случае достаточного количества дел, это должен быть специальный судья, назначаемый НКЮ по представлению местного отдела нар. образования. Для занятия должности такого судьи требуются особые способ-

ности и известная педагогическая опытность, которые лучше всего могут быть оценены, именно, местным отделом нар. образования. Но далее в своем служебном положении, в смысле надзора и пр., этот судья должен быть подчинен общим правилам, установленным для народных судей. Такому органу, думается нам, вполне возможно будет целиком передать рассмотрение дел о несовершеннолетних до 18 лет, как-то было по первоначальному декрету от 14 января 1918 г. и как то диктуется интересами правильной борьбы с правонарушениями, наделив этот орган широкою властью по применению различных мер воздействия не только в отношении несовершеннолетних, но и в отношении взрослых, виновных в нарушении прав детей, а также придав ему общие опекунские полномочия. Но в одном отношении должна существовать разница между рассмотрением дел о несовершеннолетних и дел о взрослых. В случае недовольства решением комиссии по делу о несовершеннолетнем, жалобы должны приноситься в Центральную комиссию о несовершеннолетних; жалобы же на такие решения комиссии, которыми ограничиваются права взрослых или накладываются на них какие-либо взыскания, должны быть направляемы в губернский суд, т. е. идти в общем порядке. Общие руководящие указания относительно работы по делам несовершеннолетних, должны идти по линии, исходящей от Центральной комиссии, напротив того, по делам о взрослых от НКЮ и Верховного Суда. Не станем вдаваться в дальнейшие подробности изложенного проекта. Преимущество его, на наш взгляд, в том, что не меняя существующей и развитой при помощи больших усилий системы комиссий, он лишь выпрямляет линию их развития и усиливает их авторитет.

С изложенной реформой открывается и возможность построить для несовершеннолетних и единую систему мер воздействия, в применении которых была бы предоставлена комиссиям большая свобода, умеряемая надзором Центральной комиссии. Рассмотрению этой системы мы посвящаем следующую часть нашей книги.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО И ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.

ГЛАВА I.

Медико-педагогические меры.

Воспитательными или, в несколько более широкой обрисовке нашего права, медико-педагогическими мерами можно назвать те способы влияния на несовершеннолетнего и окружающую его обстановку, которые имеют своею целью достигнуть улучшения умственного, морального и физического состояния несовершеннолетнего посредством обычных приемов, практикуемых медициной и педагогикой, т. е. методами предупреждения, лечения и правильно поставленного воспитательного воздействия. Значительное большинство детей и подростков, как мы видели, впадают в преступность потому, что именно в тот период, когда они требовали бы к себе особенного внимания и особой заботы, они были предоставлены случайным влияниям и законные нужды их игнорировались окружающими, оставались в пренебрежении или приносились в жертву семейному или иному эгоизму. Это состояние, которое мы назвали широким термином «беспризорности», и создает главную основу для применения медико-педагогических мер и мер общественного попечения или социальной помощи, как следовало бы добавить. Малолетний, проявляющий признаки ранней раздражительности, нервности, болезненные психические склонности, если он поставлен в условия беспризорности, легко превращается в психопатического преступника. Малолетний, проявляющий признаки умственной отсталости, если он во время не будет поставлен в условия подходящего для него обучения и воспитания, грозит стать упорным рецидивистом-дебиликом. Наконец, малолетний, вследствие своей беспризорности, предоставленный случайным влияниям улицы и дурного общества, грозит стать привычным преступником, если условия воспитания его не будут выправлены и если он в дальнейшем не будет огражден от дурных влияний окружающей среды. Из сказанного видно, что обычные меры медико-педагогического характера и социальной помощи расчитаны на борьбу с з а р о ж д а ю щ е й с я дефективностью и преступностью, с теми ее начальными проявлениями, которые являются грозными симптомами грядущего вырождения и антисоциальности. Уже сложившаяся дефективность и антисоциальность требуют более сложного и специализированного воздействия, достигаемого не обычными медико-педагогическими приемами, а длительным процессом перевоспитания, исправления и социальной изоляции. К мерам медицины и педагогики здесь присоединяются меры и социальной терапии.

В перечне мер медико-педагогических, принятом у нас в Инструкции, комиссиям о несовершеннолетних от 19 июня 1920 г., мы встречаем довольно пестрое сочетание мер различного порядка. С одной стороны, здесь упоминаются меры социальной помощи, к которым относятся: опека, отправка на

родину, определение на работу, отчасти помещение в детские дома. С другой стороны, имеются меры чисто педагогического характера: помещение в школу, беседы, внушения, присмотр обследователя-воспитателя, помещение в дома социального воспитания. Наконец, здесь же стоят и меры медицинского характера, как помещение в лечебные заведения и в особые отделения психиатрических больниц. Среднее место между мерами педагогическими и мерами медицинскими занимает помещение в учреждения для умственно-, морально- и физических дефективных детей. В целях большей систематизации рассмотрим каждую группу в отдельности.

Меры социальной помощи, применяемые комиссиями, дают в общей статистике мер воздействия весьма и весьма скромный процент. По данным 1921 г. по 205 комиссиям назначение опеки составляло всего 0,6% всех принятых мер, помещение на работу—2,72%, отправка на родину—3,41% и помещение в детские дома—3,08%. Всего эти меры дали, таким образом, 9,8% всех принятых мер. В 1922 г. этот процент спустился еще ниже. По отчетам 74 комиссий отправка на родину дала 1,5%, помещение на работу—1,4%, помещение в детские дома—4,4%; всего—7,3% (случаев назначения опеки не приводится в отчетах). По отдельным городам, конечно, этот процент колеблется. Но даже наиболее крупные города—Москва и Петроград—не дают утешительных в этом отношении результатов. В 1922 г. для Москвы процент мер социальной помощи равнялся 8,6%, а для Петрограда—4,1%. Правда, зачастую меры такой помощи принимаются отделами народного образования непосредственно или чрез посредство других органов, нежели комиссии (так, напр., по преимуществу обстоит дело в Петрограде), но все же и сами комиссии, если в заседании их надлежаще были выяснены социальные условия жизни малолетнего, часто должны испытывать нужду, именно, в принятии таких мер. Наиболее правильной была бы такая постановка, при которой комиссии определяли бы необходимость в принятии той или иной меры социальной помощи, а исполнение ее поручалось бы под'отделам социально-правовой охраны несовершеннолетних, для которых принятие таких мер является их прямой обязанностью.

Упоминаемый в Инструкции список мер социальной помощи далеко не полон. В нем отсутствуют, напр., такие меры, как приискание для малолетнего подходящего жилища, снабжение его одеждой, инструментами для работы, помещение его в трудовое общежитие, исхлопотание для него необходимых документов и пр. Впрочем, ничто не препятствует и применению этих мер по предложению или рекомендации комиссий. Особо в качестве меры социальной помощи следует сказать о помещении малолетнего в надежную семью или о так наз. семейном патронаже. Такая система устройства в чужих семьях широко применяется в практике попечительного воспитания Англии, Венгрии, Дании, отдельных германских государств и приносят в общем вполне удовлетворительные результаты. Она допустима, однако, лишь при двух условиях: при надлежащем выборе приемных семей и при наличности хорошо поставленного надзора за воспитанием и содержанием детей в таких семьях. Во всех случаях, когда ребенок не представляет собою отклонений от нормального типа и когда для него ненужен особый режим закрытых учреждений, системе воспитания в семье должно быть отдаваемо предпочтение. Решение этого вопроса лежит в плоскости чисто организационных

заданий и не представляет особых трудностей, как показала то у нас, правда, недолговременная, но зато широкая, практика размещения детей из голодающих губерний в частные семьи в 1921—1922 годах. Такая форма дает значительную экономию средств и вместе с тем обладает значительной емкостью, что далеко не безразлично при громадном числе беспризорных детей у нас *).

Меры социальной помощи во многом сходны с мерами помощи патронатной; но эти два вида не должны быть смешиваемы друг с другом, так как соединение вместе детей беспризорных, лишь случайно зачисляемых в категорию правонарушителей, с несовершеннолетними, прошедшими чрез учреждения исправительного воспитания, представляет известную опасность, в особенности, если среди последних имеется большой процент неисправившихся.

Меры чисто-педагогического характера дают несколько больший процент. Из них на первом месте по частоте применения стоят беседы и внушения, давшие в 1921 г. 25,12% всех мер, а в 1922 г.—25%. По Москве эта мера в 1921 г. дала 29%, а в 1922 г.—18,6%. Мера эта, состоящая в раз'яснении малолетнему недопустимости, вредности или безнравственности его поступка, чаще всего применяется к тем малолетним, которые еще не достигли надлежащего социального и нравственного развития, и практически почти равносильна простому предупреждению. Но в практике зачастую к ней приходится прибегать в виду отсутствия каких-либо мер педагогического наказания, которые порою были бы более уместны. О них мы скажем в дальнейшем.

Помещение в школу, составившее в 1921 г. 1,12%, а в 1922 г.—0,6%, есть сама собою разумеющаяся мера в отношении к детям школьного возраста, не получившим еще достаточного образования, и при системе обязательного всеобщего обучения о ней не приходится упоминать. Лишь в тех случаях, когда имеются в виду особые образовательные нужды малолетнего, комиссия направляет свое заключение в местный отдел народн. образования.

Значительно сложнее обстоит дело с мерой, получившей название «присмотра». Присмотр выражается в особом внимании к воспитательным нуждам малолетнего и в таком наблюдении за его поведением, при котором обеспечивается известный контроль над ним. Нашей практике эта мера известна в двух формах. В форме присмотра родителей, опекунов, родственников малолетнего и в форме присмотра обследователя-воспитателя. Первая форма применяется довольно часто. В 1921 г. она была применена в 14,23% случаев, а в 1922 г. в 12,7%. Присмотр обследователя-воспитателя применяется значительно реже; в 1921 г. он дал 6,3%, в 1922 г.—всего 2,5%. В отдельных городах, как, напр., в Петрограде, он является совершенно редкою мерою, давшей в 1922 г. всего 0,5%. Обе указанных формы присмотра далеко не равноценны. Присмотр родителей зачастую является пустым местом. Он сводится к простому указанию родителям или заменяющим их лицам необходимости лучше смотреть за подростком, совету, выполнить который они часто не умеют или не в состоянии. Даже в тех случаях, когда семья представляет известную гарантию добропорядочности, родители могут оказаться неумелыми или недостаточно авторитетными воспитателями. В на-

*) Подробнее об этом вопросе см. мою статью «О призрении детей-сирот» Журн. «Призрение и Благотворит. в России», 1916 кн. 5.

шем прежнем праве по закону 1897 г. такой присмотр практиковался, но он носил характер «ответственного надзора», при чем, в случае совершения малолетним новых правонарушений, родители могли быть подвергнуты штрафу или аресту за недостаточный надзор. В современном праве такая ответственность отпала, но вместе с тем не создано никакой другой санкции соблюдения родителями этой их обязанности. Опыт стран Запада показывает, что присмотр родителей только тогда может иметь практическое значение, если он восполняется дополнительным присмотром обследователя-воспитателя, который, с своей стороны, следит за несовершеннолетними и за родителями. При известном умении этой мерой можно пользоваться и в том направлении, чтобы побуждать родителей, заинтересованных в сохранении малолетнего у себя, к принятию различных мер к лучшему содержанию малолетнего, к надлежащей заботе об его воспитании, к удержанию его от дурного общества и соблазна и т. п. Для всего этого необходимо систематическое и достаточно длительное руководство со стороны опытного педагога, каким должен быть обследователь-воспитатель. В значительном числе случаев невежество и непонимание ребенка, а не злая воля родителей, являются причинами, вызывающими слабость надзора и воспитания *).

Присмотр обследователя-воспитателя является уже более квалифицированной формой воспитательного воздействия. Он выражается в оказании малолетнему такой социальной и педагогической помощи и в таком наблюдении за его поведением, при которых малолетнему обеспечивалась бы возможность добропорядочной жизни. Присмотр выражается обычно в форме регулярных посещений малолетнего на дому или приглашения его к себе, в ознакомлении с его ученьем, работою, поведением путем собирания о нем сведений от близких, родителей, руководителей предприятий, в которых он работает, учителей и пр., в даче ему советов и указаний в трудных случаях, в приискании ему подходящего жилища, работы, в руководстве его умственными интересами, в удержании его от вредных товарищей, в доставлении ему разумных развлечений и т. д. Словом, орган, наблюдающий за несовершеннолетними является в данном случае воспитателем, принимающим близкое участие в судьбе малолетнего и в подготовке его к честной трудовой жизни. Методы такого попечительного присмотра представляют собою особую отрасль педагогики, на разработку которой обращено серьезное внимание в англосаксонских странах **).

*) В ст. 46 п. д. угол. код. Постановлением IV сессии ВЦИК 1922 г. в качестве особой меры в отношении несовершеннолетних введена, отдача на поруки родителям, родственникам либо другим лицам. Характер поручительства в данном случае не ясен. Очевидно имеется в виду личное, а не имущественное поручительство, так как об имущественной ответственности в случае совершения новых правонарушений ничего не говорится. Но и личное поручительство, по ст. 151, 60 и 62 угол. проц. код., может влечь за собою наказание, хотя точно не указанное в законе. Практически такое поручительство свелось бы к «ответственному надзору» нашего старого права. Необходимо, однако, точнее выявить волю законодателя по этому вопросу.

**) Разработку методов попечительного надзора дают книги: B. Flexner. Juvenile court and probation. N. Y. 1915 A. Leeson. Probation system. London 1914. Methods of supervising persons on probation. N. Y State Probation Commission. 1922. Manual fer the probation officers. 3 ed N. Y. 1920. См. также сданную в печать нашу книгу «Обследователи-воспитатели и их работа».

Эти методы несколько отличны от присмотра, осуществляемого тем же обследователем-воспитателем до разбирательства дела в комиссии или детском суде. В то время, как последний имеет своею целью лучшее изучение личности подростка и заботу о представлении его ко дню разбирательства в комиссию, присмотр, осуществляемый после разбора дела, главною своею целью имеет оказание активной воспитательской помощи с целью удержания подростка от дальнейших правонарушений и восполнения дефектов его воспитания. Он значительно сложнее по своим приемам и труднее вследствие широты поставленной ему задачи. Вследствие этого такой присмотр обычно вводится на довольно продолжительный срок, который определяется минимально в один год, а в максимальном пределе достигает пяти лет или же даже длится до совершеннолетия. Органом, постановляющим об окончании присмотра, является комиссия или суд после того, как из отчетов обследователя-воспитателя они убедились в успешности результатов этой меры и в том, что поведение подростка не вызывает необходимости в дальнейшем сохранении ее.

Особенно сильное влияние на поведение несовершеннолетнего может оказывать такой присмотр, если он назначается в связи с условной отсрочкой наказания или какой-либо иной меры длительного перевоспитания (условное осуждение). В этих случаях как несовершеннолетний, так и его родители активно заинтересованы в успешном течении присмотра и охотнее выполняют требования и советы обследователя-воспитателя. Этим обстоятельством пользуется и комиссия или детский суд, обычно включающие в условия такого присмотра ряд требований в интересах правильного воспитания несовершеннолетнего. Так обычно указывается в правилах условного присмотра, передаваемых несовершеннолетнему и его родителям, на необходимость посещения малолетним школы, регулярного занятия трудом, если подросток достиг возраста промысловой зрелости, воздержания от дурных привычек (пьянства, вечерного скитания по улицам, посещения подозрительных мест и притонов, общения с дурными товарищами), на необходимость заглажения вреда, причиненного правонарушением подростка, на возможность ограничения права его свободно распоряжаться получаемым заработком; порою вводятся требования, диктуемые особенностями конкретного случая, напр., переезд в другую часть города, если в прежнем месте жительства не представляется возможным изолировать подростка от влияния дурных товарищей или соседей, помещение подростка в школу ремесленного или фабрично-заводского ученичества, назначение дополнительного опекуна из числа более надежных старших родственников, если у малолетнего нет отца, и т. д. Изучение обстоятельства каждого дела обычно подсказывает те требования, которые являются наиболее необходимыми для предупреждения дальнейшего развития беспризорности малолетнего, и потому лишь в редких случаях закон содержит исчерпывающий перечень таких условий, предоставляя самому судье определять их в каждом случае и лишь указывая некоторые из них в виде примеров. Неисполнение этих требований, если оно происходит умышленно или по небрежности, может повлечь за собою применение условно отсроченной меры наказания или длительного перевоспитания *).

---

*) В составленном нами проекте статей, подлежащих внесению в уголовный кодекс (журн. «Советское право» 1922 № 2) мы предлагали следующую редакцию статьи, относящейся к присмотру, соединенному с условным осуждением:

Американский институт probation—испытания, именно, и развился из такого присмотра, назначаемого дополнительно к условной отсрочке наказания. И до сих пор в англо-саксонских странах он применяется лишь как дополнение к условному осуждению. Практика континентальных стран Европы сделала его самостоятельной мерой (liberté surveillée), которая осуществляется обществами или лицами, желающими оказывать помощь ребенку в смысле попечительного воспитания. Второе десятилетие XX века характеризуется быстрым и энергичным распространением этой меры повсюду в практике особых судов для малолетних. Органами применения ее являются на западе особые комитеты, состоящие из представителей благотворительных обществ, образованные специально для такой роли. Так во Франции для этой цели имеются «комитеты охраны малолетних обвиняемых» (comités des enfants tradiuts en justice). в Бельгии делегаты попечительного общества охраны малолетних (délégués à la protection de l'enfance), Швейцарии—представители обществ патроната, в Венгрии—особые попечительные агенты союзов патроната, в Германии особая организация Iugendgerichtshilfe, выделенная Союзом обществ попечения о детях и т. д. Но постепенно эта мера приобретает и более публичный характер.

В Германии циркуляром Прусского министра юстиции от 18 февраля 1918 г. указано на желательность широкого распространения попечительного присмотра (Schutzaufsicht) не только по отношению к беспризорным детям, но и по отношению к малолетним правонарушителям, во всех случаях, когда представляется возможность надлежащего воспитательного влияния на малолетнего, не удаляя его из семьи *). В новом германском имперском законе об охране детства от 22 июня 1922 г. мы находим уже целый раздел, посвященный характеристике этой меры. Закон указывает, что малолетнего следует подчинять попечительному присмотру, когда это окажется полезным и достаточным для предупреждения его физической, психической или мораль-

---

«Органу, определяющему наказание, предоставляется условно отсрочить приведение наказания в исполнение по отношению к несовершеннолетнему с отдачей его под надзор особого должностного лица (обследователя-воспитателя) и с определением условий, которые несовершеннолетний должен выполнить. К числу этих условий относятся:

а) исполнение всех требований лица, имеющего надзор за несовершеннолетним, обусловленных необходимостью надлежащего выполнения надзора и исправления малолетнего;

б) заглажение вреда, причиненного потерпевшему, личными усилиями несовершеннолетнего или из его личного заработка;

в) воздержание от порочных привычек, общения с дурными товарищами, непосещение мест и зрелищ, могущих оказывать дурное влияние на несовершеннолетнего;

г) аккуратное посещение школы, если малолетний обучается в учебном заведении;

д) неотлучка из дома без разрешения старших или лиц, имеющих наблюдение за несовершеннолетним.

В случае дурного поведения несовершеннолетнего, неисполнения поставленных ему условий или учинения нового преступления, отсроченное наказание может быть приведено в исполнение. При хорошем поведении и выполнении поставленных условий в течение срока, установленного органом, постановившим об отсрочке наказания, последнее считается погашенным».

*) Напечатан в Zeitschrift f. d. ges. Strafrechtswissenschaft 1918. Heft 5 s. 461 B. 39.

ной беспризорности. Право назначения такого присмотра присваивается опекунскому суду, который действует или по собственной инициативе, или по представлению отделов детства либо родителей, родственников и опекунов малолетнего. Попечительный надзор определяется как наблюдение за малолетним и охрана его. На лицо, осуществляющее такой надзор (Helfer), возлагается обязанность оказывать поддержку лицам, на которых лежит обязанность воспитания малолетнего, в их заботах о личности малолетнего и следить за его поведением. Забота об имуществе включается в попечительный надзор лишь постольку, поскольку имеется в виду заработная плата малолетнего. Попечителю присваиваются, постановлением опекунского суда, определенные полномочия или возлагаются на него определенные поручения. Во всяком случае он имеет право доступа к малолетнему и получения от родителей или заменяющих их лиц сведений о малолетнем. В случае встреченных затруднений, попечитель должен обращаться в опекунский суд. Попечительный надзор длится до достижения малолетним совершеннолетия; он может быть отменен, если задачи его достигнуты или обеспечено достижение их другими способами. В случае неуспешности, возможно заменить попечительный надзор помещением малолетнего в воспитательное учреждение. Органом, осуществляющим такой надзор, по общему правилу, является Отдел детства, затем специальные попечительские организации о малолетних (Jugendhilfe) и, наконец, отдельные лица. По отношению к последним двум группам требуется получение от них согласия. При выборе попечителей суд должен сообразовываться с вероисповеданием малолетнего и его мировоззрениями. Попечитель должен регулярно извещать опекунский суд о поведении малолетнего. Суд может удалить попечителя, если это будет требоваться благом малолетнего. Что касается Отделов детства, то они осуществляют такой надзор по обязанности. Они могут устанавливать его и без судебного о том постановления, поскольку получено на то согласие лица, имеющего право воспитывать малолетнего, но обязаны затем известить о том опекунский суд.

Закон 1 февраля 1923 г. о судах для юношества вводит попечительный надзор и дополнительно к условной отсрочке наказания. Допуская такую отсрочку на срок от 2 до 5 лет, закон указывает, что на время этой отсрочки, малолетний может быть отдан под попечительный надзор или на него возложены особые обязанности. Присмотр осуществляется на основании правил, изложенных в законе об охране детства. В случае дурного поведения малолетнего, отсрочка может быть отменена и наказание приведено в исполнение.

За последнее время в Германии серьезно обсуждается вопрос о применении попечительного надзора в виде общего правила ко всем детям с психопатическими наклонностями. За время войны число детей и подростков с психопатическими особенностями значительно возросло. Вместе с тем сократились воспитательные факторы, а существовавшие сдержки социальной жизни ослабели, и потому наблюдаются более резкие проявления антисоциального поведения среди конституционно-психопатических детей и подростков. Задачей попечительного надзора в таких случаях было бы укрепление психической конституции таких детей, концентрация их внимания на разумных интересах, дача им советов при выборе профессии, наблюдение за ними по выпуске из лечебных заведений и пр. Д-р Лейден, специально разработавший

этот вопрос *), рекомендует применять попечительный надзор: 1)) как окончательную меру к детям с легкой психопатической конституцией на основании врачебного удостоверения о том, что они могут быть удовлетворительно воспитываемы в условиях общественной жизни при надлежащем надзоре и поддержке; 2) как предварительную меру для наблюдения за тем, требуется ли окончательное помещение психопатического малолетнего в приют, детский дом или особое воспитательное учреждение; и 3) как меру патроната в отношении детей, выпущенных из лечебных учреждений. Применение попечительного надзора к детям, страдающим умственной слабостью, нашло уже довольно широкое осуществление в американской практике.

В нашей практике особого суда для малолетних попечительный надзор сразу получил широкое распространение благодаря введению особых должностных попечителей, на содержание которых были отпускаемы в городах средства городскими общественными управлениями. В практике Петроградского детского суда применение этой меры давало до 75% случаев в отношении более тяжких правонарушений, при чем в значительном большинстве случаев результаты надзора были успешными**). С введением комиссий о несовершеннолетних эта мера удержалась, но, как мы видели, применяется довольно редко. Главная причина этого кроется в недостатке отпускаемых средств на создание достаточного числа обследователей-воспитателей, осуществляющих такой надзор. Поскольку нельзя расчитывать на значительное увеличение этих средств, следует подумать о привлечении на помощь общественных организаций, как это сделано в других областях, попечения о детях. Развитие этой меры могло бы значительно сократить размеры детской беспризорности у нас, и потому часть средств, ассигнуемых на эту цель, с успехом могла быть направлена на расширение числа обследователей-воспитателей. Желательно также поставить у нас эту меру в связь с условным осуждением, которое впервые введено у нас после революции и получило на практике столь частое применение.

Скажем, наконец, в группе чисто педагогических мер несколько слов о помещении в детские дома социального воспитания общего типа. По установившейся у нас в последние годы практике, в такие дома направляются, главным образом, дети, или совершенно лишенные родителей (сироты, брошенные родителями), или такие, в отношении которых родители злоупотребляют своею властью так, что обстановка родного дома создает серьезную угрозу воспитанию и благополучию ребенка. Наиболее пригодной является такая мера в отношении детей до 14 лет, не могущих быть занятым трудом и не прошедших еще курса начального образования. Постановляя о помещении малолетнего, совершившего правонарушение или находящегося в состоянии опасной беспризорности, в нормальный детский дом, комиссия, естественно, должна тщательно учесть степень морального развития самого несовершеннолетнего. Моральная дефективность в детском возрасте являются

*) Ruth v. der Leyden, Schutzaufsicht über psychopathische Kinder. Langensalza 1920. Из новейшей немецкой литературы о попечит. надзоре заслуживает также внимания статья Plaschke. Ueber Schutzaufsicht. Zeitschrift f. d. ges. Strafrechtswissenschaft B. 42 (1921) Heft 1.

**) Приблизительный процент рецидива среди отданных под надзор определялся в 18,4%.

заразительной и, кроме того, помещение такого малолетнего в детское учреждение нормального типа может повлечь за собою необходимость значительно более строгой дисциплины в таких домах, так как дисциплина в учреждении обычно равняется применительно не к лучшим, а к худшим элементам. В раннем возрасте еще можно расчитывать на то, что некоторые отклонения в моральном уровне быстро сгладятся в атмосфере нормального детского дома. Но после наступления периода половой зрелости, примерно с 14 лет, на это уже имеется меньше надежды.

Переходим к мерам, имеющим помимо воспитательного и медицинский характер. Упомянем в начале о чисто медицинских или лечебных мерах. Определение малолетнего в лечебное заведение во всех тех случаях, когда он нуждается в клиническом лечении, не представляет собою особой меры и, подобно, помещению в школу, о котором мы говорили выше, должно быть обязанностью органа, которому вверено наблюдение за благополучием ребенка. Поскольку речь идет о явно выраженной психической болезни, точно также применимо подобное правило. Требовать необходимость изоляции в особых отделениях психиатрических больниц, едва ли представляется необходимым: это дело внутреннего распорядка лечебного заведения, и наиболее правильным является, поскольку к тому имеется практическая возможность, устройства особых психиатрических лечебниц для детей, как то в настоящее время принято и для других детских заболеваний. Считать душевно-больного малолетнего особо опасным только потому, что он совершил какое-либо правонарушение, не вникая в характер самого заболевания, значит стоять на старой формальной точке зрения.

Но помимо клинической помощи должно быть обращено внимание и на амбулаторное лечение детей. Опыт врачебного обследования детей, проходивших чрез детские суды, показывает, что чисто физические причины очень часто лежат в основе нервной возбудимости малолетних, приводящей их нередко в суд. Д-р Колливер, заведующий детской медицинской клиникой при детском суде в Лос-Анжелос (штат Калифорния), исследовавший более тысячи детей-правонарушителей, указывает, напр. *), что в 60% случаев он нашел у детей прошедших через суд, дефективные зубы, между тем, как процент такой дефективности среди обычных школьников не превышает 10—15%. Гниющие зубы создают состояние постоянного нервного возбуждения, медленно отравляют нервную систему, расстраивают пищеварительный аппарат, вызывая хронические катарры, вялость, дурное питание. В результате малолетний становится раздражительным, непослушным, ленивым и выбивается из колеи нормальной домашней или школьной жизни. Автор устанавливает, что мальчики, имевшие плохие зубы, давали 52% дурного питания против 15% имевших хорошие зубы. Такое же возбуждающее нервность действие производит и отравление никотином, вследствие рано начатого усиленного курения детьми. Из детей с хорошими зубами, проявлявших признаки плохого питания и большой нервной возбудимости, 60% являлись курильщиками папирос. Дальнейшими источниками нервного возбуждения являются больные глаза; чрезмерное напряжение зрения приводит к частым

*) John Adams Colliver. The physical basis for irritability in boys—the beginning of juvenile delinquency. N. V. 1913.

головным болям и к возбудимости, чем зачастую только и можно об'яснить лень или раздражительность. Железы, в особенности под'язычные, оказывают сильное влияние на психическое состояние и их удаление часто облегчает дугу нервного рефлекса и тем успокаивает нервную систему. Болезни и дефекты мочеполовой системы, ревматизм, желудочные катарры, токсические и заразные болезни—все они оказывают значительное действие на нервную систему, а чрез нее и на поведение человека. Заглянуть в эту область и посмотреть, все ли там находится в порядке, есть прямая обязанность врача, состоящего при приемнике или врача, участвующего в заседании комиссии. Если роль физической болезни выступает ясно, то соответственное лечение есть наилучшее средство устранить вероятность новых правонарушений или дурного поведения со стороны малолетнего.

Значительно сложнее обстоит дело с принятием медико-педагогических мер в тесном смысле, т. е. таких, которые комбинируют врачебное и воспитательное воздействие по отношению к беспризорным детям, проявляющим физические или психические дефекты. Здесь мы стоим перед новой областью еще недостаточно разработанной. В настоящее время у нас принято делить область детской дефективности, требующую применения специальных медико-педагогических мер, на три вида: физическую дефективность, умственную дефективность и дефективность моральную.

Наиболее легко может быть выделена первая группа физически-дефективных. Дети слепые, глухие, немые, дети-калеки чаще всего требуют закрытого призрения и особых методов образования и профессионального обучения. Дети, страдающие расстройствами или дефектами речи, дети—энуретики, венерики, туберкулезные требуют или временной изоляции с прохождением определенного курса лечения или даже, при более легких формах, одного только амбулаторного лечения. Первая группа, кроме медицинской помощи, требует особого педагогического подхода. Вторая группа требует лишь проведения особого режима в учреждении и особо гигиенической обстановки. Выделение таких детей из общей массы и методы воспитания и содержания их в особых учреждениях или отделениях учреждений разрабатываются более с врачебной точки зрения и составляют задачу ведомства здравоохранения. Если малолетний страдает физическим дефектом, поддающимся излечению или ослаблению, то первой задачей является оказание ему такой врачебной помощи, после чего можно уже говорить об его перевоспитании или исправлении.

Труднее произвести выделение детей, страдающих умственным дефектом. Сюда относятся: дети умственно-отсталые различных степеней, дети-эпилептики и истерики, дети с психопатическими наклонностями, дети со слабой психической конституцией и пр. О частой связи таких психических дефектов с преступностью мы уже говорили. Существование особых клиник или диагностических институтов и лабораторий позволяет выделять их из общей массы. Но затем возникает проблема создания для них учреждений с особым режимом. Обычная форма небольших учреждений закрытого типа—приютов, не всегда является наилучшей. Она более пригодна для детей дошкольного и школьного возраста, когда главное внимание обращается на организацию учебных занятий и полезных развлечений, восполняемых легкими видами ручного труда. Но для подростков, которых следует постепенно подготовлять

к выпуску и которые представляют более трудный в воспитательном отношении элемент, следует указать и на несколько иные типы, начинающие находить себе распространение. Так в Америке за последние годы в ряде штатов, стали учреждаться особые колонии и поселки, в которых сосредоточиваются дети, страдающие тем или иным психическим дефектом (умственной слабостью, эпилепсией), достигшие юношеского возраста. Они поселяются в обычных фермерских домах, заняты обычными сельскими работами, ведут самостоятельное, зачастую довольно обширное, хозяйство, находясь вместе с тем под постоянным наблюдением и руководством со стороны врачей и специалистов-педагогов. Такие колонии и поселки ныне существуют в штатах Нью-Иорке, Нью-Джерси, Индиане, Иллинойсе и др. *). С другой стороны, так наз. вспомогательные школы, создаваемые специально для детей умственно-отсталых, не всегда требуют помещения малолетнего в закрытое учреждение **). В отношении некоторой группы умственно-дефективных возможна организация попечительного присмотра на особых основаниях, выполняемого специально подготовленными для того работниками. Необходимость особого врачебно-воспитательного подхода к таким несовершеннолетним вызывает передачу общего руководства в руки специалиста-психиатра или дефектолога, могущего надлежаще индивидуализировать особенности каждого случая. Борьба с умственной дефективностью, широко распространенной среди детского и юношеского населения в настоящее время, приобретает характер серьезной общественной задачи, над осуществлением которой трудится не только государственная власть, но и общественные организации. В ряде стран в настоящее время, по инициативе, проявленной Америкой в 1918 г., образованы особые «комитеты по умственной гигиене», ставящие своею целью предупреждение распространения психических заболеваний и облегчение положения психически-дефективных.

Особо приходится выделить «моральную дефективность». Термин этот, широко привившийся у нас за последние годы, не нашел себе еще общего признания в науке и лишен достаточной отчетливости. Морально-дефективным иные склонны порою называть чуть ли не каждого ребенка или подростка, совершившего правонарушение. Но даже, если взять более тесную группу малолетних, нуждающихся в длительном перевоспитании в виду вкоренившегося в них анти-социального образа мыслей, настроения и поведения, все же мы рискуем охватить этим термином довольно разнообразные категории. Поэтому термин этот следует применять с особой осторожностью. Моральная дефективность устраняется посредством определенной дисциплины, особого эмоционального воспитания (метод, так наз. сублимации, т. е. повышение эмоциональных качеств путем направления течения эмоций в другое русло), этического воспитания и т. д. Эти методы еще только нащупываются. Во всяком случае они шире той категории мер, которую обычно принято называть медико-педагогическими. Они требуют длительного перевоспитания несовершеннолетнего в особых условиях и мы скажем о них несколько далее, в главе об исправительном воспитании.

Все рассмотренные нами меры медико-педагогического воздействия ха-

*) См. мою работу, ныне находящуюся в печати «Евгеника и умственная дефективность» в сборнике «Вопросы воспитания дефективных детей».

**) См. работу А. Н. Граборова. Вспомогательная школа. П. 1923.

рактеризуются тем, что применение их возможно к каждому малолетнему, нуждающемуся в врачебно-воспитательной помощи. Если они специально упоминаются в отношении малолетних правонарушителей, то только потому, что государство особенно заинтересовано придти на помощь этой группе малолетних, стоящих на опасном пути и чаще всего наиболее обездоленных. Вопроса об ответственности самих несовершеннолетних здесь не возникает и соответственно с этим не устанавливается никакого минимального возраста, допускающего их применение. Принимая такие меры, комиссия или суд проводят лишь в жизнь идею государственной охраны детей. Несколько иначе обстоит дело с другой группой мер, которую мы позволили назвать мерами педагогического наказания.

ГЛАВА II.

Педагогические наказания.

Под педагогическими наказаниями мы разумеем ту группу мер воздействия на несовершеннолетнего, которые, исходя из педагогических принципов, расчитаны вместе с тем на поднятие сознания ответственности несовершеннолетнего перед педагогом и обществом. Педагогическое наказание есть мера, напоминающая подростку о необходимости повиновения определенным правилам воспитания и общежития, своего рода memento parere, необходимая постольку, поскольку к нему пред'являются известные требования дисциплины и самосдержки и допустимая, поскольку несовершеннолетний достиг такого развития, при котором он способен понимать обязательность определенных правил. Не всегда, конечная санкция установленного правила, конечный источник авторитета ясен для малолетнего и надлежаще может быть об'яснен ему; обязательность известного поведения тем не менее вполне может им быть сознаваема и он смутно сознает естественность известной нежелательной для себя реакции в случае нарушения этой обязанности. Он чувствует, что совершение поступка как бы нарушает некоторое равновесие, существующее между ним, как отдельной личностью, и воспитателем или группой, и ощущает известную потребность в восстановлении этого равновесия, что дает возможность некоторого воздействия на его дальнейшее поведение.

В отличие от общих наказаний, наказания педагогические ставят несовершеннолетнего лицом к лицу не с бездушной машиной карательных мер общего порядка, но с воспитателем, проникнутым тою же заботою о будущности несовершеннолетнего и применяющим эти меры как одно из средств воспитания. О педагогическом значении принципа наказания мы уже говорили. Здесь мы укажем лишь те формы, в которые он облекается в действующей практике и законодательствах применительно к несовершеннолетним правонарушителям.

Рассмотрим сначала, как сами малолетние расценивают характер и виды педагогических наказаний. Возьмем для этой цели материал, собранный недавно Ю. Вагнером, произведшим анкету среди 500 школьников немецких

школ *). Ответившие на анкету по полу и возрасту распределялись следующим образом:

	9—12 лет.	13—15 лет.	Всего.
Мальчики	132	105	237
Девочки	150	108	258
Всего	282	213	495

На вопрос, какие представления имеет малолетний о цели наказания, были получены следующие ответы (в процентных отношениях):

Цель наказания.	Мальчики.		Девочки.	
	млад. гр.	стар. гр.	млад. гр.	стар. гр.
исправление	54,7%	80,2	60,8	79,0
устрашение	24,2	12,0	21,4	15,1
возмездия	5,4	6,3	7,3	4,1
прочие цели	15,7	1,5	10,5	1,8

Эти данные показывают, что младшая группа до 13 лет более чем в половине числа ответов уже понимает исправительное значение наказания, хотя у многих (примерно одной четверти) на первом плане стоит еще простой инстинктивный страх перед наказанием (приписывание ему цели устрашения) и у довольно значительной группы (10—15%) имеются смутные цели о задачах наказания. При этом мальчики младшей группы проявляют больше страха пред наказанием и менее ориентируются в его исправительном значении, чем девочки. Старшая группа мальчиков и девочек уже в значительной своей массе сознает исправительное значение наказания. Простой страх пред наказанием значительно сокращается, а неопределенные указания дают совершенно ничтожный процент. Приписывание наказанию идеи возмездия для обоих возвратных групп и обоих полов дает, приблизительно, один и тот же процент, лишь несколько повышенный у девочек младшей группы. Это дети, очевидно, усвоили такой взгляд в связи с влиянием окружающих.

Второй вопрос анкеты касался того, какое наказание ученик считает наиболее тяжким для себя из применяемых в школе. Ответы расположились следующим образом:

1.	Дурная отметка за поведение	60
2.	Письмо родителям	49
3.	Постановление в угол	55
4.	Замечание в классной книге	45
5.	Индивидуальный арест	45
6.	Арест с товарищами	24
7.	Лишение доверия	37
8.	Публичный выговор в классе	39
9.	Выговор наедине	36
10.	Наказание прутом или палкой	32
11.	Удар по щеке	36
12.	Работа в виде наказания	34
13.	Гневный взгляд	43

В этом списке наказаний на первом месте стоят такие, которые могут вызвать известную реакцию со стороны родителей (п. 1 и 2), затем идут наказания, затрагивающие честь перед классом и сверстниками (п. 3, 8),

*) J. Wagner. Die Schulstrafe im Urteie des Schülers. Langensalza 1921.

далее лишение свободы (п. 5 и 6), моральное осуждение со стороны педагогического начальства (п. 4, 7, 10 и 14), телесные наказания, занимающие в скале тяжести довольно скромное место (п. 11 и 12), и, наконец, работа в виде наказания (п. 13).

Интересны по отзывам школьников те мотивы, по которым определенные наказания отнесены ими в группу более тяжких или, наоборот, более легких.

Так, к наиболее тяжким отнесены наказания по след. мотивам:

	Мальчики.	Девочки	Общее число.
1. Оскорбляет чувство чести	37	42	79
2. Вредит в жизненном отношении .	22	15	37
3. Влияет на аттестат	16	19	35
4. Узнают родители	12	19	31
5. Узнают другие лица	3	14	17
6. Причиняет телесную боль . . .	6	13	19
7. Будет оставлен на второй год . .	11	2	13
8. Останется длительный след . . .	4	3	7
9. Причинит огорчение учителю . .	0	3	3
10. Усиливает сознание вины . . .	0	2	2
11. Нельзя играть	0	22	2
Всего	111	134	215

Напротив того, к наиболее легким наказание было отнесено по таким мотивам:

	Мальч.	Девоч.	Всего.
1. Быстро отбывается и забывается	15	11	26
2. Легко забывается	13	11	24
3. Не причиняет боли	19	5	24
4. Быстро исполняется	10	4	14
5. Лишено злобности	12	2	14
6. Легко может быть заглажено . .	10	4	14
7. Родители не узнают	4	7	11
8. Другие не узнают	3	7	10
9. Не причинит последствий . . .	7	0	7
10. Не повлияет на аттестат . . .	2	3	5
11. Не принесет позднее вреда . . .	5	0	5
12. Постигает сразу многих.	2	0	2
13. Механично	0	1	1
Всего	100	57	177

В этих мотивах сквозит, с одной стороны, практический учет последствий наказания (п. 2, 3, 7, 8 I-й группы и п. 1, 2, 9, 10, 11 II-й группы), затем страх перед родителями и другими лицами (п. 4 и 5 I-й группы и 7 и 8 II-й гр.), чувство чести (п. 1), мотивы совести (9 и 10), телесная боль (п. 6 I-й гр. и 3—II-й гр.). В общем школьники считают, что наиболее легким является наказание, быстро отбываемое и не оставляющее длительного следа, не создающее огласки и лишенное злобности. Напротив, более тяжкими являются наказания, могущие оказать влияние в будущем, сопряженные с оглаской и ущербом для чести или с телесной болью.

Мы взяли пример немецких школьников, среди которых дисциплина проводится особо сурово и непреклонно, порою даже чисто механично. Ко-

нечно, дети, попадающие в комиссию, дадут несколько иную картину, но поскольку мы будем иметь в виду не уже сбившегося с пути подростка, а обычный тип вступившего по беспризорности или легкомыслию на нехороший путь малолетнего, мы сможем сохранить основные контуры этой картины.

Какие же меры педагогического наказания применяются в практике особых судов для малолетних? На основании опыта, собранного в ряде штатов Америки и стран Европы, а также соответственных законодательств, можно установить такой общий перечень: 1) отдача родителям для применения домашнего наказания (порою в присутствии попечителя суда); 2) передача школьной власти для наложения школьного наказания; 3) наложение обязанности загладить причиненный вред; 4) уплата штрафа из своего заработка; 5) обязанность выполнения определенной работы по заданию суда или попечителя; 6) лишение права посещать в течение известного времени городские увеселения; 7) кратковременный арест дома, при суде или в особом помещении; 8) лишение права самостоятельного распоряжения заработком; 9) телесные наказания. Я не упоминаю здесь таких наказаний, которые носят характер обще-уголовный и которые порою встречаются в новых законах, как общий арест, краткосрочное тюремное лишение свободы или общий штраф и принудительные работы. Они не относятся к группе педагогических наказаний.

Каждая из перечисленных мер нуждается в краткой оценке:

1. Отдача родителями для домашнего наказания, практиковавшаяся в нашем праве до закона 1897 г., едва ли заслуживает одобрения. Необходимо убеждение в большой культурности родителей, чтобы эта мера не превратилась в форму домашнего истязания малолетнего. Сами дети очень часто боятся расправы родителей, как-то видно из ответов на приведенную выше анкету. Прибегать к тому родительскому авторитету, который в значительной мере дискредитировал себя слабым надзором за малолетним и дурным воспитанием его, значит еще более ухудшить положение малолетнего. Домашнее наказание допустимо лишь в форме, строго указанной комиссией или судом; а эта форма, поскольку она сводится к известному стеснению для малолетнего, вполне включается в понятие надзора родителей, предусматриваемого в числе мер педагогических.

2. Передача школьной власти для применения школьного наказания, широко практикуемая в Швейцарии, может иметь значение для подростков, посещающих школу или живущих в ней. Здесь школьная власть действует в пределах предоставленных ей мер дисциплинарного воздействия и хотя проступок совершен вне стен школы, однако, он может вызвать известное воздействие со стороны учителя. В особенности это должно сказать в отношении малолетних, уже находящихся в детских домах, которые могут совершать правонарушения во время отпусков и самовольных отлучек или побегов. Возвращение в то же учреждение, с подчинением дисциплинарному воздействию, диктуется интересами воспитания. В ряде законодательств (в том числе и у нас по положению о исправительно-воспитательных учреждениях 1909 г.) возбужденное против несовершеннолетнего новое обвинение, может быть прекращено с обратным возвращением его в заведение, в котором он до того находился (ср. также новый германский закон 1923 г.).

3. Наложение обязанности загладить вред, предусматриваемое нашим уголовным кодексом как наказание и для взрослых (ст. 32 п. к и ст. 45) оказывается особо полезным в качестве педагогического наказания, так как оно служит естественным последствием совершенного проступка. Если малолетний из озорства повредил чужое имущество и причинил убыток или личный вред, то педагогически целесообразно побудить его собственными усилиями восстановить разрушенное, поскольку он это может сделать, или обязать его отдавать некоторую часть своего заработка на вознаграждение потерпевшего. Это возмещение не есть удовлетворение гражданского иска к малолетнему, так как на первый план выдвигается воспитательное влияние на малолетнего, а не удовлетворение потерпевшего. Оно, поэтому, может и не быть вполне эквивалентным и назначается даже помимо просьбы о том самого потерпевшего, без пред'явления гражданского иска.

4. Уплата штрафа из своего заработка (конечно, в том случае, если подросток получает таковой) является наказанием за проступки против общественного порядка, порядка управления, административных правил. Относительно целесообразности этого наказания идет спор. Оно допускается рядом законодательств, но с известными оговорками, главным образом, в виду того, что невнесение штрафа влечет за собою замену этого наказания лишением свободы или принудительными работами. Однако, ничто не мешает построить для несовершеннолетних правила о замене штрафа другой мерою на иных основаниях, чем для взрослых. Летом 1922 г. в Германии была произведена анкета среди судей для малолетних Берлина, Бреславля, Франкфурта, Лейпцига, Мюнхена, Гамбурга и нек. других городов о том, в каком порядке ими взыскиваются штрафы с несовершеннолетних. Все ответы указывают, что неуплата штрафа подростками, если штраф был назначен с должным принятием во внимание его имущественного положения или заработка, составляет весьма редкое явление. Обычно по первому заявлению уплата рассрочивается по частям. Если платежа не поступает, то или подросток вызывается в суд для об'яснений, или к его родителям посылается письменный запрос с просьбой указать причины неуплаты, или, наконец, для этой же цели посылается один из попечителей при суде, который выясняет причину этого. Если подросток не может уплатить штрафа (находится без работы, испытывает нужду), то судья представляет о сложении штрафа в порядке помилования; если он не желает уплатить, то принимаются понудительные меры в виде сношений с учреждением или работодателем, у которого служит подросток, о вычете штрафа из его жалованья или даже условно назначается замена штрафа краткосрочным арестом в особом помещении с неприведением этой меры в исполнение в течение определенного срока, в который несовершеннолетнему предоставляется внести штраф. По отзывам судей, практически выполнять этого ареста почти никогда не приходится, так как штраф уплачивается. Новый германский закон 1923 г. содержит для такой замены весьма гибкие постановления, дающие возможность избегать всякого заменяющего наказания.

Оно позволяет условно отсрочивать назначенное взамен штрафа наказание, и, в случае хорошего поведения, совершенно освобождать от него; до-

*) См. результаты этой анкеты в статье «Einziehung der Geldstrafen bei Jugendlichen». Zentralblatt f. Vermundschaftswesen. 1922 № 3.

полнителью на время отсрочки может быть назначен попечительный присмотр.

При назначении штрафа можно различать два случая. Штраф может быть назначен так, чтобы уплата его была произведена лишь самим несовершеннолетним из его заработка, а с другой стороны, возможно, чтобы этот штраф был взыскиваем с родителей несовершеннолетнего или лиц, обязанных к его воспитанию. Последнее допускается по аналогии с правилами гражданской ответственности родителей за вред, причиненный их детьми (у нас по гражд. кодексу такая ответственность признается до достижения несовершеннолетними 14 лет). Возложение обязанности уплаты штрафа на родителей дает возможность комиссии или суду воздействовать на них в тех случаях, когда совершение проступка малолетним явилось следствием плохого надзора за ним или попустительства с их стороны.

5. Обязанность выполнения определенной работы или совершения определенных действий по указанию комиссии или обследователя-воспитателя часто может явиться хорошим средством педагогического воздействия. Эта мера широко практикуется американскими судами для малолетних; она принята и новым германским законом 1923 г. В качестве примеров наложения такой обязанности можно привести следующие. Мальчику, совершившему проступок из озорства, предлагается прочесть и переписать небольшую листовку, в которой указано, к каким дурным последствиям могут привести такие шалости и почему известные действия воспрещены законом. На воспитанника, совершившего проступок вне школы, возлагается обязанность в течение недели произвести определенные хозяйственные работы по уборке школы и пр. В практике наших провинциальных комиссий, нередко подростки назначались на общественные полевые работы на несколько дней, при чем выполнение таких работ рассматривалось как мера медико-педагогического воздействия. В других случаях возможно наложение обязанности поступить на определенную работу, приисканную обследователем-воспитателем, с лишением права оставлять ее без разрешения последнего и пр. Выбор работы определяется как местными условиями, так и возрастом, склонностями и силами несовершеннолетнего и самою целью, преследуемою в данном случае.

6. Лишение права посещать в течение известного срока городские увеселения, напр., кинематографы, праздники, принимать участие в экскурсиях, в спортивных состязаниях и пр. или даже наложение обязанности не отлучаться из дому в вечерние часы, может быть осуществимой мерой лишь в пределах небольших городов, где соответственное наблюдение за малолетним может быть проводимо без особых затруднений. Эта мера является чувствительной для подростка не только тем, что лишает его некоторого удовольствия, но и тем, что как бы изолирует его от остальных товарищей, давая тем самым почувствовать свою провинность.

7. Еще в большей мере чувство такой изолированности проявляется при применении краткосрочного ареста подростка в особом помещении. Временное помещение» (Unterbringung), как называет новый германский закон эту меру, может происходить, смотря по местным условиям, или при школе, или при помещении детского суда, или в особом для того предназначенном месте. Пребывание здесь в течение нескольких дней дает возможность несовершеннолетнему почувствовать преимущества обычной обстановки жизни, а, с другой

стороны, путем беседы с воспитательским персоналом, усвоить себе определенные правила поведения. Эта мера применима и для поддержания авторитета комиссии, если подросток не желает выполнить какой-либо из приведенных выше мер из упрямства, распущенности или беззаботности. В определенных условиях кратковременное помещение в учреждение может быть заменено домашним арестом.

8. Лишение или ограничение права самостоятельного распоряжения заработком нашло себе признание в английском и германском праве. Зачастую беспорядочное расходование денег служит одной из причин дурной и порочной жизни (см. выше). Уже с 14 лет по нашему праву подросток приобретает право свободного распоряжения своим заработком. Если для взрослых предусматривается возможность назначения опеки при чрезмерной расточительности, то примигнительно к подросткам, ограничение свободы расходования заработка, может диктоваться порою серьезными педагогическими соображениями. В случае назначения такого ограничения право распоряжения вручается или старшим родственникам или обсл.-воспитателю, который вносит деньги в сберегательную кассу и определяет цели, на которые они могут быть расходуемы в каждом случае.

9. Телесные наказания встречаются еще в виде пережитка в английском и датском праве в качестве самостоятельной меры наказания для несовершеннолетних и в прусском, французском и некоторых других регламентах для учреждений принудительного воспитания. У нас они допускались в воспитательно-исправительных заведениях до закона 1909 г., хотя на практике, благодаря решениям с'ездов представителей этих заведений, они вымерли раньше. Говорить о педагогической целесообразности таких мер не приходится. Применение их диктуется не разумом, а смутным инстинктом жестокости, живущим в человеке. Если в настоящее время они и не носят характера истязаний, как то было в прошлом, то все же они грубо нарушают чувство достоинства малолетнего и принижают его духовную восприимчивость. Применение телесных наказаний часто сопряжено с серьезной опасностью для душевного здоровья малолетнего и предварительное освидетельствование со стороны врача далеко не всегда страхует от этой опасности *). В прошлом нашего народа слишком долго и часто применялось это грубое средство наказания, чтобы мы могли верить в его хотя бы минимальную пользу.

Краткое критическое рассмотрение педагогических наказаний указало нам на пригодность многих из них служить мерой педагогического воздействия в тех случаях, когда правонарушение несовершеннолетнего не требует применения к нему длительных мер перевоспитания **). Не следует упускать из виду, что свыше 50% малолетних правонарушителей, проходящих через комиссии или детские суды, обычно являются нормальными детьми или подростками города и что источниками их правонарушений обычно служат озор-

*) Mönnkemoller. Die Strafe in der Fürsorgeerziehung. Langensalza 1914.

**) Если применить к рассмотренным педагогическим наказаниям те критерии «тяжести» и «легкости», которые указаны малолетними в их ответах на анкету, то почти все эти меры должны быть отнесены к группе «легких», они кратковременны, не оставляют длительных последствий, лишены злобности и мести и, наконец, действуют морально, а не физически на малолетнего.

ство, недисциплинированность или грубость, являющиеся первыми симптомами начинающейся беспризорности. Для борьбы с этими проявлениями, часто выражающимися в нарушениях порядка, бесчинствах, драках, оскорблениях, легком хулиганстве, повреждении имущества, мелких кражах и пр., необходимы меры педагогического дисциплинирующего воздействия, а не одно только раз'яснение или замечание, которым в большинстве случаев ограничиваются в настоящее время. Педагогический уклон в составе и деятельности комиссий не дает оснований думать, что этими мерами будут злоупотреблять, применяя их недостаточно осторожно. Конечно, менее всего возможно смотреть на педагогические наказания как на средство, могущее заменить меры длительного перевоспитания. Но едва ли правильно видеть и в этих последних всесильное средство. К ним приходится прибегать лишь тогда, когда другие меры педагогического воздействия, в том числе и педагогические наказания, окажутся бессильными помочь делу.

ГЛАВА III.

Исправительное воспитание *).

Идея исправительного воспитания насчитывает уже почетную давность. Она пробуждается в различных странах почти одновременно, во второй половине XVIII века, под влиянием новых веяний эпохи Просвещения. В Австрии уже в рескрипте Марии Терезии от 1766 г. рекомендовалось родителям всячески удерживать своих детей от нищенства, бродяжничества, порочной жизни, а в случае безуспешности, предписывалось отдавать их в рабочие и прядильные дома для принудительного воспитания. В Швейцарии в 1775 г. Песталоцци основывает свою школу для 50 мальчиков, взятых из числа малолетних нищих, к которым старается применить принцип семейного воспитания. В Англии в 1788 г. основывается Филантропическое Общество, ставящее себе целью «защиту бедных детей, а также исправление детей, занимающихся преступной деятельностью», открывшее в одном из предместий Лондона первую школу для обучения мастерствам детей беспризорных и прошедших через суд и тюрьмы, позднее перенесенную в Редхил и существующую и до сих пор.

Но приблизительно до половины XIX века практика исправительного воспитания ограничивалась только отдельными благотворительными начинаниями. В воспитательные школы попадали малолетние только после того, как им приходилось отбыть общее наказание тюрьмою, если только начальству школы не удавалось исхлопотать помилования для малолетнего. В 1835 г. английская комиссия по реформе уголовного права обратила внимание на

*) Мы предпочитаем этот термин терминам «принудительное воспитание» или «попечительное воспитание», также употребляемыми в литературе. Указание на принудительность, как на основную черту, характеризует эту меру с чисто формальной стороны, и при том элемент принуждения в той или иной форме присущ всякому воспитанию (кроме т. наз., «свободного воспитания»), выражение «попечительное воспитание»—слишком широко: оно охватывает все формы социального воспитания беспризорных детей. Напротив того, употребленный нами термин, указывает основную задачу, преследуемую таким воспитанием—социальное исправление несовершеннолетнего.

успешные результаты, достигаемые в немногих существовавших тогда таких воспитательных учреждениях и рекомендовала применять такую систему вместо направления малолетних в тюрьмы. Но предложения комиссии имели мало успеха. В уголовное законодательство помещение в исправительно-воспитательные учреждения впервые было введено французским уголовным кодексом 1810 г., допустившим заменять тюремное наказание этою мерою. Однако, только в 1839 г. практика таких учреждений получает во Франции некоторое развитие. Основанная в этом году Меттрейская колония, близ города Тура, для малолетних правонарушителей послужила образцом для целого ряда подобных учреждений. Она стала местом настоящего паломничества для всех интересовавшихся этим вопросом и дала сильный толчек к подражанию и в других странах. В Англии энергичной распространительницей новых принципов становится Мария Карпентер, которая в 1846 г. организует здесь ряд «школ для оборванцев» (ragged schools). В 1851 г. появляется ее работа «Об исправительных заведениях для детей опасных классов и для малолетних правонарушителей», в которой впервые вопрос подвергается всесторонней научной разработке. В книге намечается разделение воспитательных учреждений на отдельные разновидности (свободные дневные школы, ремесленные школы, исправительные школы), подчеркивается вред общения малолетних со взрослыми заключенными и указывается на обязательность для государства участвовать в расходах на воспитание беспризорного и преступного юношества. «Ужасающий рост детской развращенности,—писала Карпентер,—может быть остановлен только умственным, нравственным и религиозным воспитанием».

С 50-х годов уже законодательства становятся более решительно на путь признания исправительного воспитания. Французский закон от 5 августа 1850 г., «о воспитании и патронате над юными заключенными» вводит двоякого рода учреждения—пенитенциарные колонии для малолетних, действовавших без разумения или приговоренных к более легким наказаниям или принятых по просьбе их родителей, и исправительные колонии для присужденных к более тяжким наказаниям вместо этих последних. В учреждениях должны быть заведены земледельческие и ремесленные работы. Правительство предоставляло обществам, учреждающим такие колонии, субсидии, с сохранением за собою права общего надзора. В Англии, учрежденная в 1851 г. парламентская комиссия, подготовила издание весьма скромного по своим достижениям закона об исправительных школах 1854 г., на основании которого суду предоставлялось помещать несовершеннолетних до 16 лет, по отбытии ими предварительно двухнедельного тюремного заключения, в исправительную школу на срок от двух до пяти лет. Практика предварительного отбывания краткосрочной тюрьмы продержалась в Англии до 1899 г. Через 12 лет, в 1866 г., закон 1854 г. был пересмотрен и заменен новым. По примеру французского закона, английское положение об исправительно-воспитательных школах 1866 г. создавало два типа учреждений: для малолетних, присужденных к простой или каторжной тюрьме,—исправительные школы (школы-реформатории) и для остальных—«ремесленные школы». Учреждение таких школ было передано всецело в руки частных обществ, которым обещалось лишь возмещение некоторых расходов из казны или из взносов, делаемых родителями (до 5 шиллингов в неделю за каждого воспитанника).

За 60—70 лет, протекшие со времени издания этих законов во Франции и Англии, в систему таких школ было внесено сравнительно мало законодательных изменений. Во Франции можно отметить лишь закон 23 июля 1889 г. об охране детей, подвергающихся жестокому обращению и нравственно заброшенных, и закон 18 апреля 1904 г. о воспитании детей, находящихся на общественном попечении, трудных или порочных. Оба эти закона расширили круг малолетних, направляемых в учреждения для исправительного воспитания, и вместе с тем несколько изменили финансовую сторону вопроса. В Англии постепенные изменения были суммированы в законе о детях 1908 г., по которому в такие школы могут быть направляемы дети нищенствующие, порочные, живущие в дурной домашней обстановке. Определенный срок содержания в таких школах был заменен неопределенным с указанием лишь предельного возраста в 19 лет для помещаемых в исправительные школы и 18 лет—в школы ремесленные. Закон предусматривает возможность организации специальных школ для дефективных, чахоточных, слабоумных детей, для детей эпилептиков и для морально-слабых и привлекает местные общинные советы к обязанности давать средства на содержание таких школ.

В 50-х годах и в других странах начинает развиваться законодательство об исправительном воспитании. Так, в 1851 г. постановления о нем вводятся в Прусское уголовное уложение; в Швейцарии впервые кантон Базель вводит эти меры в свое законодательство законом 22 ноября 1853 г. Тогда же эти меры вводятся и в Голландии. Наконец, в 1866 г. издается первое положение об исправительно-воспитательных учреждениях в России.

Из других западных стран мы рассмотрим лишь постепенное развитие законодательства в Германии. Первое положение об исправительном воспитании здесь было издано в Пруссии 18 марта 1878 года. Согласно ст. 1, органам власти предоставлялось помещать несовершеннолетних от 12 до 16 лет вместо наказания в подходящие семьи или в исправительные учреждения, если такое помещение являлось желательным с точки зрения характера преступного деяния, личности родителей или других воспитателей несовершеннолетнего и других условий его жизни, для предупреждения его дальнейшей моральной беспризорности. Другие германские законодательства несколько расширили предпосылки применения этой меры. Так Баденский закон 1886 г. допускал ее во всех случаях, когда моральное благо малолетнего подвергается опасности вследствие злоупотребления воспитательной власти или небрежности со стороны родителей или лиц, имеющих малолетних у себя на попечении. Значительный шаг вперед был сделан германск. гражд. улож. 1900 г. Оно требует применения «попечительного воспитания» (Fürsorgeersiehung): 1) в случае злоупотребления родителями или опекунами их властью над ребенком, отсутствия заботы об его воспитании или при порочной жизни родителей; 2) в случае учинения малолетним правонарушений, если он не достиг еще такого возраста, когда он может быть подвергнут уголовному преследованию, но ему угрожает опасность дальнейшего морального развращения; 3) если такая мера является необходимой для предупреждения полного морального развращения несовершеннолетнего вследствие недостаточности воспитательного воздействия со стороны родителей и других воспитателей. В соответствии с этими правилами во всех государствах, начиная с Пруссии, издавшей в 1900 г. свой устав о попечительном воспитании, были проведены

новые законы по этому предмету. Число детей, принимаемых государством для такого воспитания, стало быстро расти. В Пруссии, напр., число их было в 1901 г.—7.787, а к 1921 г.—около 53.000. В Бадене в 1910 г. оно равнялось 1.879, а к концу 1920 г.—3.072. Попечительное воспитание в Германии включает в себя не только помещение в специальные учреждения, но и отдачу в частные надежные семьи. Процент применения той или другой меры значительно колеблется в отдельных союзных странах; так, в Пруссии до 70% направляются в учреждения, в Бадене—55%, в Саксонии—35%. В 1922 г. постановления о попечительном воспитании в общих чертах включены были в общеимперский закон об охране детства Reichsjugendwohlfartsgesetz В виду новизны этого закона, позволим дать несколько более подробную характеристику имеющихся в нем по этому вопросу постановлений.

Попечительное воспитание, по закону 1922 г., должно служить для предупреждения и устранения беспризорности. Оно выполняется в подходящей для этого семье или в воспитательном учреждении под публичным контролем и на публичный счет. Такому воспитанию могут быть подвернуты несовершеннолетние до 18 лет по постановлению опекунского суда: 1) если малолетний подвергается жестокому обращению или моральной опасности в своей домашней обстановке и удаление его оттуда является нужным для предупреждения его беспризорности, при чем устройство его в другом месте или каким-либо другим способом, по мнению опекунского суда, является невозможным; 2) если попечительное воспитание является нужным для устранения беспризорности вследствие недостаточности воспитания, и 3) если оно назначено судом для юношества вместо наказания (по закону 1923 г.). В тех случаях, когда имеется надежда на успешный результат попечит. воспитания, оно может быть применено и к лицам старше 18 лет (до 20-летнего возраста). Мера эта принимается опекунским судом как по собственной инициативе, так и по предложению Отделов детства и других лиц, если это будет постановлено областным законодательством. Перед принятием этой меры опекунский суд выслушивает заключение Отдела детства; он может передавать малолетнего для наблюдения в лечебное, психиатрическое или иное учреждение на срок не долее шести недель для наблюдения. Он может постановлять об этой мере не сразу, а откладывая дело, однако, на срок не более года, с назначением, в нужных случаях, попечительного надзора. Постановление опекунского суда о попечительном воспитании должно быть мотивировано и против него допускается жалоба со стороны заинтересованных лиц. Выполнение попечительного воспитания возлагается на органы попечит. воспитания того округа, в котором находится опекунский (или детский) суд, при чем выражается пожелание, чтобы такими органами были вновь учрежденные Отделы детства: последние во всяком случае привлекаются к участию в этом. Перед определением в семью или в учреждение несовершеннолетний должен быть осмотрен врачем. Малолетние, страдающие психическими аномалиями (психопатией, эпилепсией, трудно-воспитуемые и пр.), или тяжкими заразными болезнями (туберкулезные, венерики), должны быть помещаемы в особые учреждения или отделения, поскольку то диктуется гигиеническими или педагогическими требованиями. Попечит. воспитание прекращается с наступлением совершеннолетия, но может быть отменено и раньше, если цель его достигнута или может быть достигнута иным путем. Об отмене постановляет опекунский суд.

На время попечит. воспитания органам его присваиваются некоторые опекунские полномочия: так они заменяют законных представителей несовершеннолетнего при заключении им договоров об ученичестве, возбуждают вопрос о признании его недееспособным вследствие душевной болезни или умственной слабости и пр. Закон 1922 г. намечает только общие положения о попечительном воспитании, которые затем должны быть развиты законодательством каждой отдельной области или страны.

В России исправительно-воспитательные приюты стали развиваться с половины 60-х годов. Ст. 6 устава о наказ. 1864 г. указывала, что «взамен заключения в тюрьме малолетние могут быть обращаемы в приюты». 5 декабря 1866 г. у нас были изданы Правила об устройстве таких заведений, по которым они могли учреждаться как правительством, так и земством, отдельными обществами и даже частными лицами для помещения туда несовершеннолетних по судебным приговорам. По отношению к частным и общественным приютам, которые только и стали возникать у нас в первое время, правительство сохранило за собою право утверждения уставов соответственных обществ, требовало представления отчетности и допускало возможность закрытия их в случае каких-либо злоупотреблений *). В комиссии по выработке уголовного уложения было предположено устроить у нас два типа таких учреждений—одни с более строгим режимом для приговоренных по суду правонарушителей, другие—для детей беспризорных, но это предположение не встретило сочувствия в тогдашнем Гос. Совете и было отвергнуто **). С начала 80-х годов у нас начинают созываться С'езды представителей воспитательно-исправительных заведений, которые фактически становятся органом, руководящим всем делом исправительного воспитания, и постановления которых, в силу их авторитетности, почти всегда проводились в жизнь отдельными учреждениями ***).

Закон 2 июня 1897 г., значительно расширивший у нас область применения исправительного воспитания, и, наконец, Положение о воспитатель-

---

*) Такие общества стали развиваться у нас с самого начала 70-х годов. Первое возникло в Петербурге в 1770 г., затем общества воспитат.-исправ. приютов открылись в 1871 г.—в Варшаве и Харькове, в 1873 г.—в Казани и Саратове, в 1874 –в Киеве, в 1875 г.—в Нижнем-Новгороде, в 1876 г. в Симбирске и Ярославле, в 1878 г.—в Вологде, в 1886--в Одессе и Туле и т. д. В Москве первый приют был основан в 1870 г. Н. В. Рукавишниковым и находился в течение почти сорока лет под руководством его, а затем его брата К. В Рукавишникова и долгое время служил образцом для других приютов этого рода. Число исправительно-воспитательных заведений росло у нас довольно медленно. К 1901 г. было организовано всего 43 приюта, к 1915 году их было 61, но некоторая часть их, повидимому, числилась только на бумаге и сведений о себе не присылала. Попытка организации единственного правительственного приюта была предпринята в 1911 г., специально для более трудных в воспитательном отношении, но так и не дошла до стадии завершения.

**) Н. Таганцев. Уголовное право т. II. 1902.

***) Таких С'ездов с 1881 по 1911 г. состоялось 8 по преимуществу в Москве и Петрограде. Постановления их собраны в книге В. Набокова. Постановления С'ездов исправит.-воспит. заведений П. 1904. См. также лекции М. П. Беклешова. «История и труды С'ездов русских воспит.-исправ. заведений» в сборнике «Воспитание и обучение дефективных детей» т. I—III. П. 1918. Восемь томов «Трудов» этих с'ездов содержат ценный материал по вопросам практики исправит. воспитания.

но-исправительных заведениях от 25 декабря 1909 г. во многом явились результатом работ таких с'ездов. Положение 1909 г. ставило уже на более прочное финансовое основание существование этих учреждений у нас, обеспечивая им поддержку от земств и городов, допускало применение этой меры не только к малолетним правонарушителям, но и к детям нищенствующим, беспризорным и нравственно-порочным, которые могли приниматься и по ходатайству их родителей, определило правила внутреннего устройства и дисциплины в таких учреждениях и наметило порядок выпуска воспитанников из них. Несмотря на большие достижения в этой области, все же до самой революции у нас сохранялся «уголовный» оттенок в применении этой меры, лишь частично смягчаемый практикой *).

После октябрьской революции дело руководства сохранившимися учреждениями исправительного воспитания было сосредоточено в руках «Особого отдела» комиссариата социальной помощи, которые затем были заменены Отделами охраны детства, состоящими в ведении НКП с 1922 г., и распадавшимися на под'отдел детских домов и под'отдел правовой защиты несовершеннолетних. Эти отделы затем слились вместе и получили название «Отделов социально-правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных детей **). Число учреждений для морально-дефективных как стали называться такие заведения, после революции у нас сильно возросло, однако, в виду трудных экономических условий, переживавшихся страною, а также недостатка в подготовленном педагогическом персонале, положение их нельзя было назвать удовлетворительным. По сводке, произведенной к началу 1922 г. под'отделом воспитания и образования дефективных детей НКП касательно 43 губерний и автономных областей РСФСР, положение педагогической работы в таких учреждениях рисовались в следующем виде.

Из 168 детских учреждений школы функционируют более или менее правильно в 27 учреждениях, работают с перебоями—в 72 учреждениях, работают менее правильно—в 47 и совсем не ведется школьных занятий—в 49 учреждениях. В число последних входят по преимуществу приемники, в которых за кратковременностью пребывания детей педагогическую работу поставить трудно.

Руководители-специалисты по дефективности с тем или иным стажем имелись всего в 60 учреждениях. В 47 учреждениях руководители имели общее педагогическое образование и в 61 учреждении руководителями являлись лица без всякой педагогической подготовки.

Педагоги-дефективисты имелись лишь в 36 учреждениях, по преимуществу в школах для физически-дефективных детей, учреждения же для морально-дефективных обслуживались педагогами нормальных школ или даже случайными преподавателями. Таким образом менее 1/5 части учреждений были обслужены педагогами-дефективистами.

---

*) См. заметку С. В. Бахрушина: К вопросу о постановке дела исправительного воспитания малолетних. Журн. «Призрение и благотв. в России» 1917 г. № 4.

**) См. статью С. Е. Копелянской. Органы и учреждения для беспризорных детей в сборнике «Детская беспризорность» (предупреждение и борьба с ней). М. «Красная Новь» 1923.

Постановка труда в школах и домах для дефективных характеризовалась следующим образом: «Из 169 учреждений в 47 имелись мастерские, в 28 велся тот или иной ручной труд, в 64 практиковалось в той или иной форме самообслуживание и в 29 совершенно не отмечено никаких трудовых процессов. Мастерские преимущественно: сапожные, переплетные, столярные, корзиночные, слесарные, кузнечные. Жизнь в мастерских не всегда идет нормально, работают с перебоями, вследствие недостатка материала, инструментария, инвентаря или инструкторов-руководителей. В 20 учреждениях имеются огороды. В 16 учреждениях, колониях сельско-хозяйственного типа имеется и пахотная земля, при чем во многих из них имеются и ремесленные мастерские, в большинстве случаев это колонии для морально-дефективных детей старшего возраста, преобразованные из бывших сельско-хозяйственных исправ. воспитательных заведений».

К началу 1923 г., число учреждений для морально-дефективных хотя и несколько уменьшилось, однако положение дела воспитания во многом улучшилось, как благодаря принятым мерам к переквалификации педагогического персонала, так и вследствие лучшего снабжения учреждений.

Несмотря на рост числа таких учреждений, страна еще далеко не обслужена ими в достаточной мере. На медико-педагогической конференции в Москве, состоявшейся осенью 1922 г. заведующий под'отделом воспитания дефективных детей В. Н. Комов представил примерный расчет действительной потребности. На 1 июня 1922 г. всего в РСФСР насчитывалось 125 учреждений для морально-дефект. детей (включая приемники и распределители), в которых содержалось 6.735 несовершеннолетних. Исходя из того, что процент детской моральной дефективности 5—8%, В. Н. Комов определял степень удовлетворительности в 1,4%. Расчет этот, однако, нельзя назвать правильным. Если взять даже наиболее неблагополучный по развитию числа детских и юношеских правонарушений и наиболее благополучный по числу имеющихся учреждений Петроград, то процент помещаемых в учреждения для морально-дефективных здесь колеблется между 10,7% (в 1921 г.) и 14,5% (в 1922 г.). Если даже определить процент подлежащих помещению в дома для морально-дефективных в 20% всего числа несовершеннолетних правонарушителей, то по наиболее полным и вместе с тем наиболее высоким данным 1921 г. общее число несовершеннолетних обвиняемых у нас доходило до 50.000 человек. 20% этого числа составит 10.000, т.-е. число всего в два раза превышающее существующую норму.

Такова в кратких чертах история исправительного воспитания. Рассмотрим теперь, по необходимости, столь же суммарно виды и методы его *).

*) Литература по вопросу о методах исправительного воспитания весьма значительна. Если ограничиться более существенными трудами последних лет, то на русском языке можно указать: «Труды с'ездов воспитательно-исправительных заведений т. I—VIII» (1882—1911); компилятивную работу: «Исправительное воспитание несовершеннолетних в Зап. Европе и Америке», изд Главн. Тюр. Управления П. 1911 (наибольшего внимания заслуживает статья Н. Окунева об учреждениях во Франции и Бельгии); работу С Познышева о бельгийских исправительно-воспитательных учреждениях 1911. П. Люблинский. Опека и принудительное воспитание детей в Англии 1911. Н. Ануфриев. Исправительно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних в Зап. Европе. П. 1915. Из немецкой литературы наиболее обстоятельны обзоры: J. Petersen. Jugend-

Исправительное воспитание в учреждениях не является единственною формой постановки социального воспитания малолетних. На-ряду с ним стоит воспитание в надежной семье, под общим наблюдением публичных органов, и сильно развившийся за последнее время попечительный присмотр. В виду этого необходимо указать те предпосылки, которые делают закрытое воспитание желательным. Главнейшим отличием воспитания в учреждении от воспитания в семье является подчинение воспитания в первом случае определенному, строго установленному внутреннему распорядку, покоющемуся на правилах определенной дисциплины поведения. Известный ритм жизни составляет сущность каждого учреждения, в то время, как жизнь в семье постоянно видоизменяется под влиянием настроения, случайных обстоятельств, изменения внешней обстановки и пр. Поведение малолетнего в семье определяется во многом его личными отношениями к окружающим, его преходящими настроениями, поведение в учреждении—заведенным порядком. Поэтому помещение в учреждение является особенно пригодным видом воспитания для тех детей и подростков, которые в силу ли слабости своей воли или, наоборот, в силу ее особой повышенности, неспособны или не приучились вносить известный порядок в свою жизнь. Если малолетние неспособны соблюдать известные правила, сдерживать себя, если они пассивно относятся ко всяким внешним влияниям или, напротив того, способны возбуждаться при всяком малейшем поводе, то для них пребывание в учреждении, приучающее к определенной дисциплине поведения, является, несомненно, полезным. Далее воспитание в учреждении принесет пользу тем малолетним, которые вследствие своей распущенности, лени или порочных склонностей не могут быть достаточно понуждаемы к регулярным занятиям, труду или хорошим привычкам в условиях обычной семейной обстановки и для которых известная дисциплина учреждения явится более сильным воспитательным средством. Втягиваясь во внутренний строй жизни учреждения, проделывая вместе со своими товарищами в определенные часы определенные занятия, работы и действия, малолетний постепенно начинает усваивать более регулярные привычки. Если к этому прибавить, что учреждение, если оно поставлено правильно, дает большую возможность получить профессиональную подготовку к труду, то мы можем признать, что большая часть детей, уже перешагнувших через первую ступень беспризорности, нуждается именно в воспитании в учреждениях. Другая категория детей, нуждающихся в таком воспитании, это дети физически и психически-дефективные, нуждающиеся в особенной заботе и зачастую в особых методах образования, осуществить которые можно только в учреждении. Правда, при особо благоприятных условиях возможно и даже предпочтительно оставление их в семье, но это лишь сравнительно редкие исключения. В отношении малолетних правонарушителей, поскольку на лицо не имеется тех предпосылок, о которых мы только что говорили, воспитание в учреждении применяется в качестве более энергичной меры воздействия, если иные средства оказываются

---

fürsorge. Berlin 1914. Handbuch für Jugendpflege, herausg. von Deutsche Zentrale für Jugendfürsorge 1913. Текущая информация в журнале—Zentralblatt für Vormundschaftswesen, Jugendgerichte und Fürsorgeerziehung. Для характеристики американских учреждений имеется несколько устаревшая H. Hart, Preventive treatment of neglected children. N. Y. 1910 и периодическое издание «The Journal of juvenile delinquency» voel. I—VI.

недостаточными. Если повторность правонарушений, дурное поведение во время присмотра, упорное нежелание отстать от дурных привычек свидетельствуют о том, что малолетний не умеет правильно пользоваться своей свободой и не поддается влиянию других мер, то помещение в учреждение исправительного воспитания даст возможность подчинить его более строгой дисциплине воспитания. Но не следует думать, что будучи раз уже помещен в учреждение, несовершеннолетний должен оставаться в нем до тех пор, пока воспитание его может быть признано вполне законченным или он достигнет совершеннолетия. В большинстве стран (Англии, Дании, Германии, Венгрии и пр.) практикуется комбинированная система, при которой администрации учреждения предоставляется после некоторого начального периода воспитания в учреждении поместить воспитанника в недалеко живущую от учреждения надежную семью, отдать его в ремесленные или фабрично-заводские ученики, временно определить на службу, при чем малолетний юридически по прежнему числится воспитанником учреждения, педагогический состав учреждения по прежнему осуществляет присмотр за ним, и он во всякое время может быть возвращен в учреждение. Эта так наз. placing-aut system дает возможность расширять число воспитанников, находящихся под контролем учреждения, экономит средства учреждения и постепенно приучает подростка к самостоятельной жизни. Окончательное или условное освобождение из учреждения происходит лишь тогда, когда имеется уверенность в достаточной моральной стойкости несовершеннолетнего.

До революции воспитательно-исправительные учреждения у нас имелись только одного типа, хотя и возбуждался вопрос о создании центрального учреждения для трудно-исправимых. Западные государства дают нам обычно два типа учреждений: обычных приютов-школ для беспризорных детей и менее тяжких правонарушителей (industrial schools, colonies pénitentiaires) и учреждений с более строгим режимом для трудно-исправимых или упорных рецидивистов (reformatory schools, colonies correctionnelles). Но и такое разделение оказывается недостаточным. При надлежащей постановке дела исправительного воспитания, необходима определенная с е т ь таких учреждений для различных степеней психической и моральной дефективности. На Всероссийской конференции по борьбе с детской дефективностью, состоявшейся в Москве в октябре 1921 г., П. Г. Бельским была предложена следующая схема организации таких учреждений, в основных чертах принятая конференцией.

П. Г. Бельский устанавливает три типа учреждений: 1) для морально-дефективных малолетних как чисто социального, так и смешанного происхождения (предрасположенных к правонарушениям по своей психической конституции, и потому особенно легко реагирующих на неблагоприятные социальные условия)—приюты и колонии обычного типа воспитательно-исправительных заведений; 2) для нервно- и душевно-больных несовершеннолетних—лечебно-воспитательные заведения и 3) для особенно трудных в воспитательном отношении в случае безуспешности всех ранее применявшихся мер перевоспитания—изоляционно-воспитательные дома. В то время, как в заведениях для дефективных общего типа, воспитание и исправление детей должно вестись на общих началах с углублением лишь врачебно-педагогической работы, в лечебно-воспитательных заведениях должен быть применяем санаторно-трудовой режим, а в изоляционно-воспитательных учреждениях

режим строгой трудовой дисциплины. Учреждения лечебно-воспитательного характера должны быть снабжены лабораториями для клинического исследования физической и психической личности воспитуемых, они должны иметь ряд отделений, приспособленных для различных состояний содержащихся в учреждении—спокойного, полуспокойного и возбужденного, с внутренней группировкой по полу, возрасту и характеру. Воспитание должно вестись специально подготовленным персоналом при ближайшем участии врачей. Дома-изоляторы должны быть устраиваемы для младшего возраста (до 14 лет) и для старшего (старше 14 лет) особо, при нормальном количестве в 75 воспитанников, которые разделяются на группы по психофизическому развитию не свыше 15 человек в каждой. Особые отделения должны существовать для вновь вступающих (новициат) и для находящихся в опасном для себя и для окружающих состоянии (изоляторы).

Осуществление такой схемы (которую следует признать весьма скромной) в наших условиях облегчается тем обстоятельством, что все учреждения для дефективных в настоящее время являются государственными учреждениями. Поскольку инициатива создания их или содержание их производится общественными организациями, как-то, мы видим, на Западе (кроме Венгрии и Бельгии), чрезвычайно трудно подчинить развитие их определенному плану. Напротив того, при централизации этого дела и при придании ему государственного характера, планомерность является необходимым условием целесообразности, экономии и успешности дела, условием, достижимым при этом значительно легче.

На ряду с классификацией по характеру режима далее проводится деление учреждений по роду даваемой ими профессиональной подготовки. Более старым является ремесленный тип учреждений, где мальчики обучаются различным ремеслам: сапожному, слесарному, столярному, портняжному, кузнечному и пр. в небольших оборудованных при учреждении мастерских. Другой тип—земледельческие колонии, первым образцом которых была известная Меттрейская колония и которые затем получили распространение во Франции, Венгрии, Швейцарии, Канаде и нек. др. странах. Наконец, чаще всего встречается комбинированный тип, при котором осенью и зимою дети занимаются ремесленным трудом, а весною и летом—сельско-хозяйственным на принадлежащих к колонии участках земли. В учреждениях для девочек обычно вводятся занятия, относящиеся к ведению домашнего хозяйства: шитье, стирка, рукоделья. Ремесленный тип, естественно, распространен в учреждениях, расположенных в городах. Но и в заведениях, вынесенных в пригороды и поселки, он находит себе признание, особенно в северных странах в виду краткости летнего периода, только и допускающего сельские работы. С другой стороны, большинство воспитанников учреждений вербуется из городских детей и подростков, часто плохо приспособленных к напряженному сельскому труду и которые по выходе из заведения обычно снова направляются в города, где они могут снискивать себе заработок только посредством ремесленного или фабричного труда. Поэтому, несмотря на некоторые преимущества земледельческого труда как в гигиеническом отношении, так и в смысле укрепления тела и духа, все же приходится отдавать предпочтение труду ремесленному или в лучшем случае, комбинировать оба эти вида. В последние годы американская практика дает нам примеры учреждений, подготовляю-

щих своих воспитанников и к более квалифицированному конторскому труду (машинопись, стенография, счетоводство, торговая корреспонденция и пр.), что, впрочем, доступно лишь для подростков более старшего возраста.

По типу устройства обычно различают заведения больших размеров, об'единяющие в своих стенах иногда по нескольку сот воспитанников (этот тип распространен в Бельгии и Венгрии), подчиненных одинаковому режиму и распределяемых на группы обычно по роду выполняемого ими профессионального труда, это так наз. казарменная система, в настоящее время находящая себе мало сторонников в виду почти полной невозможности проведения принципа индивидуализации в воспитании. Противоположностью ей является так наз. семейная система, при которой воспитанники разбиваются на небольшие семьи из 10—15 человек, при чем каждая семья имеет своего воспитателя и живет своею жизнью, соприкасаясь с другими лишь на работе или при общих развлечениях. Семейная система впервые была проведена в учрежденном в 1819 г. в Вихерном приюте Rauhe Haus, близ Гамбурга. Действительно, в первое время, когда такие выдающиеся педагоги, как Вихерн или Песталоцци, практиковавший ее в Швейцарии, становились во главе небольшого учреждения из нескольких десятков детей, им удавалось приблизить учреждение к типу большой семьи и дать детям в полной мере почувствовать любовную ласку, уют, полное понимание их нужд и особенностей. Но под руководством рядового педагога и при более значительных размерах учреждения, семейная система оказывается почти фикцией. Названия «отца», «старших братьев» (для воспитателей) или просто братьев для своих товарищей находятся не в соответствии с духом учреждения. Семья становится здесь искусственным целым, так как она не спаяна личным обаянием руководителя, и отношения, господствующие внутри ее, далеко отличны от обычного семейного уклада. Промежуточной и, в настоящее время наиболее рекомендуемой, формой является павильонная система, при которой воспитанники живут отдельными небольшими группами по 20—25 человек в отдельных небольших домах, будучи распределенными по возрасту, моральным качествам, поведению. Обособление между группами не столь резко, как при семейной системе. В большинстве случаев группы соединяются во время школьных занятий, в мастерских, на общих беседах и развлечениях. Но такое общение между группами всегда происходит под наблюдением воспитателей, тогда как внутри самой группы это наблюдение поневоле является значительно более слабым.

Методы исправительного воспитания весьма разнообразны и определяются, прежде всего, особенностями состава самих воспитанников. Рассмотрение их в подробностях составляет предмет специальной ветви педагогики, посвященной моральному воспитанию дефективных и беспризорных детей. Мы по необходимости должны ограничиться только некоторыми, самыми беглыми замечаниями по этому поводу.

Исходя из основного принципа исправительно-воспитательного учреждения, первым требованием следует выставить установление в учреждении определенного, строго установленного распорядка дня, которому в одинаковой мере должны подчиняться как воспитанники, так и сами воспитатели. Распорядок дня составляется из времени, посвящаемого школьным занятиям, труду, развлечениям и, наконец, клубным занятиям или беседам. Длительность времени, уделяемого каждому из этих занятий, разнится в зависимости от воз-

раста, психических особенностей и разряда воспитанников. Порядок, однако, не должен быть монотонно-однообразным и хотя бы раз в неделю, по воскресным или праздничным дням, включать в себя какие-либо новые элементы, могущие пробудить интерес и поднять оживление среди воспитанников. Воспитанники должны быть приучаемы к чистоте, опрятности, исполнительности.

Существующий порядок в учреждении не должен, однако, быть самоцелью. Он является средством для приучения воспитанников к регулярным привычкам, но не орудием постоянного давления на них. Напротив того, при постоянном участии воспитателя во внутренней жизни воспитанников, для него открывается возможность близко ознакомиться с индивидуальным миром каждого из них, установить с каждым простые и искренние отношения и вносить в свои отношения к воспитанникам сердечность, теплоту, уютность, что значительно скрашивает формализм внешнего распорядка. Правильно сознающий свою задачу воспитатель, должен принять участие в страданиях и радостях, в надеждах и сомнениях, в желаниях и огорчениях вверенных ему детей. Он должен пробуждать в них здоровые интересы, постоянно давать новую пищу их уму, развивать их характер и внушать уверенность в быстром моральном возрождении. Только тогда он заслужит доверие воспитанников, которое является первым условием успешного воспитательного воздействия.

Дисциплина в учреждении, прежде всего, может быть поддерживаема путем деления на разряды в зависимости от поведения. Вновь вступающий воспитанник зачисляется в наблюдательный разряд, в котором остается 1—2 месяца, пока не свыкнется с режимом учреждения и пока с ним не ознакомится педагогический персонал. Затем он переводится в общий разряд, в котором остается до тех пор, пока не получит определенного числа отметок (марок), свидетельствующих о его хорошем поведении и старательности. Тогда он переводится в льготный разряд, после пребывания в котором в течение определенного срока (примерно 6 месяцев) он может быть временно устроен на свободе или даже условно освобожден из учреждения. Напротив того, в случае дурного поведения в общем разряде или учинения каких-либо более значительных проступков, он может быть переводим в штрафной разряд, пребывание в котором не только должно удлинить время нахождения его в учреждении, но и сопряжено с известными ограничениями режима. Различие между четырьмя указанными разрядами может выражаться в предоставлении лучших помещений и лучшей одежды, в более длительном времени, предоставляемом для клубных занятий и игр, в большем доверии и связанным с ним некоторым расширением свободы, в более частых отпусках, письмах и свиданиях, наконец, в привлечении наиболее успешно ведущих себя к помощи в хозяйственных и административных функциях по учреждению. Прогрессивная или марочная система, составляющая общее правило в английских учреждениях, служит для воспитанников лучшим стимулом к хорошему поведению и избавляет часто от необходимости поддерживать дисциплину учреждения при помощи дисциплинарных взысканий. Эти последние в известной мере неизбежны, как ultimum remedium, как крайняя мера, но никогда не должны становиться постоянной опорой поддержания порядка. При разрядной системе применение более строгих мер дисциплинарного воздействия фактически ограничивается немногими воспитанниками штрафного разряда; для прочих достаточной мерой является уменьшение количества получаемых марок и возможность перевода в менее льготный разряд.

Не стану останавливаться на постановке школьного образования и трудовой подготовки, забота о которых всегда должна стоять на первом месте. Скажу лишь несколько слов об играх и развлечениях. На эту сторону режима следует смотреть не как на некоторую роскошь или поблажку, а как на жизненный фактор воспитания. В играх у детей и подростков гораздо свободнее проявляется личность и упражняются качества, необходимые для выработки характера, солидарности, стойкости, не говоря уже о физической тренировке и ловкости. Английские игры, как футбол, крикет, бэзбол и пр., происходящие в форме групповых состязаний, приучают подростка подчинять все свои действия и стремления интересам группы, к которой он принадлежит, заставляют его в известные моменты расчитывать на свои силы и напрягать их в интересах общего дела, проявлять инициативу, находчивость, смелость, т. е. развивать, именно, те качества, которые обычно более всего страдают при несколько рутинном режиме воспитания в учреждениях и которые вместе с тем так необходимы в свободной жизни. Воинские игры и упражнения развивают в подростках чувство дисциплины, согласованности с целым, физически подтягивают подростка и отчасти повышают в нем сознание чести и бодрости. Они уместны в заведениях для подростков более старшего возраста, конечно, не в форме простой военной муштровки или простого обучения военному строю, а в форме коллективных воинских упражнений, участие в которых должно быть расматриваемо как льгота для тех, которые ведут себя хорошо, а не как общая повинность. В особенности привлекательными делает такие упражнения наличность небольшого духового оркестра и особой формы.

Замкнутость жизни учреждения заставляет искать развлечений, идущих не столько извне, сколько извнутри. К таким развлечениям относятся небольшие театральные представления, организуемые силами воспитанников под руководством педагогов, издание силами воспитанников рукописных или гектографированных журналов и сборников, устройство небольших конкурсов и состязаний. В больших учреждениях хорошим дополнением служит устроенный в учреждении кинематограф со строгим, конечно, выбором фильм.

При надлежаще поставленной внутренней жизни учреждения, побеги из него становятся сравнительно редким явлением. Однако, не следует закрывать глаз на то, что для многих воспитанников, привыкших к бродячей жизни или тяготящихся строгим порядком учреждения, самовольная отлучка или побег могут порой являться некоторой приманкой. В вопросе о средствах предупреждения побегов имеются две точки зрения. Одна из них придает важнейшее значение созданию механических препятствий для побегов. Для этой цели рекомендуют выбирать здания, окруженные высокою стеною, иногда даже с зарешетчатыми окнами, ставить у входа караульных, убирать от воспитанников на ночь башмаки и верхнюю одежду и т. д. Другая, напротив того, основывается на доверии к воспитанникам, стремясь удержать их сознанием групповой ответственности, гневом товарищей, стыдом перед воспитателями и пр. Несомненного предпочтения, конечно, заслуживает вторая точка зрения. Но и она имеет свои теневые стороны: она создает чрезмерный соблазн для многих воспитанников; она расчитана лишь на лучшие элементы, тогда как, прежде всего, необходимо предотвратить побеги со стороны худших воспитанников, пользующихся пребыванием на свободе для совер-

шения новых правонарушений. На наш взгляд, правильное решение находится посередине. Учреждение должно быть настолько ограждено от непосредственного сношения с внешним миром, чтобы воспитанник не мог свободно уйти из него, поддавшись первому импульсу побега. Нужно, чтобы ему пришлось для этого преодолеть некоторые препятствия, могущие его остановить или заставить задуматься. Воспитанников, уже свыкшихся с преступной жизнью и решившихся бежать независимо от всего, не остановят ни решетки, ни высокие стены. Меры же препятствования побегам, принимаемые в учреждениях, должны быть расчитаны на средний тип колеблющихся и слабовольных, для которых наличность уже некоторых препятствий служит психологическим тормазом к принятию определенного решения.

Отказываясь от мысли об устройстве карцеров или специальных изоляторов для воспитанников, обнаруживающих опасные склонности или вредно влияющих на остальных, следует, однако, указать на введенную в ряде исправительных учреждений практику устройства особого помещения с отдельными небольшими комнатами («отделенками») для индивидуального содержания таких воспитанников. Такой отделенный воспитанник попрежнему должен быть занят у себя приготовлением уроков, какою-либо ручною работою; ему должно быть уделяемо такое же, если не большее, внимание со стороны воспитателей и педагогов, но общение его с остальными воспитанниками временно должно быть доведено до минимума.

В каждом учреждении воспитанники должны быть приучаемы с самого начала к самообслуживанию, к участию в хозяйственных функциях с ответственностью за порученное им дело, к некоторому самоуправлению в области внутренних отношений в пределах данной группы и к правильным товарищеским отношениям между собою. Если почему-либо спокойная внутренняя жизнь в группе не налаживается, необходимо произвести перегруппировку воспитанников, пока не будет достигнута надлежащая спаянность и устойчивость группы. Это во многом облегчает работу воспитателей.

Предметом серьезной заботы педагогического персонала всегда должна быть подготовка к выпуску воспитанника из учреждения. Для того, чтобы признать воспитанника пригодным для освобождения, нужно учесть не только его поведение в учреждении и вероятное исправление, но и то, успел ли он научиться удовлетворительно какому-либо ремеслу, имеется ли у него возможность по выпуске устроиться у родных или на каком-либо месте, достаточно ли он проявляет решимости порвать со своими прежними товарищами и образом жизни и вступить на путь честной и трудовой жизни. Для этой цели требуется, прежде всего, обсуждение вопроса об освобождении на одном или даже нескольких заседаниях педагогического совета учреждения, предварительные сношения с родными или работодателями, постепенная подготовка самого воспитанника к этому освобождению путем частых бесед с ним о предстоящей ему жизни.

Самое освобождение должно быть условным не только в том смысле, что воспитанник может быть возвращен в учреждение в случае дурного поведения, но и в том, что он сам может вернуться в учреждение, чтобы найти здесь временный приют, нужный совет, ободрение или поддержку.

Выпущенный из учреждения, он в течение некоторого времени должен находиться под наблюдением педагогического персонала и давать о себе со-

общения. Учет успеха, достигаемого воспитанием в учреждении, может быть определен только тогда, если эта связь с учреждением поддерживается хотя бы первые годы после выхода оттуда. Хорошие воспитательные учреждения гордятся своими бывшими воспитанниками, успевающими в общественной жизни. Статистика английских исправительных учреждений дает до 85—90% выпущенников, хорошо и прочно устраивающихся в трудовой жизни; практика германских учреждений определяет этот процент около 70%, а некоторые американские учреждения определяют его даже до 95% для своих выпущенников. Наша практика, к сожалению, еще не организовала учета этой стороны, а между тем вера в благотворность работы над перевоспитанием беспризорного детства, уверенность в правильности применяемых методов, чувство удовлетворения перед достигнутыми результатами могут существовать только тогда, если эти результаты видны для каждого работника.

Изложенными беглыми замечаниями о постановке исправительного воспитания мы затронули лишь некоторые наиболее общие темы. В зависимости от характера и особенностей воспитанников значительно меняются и применяемые методы. Так в учреждениях для девочек иначе ставятся как профессиональные работы, так и игры, дисциплина, распределение на группы. Учреждения для слабоумных, психопатических детей требуют своих методов, учитывающих скудные умственные способности или болезненные склонности детей. Трудно-воспитуемые опять-таки составляют особую проблему. Но не выходя из рамок нашего исследования, мы не можем останавливаться на всех этих вопросах.

Нашим общим заключением является убеждение в том, что для значительной части малолетних исправительное воспитание, если оно правильно поставлено, является подходящей и достаточной мерой к возвращению их на путь здоровой социальной жизни. Чем более будут совершенствоваться методы такого воспитания и чем лучше будут изучаться особенности малолетних, тем шире будет и область применения таких мер.

Но в настоящее время, к сожалению, мы ёще довольно часто встречаемся с такими случаями, когда обычные формы исправительного воспитания оказываются бессильными побороть антисоциальные привычки несовершеннолетнего, когда уже юношеская преступность прогрессировала настолько, что приходится прибегать к более строгим формам исправления. Этими формами, развивающимися в настоящее время в различных странах, являются реформатории.

ГЛАВА IV.

Реформатории и патронат.

Американцы, первыми установившие систему реформаторий у себя, называют эти учреждения—«университетами последней надежды», universities of the last chance. Они шутливо зовут их университетами потому, что в них применяются наиболее усовершенствованные методы перевоспитания и исправления, значительно более интенсивные, нежели в обычных воспитательно-исправительных учреждениях; это университеты «последней надежды» потому, что в них дается последний и решительный шанс юноше,

вступившему на путь преступности, воспользоваться всеми необходимыми условиями для исправления, и в случае неуспешности этой попытки, государство считает себя вправе применять к нему обычные уголовные наказания во всей их строгости.

Система реформаторий занимает среднее место между исправительно-воспитательными учреждениями и тюрьмами обычного типа. От первых она восприняла внутренний режим, основанный на стремлении оказать воспитательное влияние на воспитанника, пробудить в нем активное стремление к самоисправлению, неопределенный срок пребывания в учреждении и связь с учреждением по выходе из него. От тюремного заключения в систему реформаторий перешли внешние формы—строгое лишение свободы с механическими препятствиями для побегов в виде высоких стен и порою решеток, дух суровой дисциплины, поддерживаемой порою путем строгих дисциплинарных взысканий, и, наконец, довольно напряженный принудительный труд. Такое соединение сказалось и на самом названии этих учреждений, которые зовутся исправительными тюрьмами—reformatory prisons или сокращенно—reformatories. Система реформаторий создалась не сразу, а путем довольно медленной эволюции, начавшейся в Америке еще с 70-х годов прошлого века. Но лишь с первого десятилетия XX века она начинает пускать свои корни и в Европе *).

Почин в деле создания реформаторий принадлежит штату Нью-Йорк и, в частности, Нью-Йоркской Тюремной Ассоциации, которая в 1869 г. провела через законодательное собрание штата закон, позволявший уголовным судам вместо заключения юных преступников в тюрьму, приговаривать их в реформатории на срок, который будет определен администрацией этого учреждения, при чем администрации предоставлялись широкие полномочия по установлению правил внутреннего режима и право выбирать из числа молодых преступников, уже содержащихся в тюрьмах, таких, которые по своим качествам и поведению подают надежду на исправление. Администрации рекомендовалось ввести прогрессивную систему, основанную на отметках (марках) за личное поведение, прилежание к труду, за достигнутые успехи, и на основании числа полученных отметок определять пригодность заключенного к освобождению, которое должно носить характер условного и сопровождаться определенным надзором со стороны особых агентов учреждения.

Внося свой проект, Тюремная ассоциация писала в своей записке: «Главной задачей учреждения должно быть исправление в отличие от кары. Этим мы вовсе не исключаем наказания, которое может быть употребляемо как одно из руководящих средств исправления. В случае вспышек осужденный может быть подвергнут одиночному заключению, из которого он может извлечь благодетельный урок. Он должен быть ознакомлен с правилами и уставами учреждения, необходимость и соответственность которых ему будет об'яснена, и предупрежден о том, что администрация будет строго настаивать на полном и точном их соблюдении. Вместе с тем он будет предупрежден о том, что устранение тягостных для него ограничений будет зависеть от его до-

---

*) Наиболее обстоятельным изложением устройства американских реформаторий является коллективный труд «Reformatory and penal institutions N. Y. № 9. 1910. См. также H. Gudden. Die behandlung der jugendlichen Verbrecher in Nord Amerika. 1911.

брой воли и, что его судьба будет находиться в учреждении, как-то было до того и на свободе, в его собственных руках. Он узнает, что изо дня в день будут вестись отчеты об его хорошем поведении и достигнутые успехи будут засчитываться в его пользу. Если он будет вести себя хорошо, то различные привилегии будут ему предоставляемы; если поведение его будет плохим или заслуживающим упрека, то эти льготы будут от него отняты. Часть его заработка будет отчисляться для выдачи ему после отбытия приговора, при чем она будет увеличиваться или уменьшаться в соответствии с его заслугами. Можно, таким образом, ожидать с известной основательностью, что тюремная дисциплина, главным образом, будет покоиться на предоставлении и отнятии привилегий и, что, таким образом, заключенный будет находиться в положении, вполне напоминающем то, в котором он находится в условиях обычной жизни. В том одобрении, которое он будет получать ежедневно, он найдет постоянное поддерживающее силы средство, отклоняющее его от соблазнов и впадения в преступность». Указывая затем, что применение режима реформаторий не пригодно по отношению к осужденным на краткие сроки, записка предлагала во всех случаях, когда закон угрожает известным максимумом наказания, напр., до пяти лет, назначать срок «впредь до исправления, однако, не долее пяти лет». Наконец, в последний период пребывания в реформатории заключенный может быть отпускаем на внешние работы и пользоваться отпусками, а затем и условно освобожден *).

В изложенном первоначальном виде система реформаторий весьма напоминала собою английскую прогрессивную систему тюремного заключения, первые основания которой были заложены в 40-х годах ирландцем Крофтоном в Англии и капитаном Мэконочи в практике устройства английских ссыльных на о. Норфольке.

Местом для первой реформатории был избран небольшой городок Эльмайра, где был приобретен большой участок в 250 акров земли, на котором в течение 1874—1876 г. и были возведены здания реформатории, получившей название Эльмайрской. Первым директором ее был приглашен прогрессивный тюремный деятель Зебулон Броквей, который почти в течение 25 лет оставался бессменным ее начальником и который наложил сильную печать своей личности на всю последующую систему реформаторий. Он заручился согласием штата не вмешиваться в распорядки, установленные им в реформатории, расширил пределы неопределенности срока приговора и издал целое специальное законодательство, под действием которого должно было жить учреждение.

Нам пришлось посетить Эльмайрскую реформаторию в 1910 г. Она представляет собою целый городок, красиво расположенный на возвышенности, окруженный, подобно монастырю или крепости, длинной стеной из красного кирпича со зданием для администрации у главного входа, напоминающим вышки у Кремлевских красных ворот. Вдоль стен, в виде правильного четырехугольника, идут корпуса для воспитанников реформатории, напоминающие обычные хорошие тюремные строения, но более просторные и светлые. Внутри расположены большие здания прачешной, бани, школы, восьми мастерских, здание для гимнастических упражнений с бассейном,

*) См: историю реформаторий в моей статье: «Условное освобождение и неопределенные приговоры»: Журнал уголовного права и процесса 1913 г.

госпиталь; в особом здании помещаются большая аудитория, библиотека, церковь. Возле стен, за оградой, расположены многочисленные сельско-хозяйственные постройки: фермы, конюшни, парники и пр. службы. Свободная площадь внутри стен частью имеет разбитые цветочные клумбы, частью занята площадками для спорта и, наконец, плацом для воинских упражнений. Повсюду господствует чистота, симметрия и образцовый порядок.

Воспитанники реформатории содержатся ночью и в течение часа дневного отдыха в небольших одиночных камерах ночного раз'единения, предназначенных исключительно для сна. Хотя по размерам и устройству эти камеры мало в чем отличаются от обычных тюремных камер, но многие из них обильно украшены картинами, иллюстрированными открытками, порою цветами. Имеется столик, накрытый скатертью, удобный стул, а порою и кресло-качалка; на полках—различные туалетные принадлежности, небольшой комплект книг и тетрадей; на дверях висят извлечения из правил учреждения.

Обстановка носит зачастую довольно комфортабельный характер, и чем лучше ведет себя воспитанник, тем больше допускается удобств и комфорта в его камере. Приучение не только к опрятной, но и к уютной жизни составляет одну из задач реформатории.

В течение всего дня воспитанники заняты трудом и обучением. Труд в реформатории носит в значительной мере промышленный характер. Имеющиеся мастерские (столярная, слесарная, сапожная, живописная, портняжная, типография, переплетная и др.) оборудованы механической тягой и устроены по типу крупных заводских предприятий. В реформатории имеется своя электрическая станция и свое машинно-паровое оборудование, обслуживаемые воспитанниками и служащие вместе с тем школой для специализации. Первое впечатление, получаемое от мастерских—впечатление обычной фабрики, в которой работа идет с надлежащей интенсивностью и производительностью, в виду того, что успехи в работе служат одним из основных критериев для характеристики «хорошего поведения». На лицах воспитанников не видно ленивой усталости и в движениях их не видно вялости, проистекающей от принуждения, обычно наблюдаемой в тюремных мастерских; деловитая озабоченность, ловкость и быстрота в движениях, регулярность усилий свидетельствуют о том, что профессиональная работа ведется по типу обычного фабричного предприятия. Администрация не останавливается перед введением всех новых усовершенствований, так как мастерские дают значительный доход и почти на три четверти покрывают все расходы учреждения. В общем в реформатории изучается до 40 различных видов мастерства; воспитанники проходят различные стадии квалификации и получают соответственные аттестаты после испытаний, производящихся комиссиями с приглашением цеховых мастеров со стороны. Продолжительность рабочего дня от 6 до 8 часов смотря по разряду, виду труда и его интенсивности. За свой труд воспитанник получает вознаграждение от 60 коп. до 1 р. 10 коп. зол. в день, из которого, однако, делаются различные вычеты. Так, воспитанник должен уплачивать небольшую арендную плату за предметы комфорта, которые он помещает в своей камере, за предметы одежды, сверх положенного комплекта, даже за визит к врачу реформатории, за который уплачивается 30 коп. Интересной является также система вычетов, практикуемая в том

случае, если воспитанник не сдает успешно профессиональных испытаний, практикуемых через регулярные сроки. Чем ниже отметка, получаемая им за профессиональную подготовку, тем больше вычет (при наименьшей отметке он достигает 6 рублей). Вычеты из заработка могут производиться и вследствие дурного поведения в учреждении вообще.

Школьное обучение обычно производится всего два-три часа в день. Воспитанники уже перешагнули 16-летний возраст и по общему правилу прошли начальную школу; поэтому предметы, преподаваемые в школе, имеют уже характер преподаваемых у нас в школах 2-й ступени: литература, арифметика, история, социология, этика, совершенствование в литературном изложении, естествознание. Для более способных имеются особые классы, где преподается машинопись, стенография, бухгалтерия. Для лиц, плохо знающих английский язык, ведется обучение этому языку особо. После каждого триместра производятся испытания, успехи на которых учитываются в смысле предоставления определенных льгот. Насколько дифференцировано преподавание, видно из того, что в реформатории имеется 26 классных помещений, прекрасно оборудованных, и, кроме того, громадная аудитория, расчитанная более, чем на 1.500 чел., расположенная в виде амфитеатра. Библиотека включает до 10.000 томов и в ней может работать одновременно до 500 человек.

Значительное внимание уделено физической культуре. Утренний душ и холодное обмывание является обязательным для каждого, если только врач не предпишет иного. В особо устроенном гимназиуме в течение получаса для каждой группы происходят гимнастические упражнения по методам, особо установленным врачем для каждого воспитанника. После гимнастических упражнений—душ или купанье в большом бассейне. Два или три раза в неделю происходят военные упражнения. Все воспитанники разделены на роты, сведенные в четыре батальона; во главе батальона стоит бывший офицер, а остальные командные должности замещаются из числа более отличившихся воспитанников. Во время упражнений воспитанники одеты в особую форму, вооружены деревянными ружьями и выполняют строевые движения под оркестр, состоящий из тех же воспитанников. По временам устраиваются общие парады.

Больничное устройство не оставляет желать лучшего. Кроме врачебной помощи в случае заболеваний, все воспитанники обязательно свидетельствуются врачем при поступлении и чрез определенные промежутки времени. Врачу предоставляется право вводить в режим воспитанников такие изменения, которые он признает желательным с точки зрения их здоровья. Его же заключение выслушивается перед направлением воспитанника в ту или иную мастерскую. Дисциплина поддерживается преимущественно путем системы марок, имеющей денежный характер. Лучше ведущим себя и находящимся в высших разрядах начисляется большая заработная плата и, в соответствии с этим, они могут создавать для себя большие удобства, носить лучшее платье, пользоваться некоторыми добавочными блюдами к столу. Столовая, во время обеда, напоминает собою довольно благоустроенный ресторан с чистым столовым бельем, хорошей посудой; обслуживание производится самими дежурными воспитанниками. Если система марок является недостаточной, применяются дисциплинарные взыскания. В учреждении имеется свой не-

большой уголовный кодекс, и взыскания налагаются особым советом под председательством директора, при чем провинившийся предварительно приглашается к даче об'яснений; обвинителем выступает надзиратель, мастер, товарищ; порою допрашиваются свидетели. По тяжести проступки разделены на две группы, из которых первая влечет дисциплинарные наказания различной тяжести, а вторая вычеты и понижение в разряде. В числе проступков первой группы мы находим: кражу, грубое обращение с воспитателями и старшими, побег, умышленную порчу имущества, угрозы, умышленное производство беспорядка, грубую брань и пр. Ко второй группе относятся: опоздание к работе, нечистоплотность, нарушения порядка, лень, дурное обращение с товарищами, смех и шутки во время нахождения в строю или занятий и пр. вплоть до плевания на пол или спанья одетым. Дисциплина, поддерживавшаяся Броквеем, была особенно строгой и лишь позднее были введены некоторые послабления.

Развлечения воспитанников довольно разнообразны. Помимо спортивных состязаний, которым придается большое значение, происходят каждое воскресение лекции или беседы кого-либо из местных или приезжих лекторов в аудитории, устраивается несколько годовых празднеств; иногда отдельными группами лучших воспитанников предпринимаются экскурсии. В реформатории издается своя газета типа больших еженедельников с информацией о текущей политической жизни, со статьями педагогического персонала и воспитанников, которую получает каждый за небольшую плату, удерживаемую из его заработка. Она печатается в типографии реформатории.

Срок наступления времени для условного освобождения определяется не усмотрением администрации, а твердо установленными правилами. Воспитанник должен пройти определенные циклы общеобразовательной и профессиональной подготовки; он должен пройти несколько разрядов по поведению и скопить определенный фонд из своего заработка. Когда эти условия выполнены, освобождение составляет его право. Совет учреждения учитывает успехи и постановляет об освобождении, если имеется убеждение, что воспитанник будет надлежаще вести себя на свободе. Срок надзора по освобождении обычно устанавливается в шесть месяцев, при чем освобожденный обязан ежемесячно присылать в реформаторию отчеты о своей работе и поведении. Наблюдение ведется частью самой администрацией реформатории, частью различными общественными организациями, стоящими в тесной связи с нею. По отчетам за почти пятьдесят лет существования реформатории, через которую прошло свыше 17.000 воспитанников, 75—78% по выпуске ведут себя хорошо и вновь не появляются перед судом. Из остальных часть впадает в рецидив, часть умирает или ускользает от наблюдения.

Идея реформаторий нашла себе признание и в ряде других штатов. В настоящее время в Америке имеется не менее 10 реформаторий мужских и 3 женских. В них принимаются обычно молодые люди от 16-ти и до 25 и даже 30 лет, хотя и являющиеся повторными преступниками, однако, подающие еще надежду на исправление, физически и психически здоровые. Для больных (туберкулезных, венериков, эпилептиков и пр.) или слабоумных либо психопатов устраиваются учреждения особого типа. Во время пребывания в Америке мне пришлось осмотреть и некоторые другие реформатории: Конкордскую реформаторию в Массачузетсе, близ Бостона, Мансфильдскую

реформаторию в штате Огайо, реформаторию штата Индианы в Джефферсонвилле, реформаторию в Лиусвилле (шт. Кентэкки) и, наконец, женскую реформаторию в Бэдфорде. Все они устроены по типу Эльмайрской, с некоторыми, конечно, отклонениями. Так в Мансфильдской реформатории значительно шире проводится начало самоуправления среди воспитанников и дисциплина поддерживается преимущественно самими воспитанниками. В реформатории Индианы введена система внешних полевых работ и отпусков из учреждения (так наз. honor system). В Бэдфордской реформатории для женщин своеобразно поставлены професиональные классы и имеется превосходная психопатологическая лаборатория для обследования заключенных и большое отделение для женщин, зараженных венерическими заболеваниями.

Американские реформатории представляют собою большие учреждения, в которых сосредоточивается по нескольку сот человек, а зачастую даже и больше тысячи, устроенные по типу больших промышленных предприятий, приносящих значительный доход. Имеются даже реформатории, почти целиком окупающие свое содержание. К вопросу о надлежащей постановке труда в реформаториях и к обеспечению его производительности подходят так же, как и к соответственным вопросам в крупных заводских предприятиях. Свободные профессиональные союзы чувствуют порою конкуренцию со стороны фабрикатов, производимых там, и под давлением их, во многих реформаториях пришлось перейти к системе государственных заказов (state use system) для избежания такой конкуренции.

Обширность и доброкачественность построек, широкие льготы воспитанникам, порою комфорт, господствующий в реформаториях, первое время несколько отпугивали европейских наблюдателей, знакомившихся с этими учреждениями. Еще в 1910 г., при осмотре Эльмайрской реформатории, начальник французского тюремного ведомства г. Шрамек, на вопрос начальника о впечатлении, вынесенном от осмотра этой реформатории, серьезно ответил: Si je faisais bâtir les institutions comme-ça chez nous, en France, je serais le premier, qu' on mettrait lá dedans если бы я устроил такие учреждения во Франции, то меня первым посадили бы туда. Однако, простое любопытство стало меняться и попытками подражания.

Первой на путь осуществления несколько видоизмененной системы реформаторий вступила Англия *).

Введение реформаторий в английскую практику было рекомендовано правительственой комиссией 1894—96 г., обратившей внимание на то обстоятельство, что, именно, в возрасте между 16 и 21 годами реформируется большинство привычных преступников. Комиссия предлагала создать учреждение, куда должны были быть помещаемы преступники, недостигшие 23 лет, на срок от одного года до трех лет, при чем, в случае одобрительного поведения, они могут быть условно освобождаемы и до назначенного срока. В 1899 г. тюремным ведомством был сделан в этом направлении небольшой эксперимент в Бэдфордской тюрьме. Здесь было собрано несколько юношей, приговоренных на более продолжительные сроки, выбранные из лон-

*) См. мою работу: «Борстальские учреждения для молодых преступников» в сборнике «Очерки суда и наказания в соврем. Англии». П. 1911, а также K. Struve. Die Behandlung der straffälligen Jugend in England 1914.

донских и провинциальных тюрем, и к ним применен был особый режим, сводившийся к совместной работе, гимнастике, особым школьным занятиям и к моральному воспитанию. Когда через год результаты этого опыта оказались благоприятными, решено было отвести для этой цели одну из старых тюрем, находящуюся в г. Борстале. Через парламент были проведены специальные правила для управления этой тюрьмою, которыми санкционировалась система разрядов с особыми привилегиями для каждого в зависимости от прилежания и поведения; умственное образование и гимнастика становились необходимыми составными частями ежедневной программы. При освобождении предусматривалось содействие особого общественного комитета патроната, позднее получившего название Борстальской Ассоциации. Такому режиму должны были быть подвергнуты молодые люди в возрасте между 16 и 21 годом, приговоренные к тюрьме на сроки от шести месяцев и выше. В отчете за 1908 г. сущность Борстальской системы характеризовалась следующим образом: «Борстальская система стремится сделать каждого юного заключенного способным и готовым к честному труду на свободе. Она обеспечивает заботливое моральное и умственное образование, с помощью специально подбираемых лиц, и полезный труд в мастерских, в саду, при постройке или на ферме. Награды и взыскания устроены так, чтобы скорее покровительствовать личным стремлениям к исправлению, нежели, создать обычный тип, «образцового заключенного»; строгая дисциплина и правильная гимнастика способствуют развитию ловкости и физической силы вместе с выработкой привычки к упорному и регулярному труду».

Летом 1907 г. мне удалось посетить Борстальскую тюрьму и краткое описание виденного, пожалуй, будет не лишним. Борстальская тюрьма расположена среди чудных садов Кента, недалеко от устья Темзы, в нескольких верстах от старинного города Рочестера, на очень живописной возвышенности. Высокие стены ее охватывают довольно значительную площадь. Самая постройка очень стара. Тюремные корпуса представляют собою одноэтажные кирпичные строения, в которых по коррщдорной системе расположены довольно просторные камеры с широкими окнами, снабженные железными решетками. Но чтобы не производить мрачного впечатления, все стены и строения тюрьмы выбелены известкой, так, что издали тюрьма производит впечатление большого монастыря. Внутри двора помещается центральное здание, в котором уже по более современному устроена большая зала, представляющая собою одновременно и зал для собраний и чтений и церковь.

Жизнь в борстальской тюрьме подчинена строго выработанным правилам. Каждый заключенный встает в 6 часов, приводит в порядок свою камеру (безукоризненная чистота камеры—первое требование дисциплины), получает ранний завтрак из хлеба, масла и овсяной каши. В 7 ч. 30 м. он присутствует при краткой молитве в церкви. После легкой гимнастики и физических упражнений, он отправляется на работу, которую выполняет до 11.30, когда происходит общий парад, и затем к 12 часам получает обед из бобов, картофеля и мяса или супа. После обеда он может читать или отдыхать до 1.15, когда работа возобновляется и продолжается до 5.30—времени ужина, состоящего из хлеба и какао. Затем воспитаннику предоставляется свободное время до 8 часов вечера для чтения или клубных занятий. В 8 часов заключенные идут ко сну.

Учебным занятиям уделяется сравнительно немного времени. Если заключенный не получил достаточного образования, он занимается в классах по два часа в день, в противном случае—только один час. Еженедельно в общей зале происходят общие собеседования и лекции приезжающих членов Ассоциации.

При тюрьме имеется около двух десятин земли, обрабатываемых под огороды. Существуют разнообразные хорошо оборудованные мастерские: плотничья, столярная, строительная, сапожная, кузнечная, хлебопекарня. Кроме того, заключенные обучаются добыванию газа, плавлению металлов, выделке корзин, садоводству, уходу за лошадьми и скотом, постройке небольших строений и пр. От заключенных требуется энергичная работа, занимающая внимание и требующая напряжения мускулов. Во время работы имеется постоянный надзор, в особенности за новичками, пока те не втягиваются в общий темп работы. В случае лени в работе и недействительности предостережений, заключенного переводят в штрафной разряд, где он не получает денежных наград, не может писать писем и иметь свиданий. Его могут направить на более грубые работы, как разбивка щебня или тесание бревен.

Лишение свободы в Борстале основано на прогрессивной системе. От стараний самого заключенного зависит улучшить свой режим и получить больше свободы. По прибытии в учреждение, каждый имеет беседу с начальником, который подробно об'ясняет ему правила режима и указывает те хорошие перспективы, которые откроются ему, если он серьезно пожелает исправиться. Он помещается в обычную категорию (носящую темную одежду) и посылается на одну из заведенных в тюрьме работ. После пяти месяцев безукоризненного поведения он переводится в следующий разряд (синяя одежда), если же, наоборот, он не обнаруживает хорошего поведения, то переводится в штрафной разряд (грубая черная одежда), условия пребывания в котором довольно суровы.

Система поощрений сводится к прибавке определенного числа «марок». Марки, соответствующие баллам, выдаются по 12-ти за хорошее поведение и за прилежание и успешный труд; сверх того возможно получение «добавочных марок» за «особые услуги», к которым относится отменно хорошее поведение, внимательность при обучении и вообще отзывчивость к усилиям, делаемым к его перевоспитанию. Привилегии лучшего—специального класса состоят в пользовании лучшей обстановкой камеры—железной кроватью с пружинным матрацом вместо деревянной лежанки, маленьким ковром, зеркалом, в позволении иметь в камере картины, фотографии, открытки. Воспитанникам специального класса дозволяется иметь освещение своей камеры на полчаса дольше других и, что ценится больше всего, собираться вечером вместе в читальне, под наблюдением воспитателя, для развлечения, чтения, игры в шашки и пр. Заключенные, ведшие себя хорошо в течение года, могут быть назначаемы на работы за стенами тюрьмы на соседних фермах или в других местах без надзора наблюдателей под одно лишь обещание возврата.

Большинство заключенных в Борстале—юные рецидивисты, главным образом, в имущественных преступлениях. Около половины их имели уже четвертую судимость. В учреждение принимаются лишь юноши умственно-моральные и лишенные физических недостатков, мешающих регулярному труду. Личность заключенного внимательно изучается администрацией. Каждый

факт, могущий пролить свет на его характер, вносится в особую «книгу характеров»; кроме того, собираются сведения о родных, друзьях заключенного. При приближении срока освобождения администрация уведомляет Борстальскую ассоциацию, которая приискивает ему занятие, соответствующее его профессиональной подготовке, и оказывает ему поддержку в течение первых месяцев жизни на свободе. В течение полугода освобожденный обязан посылать о себе отчеты администрации учреждения.

Успех применения Борстальской системы, дававшей в первые года до 65% удовлетворительного поведения, привел к изданию в 1908 г. закона, вводившего «борстальские учреждения», как стали называться такие реформатории, уже в качестве общего правила. Помещение в такие учреждения, по закону 1908 г., подлежат молодые осужденные в возрасте от 16 до 21 года (позднее срок удлинен до 23 лет), могущие быть приговоренными к простой или каторжной тюрьме, если суд признает, что в силу преступных привычек или склонностей или вследствие общения с лицами дурного характера представляется желательным подвергнуть их заключению в условиях особого режима и дисциплины, наиболее пригодных для их исправления и для предупреждения преступности. Приговор суда является относительно определенным: на срок от одного до трех лет (в Англии не решились ввести такую неопределенность, которая принята в американских реформаториях). Перед направлением осужденного в борстальское учреждение суд должен удостовериться, что характер, состояние здоровья и умственное состояние осужденного, а также другие обстоятельства дела таковы, что можно с вероятностью полагать, что осужденный извлечет пользу от соответственного образования и дисциплины. В борстальские учреждения, далее, могут переводиться и те из воспитанников исправительно-воспитательных учреждений, которые, будучи старше 16 лет, совершат серьезные нарушения порядка в этих учреждениях или будут совершать частые побеги оттуда, а также те молодые заключенные, которые хотя и были приговорены судами к общему тюремному заключению, однако, будут признаны тюремной администрацией пригодными для применения к ним борстальского режима. Напротив того, если заключенный в борстальском учреждении явится, по отзывам местного наблюдательного комитета, неисправимым или оказывающим дурное влияние на других, он может быть переведен, распоряжением тюремного управления, в общие тюрьмы на срок, оставшийся еще неотбытым. Сами борстальские учреждения определяются в законе как «места, в которых юные преступники в течение заключения подвергаются ремесленному и иному образованию, дисциплинарным и нравственным мерам воздействия, могущим привести их к исправлению и к предупреждению преступности». Остальные подробности режима определяются уже в административном порядке.

Успехи новых учреждений характеризуются как их постепенным расширением, так и статистическими данными. В 1909 г. режим борстальских учреждений был распространен на женщин. С 1911 г. «видоизмененный борстальский режим» стали применять к слабоумным молодым заключенным, для которых на о. Уайте было учреждено особое борстальское учреждение. На ряду с ремесленно-промышленным типом Борстальской тюрьмы, с 1912 г. в местечке Фельсам, неподалеку от Лондона, создано борстальское учреждение земледельческого типа, расчитанное на 400 человек. Процент успеха

определяется в 60—65%, хотя значительную часть составляют многократные рецидивисты, осужденные в 10-й, 15-й раз и более.

С 1913 г. система реформаторий начинает находить себе применение и в Германии, правда, в очень скромных масштабах *). Франкфуртский профессор Б. Фреудситаль, которому Германия обязана учреждением первого детского суда, после поездки своей в Америку в 1905 г. стал энергичным сторонником подобного учреждения. Ему удалось обеспечить себе довольно значительный фонд из наследства одного коммерсанта Г. Шпейера, который он обратил на дело устройства первой реформатории—Jugendgefängniss в городке Виттихе на р. Мозель. Он представил в главное тюр. управление, которым тогда заведывал прогрессивно настроенный знаток тюрьмоведения Кроне, записку, в которой просил разрешения ввести для несовершеннолетних, направляемых в это карательное учреждение, прогрессивный режим, условное освобождение, попечительный надзор по освобождении и пр. и получил согласие на это. Начав устройство своей юношеской тюрьмы, Фреудситаль пригласил заведующим лицо, хорошо ознакомившееся в Англии с режимом борстальских учреждений, подобрал квалифицировнный персонал, поставил образцово дело профессионального обучения, ввел гимнастику, физические упражнения, выработал свою систему дисциплинарных мер и открыл учреждение в начале 1913 г. По отчету к 1 августа 1916 г., подводящему итоги 10-летней работы над учреждением, можно судить относительно полученных результатов.

Виттихская тюрьма для несовершеннолетних расположена на участке в 75 акров земли, большая часть которой предназначена для сельско-хозяйственной обработки и около 5 акров заняты строениями и службами. Она расчитана на небольшое число—всего 169 заключенных, которые все помещаются в одиночных комнатах. В учреждение направляются молодые люди от 18 до 21 года, приговоренные судами на срок не меньше одного года. Значительная часть их—многократные рецидивисты. Так из 394 заключенных, принятых в учреждение до 1916 года, 3% были раньше осуждены более 10 раз, 17%—от 6 до 10 раз и 56%—от 3 до 5-ти раз. 16% заключенных раньше подвергались исправительному воспитанию в приютах и колониях, которое, однако, не удержало их от новых преступлений. Около 15% являлись слабоумными или обладающими психопатическими наклонностями. Заключенные резделяются на три класса, кроме того имеется особый штрафной разряд. Каждый вновь принимаемый зачисляется в 3-й класс, где проводит все вермя в одиночной камере, носит обычное платье заключенных, не получает вознаграждения за труд и не имеет права на дополнительное питание. При хорошем поведении через 4 месяца он переводится во 2-й класс (внешне отличаемый красной повязкой на рукаве). Здесь он участвует в совместных работах в мастерских, получает небольшое вознаграждение за труд, пользуется льготами, получая больше удобств и больше книг. После 4 месяцев хорошего поведения он переводится в 1-й класс. Воспитанники этого класса носят синие рабочие блузы, принимают участие в докладах и беседах, пользуются значительными льготами, допускаются к играм и состяза-

*) См. статью Preiser. Erste Deutsche Jugendgefängniss Zeitschrift f. d. ges Strafrechtswiss. B. 38. 1918. H. 4, s. 328.

ниям. В качестве дисциплинарных мер наиболее часто применяется удлинение срока перевода из класса в класс (а для находящихся в 3-м классе — перевод в штрафной класс 3-а, где заключенные лишены всяких льгот, не участвуют в школьных и гимнастических занятиях и пр.). Каждый заключенный имеет право обращаться к директору и внутри тюрьмы имеется особый почтовый ящик, куда опускаются все заявления и жалобы.

Работы, заведенные в учреждении, носят, главным образом, сельскохозяйственный характер или характер садовых работ. Кроме того, имеются мастерские столярная, слесарная и портняжная. Для школьного обучения имеются два учителя; длительность обучения равна одному часу в день для каждого, при чем, кроме общеобразовательных предметов (истории, литературы, естествознания) введены стенография, машинопись, черчение. Имеется библиотека в 1775 томов. Вместо прогулок введены воинские упражнения с деревянными моделями ружей, под руководством особых инструкторов и при участии оркестра из заключенных. Особенное внимание обращено на врачебную сторону. Результаты применения этого режима довольно удовлетворительны. Из 143 выпущенных из учреждения 55% успешно устроились и ведут хорошую жизнь, 31% ведет себя сомнительно и 14% дали неблагоприятные результаты. Наблюдение за поведением освобожденных возлагается на особого попечителя для выпускаемых.

Мы привели опыты применения режима реформаторий по трем странам, которые все свидетельствуют об успешности этой формы наказания. Она, по сравнению с исправительным воспитанием обычного типа, носит в себе известные элементы суровости, уже более близка к типу наказаний лишением свободы, но вместе с тем лишена очень многих отрицательных черт его: праздности, монотонности и скуки, игнорирования индивидуальных нужд заключенных и пр. Нужно принять во внимание, что эта система применяется обычно уже к более взрослым преступникам (старше 16 лет), по отношению к которым обычные методы исправит. воспитания часто оказываются недостаточными и которые уже проявили определенные преступные склонности. Это последнее обстоятельство делает поддержание дисциплины необходимым элементом режима.

У нас идея создания реформаторий нашла себе выражение в декрете от 4 марта 1920 г., которым предписывалось НКЮ, совместно с НКП, озаботиться созданием таких учреждений для несовершенолетних, признанных неподдающимися мерам медико-педагогического воздействия. Опыты приспособления к типу реформаторий отделений для несовершеннолетних в Петрограде и Москве, однако, оказались мало удачными. С 1921 г. вместо того, у нас стали организовываться Трудовые Дома для несовершеннолетних, осужденных (в Петрограде, Москве и Саратове), усвоившие некоторые элементы реформаторного режима, но пока еще мало отличные от общих тюрем. Желательно, чтобы и у нас были предприняты серьезные попытки в направлении создания таких учреждений для несовершеннолетних старше 16 лет (а в исключительных случаях и от 14 до 16 лет с несколько смягченным режимом), которые ныне не могут быть принимаемы в детские дома для морально-дефективных. Устройство их требует значительных первоначальных затрат, но зато самое содержание, при хорошо организованном труде, обходится дешевле содержания исправительно-воспитательных учреждений. Необходимо не

только создать такие учреждения, но и соответственным образом изменить и законодательство об ответственности несовершеннолетних, введя некоторую неопределенность срока заключения при годичном минимуме его и определив те категории, которые признаются пригодными к помещению в такие учреждения.

Мы рассмотрели основные меры воздействия в отношении несовершеннолетних, одобряемые новейшими течениями, и нам остается в заключение сказать лишь несколько слов о патронатной помощи тем из них, которые, пробыв некоторое время в учреждении и приобретя в нем некоторое образование, профессиональные знания и более здоровые социальные привычки, должны снова вступить в общественную жизнь.

Положение подростков и молодых людей, выпускаемых из учреждений исправительного воспитания и реформаторий, представляет много трудностей. Находясь в учреждении, они несколько отвыкли от трудовых условий борьбы за существование; полная свобода на первых порах, после стесненного режима в учреждении, манит их многими соблазнами; отношение к ним со стороны родных и общества далеко не всегда является благожелательным и некоторое недоверие к их исправлению у многих еще продолжает существовать. Вполне естественной, поэтому, является необходимость оказания им на первых шагах известной поддержки как материальной, так и моральной, чтобы они могли надлежаще устроиться. Патронат в таком понимании не может быть чисто официальной задачей. Одна государственная помощь не в состоянии преодолеть препятствий к необходимому реклассированию (т. е. возвращению в прежнюю социальную среду) несовершеннолетнего. Для этого необходима известная готовность со стороны самих общественных кругов, которые и организуют особые общества патроната из лиц, более преданных этому делу и понимающих всю его общественную важность. Деятельность обществ патроната, существующих на Западе чуть ли не с конца XVII века, а у нас начавших развиваться только с 1905 г. (первым возникло Петербургское Общество Патроната в 1905 г.), сводится к устройству временных убежищ для помещения в них выпущенников, если они являются беспризорными, к приисканию им мест для работы или к устройству трудовых мастерских для временно безработных, к снабжению освобожденных необходимою одеждою, обувью, инструментами, средствами для возвращения на родину, в устройстве столовых, где они могли бы получать бесплатно питание и пр. Немаловажную сторону, на ряду с материальной поддержкой составляет и поддержка моральная, выражающаяся в воссоздании порванных связей между несовершеннолетним и его родителями или воспитателями, в даче советов и указаний в трудных случаях, в ободрении и дружеской поддержке в случае испытываемых неудач. При условном освобождении общества патроната принимают на себя наблюдение за поведением несовершеннолетнего в течение оставшегося срока и контролируют расходование им тех сумм, которыми он снабжается при выпуске из учреждения или которые составляют его заработок, скопленный во время пребывания в нем. Стастика показывает, что наибольший процент рецидива падает, именно, на первые месяцы после выпуска, вследствие чего, именно, в это время такая поддержка является особенно важной. Патронат не есть дело благотворительности; это—мера разумной социальной политики, необходимая для предупреждения преступности.

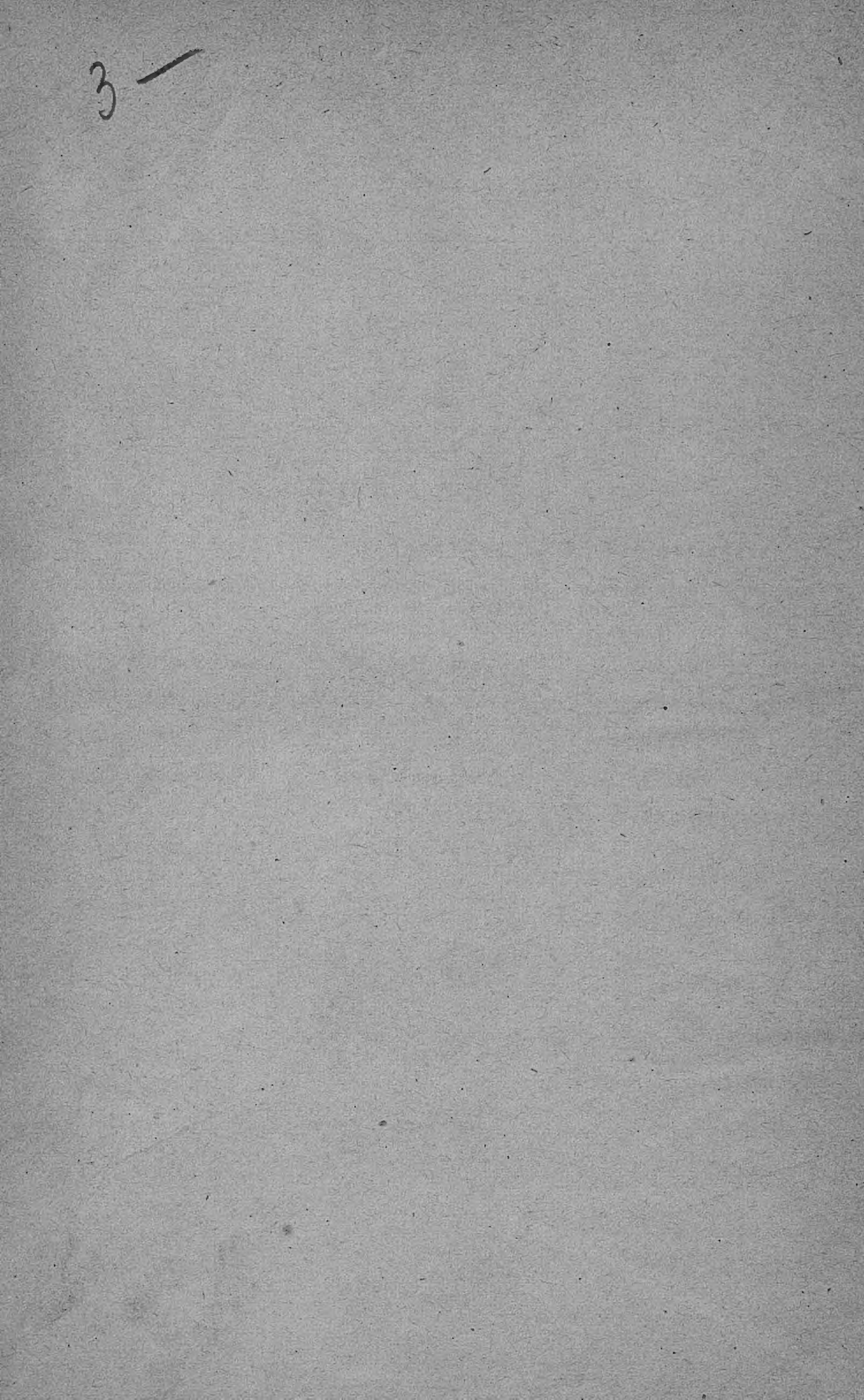
Вследствие этого, хотя эта деятельность и носит общественный характер, однако, она пользуется и широкой публичной поддержкой, выражающейся в снабжении таких обществ необходимыми средствами из казны, в предоставлении им некоторых льгот и в допущении представителей их к ознакомлению с воспитанниками еще в тот период, когда те содержатся в учреждениях. Представители общества патроната, как-то мы наблюдаем на примере Борстальской Ассоциации в Англии, зачастую принимают на себя и некоторую часть воспитательской работы в учреждении или участвуют в наблюдательных комитетах, контролирующих деятельность административного персонала учреждений. Когда работа врача и педагога закончена, необходима серьезная социальная работа над несовершеннолетним для того, чтобы сделать его полезным членом общества, и эту работу принимает на себя патронат. Неудовлетворительность социальных условий является главнейшим фактором впадения несовершеннолетнего в преступность; создание благоприятной социальной обстановки после его выпуска из учреждения, есть необходимый фактор его социального оздоровления *).

*) О патронате см. наши статьи «Современное состояние и задачи общего патроната» и «Государственная помощь обществам патроната» в сборнике «На смену старого права» II. 1915.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано	Следует читать
Стр. 24 строка 5 снизу	относительно Парижа мы располагаем интересной статистикой: число	относительно Вены мы имеем данные Венского ландгерихта (суда).
Стр. 24 сноска первая	A Hellurg	A Hellvig
Стр. 49 сноска	Vieregge snangsersienchund в книге Ha no duch fur Jugencdp	Vieregge Zvangserziehung в книге Handbuch für Jugendpflege
Стр. 71 сноска первая	K. B. Davis Jsomen	K. B. Davis women
» » » »	g. Brikindudge	S. Brekindridge
Стр. 75 сноска первая	Pafferson	Patterson

3 —

